

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОБЩЕСТВО И ПРАВО

2 0 0 8

№ 2
(20)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Агафонов Ю.А. доктор философских наук, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, начальник Краснодарского университета МВД России

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Ильяшенко А.Н. доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Алексеев А.И. доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ

Андреев Э.М. доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН

Антонян Ю.М. доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, проректор по научной работе Института гуманитарного образования

Баев О.Я. доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН, заведующий кафедрой криминалистики Воронежского государственного университета

Волков Ю.Г. доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Института по переподготовке и повышению квалификации Южного федерального университета

Гилинский Я.И. доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского юридического института Академии Генеральной прокуратуры РФ

Голенкова З.Т. доктор философских наук, профессор, заместитель директора Института социологии РАН

Голик Ю.В. доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

Дмитриев А.В. доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, советник Президиума РАН

Игнатов А.Н. доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры уголовного права и процесса РУДН

Клейберг Ю.А. доктор педагогических, психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН, президент Международной академии образования и Международной академии социальной работы

- Кулагин Н.И.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член Союза журналистов РФ, профессор кафедры организации следственной работы Волгоградской академии МВД России
- Курдюк П.М.** доктор юридических наук, профессор, заместитель председателя Законодательного Собрания Краснодарского края
- Ларичев В.Д.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России
- Малков В.Д.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации профилактики преступлений Академии управления МВД России
- Маршак А.Л.** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Российской академии предпринимательства
- Меретуков Г.М.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Кубани, заведующий кафедрой криминалистики Кубанского государственного аграрного университета
- Наумов А.В.** доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ
- Рассказов Л.П.** доктор юридических, исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета
- Стариков Ю.Н.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой административного и муниципального права Воронежского государственного университета
- Яновский Р.Г.** доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Центра социологии национальной безопасности Института социально-политических исследований РАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Ганченко И.О.** доктор педагогических наук, профессор, заместитель начальника КрУ МВД России по учебной работе
- Буз С.А.** кандидат юридических наук, доцент, заслуженный деятель науки Кубани, начальник кафедры уголовного права КрУ МВД России
- Вишневецкий К.В.** кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики КрУ МВД России
- Дегтяренко Т.А.** кандидат психологических наук, доцент, заместитель начальника управления учебно-методической работы КрУ МВД России
- Зайцев Р.Я.** кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права КрУ МВД России
- Звягольский А.Ю.** доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры конституционного и административного права КрУ МВД России
- Карлеба В.А.** кандидат исторических наук, доцент, заслуженный юрист РФ, начальник кафедры уголовного процесса КрУ МВД России

Карнаушенко Л.В.	кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры философии и социологии КрУ МВД России
Мятченко И.В.	кандидат филологических наук, доцент, начальник кафедры русского и иностранных языков КрУ МВД России
Нарыков Н.В.	доктор философских наук, профессор, начальник управления учебно-методической работы КрУ МВД России
Палазян А.С.	кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры теории и истории права и государства КрУ МВД России
Петров И.В.	доктор экономических наук, доцент, начальник кафедры гражданского права и гражданского процесса КрУ МВД России
Попов М.Ю.	доктор социологических наук, профессор, начальник факультета по подготовке научных и педагогических кадров КрУ МВД России
Серeda А.А.	доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики, бухгалтерского учета и аудита КрУ МВД России
Упоров И.В.	доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права КрУ МВД России
Чапля В.В.	кандидат экономических наук, начальник кафедры экономики, бухгалтерского учета и аудита КрУ МВД России
Шалин В.В.	доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии КрУ МВД России
Яковлев В.В.	кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии КрУ МВД России

РЕДАКЦИЯ:

Н.К. Алексаньян (зав. редакцией), В.В. Слюсарь (редактор),
 Е.А. Шелкова (тех. секретарь)
 Художественное оформление обложки: Д.В. Котелевский

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Краснодарский университет МВД России

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:

350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128
 Тел. (861) 258-35-96
 Электронный адрес: society_and_law@mail.ru

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	12	CHIEF EDITOR'S COLUMN
МЫ ПОЗДРАВЛЯЕМ	13	OUR CONGRATULATIONS
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	14	MODERN PROBLEM OF POST GRADUATE EDUCATION
Ганченко И.О., Гривенная Е.Н. Управление качеством как приоритетное направление образовательной политики высшего учебного заведения (на примере Краснодарского университета МВД России)	14	Ganchenko I.O., Grivennaya E.N. Managing for quality as prerogative direction of educated policy of post graduate studies (on the example of Krasnodar's university of MIA of Russia)
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА	18	THE THEORY AND HISTORY OF THE RIGHT AND STATE
Карнаушенко Л.В., Ахмедов Ч.Н. Осуществление функций государства: плюрализм интерпретаций в контексте анализа его механизма	18	Karnaushenko L.V., Ahmedov Ch.N. The accomplishment of government's functions: pluralism of interpretations in the context of analyses of its mechanism
Мигущенко О.Н. Мобилизация масс вокруг хозяйственно-политических кампаний в 1928-1934 гг. как метод формирования правосознания сельского населения	21	Migushenko O.N. The mobilization of masses around agro-political campaigns in 1928-1934 s. as a method of foundation of law understanding of agro population
Дудченко Ю.Л. Правовое регулирование внутреннего наблюдения в ходе борьбы с терроризмом в России во второй половине XIX – начале XX вв.	25	Dydchehko U.L. Law regulation of inner supervision during the battle with terrorism in Russia in the second part of 19- in the beginning of 20 century
Дынько А.П. Деятельность правоохранительных органов советского государства по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних в послевоенный период	30	Dinko A.P. The activity of soviet government on prevention of offence minors in post war period
Карпович Н.В. Историческое развитие норм права в сфере игр и пари	33	Karpovitsch N.V. Historical development of law norms in the sphere of games and paries
Коробова Е.Г. Правовой статус Русской Православной Церкви в первые годы советской власти	36	Korobova E.G. Legal status of Russian Christian Church in first years of soviet power
Михеева В.И. Муниципальные выборы постсоветского периода в Краснодарском крае. Историческая ретроспектива	41	Miheeva V.I. Municipal elections of post soviet period in Krasnodar region. Historical retrospective
Скоркина Н.В. К вопросу об истории иммиграции китайцев на Дальнем Востоке (конец XIX –начало XX века)	45	Skorkina N.V. To the question of history of on the Far East (end of 19 - beginning of 20 century)

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО	49	CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW
Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Об ограничении конституционного права на тайну личной (частной) жизни	49	Kibalnik A.G., Solomonenko I.G. About limitation of constitutional law on the secret of private life
Гукасов И.А. Помилование как конституционно-правовой институт	53	Gykasov I.A. Pardon as a constitutional-legal institute
Измалков А.В. Дискуссионные вопросы промульгационной стадии федерального законодательного процесса	56	Izmalkov A.V. Discussional questions of promulgational stage of federal legislative process
Олькова О.Н. Некоторые перспективы законодательного регулирования информационной деятельности в период между выборами	60	Olkova O.N. Some prospects of legislative regulation of informational activity of political campaigns in the period between elections
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС	64	CIVIL LAW AND CIVIL PROCESS
Гавва М.А. Стороны договора бытового подряда	64	Gavva M.A. Parties of contracts of household successively
Дудченко А.Ю. Проблемы защиты прав акционеров от недружественного поглощения	67	Dydchenko A.U. Problems of right protection of shareholder from unfriendly taking up
Лаукарт А.Н. Некоторые проблемы виндикации имущества, отчужденного на публичных торгах	72	Laukart A.N. Some problems of vindication of property which is alienated on public auctions
Пчелинцева Т.А. Жизнь дачников не стала легче. Полемика «дачной амнистии»	76	Pchelintseva T.A. Life countries hasn't been worse. Polemiks of country ammission
Рыбин С.В. Объекты долевого строительства в многоквартирном доме	81	Ribin S.V. Objects of share building in multiple house
ЭКОЛОГИЯ: ВОПРОСЫ ПРАВООХРАНЫ	86	ECOLOGY: QUESTIONS OF LAW SECURITY
Соловьев Н.В. Сравнительно-правовой анализ системы регулирования рационального использования природных ресурсов в Российской Федерации	86	Soloviev N.V. Comparative law analyses of system of rational using of natural resources in Russian Federation
УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	90	CRIMINAL POLICY: THEORY AND PRACTICE
Епифанова Е.В. Кого защищает уголовный закон?	90	Epifanova E.V. Whom protects criminal law?

<p style="text-align: right;">Стукалин В.Б. К вопросу об ответственности за ненадлежащее оказание медицинской помощи и медицинских услуг</p> <p style="text-align: right;">Чапурко Т.М., Картавченко В.В. Проблемы определения общественной опасности насилия и жестокости в посягательствах на малолетних и несовершеннолетних</p> <p style="text-align: right;">Асланян М.М. Совершенствование института рецидива преступлений как легальной формы профессиональной преступности</p> <p style="text-align: right;">Голубенко А.Е. Анализ судебной практики борьбы со взяточничеством (на примере Краснодарского края)</p> <p style="text-align: right;">Гусева Ю.А. Социальные основания уголовно-правовой охраны половой свободы и половой неприкосновенности личности</p> <p style="text-align: right;">Дмитриенко И.В. Объект невозвращения на территорию РФ предметов художественного, исторического и археологического достояния народов РФ и зарубежных стран (ст. 190 УК РФ)</p> <p style="text-align: right;">Зуй И.В. Уголовно-правовая политика противодействия наркотизму: понятие и содержание</p> <p style="text-align: right;">Иванова Н.А. Вопросы реализации международных стандартов обращения с осужденными в женских исправительных учреждениях России</p> <p style="text-align: right;">Картавченко В.В. Способы совершенствования уголовно-правовых норм, связанных с жестоким обращением с несовершеннолетними</p> <p style="text-align: right;">Красюков С.В. Размещение эмиссионных ценных бумаг, выпуск которых не прошел государственную регистрацию, как форма злоупотреблений при эмиссии ценных бумаг (ст. 185 УК РФ)</p> <p style="text-align: right;">Лысенко А.В. Некоторые аспекты возрастных проблем при квалификации преступлений, совершенных несовершеннолетними</p>	<p>93</p> <p>97</p> <p>102</p> <p>105</p> <p>109</p> <p>115</p> <p>119</p> <p>122</p> <p>128</p> <p>133</p> <p>136</p>	<p>Stykalin V.B. To the question of liability for inappropriate provision of medical help and medical services</p> <p>Chapyrko T.M., Kartavchenko V.V. Problems of definition of social danger of violation and cruelty in encroachment on minors and teenagers</p> <p>Aslanyan M.M. Perfection of recidiv's instinct of crimes as a legal form of professional criminality</p> <p>Golubenko A.E. Analyses of legal practices of the battle with bribery (on the example of Krasnodar region)</p> <p>Guseva U.A. Social foundations of criminal-legal guarding of sex inviolability of individual</p> <p>Dmitrienko I.V. Object of non-returning on the territory of Russian Federation subjects of artistic, historical and archeological property of people of Russian Federation and foreign countries (act 190 C.C. RF)</p> <p>Zui I.V. Criminal-law policy of contraction narcotics: understanding and contents</p> <p>Ivanova N.A. Questions of realization of international standards of addressing with convict in women corrective institutions in Russia</p> <p>Kartavchenko V.V. Methods of modernization of criminal-law norms connected with cruel conviction with minors</p> <p>Krasukov S.V. Deployment of emission of securities issue of which hasn't passed governmental registration as a form of abuse in emission of funds (act 185 C.C. RF)</p> <p>Lisenko A.V. Some aspects of age problems in qualification of crimes accomplished by minors</p>
--	---	---

<p>Маляров А.И. Объект преступления в сфере электронно-цифровой (компьютерной) информации и вопросы квалификации (российский и зарубежный опыт)</p>	140	<p>Malyarov A.I. Object of crime in the sphere of electro-digital (computerial) information and questions of qualification (russian and foreign experience)</p>
<p>Пашутина О.С. Вандализм: понятие и виды его проявлений</p>	144	<p>Pashutina O.S. Vandalism: understanding and its types of its appearance</p>
<p>Сильченко Е.В., Голубенко А.Е. Коррупция и наркобизнес: понятие и взаимосвязь явлений</p>	147	<p>Silchenko E.V., Golubenko A.E. Corruption and drugbuisness: understanding and correlation of phenomena</p>
<p>Танага И.В. О необходимости и допустимости уголовно-правовых методов регулирования поведения участников дорожно-транспортного происшествия в отечественном, зарубежном и международном уголовном праве</p>	150	<p>Tanaga I.V. About necessity and admission of criminal law methods of regulation of participants conduct of traffic accident in domestic, foreign and international criminal law</p>
<p>Туров Д.А. Уголовная ответственность за неправомерные действия при банкротстве</p>	154	<p>Tyrov D.A. Criminal responsibility for unfair actions in bankrupts</p>
<p>Чернышева Ю.А. Легализация эвтаназии в России</p>	160	<p>Chernishova U.A. Legislation of eutonasion in Russia</p>
<p>Шадян Ш.А. Генезис научных взглядов о понятии «рецидив преступлений»</p>	163	<p>Shadyan Sh.A. Genesis of significant views about meaning «recidiv of crimes»</p>
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ	168	PREVENTION OF CRIMINALITY
<p>Кобец П.Н. Совершенствование предупреждения преступлений, совершаемых незаконными мигрантами из числа иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, на основе взаимодействия государственных органов и представителей национальных диаспор</p>	168	<p>Kobets P.N. Modernization of prevention of crimes made by illegal migrants from the quality of foreign citizens and persons without registration in Russian Federation on the basis of correlation legal organs and representatives of national organisations</p>
<p>Муσειбов А.Г. Взаимосвязи теории предупреждения преступлений с психологией и педагогикой</p>	175	<p>Myseibov A.G. Correlations of the theory of crimes prevention with psychology and pedagogic</p>
<p>Сокол В.Ю., Останин В.В. Особенности структуры террористических формирований</p>	178	<p>Sokol V.U. Peculiarities of structure of terroristic organizations</p>
<p>Алехин В.П., Медведев С.С. Проблемы борьбы с финансированием террористической деятельности с помощью мошенничества в сфере высоких технологий</p>	183	<p>Alehin V.P., Medvedev S.S. Problems of battle with financing of terroristic activity with the help of swindling in the sphere of high technology</p>
<p>Анищенко К.Ф. Причинный комплекс терроризма</p>	186	<p>Anishenko K.F. Caused complex of terrorism</p>

<p style="text-align: center;">Людкевич Ю.Н. Опыт и проблемы международного сотрудничества правоохранительных органов России в области предупреждения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ</p>	191	<p>Ludkevitsch U.N. Experience and problems of international collaboration of organs of Russia in the sphere of prevention unseals drug</p>
<p style="text-align: center;">Окс Л.Е. Криминологическая и виктимологическая характеристика грабежа как корыстно-насильственного преступления против собственности</p>	198	<p>Oks L.E. Criminological and victimological characteristic of bribery mercenary-violant crime against property</p>
<p style="text-align: center;">Хумаров М.С. Социально-правовая характеристика терроризма в России в 1990-х гг. и формирование государственной концепции по его предупреждению</p>	204	<p>Humarov M.S. Socio-law characteristic of terrorism in Russia in 1990-s and building of governmental conception on its prevention</p>
УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО	207	CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS
<p style="text-align: center;">Хатуяева В.В. Соотношение публичного и частного (диспозитивного) начал в современном уголовном судопроизводстве</p>	207	<p>Hatyaeva V.V. Search and problems of participation of official witness in its procedure</p>
<p style="text-align: center;">Варданян А.В. Обыск и проблемы участия понятых в его производстве</p>	212	<p>Vardanyan A.V. Search and problems of participation of witness in its manufacturing</p>
<p style="text-align: center;">Волосевич Г.И. Федеральный закон РФ от 05 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»</p>	215	<p>Volosevitch G.I. Federal act of Russian Federation from 05 June 2007 № 87 - FA «About insertion of alterations criminal-procession act of Russian Federation»</p>
<p style="text-align: center;">Павлов А.В. Теоретико-правовые основы задержания обвиняемого</p>	219	<p>Pavlov A.V. Theoretical-law bases of detention of the defendant</p>
<p style="text-align: center;">Солонникова Н.В. Несовершеннолетний участник проверки сообщения о преступлении: его права и обязанности</p>	223	<p>Solonnikova N.V. Minor participant of examination of message about crime its right and responsibilities</p>
<p style="text-align: center;">Темираев О.Т. К вопросу о толковании термина «уголовное преследование» в международном и российском уголовно-процессуальном законодательстве</p>	226	<p>Temiraev O.T. To the question of interpretation of the term «criminal proceeding» in international and Russian criminal-procession legislation</p>
РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	230	REVELATION AND INVESTIGATION OF CRIMES
<p style="text-align: center;">Ким Д.В. Оперативно-розыскные ситуации как объект криминалистического исследования</p>	230	<p>Kim D.V. Operational-inquiry situations as the object of criminalistic research</p>

Капица В.С. Некоторые аспекты следственных ситуаций начала расследования преступлений против жизни и здоровья, совершенных по мотивам национальной, расовой и религиозной ненависти или вражды	237	Kapitsa V.S. Some aspects of situations of the beginning of the inquiry of crimes against life and health made by reasons of national, racial and religious hate or enmity
Кружилин В.С. Оперативно-розыскное обеспечение борьбы с хищениями на металлургических предприятиях	241	Kruzhilin V.S. Operative-search maintenance of the battle with bribery on metallurgical enterprises
Лобанов С.С. Мошенничество при строительстве жилья: проблемы современности	244	Lobanov S.S. Swindling in construction of the dwelling: problems of the present
Синкевич В.В. Расследование уголовных дел о мошенничестве, совершенном на вторичном рынке жилья	247	Sinkevitch V.V. Investigation of criminal cases about swindling which has carried out on the secondary market of the dwelling
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО	250	ADMINISTRATIVE LAW
Ильяшенко А.Н. Арест как мера государственного принуждения: теоретические и исторические аспекты	250	Ilyashenko A.N. Arrest as a measure of legal compulsion: theoretical and historical aspects
Гайтов Э.Ш. Проблемы правового регулирования освидетельствования на состояние опьянения как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях	256	Gaitov E.Sh. Problems of legal regulation of inspection on the condition of intoxication as a method of maintenance of proceedings on the cases of administrative infringements
Дубровин А.К. О разграничении форм противодействия сотруднику милиции	260	Dybrovin A.K. About demarcation of forms contraction to policeman
ФИНАНСОВОЕ ПРАВО	264	FINANCIAL LAW
Долгополова Е.А. Генезис системы финансового законодательства	264	Dolgopolova E.A. Genesis of the system of financial legislation
ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	268	INFORMATIONAL SECURITY
Бобров А.В. Новые информационные технологии: некоторые гуманитарные аспекты	268	Bobrov A.V. New informational technologies: some humanitarian aspects
Левченко В.Г. Международно-правовые аспекты контроля информации, передаваемой по открытым телекоммуникационным сетям	271	Levchenko V.G. International-law aspects of the control of information given on the opened telecommunication networks

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ	274	QUESTION OF THE PHYLOSOPHY
Савельев А.Е. Концепция «бытия-в-мире» как основа экзистенциальных воззрений Л. Бинсвангера и М. Босса	274	Saveliev A.E. Conseption of «present in the world» as a base of existential L. Binswanger`s and M. Boss`s views
Карнаухова М.А. Характер соотнесенности смыслового содержания философского текста и реальности (действительности)	280	Karnayhova M.A. The character of correlation of sense contents of philosophic text and reality (present)

В очередном выпуске журнала «Общество и право» вы найдете полезную и нужную информацию как в традиционных, так и в новых рубриках.

Так, в новой рубрике «Современные проблемы высшего профессионального образования» представлена статья И.О. Ганченко и Е.Н. Гривенной. Статья посвящена решению актуальной сегодня задачи российской образовательной политики – обеспечению высокого качества образования. Рассматривая общие положения системы управления качеством образования, авторы выделяют этапы построения данной системы на примере Краснодарского университета МВД России.

Социальные основания уголовно-правовой охраны половой свободы и половой неприкосновенности личности рассматриваются в статье Ю.А. Гусевой. Автор определяет социально-правовую природу сексуального насилия, приводит мнения таких известных ученых, как Я.М. Яковлев, А.Н. Игнатов, П.И. Любинский и делает вывод о недостаточной востребованности норм половой морали как социального основания для уголовно-правовых запретов.

В традиционной рубрике «Предупреждение преступности» представлена, в частности, статья П.Н. Кобеца. Автор предлагает ряд мер по совершенствованию предупреждения преступлений, совершаемых незаконными мигрантами из числа иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, которые необходимо осуществлять объединенными усилиями различных министерств и ведомств.

В рубрике также заслуживает внимания статья Л.Е. Окс, в которой рассматриваются криминологические и виктимологические особенности грабежа, особое внимание уделяется анализу физического

и психического насилия. Кроме того, в статье раскрываются особенности личности жертвы грабежа и возможность проведения профилактики ее виктимности.

Внимание специалистов в области финансового права должна привлечь статья Е.А. Долгополовой. В статье рассматривается процесс формирования системы финансового законодательства, проводится анализ изменений политических и социально-экономических условий, определивших основные направления управленческой деятельности в сфере финансово-правовых отношений.

Рубрику «Раскрытие и расследование преступлений» открывает статья Д.В. Кима. Автор исследует актуальные проблемы развития системы криминалистических знаний на основе категории «оперативно-розыскная ситуация», раскрывая в статье ее информационную структуру, соотношение со следственными ситуациями и классификацию.

Особый интерес у читателей, по нашему мнению, должна вызвать статья В.В. Хатуаевой, представленная в рубрике «Уголовное судопроизводство». Следуя статической структуре системы принципов уголовного судопроизводства, автор рассматривает взаимосвязь и информационную обусловленность публичного и диспозитивного начал в современном уголовном судопроизводстве и отмечает четко выраженную тенденцию к расширению сферы действия частного начала.

От имени редакционного совета и редакционной коллегии выражаем искреннюю благодарность всем авторам и читателям нашего журнала. Надеемся, что содержание журнала поможет Вам в реализации творческих планов и осуществлении успешной научной деятельности.

**Главный редактор,
доктор философских наук,
кандидат юридических наук,
профессор,
начальник Краснодарского
университета МВД России
генерал-лейтенант милиции
Ю.А. Агафонов**

Поздравляем!

Указом Президента Российской Федерации от 12 апреля 2008 г. № 489 члену редакционного совета нашего журнала, известному российскому ученому Юрию Николаевичу Стариллову за большие заслуги в научной деятельности присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Юрий Николаевич – заведующий кафедрой административного и муниципального права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. Он также является заведующим филиалом кафедры Юнеско по правам человека и демократии при МГИМО (МИД РФ).

Ю.Н. Стариллов родился 25 июня 1963 года в пос. Первомайский Первомайского района Тамбовской области.

С 1981 по 1986 год учился на юридическом факультете Воронежского государственного университета, затем – в аспирантуре. В 1989 году под научным руководством профессора Виктора Степановича Основина защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Аттестация кадров аппарата управления (на материалах аттестационной практики советских органов ЦЧЭР)», в 1996 году – докторскую диссертацию на тему: «Государственная служба в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование».

С 1994 года Юрий Николаевич успешно трудится в качестве заместителя декана юридического факультета Воронежского государственного университета по научной работе.

С 1998 года руководит кафедрой административного и муниципального права

университета. С этого же года является членом научно-технического совета Воронежского государственного университета.

В октябре 2002 года Ю.Н. Стариллов стал членом Научно-экспертного совета при Комитете Совета Федерации по правовым и судебным вопросам.

Круг научных интересов Юрия Николаевича необычайно широк. Это проблемы публичного права и реформы современного российского административного права, административного и управленческого процессов, публичной (государственной и муниципальной) службы, административных актов; формирование в России административной юстиции (административного судопроизводства), а также сравнительное правоведение.

К настоящему времени Ю.Н. Старилловым опубликовано около 200 научных и учебно-методических трудов. Среди них наиболее значимыми являются: учебник «Служебное право» (1996), «Административное право: история развития и основные современные концепции» (2002), «Курс общего административного права» (2002), «Административные суды в России: новые аргументы «за» и «против» (2004), учебники «Административное право России» (2006) и «Общее административное право» (2007), справочное пособие «Административное право: специальная литература» (2007). Несколько книг и научных статей опубликовано за рубежом.

Редакция журнала поздравляет Юрия Николаевича Старилова с получением высокого почетного звания и желает ему крепкого здоровья, счастья, благополучия, дальнейших успехов в научной и профессиональной деятельности!

Редакция журнала
«Общество и право»

Ганченко Игорь Олегович

доктор педагогических наук, профессор,
заместитель начальника Краснодарского университета МВД России,

Гривенная Елена Николаевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков
Краснодарского университета МВД России

Управление качеством как приоритетное направление образовательной политики высшего учебного заведения (на примере Краснодарского университета МВД России)

В соответствии с Концепцией модернизации российского образования на период до 2010 г. главная задача российской образовательной политики – обеспечение высокого качества образования на основе сохранения его фундаментальности и соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства.

Согласно принципам университетской автономии ответственность за обеспечение качества подготовки специалистов возлагается в первую очередь на учебные заведения. В этой связи успешная образовательная политика Краснодарского университета МВД России неосуществима без ее постоянного совершенствования, нацеленного на повышение качества подготовки сотрудников правоохранительных органов. Сказанное определяет необходимость внедрения принципов менеджмента качества в сферу образования и предполагает систематический комплексный анализ достигнутого состояния, а также прогнозирование и определение приоритетов дальнейшего развития вуза. Это тем более актуально в свете недавнего высказывания начальника Департамента кадрового обеспечения МВД России генерал-лейтенанта В.Я. Кикотя, согласно которому качество подготовки сотрудников прямым образом влияет на результаты оперативно-служебной

деятельности, что предопределяет оптимизацию механизма управления и, в итоге, улучшение качества образования¹.

Важной характеристикой любой системы управления качеством, определяющей эффективность ее функционирования, является алгоритм сбора, накопления, поиска, обработки и передачи информации. Подобная технология должна обеспечивать руководителей вуза всех уровней обязательным минимумом информации о состоянии и развитии тех процессов и систем, за которые они несут персональную ответственность и которыми управляют. Вместе с тем информация должна быть максимально полной по объему и содержанию, объективной, конкретной и наблюдаться в динамике.

Данный процесс наиболее эффективно может быть реализован в рамках создания внутривузовской системы качества, которая позволит осуществлять мониторинг образовательного пространства университета как совокупности процессов, как результата, как образовательной системы с учетом ее внутренних и внешних связей.

Подчеркнем, что качество образовательного процесса, с одной стороны, предусматривает выполнение требований государственных образовательных стандартов и соответствие аккредитационным показателям, с другой – охватывает учебный процесс и научную работу, управление

¹ См. подробнее: Кикоть В.Я. Система образования МВД России. Вчера. Сегодня. Завтра // Профессионал. 2008. № 1. С. 2-6.

вузом, способность удовлетворять потребности обучающихся в получении высокого уровня теоретической и практической подготовленности, а комплектующих органов и иных работодателей – в квалифицированных специалистах.

Не вступая в дискуссию о соотношении качества образования с показателями эффективности работы вуза, отметим, что в сложившейся ситуации ключевым фактором успеха является ориентация на потребителя, применительно к нашему университету – на комплектующие органы внутренних дел, заинтересованные в получении их будущими сотрудниками качественного образования, поскольку оно во многом является гарантом эффективности правоприменительной деятельности в Южном федеральном округе.

В этом отношении руководством университета постоянно предпринимаются эффективные меры. В частности, изучена потребность комплектующих органов Южного федерального округа в квалифицированных специалистах, отвечающих за организацию безопасности дорожного движения. Было установлено, что подготовка в университете специалистов ГИБДД с высшим профессиональным образованием в рамках одной учебной группы является недостаточной. Вместе с тем материально-техническая база университета и его научно-педагогический потенциал позволяют расширить спектр образовательных услуг и осуществлять подготовку специалистов для службы дорожной инспекции и организации движения, службы автотехнической инспекции, технического осмотра и регистрации транспортных средств, дорожно-патрульной службы ГИБДД. В настоящее время руководством Департамента кадрового обеспечения МВД России одобрено открытие в нашем вузе факультета по подготовке сотрудников ГИБДД. В текущем учебном году планируется осуществить первый набор для обучения на вновь созданном факультете в количестве 50 человек.

Возвращаясь к актуальности вопроса о создании внутривузовских систем управления качеством, отметим, что под такой системой понимается совокупность средств и форм управления вузом с целью повышения качества подготовки специалистов.

Внутривузовская система управления качеством предусматривает:

планирование качества, т.е. деятельность, направленную на формирование вузовской политики в области качества образования;

управление качеством, т.е. оперативные методы и виды деятельности вуза, используемые для выполнения требований к качеству;

оценку качества: деятельность как самого вуза, так и органов лицензирования, аттестации и аккредитации, а также органов по сертификации продукции;

улучшение качества, т.е. все виды деятельности вуза, направленные на улучшение способности выполнить требования к качеству образования.

В России система требований к качеству образования регламентируется государственными образовательными стандартами и аккредитационными показателями.

Перечень показателей аккредитации вуза, утвержденный Приказом Рособнадзора от 30 сентября 2005 г. № 1938, включает в себя наличие внутривузовской системы контроля качества. По существу, оценка этого показателя должна базироваться на анализе наличия внутренней системы качества в вузе, что напрямую обязывает образовательные учреждения приступить к созданию таких систем.

В 2000 г. Министерство образования РФ учредило отраслевой конкурс «Системы обеспечения качества подготовки специалистов». Одной из задач конкурса является стимулирование деятельности вузов в области развития внутренних систем управления качеством.

Наряду с этим Рособнадзором рекомендована Типовая модель системы качества образовательного учреждения (Письмо Управления учреждений образования от 22 мая 2006 г. № 836/12-16). Требования, изложенные в указанном документе, носят рекомендательный характер и могут быть дополнены при реализации типовой модели в конкретном вузе.

Подчеркнем, что уже сегодня в каждом вузе сложились свои системы качества, во многом имеющие общие черты. Так, деятельность нашего университета основывается на эффективном планировании и проведении внутренних оценок качества различных направлений деятельности: учебной, научной, методической, воспитательной, финансовой и др. Разработка и внедрение внутривузовских систем управления качеством требует детализации и расширения перечисленных показателей. При ее создании рекомендуется руководствоваться следующими документами:

государственными образовательными стандартами и актами Российской Федерации, отражающими требования к лицензированию, аттестации и аккредитации;

типовой моделью системы качества образовательного учреждения (Письмо Управления учреждений образования от 22 мая 2006 г. № 836/

12-16 «О типовой модели системы управления качеством образования для вузов и ссузов»);

серией стандартов качества ГОСТ Р ИСО 9000: ГОСТ Р ИСО 9001-2001 «Системы менеджмента качества. Требования»; ГОСТ Р ИСО 9004-2001 «Системы менеджмента качества. Рекомендации по улучшению деятельности»; ГОСТ Р ИСО 9000-2001 «Системы менеджмента качества. Основные понятия и словарь»;

действующими на территории Европы и принятыми странами-участниками Болонского процесса (Бергенская декларация, 20 мая 2005 г.) «Стандартами и рекомендациями для гарантии качества высшего образования в европейском регионе», разработанными ENQA – Европейской ассоциацией гарантии качества в сфере высшего образования.

Внутривузовская система управления качеством может касаться:

всех областей, регламентируемых государственными образовательными стандартами и органами лицензирования и аккредитации;

отдельных подразделений образовательного учреждения;

определенных процессов образовательного учреждения: учебного, научно-исследовательского, востребованности выпускников и т.д.

Существует несколько моделей систем управления качеством, под которой понимается упорядоченная совокупность рекомендаций по созданию внутривузовской системы качества образования, сформулированная в определенном документе (например, стандарте) или реализуемая при проведении конкурсов в области качества.

В настоящее время не существует универсальной модели управления качеством в вузе. Наибольшее распространение получили следующие из них:

модель ГОСТ Р ИСО 9001-2001, определяющего требования к системам менеджмента качества;

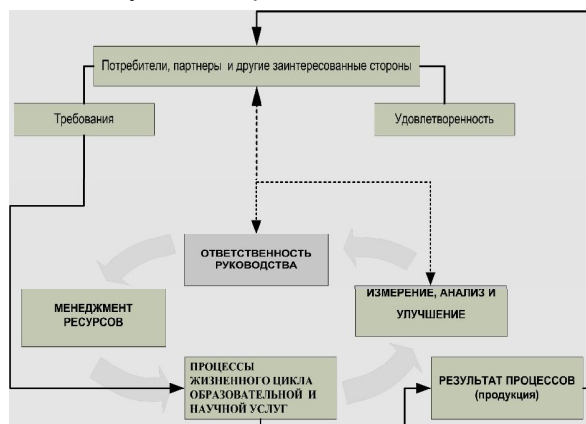
модель премии конкурса Министерства образования и науки Российской Федерации «Системы обеспечения качества подготовки специалистов»¹;

модель премии Правительства РФ в области качества;

модель ENQA – Европейской ассоциации гарантии качества высшего образования.

В основе существующих моделей лежит процессно-ориентированный подход, все они имеют большую степень совпадения и отлича-

ются полнотой и глубиной охвата вузовских процессов. Схематически модель внутривузовской системы управления качеством можно представить следующим образом:

Обобщив перечисленные документы, можно выделить следующие этапы построения системы управления качеством, наиболее приемлемой в рамках нашего университета:

1. Формулирование политики университета в области качества, под которой понимаются общие намерения и направления деятельности вуза в области качества. При этом политика в области качества должна:

включать стратегические цели внедрения системы управления качеством;

включать ожидаемые результаты и механизмы их достижения;

включать требования по постоянному улучшению всех направлений деятельности университета;

быть доведена до сведения всего коллектива университета.

2. Формирование организационной структуры системы качества:

назначение уполномоченного по качеству из состава руководства университета;

формирование службы качества университета.

3. Обучение персонала созданной структуры основным принципам создания, использования и совершенствования вузовских систем управления качеством.

4. Проецирование политики качества на все уровни управления и подразделения вуза. Разработка стратегических (перспективных) планов развития вуза, кафедр, факультетов с указанием конкретных мероприятий, ответственных лиц и сроков выполнения.

5. Определение и описание вузовских про-

¹ См. подробнее: Кочетов А.И., Блинкова О.В., Игнатова А.А. Конкурс «Системы обеспечения качества подготовки специалистов»: принципы, технологии, результаты // Аккредитация в образовании. 2007. № 4. С. 8-9.

цессов (как правило, в локальных нормативно-правовых актах). К таким процессам относятся: довузовская подготовка и прием обучающихся, реализация основных образовательных программ, научная деятельность, воспитательная работа, реализация программ дополнительного образования, воспроизводство кадров и др.

6. Проведение самооценки (обследование вузовских процессов), анализ фактического положения дел и существующей документации на основе модели, содержащей следующие 9 критериев:

- лидирующая роль руководства;
- политика и стратегия;
- менеджмент персонала;
- ресурсы и партнеры;
- менеджмент процессов;
- удовлетворенность потребителей,
- удовлетворенность персонала;
- влияние вуза на общество;
- результаты деятельности.

Возможно проведение самооценки с использованием анкет для должностных лиц, руководителей структурных подразделений, сотрудников и обучающихся. Полученные результаты могут служить основанием для корректирования вузовской политики в области качества.

7. Разработка документации системы управления качеством:

- руководство по качеству;
- документированные процедуры, определяющие порядок реализации вузовских процессов;
- внедрение системы электронного документооборота и др.

На основе приоритетов, установленных в Политике качества, разрабатывается Руководство по качеству – документ, описывающий ключевые процессы деятельности университета. В нем отражаются такие принципы, как: ориентация на требования потребителей, активное участие руководства в работе по улучшению качества деятельности вуза, мотивация сотрудников и др.

8. Определение основных показателей и мониторинг вузовских процессов, который в том числе предусматривает следующие процедуры:

- измерение удовлетворенности внутренних и внешних потребителей – обучающихся, работодателей, профессорско-преподавательского состава;

мониторинг педагогической деятельности и других вузовских процессов;

оценка в динамике качества знаний обучающихся.

9. Идентификация проблемных зон в деятельности вуза, разработка корректирующих и

предупреждающих действий.

10. Сертификация внутривузовской системы управления качеством на соответствие требованиям ГОСТ Р ИСО 9001-2001 и последующий инспекционный контроль органов по сертификации продукции.

Многое из предусмотренного менеджментом качества образования руководством университета уже сделано – создано специальное подразделение (группа мониторинга образовательного процесса), разработана локальная нормативно-правовая база, регламентирующая основные процессы вуза и его подразделений, имеется опыт мониторинга научно-педагогического процесса в головном вузе, ежегодно готовятся и заслушиваются на методическом и ученом советах отчеты обо всех направлениях деятельности головного вуза и филиалов, анализируются сведения об успеваемости, о деятельности филиалов и кафедр университета.

Вместе с тем нуждаются в реализации такие важные проекты, как:

оптимизация документооборота (в том числе различных видов отчетности) по всем направлениям деятельности, исключение дублирования подготовки и предоставления материалов кафедрами в управления и отделы университета;

сведение имеющихся информационных и аналитических ресурсов в области качества в единую согласованную документированную систему;

разработка научно-методической основы оценки качества обучения;

изучение состояния и динамики качества научно-педагогического потенциала;

анализ соотношения научных интересов и педагогической деятельности;

ежегодное подведение рейтинговой оценки профессорско-преподавательского состава по индексу активности не только в головном вузе, но и в филиалах;

формирование электронной базы мониторинга образовательного процесса;

диагностика эффективности процесса обучения в университете в динамике;

изучение факторов, влияющих на качество обучения и многое другое.

Сказанное позволяет считать разработку, внедрение и сертификацию системы менеджмента качества Краснодарского университета МВД России эффективным средством поддержания конкурентоспособности, в полной мере соответствующим государственной политике в области образования.

Карнаушенко Леонид Владимирович

кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России

Ахмедов Чингиз Нарман оглы

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административной деятельности Санкт-Петербургского университета МВД России

Осуществление функций государства: плюрализм интерпретаций в контексте анализа его механизма

Реализация функций государства в правовой действительности находит свое отражение в механизме осуществления данных функций. Термин «механизм осуществления функций государства» широкого применения в научной литературе не нашел¹.

В правоведении категория «механизм» рассматривается в различном контексте: как механизм правового регулирования, механизм творчества, механизм реализации (применения) правовых норм, механизм реализации прав и свобод, механизм обеспечения прав человека и гражданина и т.д.² В государствоведении используются термины «государственный механизм (механизм государства)», «механизм осуществления государственной власти», «механизм государственного управления» и т.п.

Дефиниция «механизм осуществления функции обеспечения правопорядка» близка понятиям «правоохранительная (правозащитная) система», «правоохранительный механизм», «правоохранительный комплекс», «правоохранительная структура» и т.п.³ Ясно, что все перечисленные понятия тесно взаимосвязаны, поскольку отражают явления

реальной действительности, тесно соприкасающиеся, взаимопроницающие и дополняющие друг друга⁴.

Механизм – это «система, устройство, определяющие порядок какого-нибудь вида деятельности»⁵. Следовательно, говоря о механизме правового регулирования или реализации права, обеспечения прав и свобод или механизме осуществления функции государства, следует иметь в виду, что во всех случаях речь идет, не о механическом соединении неких элементов не об их простой сумме (совокупности), а именно об обладающей внутренним единством системе элементов, взаимосвязанность которых и образует (определяет) порядок какой-либо деятельности⁶. Изучение строения механизма на уровне составляющих частей является неполным⁷. Механизм, по мнению В.А. Четвернина, – «это всегда некая функциональная характеристика объекта. Поэтому термин «механизм» следует использовать не для структурного описания системы государственных органов, а для уяснения функциональной специфики различных частей (подсистем) и элементов государственного аппарата»⁸.

Точка зрения В.А. Четвернина представля-

¹ Рябова Е.В. Функция обеспечения правопорядка в период формирования правового российского государства: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 93.

² Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996. С. 82; и др.

³ Синюков В.Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию. Саратов, 1994. С. 400.

⁴ Рябова Е.В. Указ. соч. С. 93.

⁵ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1987. С. 283.

⁶ Рябова Е.В. Указ. соч. С. 93.

⁷ Сырых В.М. Теория государства и права. М., 1998. С. 145.

⁸ Четвернин В.А. Государство: сущность, понятие, структура, функции // Проблемы общей теории права и государства / Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 2001. С. 567.

ется вполне обоснованной. Однако в юридической литературе имеет место утверждение, в соответствии с которым реализация функций государства происходит государственным аппаратом или механизмом государства, либо тем и другим сразу, поскольку между государственным аппаратом, государственным механизмом и механизмом государства нередко не проводят различия.

Государственный механизм – это система объединенных структурными и функциональными связями институтов, деятельность которых направлена на достижение целей и решение задач, определяемых системой функций государства.

До недавнего времени в теории государства и права понятие «механизм государства» употреблялось как тождественное термину «государственный аппарат»¹. При этом сам государственный аппарат рассматривался как в широком, так и в узком смысле. Узкий подход содержит в себе представление о структуре государственного аппарата как совокупности органов государственной власти и управления, в основу деятельности которых положен механизм государственного принуждения². Сторонники широкого понимания государственного аппарата включают в него органы государственной власти, а также государственные органы и учреждения, не обладающие самостоятельными властными полномочиями, однако жизненно необходимые государству для эффективной реализации властных предписаний. Такие органы (учреждения) получили в науке название «материальных придатков государственного аппарата»³. Как правило, к материальным придаткам государства относят институты, при помощи которых реализуется государственное принуждение: вооруженные силы, полицию (милицию), органы безопасности, исправительные учреждения и т.д. Так, по мнению М.Н. Марченко, «государственный механизм рассматривается как совокупность различных госу-

дарственных органов, организаций, вооруженных сил, материальных средств государственной власти, а государственный аппарат ограничивается лишь системой государственных органов»⁴. В.С. - Афанасьев и В.В. Лазарев считают, что «в государственный механизм входят законодательные органы, судебные и иные органы, а также силовые структуры, осуществляющие в случае необходимости меры принуждения (армия, внутренние войска, тюрьмы и т.п.)»⁵.

По мнению В.М. Боера и Н.Г. Янгола, материальные придатки государства – «это, как правило, вооруженные формирования, наделяемые в особых случаях чрезвычайными полномочиями и, что весьма существенно, в силу вооруженности могущие выйти из-под контроля тех государственных органов, которыми они создаются и которыми управляются»⁶. Однако отождествление «материальных придатков» с силовыми структурами государства выглядит не совсем точным⁷. К числу «материальных придатков» государственной власти наряду с органами, при помощи которых осуществляется государственное принуждение, целесообразно относить предприятия, учреждения, организации, осуществляющие материальное, техническое, финансовое и иное обеспечение деятельности, направленной на реализацию функций государства. В этом смысле вполне приемлемым является определение механизма государства, сформулированное М.К. Исаковой: «Механизм государства – законодательно закреплённая система, располагающая необходимыми материальными придатками государственных органов, посредством которых осуществляются задачи и функции государства»⁸.

Наряду с научными подходами, предполагающими отождествление понятий «государственный механизм» и «государственный аппарат», в современной юридической литературе высказываются и иные точки зрения, авторы ко-

¹ Представителями этой точки зрения являются, в частности: М.И. Хмелин, А.И. Денисов, В.Н. Корельский, М.И. Байтин, А.Ф. Черданцев и др. См.: Хмелин М.И. Сущность, типы и формы государства // Теория государства и права. М., 1970. С. 87; Основы теории государства и права. М., 1980. С. 197, 214; Байтин М.И. Механизм государства // Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1999. С. 98; Черданцев А.Ф. Теория государства и права: Учебник для вузов. М., 2001. С. 136.

² Данная позиция в качестве первоосновы использует концептуальный подход, сформулированный В.И. Лениным, согласно которому под государственным аппаратом подразумевается, прежде всего, постоянная армия, полиция и чиновничество.

³ См.: Теория государства и права: Учебник / Под ред. Р.А. Ромашова. СПб., 2005. Гл. 6.

⁴ Марченко М.Н. Аппарат социалистического государства // Теория государства и права. М., 1987. С. 256.

⁵ Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. М., 1994. С. 36.

⁶ Боер М.В., Янгол Н.Г. Российская государственность: от тоталитаризма к правовому государству. СПб., 1997. С. 103-104.

⁷ Теория государства и права: Учебник / Под ред. Р.А. Ромашова. СПб., 2005. С. 103.

⁸ Исакова М.К. Механизм советского общенародного государства: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1984. С. 53.

торых обращают внимание прежде всего на этимологию данных понятий. Действительно, слово «аппарат» применительно к юридической науке означает «учреждение или ряд учреждений, обслуживающих какую-либо отрасль управления или хозяйства»¹. Слово же «механизм» определяется как система, в которой движение одного вызывает движение другого². На основании этого утверждается, что понятия «государственный аппарат» и «механизм государства» лежат в разных плоскостях и соотносятся между собой как вещь, находящаяся в покое, в статике (государственный аппарат), и эта же вещь, находящаяся в движении, в динамике (механизм государства)³.

Анализ таких подходов позволяет говорить о том, что их общим недостатком является смешивание структурных и функциональных аспектов государственной организации общества и, как следствие, отождествление двух типов понимания государства: политического, в рамках которого государство рассматривается в качестве аппарата публичной политической власти, и социологического, в рамках которого государство представляется как форма социальной организации общества. Причем, если в условиях этатизации политико-правовой науки советского периода практическое значение названной теоретичес-

кой неточности было ничтожным (в силу фактического огосударствления всех сфер общественной жизни), то в условиях плюралистичной демократической системы подобный подход представляется односторонним и в силу этого не соответствующим потребностям современного теоретического государствоведения.

Представляется уместным разграничение структурных и функциональных составляющих государства и, как следствие, различение феноменов «механизм государства» и «государственный механизм». Структуру механизма государства образуют государственные органы и учреждения, создаваемые по воле государства и действующие преимущественно в общегосударственных интересах. Таким образом, понятие «механизм государства» тождественно понятию «аппарат государства» в его широком смысле. Категория «государственный механизм» включает в себя помимо механизма (аппарата) государства систему негосударственных органов, которым государство делегировало право реализации отдельных государственных функций и наделило их соответствующими государственными полномочиями (прежде всего, полномочиями, связанными с правоприменительной деятельностью).

¹ Словарь иностранных слов. М., 1964. С. 63.

² Там же. С. 404. Подобным образом определяются значения этих слов и в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова. Так, слово «аппарат» в нем толкуется как «совокупность учреждений, обслуживающих какую-нибудь отрасль правления государства», а слово «механизм» (в переносном значении) как «система, устройство, определяющие порядок какого-нибудь вида деятельности». См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994. С. 25, 346.

³ Бояр В.М., Янгол Н.Г. Указ. соч. С. 108-109. В качестве примера подобной позиции можно сослаться на точку зрения Г.А. Мурашина, по мнению которого механизм государства представляет собой систему государственных организаций, органов, учреждений, взятую в их взаимодействии и практическом функционировании. См.: Мурашин Г.А. Органы прокуратуры в механизме советского государства: Дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1972. С. 16.

Мигущенко Олег Николаевич
докторант кафедры государственно-правовых дисциплин
Академии управления МВД России

Мобилизация масс вокруг хозяйственно-политических кампаний в 1928-1934 гг. как метод формирования правосознания сельского населения

Мобилизация масс вокруг хозяйственно-политических кампаний осуществлялась на основе ленинского положения о необходимости вызывать в массах сознательное отношение к борьбе¹. В силу этого вовлечение населения в деятельность по социалистическому строительству и охране социалистического правопорядка становилось непосредственным фактором формирования социалистического правосознания. Ибо, во-первых, установки предопределяют поведение только когда соответствуют действиям, а во-вторых, действия, предписанные социальными ролями, формируют установки исполнителей ролей². Работа по мобилизации масс прошла ряд этапов, которые определялись задачами, стоящими перед государством. Первый этап – 1928-1932 гг. – связан с вовлечением населения в проведение хозяйственно-политических кампаний. И хотя с 1928-1929 гг. также велась пропаганда подготовки к обороне страны³, но с весны 1933 г. началась целенаправленная «мобилизация пролетарских масс на борьбу с наступлением фашизма»⁴.

Участие населения в мероприятиях по социалистическому строительству осуществлялось в многообразных формах: собраниях бедноты, женщин, молодежи, проведении расширенных

пленумов сельских Советов, участия в социалистическом соревновании⁵, в работе секций сельских Советов⁶, в проведении месячников смотра культурно-просветительной работы⁷, в чистках и др.

Широкое распространение получила работа посылке в деревню агитбригад для проведения различных хозяйственно-политических кампаний. При этом каждая бригада, помимо прямой цели – решения проблем текущей кампании – имела задачи по политическому и правовому просвещению населения. Другой формой стало направление в деревню судебно-следственных бригад в составе представителей прокуратуры, суда, административного отдела и следователя для выявления извращений и халатного отношения к подготовке и проведению хозяйственно-политических кампаний⁸. Виновные лица по решению бригады подвергались уголовному преследованию и подлежали осуждению на показательных судебных процессах⁹. Активно действовали шефские общества. К этой работе привлекались все общественные и государственные организации. Особо необходимо сказать о шефской работе правоохранительных органов. Шефское общество Курского окружного суда и прокуратуры для проведения праздника 7 ноября 1928 г. направило в подшефную деревню брига-

¹ Ленин В.И. Речь на IV конференции губернских чрезвычайных комиссий 6 февраля 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 121.

² Майерс Д. Социальная психология. 6-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2003. С. 178, 193.

³ ГАОПИ КО. Ф.п. 1310. Оп. 1. Д. 14. Л. 11.

⁴ ГАВО. Ф.р. 893. Оп. 3. Д. 2. Л. 113.

⁵ ЦДНИ ТО. Ф.п. 835. Оп. 1. Д. 387. Л. 172.

⁶ ГАТО. Ф.р. 4. Оп. 1. Д. 358. Л. 429.

⁷ ГАРФ. Ф.р. 9415. Оп. 1. Д. 5. Л. 13, 12 об.

⁸ ГАКО. Ф.р. 2638. Оп. 1. Д. 103. Л. 61.

⁹ ГАТО. Ф.р. 4. Оп. 1. Д. 187. Л. 40.

ду. Бригадой была организована ячейка МОПР и ОСОАВИАХИМА, проведена демонстрация и детский утренник, сельским жителям прочитаны доклады на правовые темы, школьники получили 64 подарка¹. С завершением коллективизации правоохранительные органы стали брать шефство над колхозами и коммунами. Коллектив ПП ОГПУ по ЦЧО шефствовал над коммуной имени Дзержинского, в которую ежемесячно на каждое мероприятие направлялась шефская бригада для оказания помощи в его проведении².

Важным средством формирования правосознания стало привлечение населения к охране социалистического правопорядка через институт сельских уполномоченных и общественные организации ОСОДМИЛ и БРИГАДМИЛ при органах РКМ. 27 октября 1932 г. была утверждена «Инструкция по организации бригад содействия Рабоче-крестьянской милиции». Инструкция предписывала в условиях села руководство бригадмилом осуществлять через участковых инспекторов милиции (п. 3). Пункт четыре указывал задачи бригадмила. Среди них: содействие органам РКМ в охране революционного порядка, охране социалистической собственности, организации показательных товарищеских судов над хулиганствующим элементом, активное участие в организации общественных мер борьбы с нарушителями порядка и проявлениями хулиганства на улице и в общественных местах. Сотрудникам бригадмила при использовании на оперативной работе выдавалось оружие (п. 13). При несении постовой службы на левой руке они должны были иметь голубую повязку (п. 14). Члены бригадмила при исполнении служебных обязанностей наделялись правовым статусом должностного лица и в случае совершения незаконных действий несли ответственность как должностные лица (п. 20). Вся учебно-воспитательная работа с членами бригадмила должна была быть направлена на осознание сущности и классового содержания работы РКМ (п. 22)³. На основе этой инструкции была начата реорганизация бригадмила⁴.

Определенное значение придавалось мероприятиям по вовлечению женщин в отправление правосудия и деятельность правоохранительных органов. Кампания по привлечению женщин в работу суда осуществлялась на основе Циркуляра НКЮ от 27 января 1927 г. № 21. Согласно этому циркуляру в составе народных заседателей должно было быть не менее 30% женщин. По ЦЧО к концу 1929 г. их было 13%⁵, но по отдельным округам (Орловский) уже на начало 1928 г. – 18,6%⁶. Факт наличия в 1928 г. только 400 женщин в составе общественных обвинителей из 3000 по ЦЧО вызывал обеспокоенность руководства области⁷. Рубежным стало Постановление ЦК ВКП(б) от 1 апреля 1931 г. «О работе среди колхозниц», которое главный акцент делало на развитии инициативы и активности колхозниц⁸. С 1932 г. женщинам было разрешено поступать в учебные заведения милиции.

К мероприятиям по охране социалистической собственности привлекались и дети. Воспитание в школе направлялось к изменению крестьянской психологии ребенка. Главной его целью было уничтожить стремление стать «хозяином», научить жить в коллективе. Для этого каждая школа должна была заключать договор с колхозом и выполнять часть колхозной работы, а колхоз обязывался выполнять часть школьной работы⁹. И вообще, школе отводилась роль активного участника аграрных преобразований. Школьники и учителя организовывали выставки, читали доклады, проводили зерноочистку, агропропаганду, агитсуды над сохой, безграмотностью¹⁰ и так далее.

Кроме того, школьникам придавались специфические функции: выявлять тех, кто не желал принимать активное участие в социалистическом строительстве. Школьники Никитской школы Медвенского района выявили 30 граждан, не желавших проводить зерноочистку. «Нарушителей» вызвали в сельский Совет и заставили ее провести¹¹. Поэтому в случае выступлений крестьянства против государственной аграрной политики

¹ ГАОПИ КО. Ф.п. Оп. 1. Д. 5. Л. 33.

² ГАОПИ ВО. Ф.п. 5690. Оп. 1. Д. 48. Л. 31.

³ ГАРФ. Ф.р. 9415. Оп. 3с. Д. 2. Л. 269-271 об.

⁴ ГАРФ. Ф.р. 9415. Оп. 1. Д. 5. Л. 154.

⁵ ГАВО. Ф.р. 1439. Оп. 1. Д. 50. Л. 195.

⁶ ГАОО. Ф.р. 27. Оп. 1. Д. 669. Л. 40.

⁷ ГАВО. Ф.р. 600. Оп. 1. Д. 55. Л. 312.

⁸ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 5. С. 273.

⁹ ГАРФ. Ф.р. 1235. Оп. 64. Д. 1. Л. 93.

¹⁰ Филь Л. К вопросу об организации школьных колхозных секций // Культурный фронт ЦЧО. 1930. № 8, 9. С. 84, 85.

¹¹ Суд над Иваном Темным. М., Л.: Изд-во «Долой неграмотность», 1927. С. 13.

¹² ГАКО. Ф.р. 1821. Оп. 1. Д. 196. Л. 58, 59.

наряду с сельскими Советами в отдельных случаях громили и школы (Обоянский район Курского округа)¹.

Противоречия и естественная борьба между поколениями искусственным образом переплеталась и обострялась². Молодежь противопоставлялась взрослой части деревни. Причем противопоставление это проходило из самых добрых побуждений. При этом исходило из того, что рост благосостояния крестьянского подворья ведет к усиливающемуся противопоставлению его главы – домохозяина, принимающего все в большей степени черты предпринимателя, – другим членам двора³, все более низводимым до положения рабочих⁴. Таким образом, стремление привить молодежи дух демократии, самостоятельности, активной жизненной позиции вступало в противоречие с крестьянским укладом. Желание освободить младших членов семьи от зависимости старших оборачивалось борьбой между поколениями.

Наиболее рельефно этот конфликт можно было наблюдать в условиях голода 1932 г. После издания закона от 7 августа об охране социалистической собственности («О трех колосках») возникла проблема его реализации. Ведь для осуществления закона требовались десятки тысяч сторожей. Средств на их содержание не имелось, отсутствовали и гарантии, что охранники не будут воровать сами. Но выход нашли. Стали привлекать к этому делу школьников. Для активизации деятельности детей был необходим пример для подражания. Следствием этого стало появление в сентябре 1932 г. легенды о Павлике Морозове.

Детям, охраняющим урожай, раздавали по свистку и строили для них наблюдательные вышки. В случае обнаружения расхитителей дети свистели в свисток и вызывали милиционера. Кроме того, группы детей прикреплялись к женским бригадам для наблюдения за качеством их работы, о замечаниях дети сообщали руководству⁴. Помимо отрицательных следствий это воспитывало у детей доверительное отношение к правоохранительным органам и приучало их к сотрудничеству с последними.

Психология «старой» деревни с ее почтительным отношением к старшим, с ее трепетом перед родительским проклятьем, с ее сказками

об «Иване-крестьянском сыне», в которых побеждают только герои, уважающие старших, заменялась психологией «новой» деревни. Появились новые «сказки» и «бывальщины». Одна из них изложена в учебно-методическом пособии для учителей средней школы, подготовленном Курским институтом усовершенствования учителей. «Защищая колхозную собственность, – говорится в нем, – совершил свой подвиг курский Павлик Морозов – 12-летний Федя Мальцев из села Сеймица Пристенского района. Он был настоящим пионером, не любил лжи и обмана. Неоднократно он заявлял сельскому Совету, что его отец – вор и спекулянт, расхищает колхозное имущество. 11 февраля 1935 г. отец зверски зарубил его топором. Волну гнева и всеобщее возмущение вызвало это преступление: детоубийца был приговорен к расстрелу»⁵. Подобные факты не были выдумкой пропаганды, но были характерны для молодежи комсомольского возраста. Кроме того, комсомольцы в ситуациях классового противоречия с родственниками пытались решать их самостоятельно, без привлечения правоохранительных органов. В этом смысле показательным делом жителя хутора Заказарменного Стрелецкого сельского Совета Курского округа Крюкова, который со своим старшим сыном систематически избивал младшего сына комсомольца за то, что тот не давал прятать хлеб и требовал его сдачи государству. Данные факты стали известны сотрудникам милиции в мае 1929 г. только после подачи заявления соседями⁶.

Поэтому государство нуждалось в региональных мифах о Павликах Морозовых. В Курском округе эти события начались 12 февраля 1935 г. в с. Сеймица Пристенского района Курского округа, где было совершено убийство 12-летнего Федора и 8-милетней Ольги Мальцевых. На место происшествия выехал помощник уполномоченного уголовного розыска по Пристенскому району В.П. Савенков. Им было установлено следующее. В ночь с 11 на 12 февраля 1935 г. отец убитых Максим Дмитриевич Мальцев напился самогона и не показывался из дома до вечера 12 февраля. Максим Дмитриевич Мальцев был инвалидом 3-й группы, имел справку о психическом заболевании. В 1933 г. за воровство был приговорен к 5-ти годам лишения свободы, но из-за болезни осужден не был. Отличался буйным ха-

¹ ГАРФ. Ф.р. 1235. Оп. 2 с. Д. 760. Л. 3 об.

² Шишкина И.М. Партия и рабочий класс в социалистическом обществе: Измышления советологов и действительность. Л., 1986. С. 130.

³ Кубанин М. Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств: Эконом. исслед. М., 1929. С. 5.

⁴ РГА СПИ. Ф.р. 78. Оп. 1. Д. 511. Л. 18.

⁵ Уроки по истории Курского края в школе. Курск, 1972. С. 127.

⁶ ГАРФ. Ф.р. 393. Оп. 83. Д.14. Л. 181.

рактором и за несколько лет до описываемых событий забил до смерти свою жену и шестилетнего сына. В колхоз вступил в 1930 г., но не работал из-за болезни. Жил за счет спекуляции мылом и одеждой. Детей заставлял воровать колхозный хлеб.

Федор Мальцев учился в четвертом классе, был рядовым учеником, ни в каких ученических организациях не состоял. За время обучения в 4-ом классе Федор Мальцев был на занятиях всего 4 дня и за это время один раз его «драл за уши» учитель, так как он перевел стрелки на школьных часах. Систематически жаловался, что его избивает отец.

На основании имеющихся данных В.П. Савенков квалифицировал преступление как уголовное и передал дело в суд.

Но с начала марта в центральной прессе появилось две статьи. В одной из них говорилось о том, что учителя знали о систематических избиениях Федора, однако школа за него не заступилась². Через неделю появилась вторая статья. Корреспондент И. Федоров поставил вопрос несколько иначе. Он писал: «В 1933 г. М.Д. Мальцев был осужден к лишению свободы на 5 лет, но по милости районного управления милиции приговор до сих пор не выполнен»³. После выхода второй статьи в дело включился обком ВКП(б) ЦЧО, и М.Д. Мальцев был срочно отправлен на медицинское переосвидетельствование, а его дело – на следствие. Созванная конференция врачей установила, что М.Д. Мальцев болен, но к «ответственности вменяем». В результате следствия в деле появились новые факты: М.Д. Мальцев до революции имел 5 десятин земли, 2 лошади, 1 корову и 5 овец, т.е. его хозяй-

ство было середняцким, но в материалах дела он превратился в кулака. Однако для того чтобы дело приобрело политический оттенок, этого было мало. Тогда в местной газете «Молодая гвардия» появилась статья о Федоре Мальцеве. Оказывается, он «считал себя пионером, был примерным учеником, членом учкома, участвовал в школьном драмкружке... Разложившийся М.Д. Мальцев, боясь разоблачения своих преступных дел, решил убраться с пути Федю, активного школьника»⁴.

Через месяц в дело включились центральные детские печатные издания. Теперь ни у кого не вызывало сомнений, что Ф. Мальцев был пионером, председателем санитарной комиссии и защищал слабых⁵. В печати стали публиковаться призывы расстрелять детоубийцу. Под мощным нажимом прессы уголовное дело М.Д. Мальцева было перекалвалифицировано в политическое, и состоявшийся в г. Воронеж областной суд вынес ему смертный приговор. А его сын Федор Мальцев превратился в пионера-героя.

В условиях перекалфикации уголовных дел в политические, дела Федора Мальцева и Павлика Морозова не стали исключением. Легенда, созданная советской пропагандой, живет и поныне. Появление подобных легенд свидетельствовало об изменении методов правовой пропаганды и переходе ее к новому этапу, а в целом об успешности политической и правовой пропаганды Советского государства. Но сохранение подобных мифов в современных условиях ставит под сомнение порядочность нескольких поколений российских граждан. Культивируется пренебрежительное и недоверчивое отношение молодежи к своим «отцам».

¹ Архив УВД Курской области. Ф. 23. Оп. 3. Д. 300. Л. 3-199.

² Правда. 1935. 4 марта. С. 2.

³ Правда. 1935. 10 марта. С. 2.

⁴ Молодая гвардия. 1935. 16 марта. С. 1.

⁵ Пионер. 1935. 16 апр. С. 4.

Дудченко Юлия Леонидовна

преподаватель кафедры теории и истории государства и права
Северо-Кавказского филиала Российской академии правосудия

Правовое регулирование внутреннего наблюдения в ходе борьбы с терроризмом в России во второй половине XIX - начале XX вв.

Российская империя, избрав репрессивный путь борьбы с терроризмом, неизбежно должна была законодательно закрепить пределы полномочий спецслужб и создать эффективную систему их контроля. Методы и формы политического сыска, применявшиеся политической полицией Российской империи во второй половине XIX – второй половине XX вв. основывались на букве и духе российских законов и по этой причине являлись вполне законными¹. Данная статья посвящена правовому регулированию внутреннего наблюдения в ходе борьбы с терроризмом.

Во второй половине XIX в. приобретение и использование внутренней агентуры зависело от инициативы начальников розыскных органов. По «Положению о корпусе жандармов» 9 сентября 1867 г. в составе корпуса выделялся Наблюдательный состав (с 1870 г. – дополнительный штат), которому поручался сбор информации о политических настроениях. Наблюдательный состав размещался по городам и уездам, не имевшим жандармских управлений, и комплектовался исключительно из унтер-офицеров (из расчета двое сотрудников на один наблюдательный пункт). При преобразовании корпуса особое внимание было обращено на умственное развитие жандармских унтер-офицеров, поскольку полицейско-наблюдательная служба значительно отличалась от их прежней службы в жандармских

кавалерийских частях². Однако «при зачатках политического розыска, когда дело освещения революционных организаций путем внутренней агентуры было поставлено весьма слабо, наружное наблюдение было единственным средством борьбы с революционным движением»³.

Один из наиболее ярких представителей молодого поколения деятелей политического розыска Г.П. Судейкин развернул не только широкомасштабную вербовку внутренней агентуры «нового образца» из числа ренегатов революции, но и направил свои усилия на законодательное обеспечение своих инициатив. В § 5 утвержденного 3 декабря 1882 г. Александром III «Положения об устройстве секретной полиции в империи» было указано: «Ближайшее руководство деятельностью учреждений секретной полиции, в видах единообразного направления производимых розысков принадлежит особому инспектору секретной полиции [...]. Инспектор секретной полиции действует по особой, преподанной ему заведующим Государственной полицией инструкции»⁴. Г.П. Судейкин не стал дожидаться, пока товарищ министра внутренних дел, заведующий государственной полицией и командующий Отдельным корпусом жандармов генерал-майор П.В. Оржевский подпишет эту инструкцию, а быстро подготовил собственный циркуляр, в котором четко изложил свои новаторские взгляды на методику и практику борьбы с террористами. В этом документе, в частности, предписывалось: «1) Возбуж-

¹ Жаров С.Н. Нормативно-правовое регулирование деятельности политической полиции Российской империи. Екатеринбург, 2000 // www.pseudology.org / Sysk / Filer_Thesis.htm

² Линдер И.Б., Чуркин С.А. История специальных служб России X – XX веков. М., 2005. С. 237.

³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 253. Д. 16. Л. 38.

⁴ Агентурная работа политической полиции Российской империи. сборник документов. 1880-1917 гг. / Сост. Е.И. Щербанова. М., СПб., 2006. С. 13.

дать с помощью особых активных агентов ссоры и распри между различными революционными группами; 2) распространять ложные слухи, угрожающие и терроризирующие революционную среду; 3) передавать через тех же агентов, а иногда с помощью приглашений в полицию, кратковременных арестов и обвинения наиболее опасных революционеров в шпионстве, вместе с тем дискредитировать революционные прокламации и разные органы печати, придавая им значение агентурной, провокационной работы»¹.

«Инструкция инспектору секретной полиции» была подписана генералом Оржевским только 29 января 1883 г. В ней четко указывалось, что инспектор «участвует в розыскной по государственным преступлениям деятельности» двух отделений по охранению общественного порядка и безопасности при управлении Санкт-Петербургского и Московского обер-полицмейстеров, четырех губернских жандармских управлений (Московского, Харьковского, Киевского и Херсонского) и городского в Одессе. Начальникам этих полицейских жандармских формирований предписывалось по требованию инспектора сообщать в устной форме «сведения, как об организации, личном составе и стоимости состоящих в их заведовании агентур, так равно и о ходе розысков»².

Окончательно положила в основы политического розыска в империи секретных сотрудников «Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения» 10 февраля 1907 г. «Приобретение и сбережение внутренней секретной агентуры» в этом нормативном акте признавалось «единственным вполне надежным средством, обеспечивающим осведомленность»³. В § 3 подчеркивалось, что «лица, заведующие агентурой, должны руководить сотрудниками, а не следовать слепо указаниям последних. Обыкновенно сотрудник выдающийся – интеллигентный и занимающий видное положение в партии – стремится подчинить своему авторитету лицо, ведущее с ним сношение, и оказывает давление на систему розыска. Если для сохранения отношений возможно оставлять его в убеждении, что такое его значение имеет место, то в действительности всякое безотчетное увлечение сотрудниками приводит к отрицательным

результатам. Лицо, ведающее агентуру, должно составить себе план расследования и стремится извлечь из агентуры все данные для его осуществления. Поэтому, никогда не открывая своих крат перед сотрудником, надлежит давать ему поручения, вытекающие из плана розыска»⁴.

Особо подчеркивался нравственный аспект деятельности внутренней агентуры. В § 4 отмечалось: «Лица, ведающие розыском, должны твердо помнить, что «сотрудничество» от «провокаторства» отделяется весьма тонкой чертой, которую очень легко перейти. Они должны знать, что в умении не переходить черту и состоит искусство ведения успешного политического розыска. Достигается это только безусловно честным отношением к делу и пониманием целей розыска, а не погоней за отличиями, открытием и арестом отдельных средств пропаганды (типографии, склады оружия, взрывчатые вещества и проч.)»⁵.

«Секретные сотрудники, – по мнению авторов «Инструкции», – должны быть постоянными и получать определенное жалованье (помесячно), а не за отдельные сообщения, так как только при имени постоянной агентуры можно быть в курсе деятельности революционных организаций»⁶.

Внутренние агенты, согласно «Инструкции», делились на секретных сотрудников и вспомогательных агентов, а по их использованию – на постоянно действующих и «штучников». В «Инструкции» отмечалась нежелательность действия последних: «Сведения приходящих лиц, требующих платы за каждое отдельное указание на то или другое революционное предприятие («штучник»), конечно, должны быть использованы в интересах дела, в особенности сведения о предполагаемых эскпроприациях, совершаемых часто лицами, не имеющими никакого отношения к революционным организациям, но к таковым сведениям нужно относиться с большой осторожностью и тщательно проверять их всеми способами. Зачастую сведения эти бывают провокаторскими, а иногда просто «дутьими»⁷.

Нормативные акты российских спецслужб регламентировали процесс подборки кандидатов для агентуры, рекомендовали обращать внимание на моральную неустойчивость и пороки революционеров, попавших в подозрение охраны,

¹ Цит. по: Григорьев Б.Н., Колоколов Б.Г. Повседневная жизнь российских жандармов. М., 2007. С. 219.

² Агентурная работа политической полиции Российской империи (сборник документов 1880 – 1917 гг.). М., СПб., 2006. С. 15.

³ Там же. С. 96.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 96–97.

⁶ Там же. С. 97.

⁷ Там же. С. 98.

как на обстоятельство, способствовавшее успеху вербовки. В «Инструкции» так регламентировались способы приобретения секретных сотрудников: «Для приобретения их необходимо постоянное общение и собеседование лица, ведающего розыском, или опытных, подчиненных ему лиц с арестованными по политическим преступлениям. Ознакомившись с такими лицами и наметив тех из них, которых можно склонить на свою сторону (слабохарактерные, недостаточно убежденные революционеры, считающие себя обиженными в организации, склонные к легкой наживе и т.п.), лицо, ведающее розыском, склоняет их путем убеждения на свою сторону и тем обращает их из революционеров в лиц, преданных Правительству. Этот сорт сотрудников нужно признать наилучшим. Помимо бесед с лицами, уже привлеченными к дознаниям, удастся приобретать сотрудников и из лиц, еще не арестованных, которые приглашаются для бесед лицом, ведающим розыском, в случае получения посторонним путем сведений о возможности приобретения такого рода сотрудника»¹.

«Инструкция» 1907 г. обобщала опыт лучших жандармских офицеров, подробно описав этапы совращения арестованных людей и стимулы, с помощью которых они вынуждались к сотрудничеству с охранкой.

В 1914 г. была принята новая «Инструкция по организации и ведению внутренней агентуры». Она была значительно расширена по сравнению с «Инструкцией» 1907 г. Особо подчеркивался гибкий характер руководства внутренней агентурой: «Ведение внутренней агентуры шаблонам не подчиняется: в зависимости от местных условий, обстоятельств и сопоставления всех имеющихся данных, изменяются общие практикующие приемы и вырабатываются новые»².

Руководство внутренней агентурой требовало высокой квалификации. Нормативные акты требовали постоянной подготовки офицеров, которая осуществлялась в три этапа: при переводе в Отдельный корпус жандармов на курсах при штабе корпуса, самообразованием во время службы и изданием в Департаменте полиции обзорных исследований по истории революционного движения.

Подготовка внутренней агентуры сводилась к тщательному и поэтапному обучению конспи-

рации и выработке направлений розыска. При этом конспиративные приемы были едины и регламентировались нормативными актами. В «Инструкции» 1914 г. говорилось: «Приступая к работе с сотрудником, надлежит объявить и внушить ему следующее:

безусловная необходимость полнейшей откровенности и правдивости с заведующим агентурой, как по деловым, так и по личным вопросам;

решительно никто, кроме заведующего агентурой, не должен знать о его работе по розыску. Принадлежность его к составу агентуры не может быть им обнаружена никому, ни при каких обстоятельствах и ни в коем случае;

размер ежемесячного содержания ему, как сотруднику, определяется «такой-то» и время получения его «такое-то»;

с поступлением на службу в агентуру сотрудник не должен изменять ни образа жизни, ни обстановки, чтобы этими переменами и новыми даже мелкими расходами не вызвать зависти и подозрения товарищей по поводу источника денежных поступлений;

сотрудник не должен иметь ни при себе, ни в своей квартире ничего такого, что при обнаружении могло бы послужить хотя бы даже косвенным указанием на принадлежность его к составу агентуры»³ и т.д.

Конкретные способы руководства сотрудниками вырабатывались каждым офицером и составляли его личную тактику.

Наиболее действенным методом работы секретных сотрудников являлась политическая провокация. В юридической литературе под провокатором обычно понимается полицейский агент, который своими действиями побуждает, подстрекает разрабатываемых лиц к невыгодным для них действиям с целью их разоблачения и ареста (независимо – по личным или государственным соображениям)⁴. Эта формулировка дает единый подход и оценку деятельности спецслужб Российской империи. Анализ содержания провокации, предпринятый современными исследователями⁵, позволил выявить подмену понятия: активный способ выявления политических преступлений подменялся подстрекательством, недопустимым и с точки зрения руководства Департаментом полиции. Революционеры и, с их подачи, обы-

¹ Агентурная работа политической полиции Российской империи. М., СПб., 2006. С. 99.

² Там же. С. 349.

³ Там же. С. 350.

⁴ Возный А.Ф. К вопросу об ответственности за провокацию преступления // Сборник материалов и статей адъюнктов и соискателей. М., 1967. С. 94.

⁵ См.: Овченко Ю.Ф. Провокация на службе охраны // <http://www.rivestnik.ru> / 2003_1/2.shtml; Жаров С.Н. Обеспечение законности оперативно-розыскных мероприятий в Российской империи // Правоведение. 2001. № 5 и др.

ватели называли провокаторами всех без исключения секретных сотрудников. В результате термин «провокация» приобрел негативно-эмоциональную окраску. Нормативные акты и другие документы спецслужб категорически запрещали подстрекательство под страхом привлечения к предусмотренной законом ответственности. § 4 «Инструкции по организации ведения внутренней агентуры», составленной при Московском охранном отделении в 1907 г., раскрывал цель применения провокации: «Все стремления политического розыска должны быть направлены к выяснению центров революционных организаций и к уничтожению их в момент наибольшего проявления их деятельности. Поэтому не следует ради обнаружения какой-либо типографии или мертвележащего на сохранении склада оружия «срывать» дело розыска. Изъятие этих предметов только тогда приобретает ценность, если они могут послужить изобличительным материалом против видных революционеров, дающим полное основания для привлечения их к дознаниям или следствиям, чем и будет достигнута конечная цель розыска – уничтожение организации»¹.

Впоследствии многие руководители политического сыска утверждали, что они боролись с провокацией. Рассылались грозные циркуляры, министры и другие чиновники мучительно отвечали на депутатские запросы в Государственной думе, которая в ноябре 1908 г. даже приняла резолюцию об осуждении провокации как метода борьбы с революционными силами. Однако единственной действенной нормой против провокации исследователи называют циркуляр В.Ф. Джунковского от 26 октября 1913 г., требовавший от начальников розыскных учреждений «ликвидировать революционные группы как скоро агентура даст Вам определенные и достоверные сведения о наличии преступной деятельности, а наружное наблюдение осветит связи и взаимоотношения заподозренных лиц»². Сняв, таким образом, требование ликвидации в момент «наибольшего проявления деятельности», Джунковский сделал провокацию ненужной. Обратной стороной стало отсутствие доказательств для суда, и репрессия стала возможной либо в административном порядке, либо путем привлечения секретных сотрудников в качестве свидетелей (а это влекло за собой провал!). Стремясь уничтожить провокацию, В.Ф. Джунковский нанес удар по внутрен-

ней агентуре империи и, как следствие, по борьбе с терроризмом в целом.

Специальные нормы регламентировали конспиративность агентурной деятельности. Они подразделялись на общие требования к обеспечению секретности и конкретные, созданные предшествующим опытом мероприятий по предотвращению провалов агентуры. Первым и важнейшим конспиративным требованием было: «Решительно никто, кроме заведующего агентурой, не должен знать о его (агента) работе по розыску. Принадлежность его к составу агентуры не может быть обнаружена никому, ни при каких обстоятельствах и ни в каком случае»³.

Другая группа конспиративных требований – это нормы обеспечения безопасной связи сотрудника с офицером, руководившим розыском. Они включали личные контакты агента с офицером, заведующим розыском, переписку и сигнальную связь.

Нормативные акты российских спецслужб регулировали конспиративность переписки: «Свое письмо и сообщение сотрудник должен составить в третьем лице, с упоминанием в равной мере, среди перечисленных лиц, и своей фамилии или имени, если только он в действительности прикосновенен к описываемому им событию. Почерк должен быть совершенно изменен, а подпись заранее условленная. Письма и записки заведующего агентурой к сотруднику должны быть строго конспиративного содержания, написаны также измененным почерком и с условной подписью. Деловую часть письма следует воспроизводить химическими чернилами, в качестве каковых могут служить насыщенный раствор обыкновенной свинцовой примочки, щавелевая кислота, лимон и т.п. Проявление этих чернил достигается посредством нагревания (утюгом) или же смачивания 5% раствором хлористого железа. По прочтении писем, они должны быть вместе с конвертами лично и немедленно уничтожены самим сотрудником»⁴.

Нормативные акты предписывали офицерам охраны применять методы прикрытия внутренней агентуры от провала. «Заведующий розыском, направляя все усилия к предупреждению задуманных революционерами преступлений, – говорилось в «Инструкции» 1914 г., – в то же время должен заботиться о сохранении и прикрытии своих сотрудников»⁵.

¹ Агентурная работа политической полиции Российской империи. сборник документов (1880-1917 гг.). М., СПб., 2006. С. 98–99.

² Цит. по: Там же. С. 195.

³ Там же. С. 350.

⁴ Там же. С. 356–357.

⁵ Там же. С. 357.

Детальность и подробность нормативной базы, регулировавшей внутреннее наблюдение, говорит о массовости методов и форм борьбы с терроризмом и всемерном использовании предыдущего опыта. Нормативные акты, посвященные внутреннему (агентурному) наблюдению, регламентировали приобретение секретных сотрудников, повышение квалификации розыскных офицеров, подготовку внутренней агентуры, конспиративные приемы. Документы Департамента по-

лиции допускали применение политической провокации как способа выявления политических преступлений, но запрещали подстрекательство. Юридические нормы обеспечивали тайну факта сотрудничества, регламентировали действия агентов и руководителей спецслужб. Нормативные акты российских спецслужб по борьбе с терроризмом обобщили огромный опыт, который не потерял своей актуальности и сегодня.

Дынько Алексей Петровичсоискатель кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России

Деятельность правоохранительных органов советского государства по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних в послевоенный период

В послевоенный период работа по предупреждению преступности среди несовершеннолетних по-прежнему возлагалась прежде всего на органы внутренних дел на основе тех структурных подразделений и методических указаний, которые сложились в завершающий период войны. Вместе с тем происходило текущее обновление нормативно-правовых актов, а также осуществлялся контроль за ранее принятыми решениями, что и находило отражение в соответствующих документах.

В этом смысле можно отметить Приказ народного комиссара внутренних дел № 274 от 26 июня 1945 г. «С объявлением Положения о детских приемниках-распределителях НКВД»¹. В отличие от ранее действовавшего Положения, утвержденного приказом НКВД СССР № 392 от 7 июля 1942 г., в этом документе все вопросы, включая управление приемниками-распределителями, порядок приема детей, воспитательная работа, режим и внутренний распорядок, штатное расписание и другие были отрегулированы значительно подробнее и с учетом происшедших изменений в обществе. Большое внимание уделено вопросам учета детей и отчетности деятельности приемников-распределителей. Кроме того, предусматривалось создание попечительских со-

ветов.

Так, в Армавирском приемнике-распределителе осенью 1945 г. был создан такой совет с участием колхоза им. Чкалова, хлебзавода, спецторга, пивзавода, дистанции связи². Там же, в Армавире, в этот период немало внимания уделялось наведению порядка в детских учреждениях. Так, в архивных материалах приводится пример, когда в Доме ребенка деньги, предназначенные для подарков детям погибших в годы войны, были использованы не по назначению³.

Непосредственно после войны внимание обращалось на необходимость возвращения детей из эвакуации. В этом деле имелись недостатки. Об этом свидетельствует, в частности, Распоряжение народного комиссара внутренних дел СССР № 12 от 29 января 1946 г. «О проверке в детских приемниках-распределителях НКВД документов о передаче детей родным и в детские дома, а также расходных документов, представляемых эвакуаторами по перевозке детей»⁴. Здесь приводился пример по Новосибирскому приемнику-распределителю и указывалось, в частности, что «некоторые эвакуаторы вместо того, чтобы сдавать детей родным или в детские дома бросали их в пути следования на произвол судьбы, составляли фиктивные документы о сдаче передаче их, присваивая деньги и рейсовые про-

¹ Приказ народного комиссара внутренних дел № 274 от 26 июня 1945 г. «С объявлением Положения о детских приемниках-распределителях НКВД» // ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 108. Д. 332. Л. 240-241.

² ЦДНИКК. Ф. 15. Армавирский ГК КПСС. Оп. 1. Д. 509. Докладные записки по проверке прокуратуры, судов, детских домов, дошкольных учреждений и торгующих организаций. Л. 50.

³ Там же. Л. 68.

⁴ Распоряжение народного комиссара внутренних дел СССР № 12 от 29 января 1946 г. «О проверке в детских приемниках-распределителях НКВД документов о передаче детей родным и в детские дома, а также расходных документов, представляемых эвакуаторами по перевозке детей» // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 216. Л. 20.

довольственные карточки. Виновные привлечены к уголовной ответственности». Соответственно, предписывалось ужесточить контроль за этими вопросами.

14 февраля 1946 г. была издана Директива народного комиссара внутренних дел № 37 «Об улучшении работы отделов НКВД/УНКВД по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью»¹. Здесь по результатам проверки данной работы в органах НКВД Молдавской ССР, Брянской, Тамбовской, Омской и Куйбышевской областей были вскрыты недостатки и указывалось на необходимость принятия мер по их устранению. В частности, отмечалось, что отделы по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью не ведут систематической работы по выявлению, изъятию и устройству беспризорных и безнадзорных детей, выявлению и анализу причин совершения правонарушений несовершеннолетними, в ряде детских колоний имеют место случаи грубого обращения с воспитанниками со стороны обслуживающего персонала и неудовлетворительно организованное бытовое обслуживание, в результате не все воспитанниками выпускаются из трудовых колоний приспособленными к самостоятельной жизни.

По этой директиве в детских колониях производственных мастеров из числа взрослых заключенных надлежало повсеместно заменить вольнонаемным составом. В последнем пункте приказа (№ 13) народный комиссар внутренних дел СССР Круглов предписал: «народным комиссарам внутренних дел республик, начальникам УНКВД краев и областей лично заниматься вопросами борьбы с детской беспризорностью, без-

надзорностью и преступностью, как одним из важных участков работы органов НКВД». Был принят ряд других правовых актов, преимущественно ведомственного (НКВД СССР) характера².

Значительное внимание в послевоенный период государство уделяло организации воспитательной работы среди несовершеннолетних в учебных заведениях. Об этом свидетельствуют, в частности, архивные материалы. Так, в 1948 г. Краснодарский ГК ВКП (б) проверял состояние политико-воспитательной работы в учебных заведениях города. При этом акцент был сделан на профессиональных училищах, которых в городе было шесть. В справке от 20 января 1948 г. приводились и положительные, и отрицательные оценки. Указывалось, в частности, что в учебных заведениях имеется художественная самодеятельность, ежедневно проводятся политинформации, выпускается стенгазета, организуются коллективные читки, беседы о героях, достижениях науки и техники³. Вместе с тем, например, в ФЗУ № 4 «многие учащиеся имеют неряшливый вид, обедают с грязными руками, в головных уборах, не здороваются со старшими. Нет единого фронта за соблюдение дисциплины учащимися, например, мастера считают, что их основная работа, это обучение, а воспитание – дело только воспитателей», в ФЗУ № 2 «со стороны учащихся наблюдаются случаи воровства имущества друг у друга, нерадивое отношение к социалистическому имуществу ... учащиеся часто предоставлены сами себе, уходят в город без разрешения воспитателей, часто самовольно уезжают в станицы и не бывают по 2-3 дня в училище», в ФЗУ № 6 «отсутствует внешкольная работа... Ничем

¹ Директива народного комиссара внутренних дел № 37 от 14 февраля 1946 г. «Об улучшении работы отделов НКВД/УНКВД по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью» // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 214. Л. 25-26.

² См., например: Директива министра внутренних дел СССР № 129 от 23 мая 1946 г. «О мероприятиях по предупреждению преступлений со стороны воспитанников детских трудовых и трудовых воспитательных колоний» (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 214. Л. 179-179 об.); Директива министра внутренних дел СССР № 41 от 5 марта 1947 г. «О мероприятиях по улучшению связи детских колоний МВД с родителями воспитанников» (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 257. Л. 62-63); Приказ министра внутренних дел СССР № 155 от 25 апреля 1947 г. «О мероприятиях по выполнению постановления Совета министров СССР «Об улучшении работы по устройству детей и подростков, оставшихся без родителей» (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 243. Л. 9-9 об.); распоряжение министра внутренних дел СССР № 568 от 9 сентября 1947 г. «Об отборе подростков из трудовых воспитательных колоний и приемников-распределителей и передачу их в школы ФЗО и специальные ремесленные училища» (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 254. Л. 100); Директива министра внутренних дел СССР № 119 от 27 ноября 1947 г. «Об условно-досрочном освобождении из детских трудовых колоний» (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 835. Л. 358-359); Распоряжение министра внутренних дел СССР № 764 от 2 декабря 1947 г. «О соцсоревновании в детских колониях МВД» (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 256. Л. 37); Приказ министра внутренних дел СССР № 0243 от 11 апреля 1951 г. «Об улучшении работы трудовых воспитательных колоний МВД» (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 210. Т. 2. Л. 12-12 об.); Приказ министра внутренних дел СССР № 485 от 7 мая 1952 г. «С объявлением постановления Совета министров СССР от 8 апреля 1952 г. «О мерах ликвидации детской беспризорности в РСФСР» (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 210. Т. 2. Л. 5-10) и др.

³ ЦДНИКК. Ф. 1072. Краснодарский крайком КПСС. Оп. 2. Д. 396. Отчеты и докладные записки о работе отделов кадров и состоянии политико-воспитательной работы в учебных заведениях и предприятиях города за 1947-1957 гг. Л. 114.

не занятые учащиеся бесцельно бродят по городу или просиживают в общежитии на ступеньках парадных ... есть факты дезертирства и воровства, несколько учащихся осуждены за воровство»¹. Архивы показывают, что эффективность политико-воспитательной работы была недостаточно эффективной.

Вместе с тем следует иметь в виду, что в ФЗУ (позже переименованные в ПТУ) и тогда, и в последующие годы, и сейчас поступали и поступают не лучшие представители молодежи, и указанные выше недостатки и нарушения со стороны учащихся с тех пор мало изменились. В школах положение дел обстояло несколько лучше, причем обращает на себя внимание довольно активное развитие в них художественной самодеятельности. Так, при проверке одной из школ г. Новороссийска к учебному году в 1948 г. отмечалось, что в школе имеется струнный оркестр из 14 инструментов, проводятся вечера самодеятельности, готовится пьеса «Товарищи», номера по декламации стихов; вместе с тем указывалось на слабое развитие спортивной работы². В целом, как видно, в этот период государство не ослабляло контроль за деятельностью детских учреждений.

Все более важное место в профилактике преступности среди несовершеннолетних отводилось пенитенциарным учреждениям. Так, в первой половине 1950-х гг. начинается реорганизация детских закрытых учреждений в структуре МВД СССР. Ее завершением становится новое Положение о детских трудовых колониях, принятое в июле 1956 г. Изменением предшествующей практики работы учреждений становится более широкое, чем раньше, привлечение общественности в процесс перевоспитания осужденных несовершеннолетних, создание попечительских советов при каждой колонии. Существенным фактором становится возможность установления шефской помощи над колонией со стороны государственных и общественных орга-

низаций. Сокращается продолжительность рабочего дня для колонистов и в целом наступает качественно новый этап в проведении государственной политики по отношению к подросткам-преступникам, содержащимся в закрытых учреждениях. При этом, начиная с 1950 г. происходили неоднократные ведомственные реорганизации детских пенитенциарных учреждений страны. Приказом МВД СССР № 0883 от 26 декабря 1950 г. Отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (ОБДББ) переименовывается в Отдел детских колоний (ОДК МВД СССР), штат которого был определен в 94 человека. Реально в нем работало только 90.

В апреле 1953 г. Отдел трудовых колоний передается в ведение Министерства юстиции СССР и подчиняется ГУЛАГу, в составе которого создается Управление детских колоний, переименованное с марта 1954 г. в Отдел детских трудовых и воспитательных колоний МВД СССР. В 1956 г. изменяются методы руководства колониями для несовершеннолетних. Создание учебно-воспитательных советов в них свидетельствует о внедрении демократических принципов управления. В состав совета входили как работники детской трудовой колонии, так и представители общественности. Совет обладал широкими полномочиями, среди которых было вынесение решения о досрочном освобождении колониста или о снижении для него срока наказания. По своей организации и функциям учебно-воспитательный совет напоминал организацию управления в школах ФЗУ Наркомата юстиции, действовавших в первой половине 1930-х гг., когда начальник школы принимал решения во взаимодействии с педагогическим советом. Формой самоуправления для колонистов становится совет воспитанников, руководимый начальником колонии. Указанный факт характеризует усиление воспитательных функций детских пенитенциарных учреждений НКВД-МВД СССР, что нашло отражение в организации управления в них.

¹ ЦДНИКК. Ф. 1072. Краснодарский крайком КПСС. Оп. 2. Д. 396. Отчеты и докладные записки о работе отделов кадров и состоянии политико-воспитательной работы в учебных заведениях и предприятиях города за 1947-1957 гг. Л. 114. Л. 114-116.

² ЦДНИКК. Ф. 821. Новороссийский ГК КПСС. Оп. 1. Д. 963. Докладные записки и справки о работе партийных организаций и учебных заведений. Л. 1-9.

Карпович Никита Владимирович
 адъюнкт кафедры конституционного и административного права
 Краснодарского университета МВД России,
 следователь Главного следственного управления при ГУВД по Краснодарскому краю

Историческое развитие норм права в сфере игр и пари

Еще наш первобытный предок, появившийся около 500 тыс. лет назад и основным занятием которого была добыча пропитания, мог наткнуться на такое понятие, как случайность, охотясь на зверя. Ведь поставив ловушку с вечера, он не мог быть уверен в том, что на следующий день там окажется добыча. Со временем люди поняли, что чем меньше они будут полагаться на чистую случайность, тем обильнее будет их трапеза. Так в их головах появилось осознание понятия «шанс», от которого всего один шаг до понятия «ставка».

Человек случайно обратил внимание на возможности, которые таят в себе любые события с непредсказуемым результатом, он открыл для себя новый мир захватывающих развлечений.

История существовавших когда-либо на земле цивилизаций сохранила бесчисленное множество разных фактов, свидетельствующих о существовании игр, начиная со времен фараонов и до настоящего времени. Например, в пирамиде Хеопса была найдена табличка из глины. На ней было обнаружено мифологическое повествование о происхождении современного календаря благодаря азартной игре¹.

Известные исторические факты со всей очевидностью могут засвидетельствовать существование состязаний и азартных игр в культуре каждого из существующих на земле народов. Азартные игры, сопровождающиеся различными ставками, – это, по всей видимости, одна из древнейших традиций культурной сферы человеческого бытия.

Одним из самых серьезных исследователей игры на сегодняшний день является нидерландский мыслитель и историк культуры Й. Хейзинга. В своей работе «Homo Ludens» («Человек

играющий»)² он дает такое истолкование понятия «игра»: «Игра есть добровольное действие или занятие, совершаемое внутри установленных границ места и времени по добровольно принятым, но абсолютно обязательным правилам с целью, заключенной в нем самом, сопровождаемое чувством напряжения и радости. А также сознанием «иного бытия», нежели «обыденная» жизнь».

Сама по себе игра как процесс времяпрепровождения не имеет юридического значения. Право интересуют лишь те игры, которые предполагают возможность выиграть или проиграть, и юридическое значение имеет лишь выигрыш, носящий имущественный характер (денежный или вещевой). Так, награждение медалью победителя спортивных соревнований не дает оснований для квалификации соответствующей игры в качестве игры, регулируемой ст. ст. 1062 и 1063 ГК, так как медаль – это лишь символ победы, но не ее денежный эквивалент. Наряду с шансом выиграть в игре обязательно должен присутствовать и риск проигрыша (также имущественного характера). Наконец, самая главная особенность азартной игры – это непредсказуемость результата, его случайный характер (от фр. *hazard* – «случай, случайность»). Например, исход игры в шахматы или шашки целиком зависит от умения игроков. Поэтому даже игра на деньги в шахматы не является игрой в смысле ст. 1062 ГК.

По зависимости выигрыша и проигрыша от случайности все игры можно разделить на азартные, коммерческие и престижные³.

Азартные игры – игры, в которых выигрыш в основном зависит от случая, совпадения. От игрока в таком виде игр почти ничего не зависит. В старину такие игры назывались роковыми, или отважными.

¹ Энциклопедия азартных игр. М., 2002. С. 14.

² Хейзинга Й. *Homo ludens*. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 9.

³ Гражданское право. Учебник / Под. ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. Т. 2. М., 2000. С. 707.

В играх же коммерческих (интеллектуальных) – бридж, преферанс – выигрыш очень сильно зависит от умения игрока вести игру и просчитывать наперед игровую ситуацию.

Существуют также игры престижные, где искусство, мастерство, ум игрока всегда определяют исход игры (шахматы, шашки, спортивные игры).

С правовой точки зрения азартная игра – это соглашение, единственным основанием которого является возможность приобретения кем-либо из участников имущественной выгоды (выигрыша) за счет другого при наступлении определенных правилами случайных условий.

Азартные игры делятся на пари и собственно азартные игры (в узком смысле слова).

Заключение пари издавна практиковалось среди азартных игроков. Например, встречающиеся в Дигестах estipуляции типа «*si Titus consul factus fuerit*», «*non fuerit*» представляют собою, скорее всего, пари относительно исхода выборов в консулы – античные прообразы средневековых, уже прямо засвидетельствованных источниками пари о жизни римских пап, императоров, королей¹.

Правовое регулирование игр и пари осуществлялось уже в Древнем Риме. Первый известный закон об играх – *Lex aleatoria* (*alea* – игральная кость), изданный в III в. до н.э., запрещал азартные игры и рассматривал выигрыш как приобретение имущества по недействительной сделке. Разрешенными играми были спортивные состязания, в том числе гладиаторские.

В Древнем Китае отправляли на каторгу за игру в шупу. В X в. император Священной Римской империи Оттоном Великим игра в кости была запрещена духовенству под страхом отрешения. В 1188 г. английский король Генрих II запретил крестоносцам играть в кости. С появлением в Европе карт законодательные запреты распространяются и на карточные игры².

В Англии карточные игры на деньги впервые были запрещены в 1463 г. В 1853 г. закрыты игорные дома. Но в Англии не запрещались пари, что дало возможность сохраниться и карточным играм, так как в карты играли не на деньги, а заключали пари на определенную сумму о результатах игры.

Во Франции с 1583 г. карты облагаются налогом на роскошь. Гербовый сбор взимался с каждой колоды карт. Штемпель, удостоверяющий, что налог уплачен, ставился на туза. Особенно строгие французские законы против карточных игр

были в XVII в. Домохозяева, в квартирах которых играли в азартную игру или устраивались «игорные академии», т.е. игорные дома, объявлялись лишенными гражданских прав и изгонялись из города.

В 1791 г. Национальное собрание Франции запретило все азартные игры, установив строгие карательные меры, но не для игроков, а для содержателей притонов и даже для жильцов, которые не донесут, что в доме открыта картежная игра.

После революции во время Директории стали раздавать разрешения на открытие игорных домов, затем отдавать их на откуп. С 1804 г. начали взимать 25% в пользу бедных с сумм, приходившихся на долю откупщиков. В 1837 г. во Франции были закрыты игорные дома.

В Германии после объединения ее под властью Пруссии законом от 1 июля 1868 г. были закрыты все игорные дома. За игру в общественном здании полагался штраф 1500 марок, за игру на улице – 150 марок или арест. В 1873 г. были закрыты игорные дома по всей Европе (кроме Монте-Карло).

В России Уложение 1649 г. предписывало с игроками в карты поступать, «как писано в татях», т.е. бить их кнутом и рубить им руки и пальцы. Указом 1696 г. велено было обыскивать всех, заподозренных в желании играть в карты. В 1717 г. при Петре I запрещается игра в карты или кости на деньги под угрозой денежного штрафа. Это распоряжение было подтверждено при императрице Анне Иоанновне 23 января 1733 г. Для людей, повторно уличенных в карточной игре, определены тюрьма или батоги. Петр III заменил батоги и тюрьму денежным штрафом; последнему подвергались только такие игроки, которые играли на большие деньги или в долг. При Екатерине II в 1765 г. был введен налог на карты в пользу воспитательных домов – 10 копеек с каждой привозной колоды и 5 копеек с колоды отечественного производства. При Екатерине II азартными признавались игры: банк, фаро, квинтич. Коммерческими – ломбер, кадрилиа, пикет, контра. Уставом благочиния 1782 г. было запрещено устройство игорных домов. А за участие в азартных играх были установлены умеренные взыскания.

Императоры Александр I в 1801 г. и Николай I в 1832 г. обращали внимание властей на необходимость бороться с «пагубной страстью к запрещенной игре». В 1876 г. по закону запрещались карты: иностранные, поигранные, выделанные на тайных фабриках, колоды с разорван-

¹ Райхер В.К. Общественно-исторические типы страхования. М., Л., 1947. С. 75.

² Павлюкова Т. Бизнес казино. Крупье. Ростов н/Д, 2000. С. 13-20.

ной бандеролью. Штраф за использование таких карт – 15 рублей с каждой дюжины – взимался в пользу открывшего злоупотребление.

В последующее время объявление какой-нибудь игры азартной и, следовательно, запрещенной зависело от министра внутренних дел. В конце XIX в. в России азартными играми считались: штос, баккара, виктория, макао. За устройство запрещенных игр в карты, но не в виде игорного дома, виновные подлежали аресту на срок не свыше 1 месяца или штрафу не свыше 100 рублей. Эту норму Свода законов Российской Империи подробно исследовал В.А. Белов. Он пишет, что «норма ч. 1ст. 2014 Свода законов устанавливала оспоримость так называемого займа по игре»¹.

Под «займом по игре» все русские цивилисты единодушно понимали не заем как таковой, а долг, произошедший от игры, ссылаясь при этом на ч.1 ст. 2019 Свода законов Российской империи (т. X). При «займе по игре», - указывал К.Е. Анненков в курсе русского гражданского права, – «никакого займа на самом деле нет, а есть только облечение в заемное обязательство долга по игре самого участника в ней». «Если заемное письмо выдано проигравшим вместо платежа наличными деньгами, то хотя основание к выдаче заемного письма и есть налицо, но это основание не признается со стороны закона заслуживающим уважения, и займодавец, получивший такое заемное письмо от проигравшего, не в состоянии будет взыскать по этому письму выигранную сумму при возражении ответчика». «Под займом по игре разумеются два вида займа: 1) долг проигравшего выигравшему: тут, соб-

ственно, не заем, а долговое обязательство; 2) действительный заем, произведенный для того, чтобы употребить занятые деньги на игру или заплатить долг по игре». «Заем по игре составляет, в сущности, не заем, а долг по игре, платеж которого составляет дело чести – недостаточность юридической защиты восполняется нравственною защитой»².

На той же позиции стоял и Гражданский кассационный департамент Правительствующего Сената. Так, в решениях № 969 за 1869 г. и № 368 за 1879 г. было указано, что под термином «заем по игре» понимается случай, «когда обе стороны участвовали в игре и одна из них требует с другой деньги в качестве проигрыша»³.

Помимо самого долга от игры дореволюционное законодательство признавало оспоримыми сделки денежного займа, сделанного для игры, при условии, что займодавец в момент предоставления займа знал или должен был знать о том, что заем производится для игры.

После революции 1917 г. азартные игры исчезли из общественной жизни. Хотя официально азартные игры не были запрещены, в Москве существовали закрытые игорные дома.

Через несколько лет верховные власти советского государства запретили игорный бизнес.

Но постепенно частный бизнес в нашей стране начал становиться на ноги и примерно к 1989 г. отвоевал часть позиций в игорном бизнесе.

В 1993 г. предпринимательская деятельность, основанная на содержании игорных заведений, получила право на существование.

¹ Белов В.А. Игра и пари как институты гражданского права // Законодательство. № 10. 1999. С. 6.

² Анненков К.Н. Система русского гражданского права: Изд. 2-е. СПб., 1904. Т. 4. С. 351.

³ Исаченко В.Л. Свод кассационных положений по вопросам русского гражданского материального права за 1866-1905 гг. СПб., 1906. С. 359-360.

Коробова Екатерина Геннадьевна

старший преподаватель кафедры государственного строительства и права
Воронежского филиала Российской академии государственной службы

Правовой статус Русской Православной Церкви в первые годы советской власти

Спадением монархии изменялся не только механизм государства, структура управления Церковью тоже претерпевала существенные изменения. Происходило это потому, что в императорской России Церковь по сути была частью государственного аппарата, а теперь появились долгожданные условия для возвращения к традиционным формам управления. В июне 1917 г. Временное Правительство упразднило пост обер-прокурора Святейшего Синода, учрежденный Петром Великим при отмене патриаршества. В епархиях образовались исполнительные епархиальные комитеты из духовенства и мирян, без согласия которых в ряде мест архиереи были фактически лишены права совершать какие-либо административные акты и распоряжения. По инициативе таких комитетов созывались епархиальные съезды из представителей клира и мирян с целью преобразования бюрократического строя церковного управления. С весны 1917 г. вакантные епископские кафедры замещались в порядке свободного избрания тайным голосованием представителей клира и мирян на епархиальных съездах. В июне 1917 г. в Москве был созван «Всероссийский съезд духовенства и мирян». Характерно, что «съезд отверг идею отделения Церкви от государства и постановил, чтобы Православная Церковь осталась на положении «первенствующей», чтобы Церковь получала от государства правовую и материальную поддержку, чтобы Закон Божий» был обязателен в школах и чтобы в руках Православной Церкви оставались руководимые ею народные школы»¹. Положение об отделении, а не отделении Церкви от государства легло в основу соборного определения об отно-

шениях между Церковью и государством. Постановления этого съезда во многом предопределили программу Собора. Важнейшим вопросом Собора стал – быть или не быть патриаршеству. Члены Собора все больше осознавали, что, в случае прихода к власти воинственной антирелигиозной партии, ее конкретным вождям должна противостоять не безликая коллегиальность, а Церковь, возглавляемая духовным вождем – Патриархом. 5 ноября 1917 г. после нескольких туров тайного голосования и жеребьевки патриархом Московским и всея Руси стал митрополит Тихон (Беллавин). Именно этому человеку досталось тяжелейшее бремя ответственности за Церковь в условиях разворачивающихся гонений на нее со стороны государственной власти.

В условиях нового государственного строя с докладом на тему о правовом положении Церкви в государстве 15 ноября 1917 г. перед Собором выступил профессор С.Н. Булгаков. По его мнению, «должно быть осуждено, отвергнуто и признано абсурдным то, что называется отделением Церкви от государства, предоставление государству исключительно мирского господства и уход Церкви куда-то в пространство, вне истории и вне жизни... В смысле внутреннем и религиозном нельзя допустить отделения Церкви от государства: Церковь не может отказаться быть светом миру, не изменив себе»². По докладу С.Н. Булгакова Собор принял 2 декабря 1917 г. определение «О правовом положении Православной Российской Церкви», согласно которому за Русской Православной Церковью признавался статус государственной со всеми вытекающими отсюда последствиями, но при условии свободного внутреннего самоопределения Церкви. Будто в ответ на это определение 11 декабря 1917 г.

¹ Кашеваров А.Н. Православная Российская Церковь и советское государство (1917 – 1922). М.: Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2005. С. 75.

² Кашеваров А.Н. Указ. соч. С. 83.

на обсуждение в Совет народных комиссаров был внесен вопрос об издании декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. Декрет был принят 23 января 1918 г. и гарантировал всем гражданам свободу исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. «Действительный смысл декрета, – пишет Ричард Пайпс в своей трилогии «Русская революция», – означал смертный приговор церковным учреждениям»¹. Отныне Русская Православная Церковь теряла статус юридического лица, лишалась права собственности и права приобретать ее. Духовенство, таким образом, оставалось без всяких средств к существованию. «Церковно-правовые акты Русской Православной Церкви после 1917 г. не были обязательными для государства, тем не менее, оставались обязательными для членов Церкви»², – отмечают современные исследователи Е.П. Гаранова и Е.В. Кискин. На этой почве, считают они, возникли юридические коллизии, которые носят межсистемный характер, т.е. коллизии между каноническим и светским правом. 24 августа 1918 г. народным комиссаром юстиции Д.И. Курским была подписана инструкция о порядке проведения в жизнь декрета от 23 января. Инструкция была составлена без учета мнения Церкви и еще более ужесточала ее положение, лишая тех немногих свобод, которые к тому времени еще оставались. Исходные идеи отношения нового государства к Церкви были отражены в статье «Советская политика в религиозном вопросе», написанной П.А. Красиковым, руководившем с мая 1918 г. осуществлением церковной политики советской власти. В этой статье церковная организация рассматривалась как часть старого государственного аппарата классового господства помещиков и капиталистов, как орудие управления и господства эксплуататорских классов над трудящимися классами³. 8 мая 1918 г. Совнарком постановил образовать при Народном комиссариате юстиции особый, постоянно действующий отдел для руководства делом отделения Церкви от государства. Так возник VIII отдел НКЮ. Вопреки декрету от 23 января 1918 г., VIII отдел фактически присвоил себе право истолковывать вероучение и каноны Православной Церкви. Выступая против церковного

почитания святых мощей, отдел обвинил духовенство... «в отступлении от догматов православной религии и соборных постановлений» и утверждал, что «нельзя усмотреть ни одного сколько-нибудь авторитетного с точки зрения официальной православной религии указания, что церковь подобные предметы (мощи) предписывает считать предметами, предназначенными для богослужебных целей»⁴. Началась «мощейная эпопея», в ходе которой кощунственно вскрывались святые мощи и закрывались монастыри, где они покоились. Журнал «Революция и Церковь» регулярно публиковал сводки о закрываемых «черных гнездах», т.е. православных монастырях. Параллельно с «мощейной эпопеей» развернулась кампания по изъятию ценностей из храмов и монастырей. Эта экспроприация проводилась под лозунгом сбора средств в помощь жертвам голода, начавшегося во второй половине 1921 г. и охватившего более 22 млн человек. При этом нужно учитывать тот факт, что Церковь сама осуществляла благотворительную деятельность, ибо социальное служение – это одна из основных сфер ее деятельности. Патриарх Тихон в своем Воззвании к духовенству и верующим по поводу изъятия церковных ценностей от 15 (28) февраля 1922 г. говорит: «Еще в августе 1921 г., когда стали доходить до нас слухи об этом ужасающем бедствии, Мы, почитая своим долгом прийти на помощь страждущим духовным чадам нашим, обратились с посланиями к главам отдельных христианских Церквей (Православным Патриархам, Римскому папе, архиепископу Кентерберийскому и епископу Нью-Йоркскому) с призывом, во имя христианской любви, произвести сборы денег и продовольствия и выслать их вымирающему от голода населению Поволжья. Тогда же был основан Нами Всероссийский Церковный Комитет помощи голодающим, и во всех храмах и среди отдельных групп верующих начались сборы денег, предназначенных на оказание помощи голодающим. Но подобная церковная организация была признана советским правительством излишней и все собранные Церковью денежные суммы потребованы к сдаче (и сданы) правительственному комитету»⁶. Патриарх призывал паству отдавать для помощи голодаю-

¹ Пайпс Р. Русская революция: В 3-х кн. Кн. 3. Россия под большевиками. 1918 – 1924. М.: Захаров, 2005. С. 436.

² Гаранова Е.П. Правовой режим церковного имущества: межсистемные коллизии канонического и светского права (1917 – 1929 гг.) / История государства и права. 2007. № 20. С. 21.

³ Кашеваров А.Н. Указ. соч. С. 95-96, 119, 132, 153.

⁴ Там же. С. 193.

⁵ Там же. С. 200.

⁶ Послание архипастырям, пастырям и всем верным чадам Церкви Российской от 15 (28) февраля 1922 г. // Тихон святитель, Патриарх Московский. Архипастырь страждущей Руси: Слова, послания, письма / Святитель Тихон, Патриарх Московский. М.: Издательство сестричества во имя святителя Игнатия Ставропольского, 2004. С. 186.

щим неосвященные предметы, которые не имеют богослужебного употребления, но: «Мы не можем одобрить изъятие из храмов <...> священных предметов, употребление которых не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается ею как святотатство»¹. Вообще, в первые годы советской власти, выпавшие на долю патриарха Тихона, были временем коренной ломки старых устоев государственно-церковных отношений и поиска компромиссов со стороны Церкви.

Первые месяцы существования советской власти, ознаменовавшиеся кощунственными высказываниями и действиями, жертвами среди духовенства и верующих, показали, насколько далека политика нового государства от невмешательства в дела Церкви. Реакцией со стороны Церкви стало выпущенное 19 января (2 февраля) 1918 г. Патриархом Тихоном Послание архипастырям, пастырям и всем чадам Православной Церкви Российской, которое атеистически настроенные исследователи назвали «анафемой большевикам и советской власти»². Действительно, патриаршее Послание 19 января официально провозглашало начало противостояния Церкви политике советской власти в религиозной области. Однако это Послание было именно защитной реакцией Церкви на насилие со стороны государства: «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело: это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной»³. Буквально через месяц Патриархом и Священным Синодом было принято Постановление, содержащее нормы, регулирующие организацию мероприятий по самозащите Церкви: «3. При всех приходских и бесприходских церквях надлежит организовывать из прихожан союзы (коллективы), которые должны защищать святыни и церковное достояние от посягательства».

4. Союзы эти должны иметь просветительские и благотворительные задачи и именоваться, они могут быть под председательством мирянина или священника, но не должны называться церковными или религиозными, т.к. всякие цер-

ковные или религиозные общества лишены новым декретом прав юридического лица.

5. В крайних случаях союзы эти могут заявлять себя собственниками церковного имущества, чтобы спасти его от перехода в руки неправославных или даже иноверцев. Пусть храм и церковное достояние останутся в руках людей православных, верующих в Бога и преданных Церкви»⁴. К сожалению, юридически бесправная, Церковь не могла в реальной жизни противостоять государству⁵. (26) октября Патриарх Тихон обращается к Совету народных комиссаров: «Вы обещали свободу... Великое благо – свобода, если она правильно понимается как свобода от зла, не стесняющая других, не переходящая в произвол и своеволие. Но такой-то свободы вы не дали: во всяческом потворстве низменным страстям толпы, в безнаказанности убийств, грабежей заключается дарованная вами свобода. Все проявления как истинной гражданской, так и высшей духовной свободы человечества подавлены вами беспощадно. Это ли свобода, когда никто без особого разрешения не может привезти себе пропитание, нанять квартиру; когда семьи, а иногда население целых домов выселяются, а имущество выкидывается на улицу; и когда граждане искусственно разделены на разряды, из которых некоторые отданы на голод и разграбление? Это ли свобода, когда никто не может высказать открыто свое мнение, без опасения попасть под обвинение в контрреволюции? Где свобода слова и печати, где свобода церковной проповеди? Уже заплатили своей кровью мученичества многие смелые церковные проповедники; голос общественного и государственного осуждения и обличения заглушен; печать, кроме узко большевистской, задушена совершенно. Особенно больно и жестоко нарушение свободы в делах веры. Не проходит дня, чтобы в органах вашей печати не помещались самые чудовищные клеветы на Церковь Христову и ее служителей, злобные богохульства и кощунства». Свобода от засилья светской власти, которую Церковь ждала весь Синодальный период своего существования, так и не наступила. Причем не стоит связывать эту несвободу исключительно с большевистским режимом. Еще в апреле

¹ Послание архипастырям, пастырям и всем верным чадам Церкви Российской от 15(28) февраля 1922 г. // Тихон святитель, Патриарх Московский. Архипастырь страждущей Руси: Слова, послания, письма / Святитель Тихон, Патриарх Московский. М.: Издательство сестричества во имя святителя Игнатия Ставропольского, 2004. С. 188.

² Кашеваров А.Н. Указ. соч. С. 114.

³ Тихон святитель, Патриарх Московский. Послание архипастырям, пастырям и всем верным чадам Церкви Российской от 19 января (2 февраля) 1918 г. // Тихон святитель, Патриарх Московский. Указ. соч. С. 112.

⁴ Постановление Святейшего Патриарха Тихона и Священного Синода о деятельности церковно-административного аппарата в условиях новой государственной власти от 28 февраля / 13 марта 1918 г. // Тихон святитель, Патриарх Московский. Указ. соч. С. 121-122.

⁵ Тихон святитель, Патриарх Московский. Послание к Совету народных комиссаров от 13(26) октября 1918 г. // Тихон святитель, Патриарх Московский. Указ. соч. С. 162-163.

1917 г. при Временном правительстве епископ Новгородский Алексей (Симанский), будущий Патриарх, писал своему духовнику: «Нас смущал цезарепапизм, но разве лучше демопапизм или, видите, охлопапизм, т.е. засилье черни в делах Церкви? <...> Да и вообще-то, есть ли хотя малейшее основание надеяться на то, что Церковь будет свободной?! <...> Кому придется принять крест управления Московской Церковью? Не Вам ли? Это будет подлинно крест. Пока Вы здесь – Вы спокойны, что назначены закономерным, традиционным способом и утверждены Помозанником Божиим. А теперь? Издают рескрипт и дают клубок от исполнительного Комитета (?) Совета рабочих депутатов? Все перепуталось, и заметьте, как все забыли Бога! Ведь о Нем нет упоминания нигде из уст нового правительства. Армия! – Один ужас! Простите меня за такое беспорядочное нагромождение мыслей. Но я ужасно болею душою. Ужасно сознавать, что Церковь находится под игом правительства. Где же возвращенная ей свобода?»¹

Свобода Церкви предполагает ее аполитичность. Принцип аполитичности разделяли многие видные иерархи. Так, епископ Тобольский Гермоген (Долганов) в проповеди, произнесенной в Вербное воскресенье 1918 г., говорил: «Я никогда великое, святое дело учения Христа не положу к подножию той или иной политической партии»². Буквально через две недели он был арестован за то, что во время крестного хода в Тобольске благословил дом, где находился Николай II со своей семьей, а 16 июня 1918 г. был утоплен в р. Туре. 17 июня 1918 г. был арестован, а 20 июня закопан в землю живым вблизи г. Перми архиепископ Пермский Андроник (Никольский). Поводом для ареста послужило то, что 9 мая во время крестного хода в Перми владыка отлучил от Церкви кощунников, разоряющих храмы. Среди бумаг, оставшихся от покойного архипастыря, был найден конспект проповеди, в которой он разъяснял свою позицию: «Контрреволюция, политика – не мое дело, ибо погибшая Россия не спасется в нашей взаимной грызне от отчаянности»³. Митрополит Петроградский Вениамин, расстрелянный в 1922 г., писал, обращаясь летом 1918 г. к духовенству: «Всякая политика, как реакционная, так и модная прогрессив-

ная, должна быть чужда вас. Пастыри не с аристократией, плутократией или демократией, не с буржуями или пролетариями, но со всеми и для всех верующих»⁴. Окончательно и определенно позиция аполитичности и гражданской лояльности Церкви по отношению к советской власти была высказана в Послании Патриарха от 8 октября (25 сентября) 1919 г.: «Мы, служители и глашатаи Христовой истины, подпали под подозрение у носителей современной власти в скрытой контрреволюции, направленной якобы к ниспровержению советского строя. Но мы с решительностью заявляем, что такие заявления несправедливы: установление той или иной формы правления дело не Церкви, а самого народа. Церковь не связывает себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение. <...> Указывают на то, что при перемене власти служители Церкви иногда приветствуют эту смену колокольным звоном, устройением торжественных богослужений и разных церковных празднеств. Но если это и бывает где-либо, то совершается или по требованию самой новой власти или по желанию народных масс, а вовсе не по почину служителей Церкви, которые по своему сану должны стоять выше и вне всяких политических интересов, должны помнить канонические правила святой Церкви, которыми она возбраняет своим служителям вмешиваться в политическую жизнь страны, принадлежать к каким-либо политическим партиям и тем более делать богослужебные обряды и священнодействия орудием политических демонстраций. Помните же, отцы и братья, и канонические правила, и завет святого апостола: «остерегайтесь производящих разделения и соблазны», уклоняйтесь от участия в политических партиях и выступлениях, «повинуйтесь всякому человеческому начальству» в делах мирских (Петр. 2, 13), не подавайте никаких поводов, оправдывающих подозрительность советской власти, подчиняйтесь и ее велениям, поскольку они не противоречат вере и благочестию, ибо Богу, по апостольскому же наставлению, должно повиноваться более, чем людям (см. Деян. 4, 19; Гал. 1, 10)»⁵. Следует особо подчеркнуть, что Послание было составлено во время апогея наступления войск генерала А.И. Деникина, которые находи-

¹ Письма Патриарха Алексея своему духовнику. М.: Издание Сретенского монастыря, 2000. С. 32-34.

² Цыпин В., прот. Русская Церковь (1917-1925) / Протоиерей Владислав Цыпин. М.: Издание Сретенского монастыря, 1996. С. 102.

³ Цыпин В., прот. Указ. соч. С. 104.

⁴ Кашеваров А.Н. Указ. соч. С. 297-298.

⁵ Тихон святитель, Патриарх Московский. Послание православному клиру и мирянам от 25 сентября (8 октября) 1919 г. // Святитель Тихон Патриарх Московский. Указ. соч. С. 175-176.

лись уже между Курском и Тулой, а в Москве ожидали их прихода со дня на день. Именно в этот непростой момент Патриарх Тихон сделал принципиальное заявление о позиции Церкви в политическом вопросе. Князь Григорий Трубецкой в своем эссе 14 мая 1925 г., посвященном памяти Св. Патриарха Тихона, писал: «Я ехал на юг, в Добровольческую Армию, рассчитывал увидеть всех, с кем связывалась надежда на освобождение России. Я просил разрешения Св. Патриарха передать от его имени, разумеется в полной тайне, благословение одному из таких лиц, но Патриарх в самой деликатной и в то же время твердой форме сказал мне, что не считает возможным это сделать, ибо, оставаясь в России, он хочет не только наружно, но и по существу избежать упрека в каком-либо вмешательстве Церкви в политику»¹.

Утратив свой прежний статус государственной, Русская Православная Церковь сразу оказалась в непривычных для нее условиях. Церковь родилась на Руси по инициативе государственной власти и всю историю существования в России чувствовала на себе отеческую опеку

государства. С приходом к власти большевиков Церковь не только потеряла привычное покровительство государства, но приобрела настоящего врага в лице последнего. Нормативно-правовые акты советского государства в отношении Русской Православной Церкви отличались крайней непоследовательностью. Декретом от 23 января 1918 г. Церковь была отделена от государства, но затем этот декрет многократно нарушался самим же государством в ходе «могучей эпопеи» и изъятия церковных ценностей. «Советские власти предпочли интерпретировать отделение церкви от государства в том смысле, что духовенство не может действовать организованно, то есть как единая общенациональная церковь»², - отмечает американский исследователь Ричард Пайпс. В результате Русская Православная Церковь оказалась в небывалых для нее условиях – государство фактически поставило ее в нелегальное положение. Несмотря на это, Патриарху Тихону и многим другим иерархам Церкви хватило мужества заявить о своей аполитичности и остаться в стороне от попыток нового государственного переворота.

¹ Трубецкой Г. Памяти Св. Патриарха Тихона / Князь Григорий Трубецкой // Святитель Тихон, Патриарх Московский. Указ. соч. С. 193.

² Пайпс Р. Русская революция: В 3-х кн. Кн. 3. Россия под большевиками. 1918-1924. М.: Захаров, 2005. С. 437.

Михеева Вероника Игоревна

соискатель кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России, секретарь избирательной комиссии
муниципального образования г. Краснодар

Муниципальные выборы постсоветского периода в Краснодарском крае. Историческая ретроспектива

Термин «муниципальные выборы», под которым понимаются выборы депутатов, членов иных выборных органов местного самоуправления, выборных должностных лиц местного самоуправления был введен в юридическую практику в Российской Федерации Федеральным законом от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹. В действующем сегодня Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»² смысл этого термина не претерпел изменений.

С учетом федеративной природы Российской Федерации, в соответствии с нормами ее Конституции (ст. ст. 12, 71, 72, 131) в федеральном законе о местном самоуправлении устанавливаются формы осуществления гражданами своего права на местное самоуправление (в том числе путем выборов), определяется перечень избираемых органов местного самоуправления, сроки их полномочий, возможность использования различных избирательных систем, а в федеральном законе о выборах определяются обязательные для исполнения на всей территории государства федеральные гарантии избирательных прав граждан Российской Федерации при проведении выборов органов местного самоуправле-

ния, т.е. правила их проведения.

С учетом взаимосвязи вышеуказанных положений на федеральном уровне должно быть определено, какие органы и по каким правилам избираются, на региональном уровне должно быть осуществлено собственное правовое регулирование этих вопросов в рамках федеральных гарантий, на муниципальном уровне – определяется на какой срок и по какой избирательной системе эти органы избираются.

Таким образом, целью муниципальных выборов является определение гражданами «тех, кто наиболее подготовлен для осуществления функций местного самоуправления в качестве их представителей в выборных органах местного самоуправления»³, а избирательное законодательство является механизмом юридической регламентации процесса политического воспроизводства и контроля институтов публичной власти посредством организации и проведения выборов⁴.

В постсоветский период на базе фактических данных по Краснодарскому краю о том, как эти вопросы решались во времени можно выделить четыре цикла формирования органов местного самоуправления разных созывов, которые соответствуют периодам развития законодательства о муниципальных выборах.

В 1993 г. Указами Президента Российской Федерации⁵ была прекращена деятельность городских, районных, поселковых и сельских Со-

¹ СЗ РФ. 1995. № 35. Ст. 3506.

² СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

³ Фадеев В.И., Рауткина Н.И., Миронов Н.М. Муниципальные выборы в Российской Федерации. М., 2006. С. 27.

⁴ Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации / Отв. ред. канд. юрид. наук А.А. Вешняков. С. 5.

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 1993 г. № 1760 «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 44. Ст. 4188; Указ Президента Российской Федерации от 29 октября 1993 г. № 1797 «Об утверждении основных положений о выборах в органы местного самоуправления» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 44. Ст. 4197.

ветов народных депутатов, утверждены положения об основах организации местного самоуправления и основные положения о выборах в органы местного самоуправления в Российской Федерации, а органам государственной власти субъектов Российской Федерации рекомендовалось принять собственные положения по этим вопросам и назначить дату выборов. Положения о выборах принимались главами администрации краев и областей, которые не были избраны населением, а назначены на должность Президента России.

6 сентября 1994 г. постановлением главы администрации Краснодарского края № 497 были утверждены «Положение об основах организации местного самоуправления в Краснодарском крае» и «Положение о выборах в представительные органы местного самоуправления в Краснодарском крае»¹. Особенностью положения о выборах являлось то, что оно предусматривало проведение выборов только представительных органов местного самоуправления всех уровней от поселкового, сельского округа до района и города краевого подчинения со сроком полномочий их депутатов 2 года.

В Краснодарском крае 20 ноября 1994 г. состоялись выборы: 34 Собраний представителей районов краевого подчинения, 14 Собраний представителей и городских Дум городов краевого подчинения, а также представительных органов 11 городов районного подчинения, 26 поселковых и 372 сельских округов. В Гривенском сельском округе Калининского района выборы были перенесены из-за недостаточного числа кандидатов.

Таким образом, первый период можно определить как Президентский, когда выборы проводились на основе его Указов и положений, утвержденных главами субъектов Российской Федерации.

Его завершением можно считать принятие Государственной Думой Федерального закона от 6 декабря 1994 г. № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации»², а также Федерального закона от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», что привело к принятию Законов Краснодарского края от 23 августа 1995 г.

№ 14-КЗ «О выборах в органы местного самоуправления в Краснодарском крае»³; от 22 ноября 1995 г. № 18-КЗ «О местном самоуправлении в Краснодарском крае»⁴ (которым был установлен четырехлетний срок полномочий представительных органов и глав местного самоуправления).

Уже на базе «регулярного» законодательства в декабре 1996 г. были в Краснодарском крае избраны 48 представительных органов и 47 глав местного самоуправления (глава администрации города Геленджика был избран в марте 1993 г. на 5 лет и на тот момент срок его полномочий еще не истек), а также представительные органы местного самоуправления сельских и поселковых округов в Красноармейском (10 округов), Туапсинском (9 округов), Щербиновском (8 округов) и Гулькевичском (1 округ) районах.

В Краснодарском крае эволюционный процесс определения уровня, на котором создаются муниципальные образования, был завершён с принятием Закона Краснодарского края от 24 марта 1997 г. № 71-КЗ «О территориях муниципальных образований в Краснодарском крае, порядке их реорганизации или упразднения, установления и изменения их границ», в ст. 4 которого были перечислены 48 (15 городов и 33 района краевого подчинения) территорий, признаваемых муниципальными образованиями⁵.

Этот период можно характеризовать как переходный в части определения территориальной основы местного самоуправления в Краснодарском крае, а в отношении законодательства о выборах – как период определения пределов ограниченной, целевой систематизации законодательства о выборах на федеральном уровне и становления новой избирательной системы России.

Начало новому периоду положил Федеральный закон от 19 сентября 1997 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»⁶.

Помимо изменения названия самого закона, которое уже само по себе указывает на расширение его поля правового регулирования (в это поле попал и референдумный процесс), увеличилось по сравнению с Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» почти в два

¹ Бюллетень избирательной комиссии Краснодарского края. 1994. № 1. С. 89-117.

² Российская газета. 1994. 10 дек. № 241; СЗ РФ. 1994. № 33. Ст. 3406.

³ Кубанские новости. 1994. 7 сент. № 95.

⁴ Кубанские новости. 1995. 29 нояб. № 218.

⁵ Кубанские новости. 1997. 1 апр. № 59.

⁶ СЗ РФ. 1997. № 38. Ст. 4339.

раза количество статей (с тридцати шести до шестидесяти шести), что говорит о детализации его норм. Если Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» являлся декларацией о намерениях, то Федеральный закон от 19 сентября 1997 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» приобрел форму, подробно фиксирующую права и обязанности всех сторон избирательного процесса.

С учетом опыта проведения в 1996 г. в Краснодарском крае выборов органов местного самоуправления на основе нового Федерального закона был принят Закон Краснодарского края от 9 декабря 1997 г. № 108-КЗ «О выборах депутатов представительных органов местного самоуправления и глав муниципальных образований в Краснодарском крае»¹.

Апробацию новый Закон Краснодарского края прошел в 1998 г. на выборах главы городского округа Геленджика и в 1999 г. на основных выборах Белореченского городского Совета депутатов.

Федеральный законодатель, реагируя на вызовы времени, принял Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 55-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»², содержащий 42 новеллы. Главным изменением являлось законодательное установление препятствий по проникновению в избираемые органы лиц с криминальным прошлым и настоящим. Соответствующие изменения также были внесены в Закон Краснодарского края.

На основных, досрочных и повторных выборах в 2000–2001 гг. были избраны депутаты 47 представительных органов местного самоуправления и 43 глав муниципальных образований. В 4 муниципальных образованиях края главы были избраны из состава депутатского корпуса.

Что же касается Федерального закона от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», то он удовлетворял существовавшим общественным отношениям, а, соответственно, не было необходимости внесения в него больших корректив.

Это был третий период, который, в части законодательства о выборах, характеризуется четкой законодательной регламентацией боль-

шинства избирательных процедур (в том числе назначения выборов, работы избирательных комиссий, выдвижения кандидатов, законодательного установления препятствий по проникновению в избираемые органы лиц с криминальным прошлым, агитации, финансирования выборов, подведения их итогов и обжалования нарушений), а также обеспечением на основе федеральных избирательных стандартов сбалансированного и непротиворечивого регионального законодательства о выборах и референдумах.

25 июня 2002 г. вступила в силу новая редакция Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Новая редакция Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»³ разработана и принята законодателем с учетом опыта избирательных кампаний (1999–2002 гг.), новейшего законодательства о политических партиях, судебной практики по разрешению избирательных споров, решений Конституционного Суда Российской Федерации.

В целях приведения краевого закона, регулирующего порядок подготовки и проведения муниципальных выборов, в соответствии с действующим федеральным законодательством была принята новая редакция Закона Краснодарского края от 3 июня 2003 г. № 593-КЗ «О выборах депутатов представительных органов местного самоуправления и глав муниципальных образований в Краснодарском крае»⁴.

Проверку «на качество» новый краевой Закон прошел в ходе очередных выборов депутатов Белореченского районного Совета депутатов и главы района (7 декабря 2003 г.), досрочных выборов глав городов Сочи (25 апреля 2004 г.) и Кропоткина (17 октября 2004 г.), а также главы муниципального образования город Краснодар, выборы которого были назначены в связи с принятием действующим главой решения о сокращении срока своих полномочий в целях совмещения дня голосования на выборах главы муниципального образования с днем голосования на выборах Президента Российской Федерации и главы администрации (губернатора) Краснодарского края (14 марта 2004 г.).

В декабре 2004 г. истекли сроки полномочий большинства органов местного самоуправления, сформированных на территории Красно-

¹ Кубанские новости. 1997. 18 дек. № 235.

² СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1653.

³ СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

⁴ Информационный бюллетень Законодательного Собрания Краснодарского края. 2003. № 6. С. 4.

дарского края. По итогам основных и повторных выборов 5 декабря 2004 г. и в начале 2005 г. были избраны депутаты 45 представительных органов и главы 39 муниципальных образований (городских округов и муниципальных районов) края. Полномочия восьми глав муниципальных образований городов Белореченска, Горячий Ключ, Краснодара, Кропоткина, Новороссийска и Сочи, Белоглинского и Темрюкского районов, а также представительных органов городов Белореченска, Горячий Ключ и Краснодара не закончились к данному сроку. Глава Апшеронского района в соответствии с уставом муниципального образования избирался из состава депутатов. Также были проведены 23 октября 2005 г. первые выборы депутатов представительных органов и глав 378 муниципальных образований поселенческого уровня.

После внесения в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» изменений рядом законов, которыми существенно был изменен порядок подготовки и проведения выборов всех уровней в связи с комплексной корректировкой подходов к правовому регулированию порядка проведения выборов, что позволяло говорить о фактически новой редакции Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», Законодательным Собранием Краснодарского края был принят новый Закон Краснодарского края от 26 декабря 2005 г. № 966-КЗ «О муниципальных выборах в Краснодарском крае»¹. Данный краевой закон учитывал и новеллы нового Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федера-

ции», который дал старт новой реформы местного самоуправления в России.

Таким образом, 2002 г. можно считать началом четвертого периода, который характеризуется реализацией в законодательстве о выборах положений реформы местного самоуправления и государственной политики на усиление роли политических партий, точечной шлифовки законодательства о выборах с учетом мировых избирательных стандартов, на фоне экономической стабилизации в стране.

Полагаем возможным в постсоветский период России с учетом места Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ему не могут противоречить региональные законы) и прошедших изменений в законодательстве Российской Федерации, регулирующем порядок организации выборов, выделить следующие периоды его становления и развития:

- 1 этап: с осени 1993 г. по декабрь 1994 г.
- 2 этап: с января 1995 г. по октябрь 1997 г.
- 3 этап: с октября 1997 г. по июнь 2002 г.
- 4 этап: с 25 июня 2002 г. по настоящее

время.

Как отмечал на третьей Европейской конференции представителей избирательных комиссий «Развитие и кодификация международных избирательных стандартов», проходившей в городе Москве 22-23 мая 2006 г., вице-президент Венецианской комиссии Совета Европы Уго Мифсуда Бонничи: «Нельзя добиться демократии одними лишь законами, но без закона демократия невозможна. Хорошие законы помогают демократической практике и укрепляют демократию, плохие законы препятствуют ее прогрессу и приводят к кризису»².

¹ Информационный бюллетень Законодательного Собрания Краснодарского края. 2006. № 37. С. 339.

² Бонничи У.М. Передовой опыт в области избирательного законодательства // Журнал о выборах. 2006. Специальный выпуск. С. 17.

Скоркина Наталья Владимировна

адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Дальневосточного юридического института МВД России

К вопросу об истории иммиграции китайцев на Дальнем Востоке (конец XIX - начало XX вв.)

Отличительной чертой заселения дальневосточного региона России являлось одновременное его освоение русскими, а также иммигрантами, как из сопредельных азиатских государств, так и из европейских стран и США.

Экономика Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. развивалась быстрыми темпами. Обеспечение рынков страны иностранными рабочими, а значит и финансовыми ресурсами, способствовало увеличению темпов индустриального развития в указанный период, открытию железнодорожной сети. Это стало возможным благодаря политике правительства в области миграции населения. Существенное влияние на миграционный процесс оказали буржуазные реформы 1860-1880 гг.: реформирование судебной системы, отмена крепостного права, формирование рынка свободной рабочей силы и др., способствовавшие сначала неорганизованному, а затем и планомерному переселению. Теперь политика правительства была направлена не на ограничение переселения, а на его развитие.

Период присоединения Приамурья и Приморья к Российской империи совпал с началом реформ 1860-1870 гг., что послужило увеличению роста иммиграции на юг Дальнего Востока России. Политическая и социально-экономическая обстановка в России, региональные особенности хозяйственного развития (ускоренные темпы освоения новых территорий в условиях нехватки капитала и труда), внешнеполитическая ситуация явились условиями, которые привели к активизации миграционных процессов на Дальнем Востоке России¹. Заключив Айгунский (1858) и Пекинский (1860) договоры с Китаем, Россия на законодательном уровне закрепила за своей территорией Приамурье и Приморье.

Правительство страны во второй половине XIX в. способствовало иммиграции на Дальний Восток, а также организации предпринимательской и иной деятельности. Целью такой политики было создание условий расширения рынков сбыта для собственной политики и сфер приложения капиталов. Причинами же иммиграционной активности на российский Дальний Восток являлись как негативные, так и положительные условия. К первой группе относились – низкая заработная плата, безработица, прогрессирующая конкуренция в основных сферах предпринимательской деятельности, эксплуататорская политика государства, тяжелое социально-экономическое положение. Ко второй – предоставление новых возможностей на рынках принимающей стороны.

Иммиграция в Россию носила различную степень интенсивности в отдельные периоды освоения Дальнего Востока и имела волнообразный характер, объясняющийся изменениями военно-политической и экономической ситуации в регионе.

Первая волна иммиграции относится к концу XIX – начала XX в., именно в это время территория Приамурья и Приморья вошла в состав Российской империи, и именно с этого времени началось ее активное освоение и заселение.

Состав иностранных подданных по государственной принадлежности был весьма неоднороден. На динамику численности и удельного веса иммигрантов в городах значительное влияние оказал приток иностранного населения из сопредельных азиатских стран, а в большей степени из Китая.

По единодушному утверждению историко-краеведческой литературы, опирающейся на свидетельства очевидцев, ко времени включения Приамурского края в состав России китайцев там не было². Китайцы не появлялись на российских

¹ Поздняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2004. С. 19.

² Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990. С. 27.

окраинах, пока русские не приступили к активному освоению региона и не наладили должную защиту своих границ.

Китайские отходники появились на Дальнем Востоке России в середине XIX в. Именно в это время русские приступили к отстройке городов, сооружению портов, прокладыванию дорог и линий. Рабочие из центральных губерний обходились России дорого, а их перемещение занимало много времени. Информация об имеющихся трудовых местах на Дальнем Востоке быстро распространилась в Китае и Маньчжурии. Китайцы иммигрировали без семей, были неприхотливы в быту, не требовательны к условиям труда. Частные предприниматели нанимали китайских рабочих охотно, тем более их труд оплачивался ниже, чем русских рабочих.

Отходники из Китая приезжали в край как по набору через русские представительства, так и стихийно, в одиночку. Китайское отходничество носило массовый характер, хотя состав менялся каждые 3-5 лет. Одни прибывали, другие возвращались на родину к своим семьям.

Отходничество китайцев в Россию объяснялось нищетой населения на родине, малыми территориями пустующих земель, которые запрещено было занимать по настоянию китайских властей. Китайским иммигрантам не доставляло трудностей попасть в регион, где слабо охраняются границы, а администрация слабо интересуется деятельностью и масштабами их прибытия. Заработки китайцев на сопредельной территории были значительно выше по сравнению с Китаем. Например, в Шандуне китаец зарабатывал в год 42 рубля, а на Дальнем Востоке, даже получая зарплату ниже, чем русские рабочие, он зарабатывал свыше 150 рублей, или в 3,5 раза больше¹.

В 1860 г. был заключен англо-китайский договор, согласно которого китайцам было предоставлено право выезжать за границу.

В 1877 г. был создан надзирающий орган — контроль, отслеживающий эмиграцию китайцев в портах, которые открывались для иностранной торговли. Перед отправлением китайского переселенца опрашивали на предмет добровольности его выезда. Затем китайские власти выдавали эмигрантам выездное свидетельство.

Массовый приток отходников начался в 1890-х гг. с началом железнодорожного строительства. О численности китайцев в городах Дальнего Востока можно судить по данным переписи

1897 г. Наибольшее число китайцев было сосредоточено во Владивостоке — 9 878 человек, далее со значительной разницей следовали Хабаровск — 3 652 человека, Благовещенск — 2 969 человек и Николаевск-на-Амуре — 1 129 человек. Распределение по городам и по округам в Приморской и Амурской областях существенно отличалось. В Приморской области — в городах было сосредоточено 14 672 китайских подданных (29,6% горожан), в округах — 16 479 человек, где они составляли только 11,7%. В Амурской области — в Благовещенске — китайцы составляли 9% населения (2 969 человек), тогда как в округе — 13,2% (11 520 человека)².

В начале XX в. численность китайцев на русском Дальнем Востоке возросла. В 1910 г. китайское население Приморской области составляло 61 429 человек (не считая женщин), в том числе во Владивостоке — 28 591, Хабаровске — 7 345, Никольск-Уссурийске — 5 580, Николаевске — 1 896, Хабаровском Уезде — 1 023, Удском — 3 283, Иманском — 1 576, Ольгинском — 4 384 человека; в Амурской области насчитывалось 32 695, в том числе в Благовещенске — 4 292, Амурском Уезде — 1 870, Зея Пристань — 450, в округе Амурского Казачьего войска — 858, зейском горном округе — 12 269, Буренском горно-полицейском округе — 7 683, округе Сутарской и Хинганской систем — 400, Нижнее-Селемджинском прииске — 270, прииске округа Амурского казачьего войска — 4 055, Амурском переселенческом районе — 553³.

Расходы, связанные с проездом в регион, были весьма значительны, в связи с чем многие, не имея денежных средств, пересекали русскую границу нелегально.

Число китайских подданных на российском Дальнем Востоке стало настолько велико, что вызвало серьезное беспокойство со стороны местной администрации. Это привело к ряду ограничений миграции иностранных подданных в регион. Так, закон от 21 июня 1910 г. регламентировал запрещение найма иностранцев на казенные работы, что послужило сокращению масштабов китайской иммиграции на русский Дальний Восток в последующие годы.

Для всех иностранцев существовали общие правила въезда и проживания на Дальнем Востоке. На пограничных пунктах при переходе русской границы они должны были предъявлять национальные паспорта, визированные русскими

¹ Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье // Труды амурской экспедиции. СПб., 1912. Вып. 11. С. 7.

² Обзор Приморской области за 1910 год. Владивосток, 1911. Прил. 1,2; Обзор Амурской области за 1910 год. Прил. 1,2.

³ Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. 2. СПб., 1912. С. 350.

консульствами за границей. Также визу могли поставить пограничные власти, если она отсутствовала в паспорте. Контролирующим органом подданных Китая являлись таможенные посты, жандармские полицейские чиновники. В 1902 г. порядок визирования был изменен. Так как из-за отсутствия необходимой информации в край прибывало немало преступников, визирование паспортов на въезд китайцев в пределы Российской империи было поручено исключительно чиновникам министерства иностранных дел за границей¹. С этого времени китайским переселенцам необходимо было ехать в русские консульства, которые находились в крупных административных центрах, чтобы завизировать паспорта на въезд. Такие изменения в миграционном законодательстве потребовали от китайских подданных дополнительных расходов. Не имея денежных средств, многие китайцы шли на Дальний Восток России без виз и пересекали границу нелегально.

Установленный порядок въезда и проживания китайцев в регионе систематически нарушался как китайцами, так и местной администрацией. В основном китайские подданные пересекали русскую границу нелегально и в неразрешенных местах.

Китайская иммиграция носила сезонный характер. Приезжали китайцы на заработки в одиночку и работали в основном в промышленности и торговле.

Деятельность китайских мигрантов вызывала беспокойство со стороны российских властей, так как она наносила вред российской экономике.

Дешевый иностранный труд создавал большую конкуренцию для русских рабочих. Так, заработная плата русского рабочего была в 1,5-2 раза выше, чем у китайца, причем даже на сельскохозяйственных работах оплата труда первых была на 25-30% выше, чем вторых. При этом потребности у китайских рабочих были намного ниже, чем у русских. Ежемесячное потребление русского рабочего обходилось в 23 рубля, корейского – 18 рублей, а китайского – 8 рублей².

Методический анализ китайской иммиграции позволил обозначить ряд выводов: наиболее массовой в Дальневосточном регионе являлась миграция китайской диаспоры, она включала в себя разнородные группы, с различным устоями жизни, имевшие различный статус, занимавшие различные видами деятельности.

Китайцы расселялись по территории реги-

она весьма неоднородно. В тайге в районах приисков они образовывали целые поселки, здесь российские власти их почти не контролировали. В городах китайцы селились в основном обособленно. Это объяснялось с одной стороны, их стремлением жить вместе с соотечественниками, с другой, местные власти стремились изолировать китайские кварталы от наиболее заселенной части города русскими, в целях предотвращения антисанитарии и эпидемий. Несмотря на это, достаточно часто китайцы селились разрозненно, устраиваясь на работу в мастерские, заводы и лавки, а также в качестве прислуги в дома русских.

Незнание русского языка не являлось для китайца преградой для проживания в регионе. Китайцы, которые пребывали на территории региона непродолжительное время, стремились свести к минимуму общение с русскими, а при необходимости прибегали к помощи посредников. Однако некоторым группам китайцев, например, работавшим прислугой, предпринимателями и торговцами необходимо было устанавливать контакт с русскими, поэтому им необходим был хотя бы небольшой запас русских слов.

Стоит отметить, что особенностью адаптации китайских подданных в регионе являлось стремление к самоуправлению общины, основными чертами которой были замкнутость, изолированность, прочность семейно-родственных связей, родство по крови и родству по браку, взаимопомощь членов общины, почтение традиций, принятие собственных юридических норм и др. Самоуправление общины действовало как в городах, где китайцы селились обособленно, так и за пределами города, где расселение было не таким компактным. Местные власти пытались воздействовать на деятельность общины, но такие меры не приводили к положительному результату. Самоуправляемость общины приводила к интеграции китайцев с российским обществом, способствовала закрытости от принимающей стороны. Но стоит отметить, что не все китайские подданные стремились отграничиваться от русского общества. На индивидуальном уровне часть китайских мигрантов была склонна к интеграции. Это, например, лица, которые по различным обстоятельствам воспитывались в русских семьях, вступили в брак с русскими женщинами либо утратили связь с родиной или не стремились по различным обстоятельствам возвращаться туда, где они родились.

¹ Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальний Восток России в эпоху капитализма (1861-1917). М., 1989. С. 41.

² Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. 2. СПб., 1912. С. 47.

Китайские рабочие благодаря дешевизне своего труда захватили лидерство на промышленных и торговых рынках, их труд был выгоден капиталистам и охотно использовался предпринимателями. Ежегодно за границу вывозились миллионы рублей, заработанные и сэкономленные иностранными работниками. Чем больше численность иммигрантов в регионе, тем больший капитал вывозился за границу. Такому процессу сопутствовали слабая защищенность дальневосточных границ и низкая плотность русского населения. И только осложнения в политике вызвало беспокойство царских властей, которые понимали, что освоение дальневосточных земель русским населением происходило низкими темпами. Хотя стоит отметить и положительные моменты иммиграции из азиатских стран. Русские

перенимали опыт выращивания восточных сельскохозяйственных культур, рыбной ловли, переработке ресурсов тайги и др. Несмотря на то, что иммиграция на российский Дальний Восток имела большое значение в освоении данной территории, тем не менее, иностранные переселенцы не становились постоянными жителями Дальневосточного региона, а за исключением русских подданных корейцев по истечению определенного времени возвращались на родину. Данное явление отличало иммиграцию на Дальнем Востоке от других стран, где переселенцы становились постоянным населением. Поэтому иммиграция из азиатских стран, в том числе Китая, хотя и способствовала освоению природных ресурсов Дальнего Востока, но в заселении этих земель не играла большой роли.

Кибальник Алексей Григорьевич

доктор юридических наук,

профессор Ставропольского государственного университета

Соломоненко Иван Геннадьевич

кандидат юридических наук,

доцент Ставропольского государственного университета

Об ограничении конституционного права на тайну личной (частной) жизни

В последнее время в литературе все чаще предлагаются новые пути повышения эффективности в борьбе с преступностью (или «противодействия преступности»). Хотелось бы поговорить о возможности ограничения неприкосновенности частной жизни лица как одном из «побочных» явлений в борьбе с преступностью.

К сожалению, доктрина прав человека ныне в отечественной литературе «не в моде». Но произвольное «уничтожение» личных прав и свобод даже во имя глобальных интересов приведет к обратному эффекту – всякий станет себя чувствовать менее защищенным, и возможная ответная реакция людей будет обратна ожидаемой некоторыми отечественными криминологами.

Соблюдение личных прав любого (подчеркнем – любого, а не только преступника или жертвы) должно изначально присутствовать при разработке любой концепции борьбы с преступностью. Данный постулат должен быть не так уж и страшен для «непримиримых» борцов, так как естественное право человека на неприкосновенность его частной жизни вовсе не является абсолютным. Еще Дж. Локк отмечал, что свобода людей, «находящихся под властью правительства, заключается в том, чтобы иметь постоянное правило для жизни, общее для каждого в этом обществе и установленное законодательной властью, созданной в нем; это свобода следовать моему собственному желанию во всех случаях, когда этого не запрещает закон, и не быть зависимым от постоянной, неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека»¹. Кто (что) может ограничить право лица на неприкосновенность частной жизни?

Конституционным основанием ограничения права на неприкосновенность личной жизни является личное волеизъявление лица. Право на неприкосновенность личной жизни, наряду с правами на жизнь, свободу, честь, достоинство, тайну личной корреспонденции являются не просто неотъемлемыми правами человека, а его субъективными правами – «возможностями, имеющимися у каждого человека, «прикрепленными» к отдельному, автономному субъекту»². Таким образом, у человека должно иметься «право на право» распорядиться своими естественными правами – если право на неприкосновенность личной жизни является личным правом человека, закрепленным Конституцией, то любое лицо может добровольно ограничить себя в этом праве.

Вряд ли кто-нибудь будет оспаривать, что объективно нарушается право на неприкосновенность личной жизни, когда человек, например, сообщает третьему лицу о своих пристрастиях, увлечениях, личных проблемах или планах и т.п. Однако также вряд ли кто-то будет требовать привлечения этого третьего лица к уголовной ответственности за объективный факт ознакомления со сведениями, являющимися личной тайной другого человека. Но это добровольное согласие распространяется только на случаи, когда сведения, составляющие тайну личной жизни, касаются только самого лица.

Несколько иначе обстоит дело в ситуациях, когда эти сведения изначально касаются двух (и более) лиц. Полагаем, что нарушение неприкосновенности частной жизни в этом случае не будет иметь места, если получено согласие на открытие такой информации со стороны всех лиц,

¹ Локк Дж. Избранные философские произведения. Т. 2. М., 1960. С. 16.

² Алексеев С.С. Право. Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 608-609.

которых эти сведения непосредственно касаются.

Приведем пример. Человек рассказал третьему лицу о своем сексуальном контакте. Если он не назвал имя партнера, то эти сведения касаются только его самого – и достаточно только его согласия. Если же имя партнера сообщено третьему лицу (без ведома партнера), то такое добровольное открытие сведений вряд ли можно считать допустимым, ведь эти сведения касаются приватной стороны жизни двух (как минимум) людей.

Таким образом, добровольное согласие лица как обстоятельство, декриминализующее объективное нарушение неприкосновенности частной жизни, может быть двух видов:

1. В случаях, когда сведения, составляющие личную тайну, непосредственно касаются только этого лица, достаточно его согласия.

2. В случаях, когда сведения, составляющие личную (семейную) тайну, непосредственно касаются нескольких лиц, требуется согласие каждого из них.

Примечательно, что действующее федеральное законодательство знает примеры того, как личное волеизъявление человека может быть положено в основание ограничения его права на неприкосновенность частной жизни. В соответствии со ст. 9 Федерального закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности», в случае возникновения угрозы жизни, здоровью, собственности отдельных лиц по их заявлению или с их согласия в письменной форме разрешается прослушивание переговоров, ведущихся с их телефонов, на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, с обязательным уведомлением соответствующего суда (судьи) в течение 48 часов. В этом случае ограничение права на тайну личной корреспонденции как составляющую частной жизни основано на согласии, свободном волеизъявлении лица – суд всего лишь «уведомляется».

В европейском праве, в соответствии с Директивой Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 24 октября 1995 г. «О защите прав частных лиц применительно к обработке персональных данных и о свободном дви-

жении таких данных»¹, данные, которые по своей природе способны нанести ущерб фундаментальным свободам или праву на частную жизнь, не должны обрабатываться, если субъект данных не дает своего явного согласия².

Вторым основанием ограничения права на неприкосновенность частной жизни является наличие прямого указания в законодательстве – при этом такое законодательное положение не должно противоречить Конституции РФ. К сожалению, действующее российское законодательство в этом плане далеко от совершенства. Приведем пример.

Журналистка И.Г. Чернова, узнав о том, что на нее заведено дело оперативного учета, попросила получить эти материалы, но ей отказали в этом, сославшись на то, что это государственная тайна. По мнению заявительницы, отсутствие в федеральном законодательстве норм, обязывающих государственные органы сообщать лицу о факте заведения в отношении него дела оперативного учета, нарушает конституционное право на судебную защиту и препятствует доступу к правосудию. Кроме того, предоставление лицу права истребовать сведения о полученной о нем информации лишь в пределах, допускаемых требованиями конспирации и исключающих возможность разглашения государственной тайны, как полагает заявительница, создает почву для злоупотреблений и тем самым лишает гражданина возможности выяснить, нарушены ли его права, и обжаловать соответствующие решения и действия должностных лиц.

В решении Конституционного Суда РФ по этому делу сказано, что Федеральный закон РФ «Об оперативно-розыскной деятельности»³ не допускает сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни проверяемого лица, если это не связано с выявлением, предупреждением, пресечением и раскрытием преступлений, а также выявлением и установлением лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, и другими законными задачами и основаниями оперативно-розыскной деятельности. При этом согласно ч. 7 ст. 5 данного ФЗ РФ, органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается разглашать сведения, которые затрагивают неприкосновенность частной

¹ 95/46/EU

² Тем не менее, существуют исключения из этого запрета: они должны быть явно предусмотрены для конкретных целей, в частности, когда обработка таких данных осуществляется для определенных целей, связанных со здравоохранением, лицом, которое несет законодательное обязательство сохранения профессиональной тайны, или в ходе законной деятельности некоторыми ассоциациями или фондами, целью которых является обеспечение осуществления фундаментальных свобод.

³ Собрание Законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349 (в действ. ред.).

жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя граждан и которые стали известными в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий, без согласия граждан, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами (в данном случае, если они относятся к преступному деянию). На этом основании Конституционный Суд РФ счел, что конституционное право заявительницы на неприкосновенность частной жизни не нарушено¹.

Запутанность ситуации в определении ответственности ФЗ РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» Конституции РФ подтверждается особым мнением судей Конституционного Суда РФ (А.Л. Кононова, Т.Г. Морщаковой), высказанным по этому делу. В особом мнении судьи Конституционного Суда А.Л. Кононов подчеркнул, что категорически нельзя согласиться с выводом Конституционного Суда о том, что проведение оперативно-розыскных мероприятий само по себе не нарушает прав человека и допустимо уже потому, что преследует цели борьбы с преступлением, которое не является сферой частной жизни. Государство в силу ст. ст. 2, 17, 45, 55 Конституции РФ обязано гарантировать защиту прав и свобод человека и гражданина и не может исходить при этом из предположения добропорядочности исполнительных органов. В равной мере это требование относится и к случаям, когда законодатель устанавливает допустимые ограничения этих прав. По мнению А.Н. Кононова, эти гарантии приобретают особое значение в сфере оперативно-розыскной деятельности как деятельности, предполагающей, как правило, негласный, непроцессуальный характер: «учитывая, что эта сфера деятельности в той части, которая затрагивает права и интересы отдельных лиц, является вспомогательной, подчиненной задачам пресечения преступности и рассмотрения уголовных дел, процедурные гарантии судебной защиты здесь не могут быть меньшими, чем в уголовном процессе»².

Как известно, в уголовном процессе основанием ограничения конституционных прав является судебное решение. Полагаем, что именно судебное решение должно являться единственным основанием любого ограничения права на неприкосновенность частной жизни, совершаемо-

го без согласия самого лица. Отчасти такая позиция подтверждается самим федеральным законодательством. Так, в ст. 3 Федерального закона РФ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в качестве одного из принципов правового регулирования отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации названа неприкосновенность частной жизни, недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия³. Ранее в законодательстве исключение из запрета на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица (без его согласия) связывалось только с судебным решением⁴. Данное требование в большей мере соответствовало конституционным принципам установления ограничений прав личных прав человека и смыслу судебного контроля за соблюдением пределов этих ограничений.

Более того, в силу международного права именно предписание закона и вынесенного на его основании судебного решения являются основанием для легального нарушения неприкосновенности частной жизни. Так, ст. 8 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод допускает вмешательство государства в частную жизнь в интересах безопасности в демократическом обществе, лишь когда это «предусмотрено законом». Данное положение является принципиально важным при определении границ преступности деяний, посягающих на личные права и свободы человека (ст. ст. 137-139 УК РФ). Обратимся к решениям Европейского Суда по правам человека, являющимся неотъемлемой и составной частью указанной Конвенции, имеющей силу для России.

В решениях по делам *Klaas & others v Germany* от 6 сентября 1978 г., *Schenk v Switzerland* от 12 июля 1988 г., *Kruslin v France* от 24 апреля 1990 г.⁵ указывалось, что, при решении вопроса о допустимом вмешательстве в частную жизнь, необходимо соотносить находящиеся в конфликте интересы – публичный интерес в установлении истины по делу и частный интерес в сохранении конфиденциальности личной жизни. Такая позиция подтверждена Европейским

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О // Российская газета. 1998. 11 авг.

² Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ является составной частью материалов дела, по которому принято решение Конституционным Судом РФ. См.: ст. 76 Федерального конституционного закона РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 24 июля 1994 г. // Собрание Законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

³ Российская газета. 2006. 29 июля.

⁴ См.: ч. 2 ст. 11 Федерального закона РФ «Об информации, информатизации и защите информации» от 20 февраля 1995 г. См.: Собрание Законодательства РФ. 1995. № 8. Ст. 609.

⁵ Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. М., 2000. С. 149-167, 602-609, 668-674.

Судом по правам человека в ряде последних решений.

В обобщенном виде императивное право на нарушение неприкосновенности частной жизни было сформулировано следующим образом: «Право ведения тайного наблюдения за гражданами, которое характерно для полицейского государства, терпимо в соответствии с Конвенцией только тогда, когда оно строго необходимо для сохранения демократических институтов». Кроме того, «какая бы система наблюдения ни была принята, существуют адекватные и эффективные гарантии против злоупотреблений. Эта оценка имеет относительный характер: она зависит от всех обстоятельств дела, таких как существование, объем и продолжительность возможных мер, оснований, необходимых для санкционирования таких мер, органов, компетентных разрешать, выполнять и контролировать такие действия, и от вида средств правовой защиты, предусмотренных национальным законодательством».

Обобщив решения Европейского Суда по правам человека, можно сформулировать следующие условия легального вмешательства в право на неприкосновенность частной жизни, проводимого без согласия лица:

1. Юридическим основанием для такого ограничения должен быть реальный конфликт частного интереса сохранения тайны неприкосновенности частной жизни и более значимых публичных интересов государственной безопасности, общественной безопасности («общественного спокойствия»), экономической безопасности государства («экономического благосостояния страны»), предотвращения беспорядков, предотвращения преступлений, охраны здоровья или нравственности, защиты прав и свобод других лиц.

2. Вмешательство должно быть «необходимым», т.е. в каждом случае должно быть доказано, что без ограничения права на неприкосновенность частной жизни вред защищаемым публичным интересам будет причинен неминуемо.

3. Ограничение права на неприкосновенность частной жизни должно быть предусмотрено национальным законом, при этом в национальном

законе должны быть четким и исчерпывающим образом указаны основания такого ограничения. Введение ограничения личного права может быть осуществлено только по решению компетентного судебного органа.

4. Ограничение права на неприкосновенность частной жизни не может быть абсолютным – оно может осуществляться в течение строго определенного времени, законодательно должны быть установлены меры судебного контроля за данным ограничением.

Исходя из конституционного правила приоритета норм международного права над правом внутригосударственным (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ) полагаем, что эти условия ограничения неприкосновенности частной жизни, вводимые без согласия лица, должны неукоснительно выполняться.

Кроме того, Европейский Суд по правам человека указал, что вмешательство в частную жизнь допустимо только при наличии процедур, гарантирующих соответствие мер наблюдения установленным законом условиям. Однако Федеральным законом РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» не определяется допустимые процедуры и условия наблюдения; в нем нет и гарантий того, что сбор информации будет прекращен, как только обнаружатся объективные данные, опровергающие предположение о преступной деятельности. Поэтому при отсутствии каких-либо законодательно установленных оговорок, исключающих такие ситуации, возможность наблюдения, когда оно проводится не только в общественных местах, приобретает явно неконституционный смысл и не соответствует нормам Конституции РФ, направленным на защиту неприкосновенности частной жизни граждан.

Выход из сложившейся ситуации видится в приведении российского законодательства, допускающего ограничение права на неприкосновенность частной жизни, в соответствии с международным стандартом. Борьба с преступностью, даже при всех ее благих целях, не должна иметь следствием отказ от защиты прав и свобод человека. Иначе последствия такого шага будут поистине катастрофическими и для построения правового государства в России и для развития гражданского общества нашей Родины.

Гукасов Иван Андреевич
соискатель кафедры конституционного и муниципального права
Кубанского государственного университета

Помилование как конституционно-правовой институт

Помилование с позиций системы права представляет собой институт отрасли конституционного права, состоящий из норм, регулирующих основания, содержание и механизм помилования в России. Как конституционно-правовой институт, помилование представляет собой связанную совокупность правовых норм, закрепляющих право Президента РФ осуществлять помилование, составляющее материальную основу института, регламентирующих механизм реализации этого права, в том числе полномочия и деятельность органов, участвующих в выработке позиции главы государства по помилованию.

Конституционно-правовая принадлежность помилования не исключает его связь с уголовным и другими отраслями права. Конституционное право содержит исходные предпосылки уголовно-правового и иного отраслевого регулирования, используя метод общего нормирования. Следует в то же время учитывать, что связь помилования с уголовным или уголовным процессуальным правом весьма относительная, поскольку помилование как таковое лежит за пределами уголовного права и уголовного процесса, реализуется вне судебного преследования.

В субъективном отношении помилование представляет собой полномочие главы государства, которому корреспондирует конституционное право каждого осужденного просить о помиловании. Право президентского помилования является исключительным полномочием главы государства, реализуемым им единолично, практически не ограниченным материальными или формальными критериями. Президент РФ, как нами обосновывается в работе, вправе осуществить помилование в обход процедуры помилования, им установленной, руководствуясь соображениями государственной пользы и необходимости.

В то же время, помилование, как акт гуманизма и милосердия, основывается на всемер-

ном учете обстоятельств, характеризующих личность осужденного и материалы уголовного дела, осуществляемого в процессе реализации помилования. Политика помилования в России характеризуется определенной тенденциозностью, свидетельствующей о ее масштабах и направленности, формулирующей общую политику государства в области помилования, которая, как и всякая другая государственная политика, определяется главой государства, исходя из Конституции и законов.

Решение о помиловании не является произвольным, оно должно основываться на соображениях государственной пользы, юридической справедливости, учете прав и законных интересов третьих лиц, пострадавших от совершения преступления. Решение Президента о помиловании должно быть сбалансированным, основываться на учете всех юридических интересов, сопряженных с данным делом. Акт помилования не должен освобождать от возмещения вреда частным лицам, причиненным преступлением. Помилование, таким образом, носит избирательный характер, основывается на определенных преференциях главы государства, которые он предоставляет, руководствуясь назначением своей функции по защите прав и свобод человека и гражданина, собственным государственным чувством сострадания.

Помилование, как государственная деятельность, во всяком случае, не может быть чрезмерным, должно соответствовать своей природе как крайней мере государственного прощения.

Помилование, как конституционное полномочие главы государства, лежит в конституционно-правовой плоскости, вытекает из конституционного статуса главы государства, конституционных принципов уважения достоинства личности, гуманизма и справедливости. Помилование представляет собой конституционно-правовой институт, определяющий содержание и реализацию конституционного полномочия Президента Рос-

сийской Федерации, состоящего в освобождении от уголовного наказания или его смягчении как проявления конституционного принципа гуманизма и государственного прощения. Связь помилования с уголовным и судебным правом является относительной, помилование осуществляется вне правосудия и посредством конституционно-правовых процессуальных институтов, таких как комиссии по вопросам помилования на территории субъектов Российской Федерации, высшее должностное лицо субъекта РФ (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ), специализированные службы Администрации главы государства.

Существующий механизм помилования включает ряд последовательных процессуальных стадий, содержащих действия органов и должностных лиц по реализации конституционного права каждого осужденного просить о помиловании. Эти действия имеют фиксированные сроки и свой состав субъектов, наделенных определенными полномочиями. Решению главы государства о помиловании (отклонении ходатайства о помиловании) предшествует сложная и ответственная деятельность множества субъектов, среди которых выделяются комиссии по вопросам помилования на территории субъектов РФ, несущие основное бремя идентификации лиц, достойных помилования.

В то же время, позиция инстанций, участвующих в механизме помилования, в том числе комиссий по вопросам помилования и глав субъектов Федерации, является только промежуточной и рекомендательной, они обладают лишь совещательным статусом, не препятствующим принятию главой государства произвольного решения. В своем праве помилования Президент не связан существующей процедурой помилования, предполагающей выработку только рекомендательной позиции, которой глава государства в высших интересах может пренебречь.

Право президентского помилования является полным и завершенным. Конституция не связывает помилование как полномочие главы государства обязательным ходатайством о нем. Из этого следует, что Президент Российской Федерации вправе осуществить акт помилования независимо от просьбы осужденного, Президент РФ может помиловать лицо, не обратившееся к нему за помилованием. Просьба о помиловании осужденного, таким образом, выступает факультативным основанием помилования.

Глава государства при принятии решения о помиловании не связан никакими формальными основаниями - ни категорией преступления,

ни размером, ни сроком и видом наказания. Право президентского помилования не ограничено во времени и по кругу лиц, оно может быть обращено на любого преступника и во всякое время до отбытия наказания или погашения (снятия) судимости.

Акты помилования относятся к внесудебным правовым актам, они представляют собой конституционные действия, существующие в конституционно-правовом пространстве, форму внесудебного снятия или смягчения (погашения) наказания. В реализации главой государства права помилования не предполагается участие судебных органов. Помилование осуществляется вне правосудия и не сказывается на содержании приговора. Будучи внесудебным актом, решение Президента о помиловании либо отказе в помиловании не может быть обжаловано в судебном порядке.

Помилование следует оценивать в контексте деятельности Президента РФ по защите прав и свобод человека и гражданина, в данном случае права просить о помиловании или смягчении наказания.

Роль Президента РФ как гаранта Конституции, прав и свобод человека и гражданина весьма многогранна, и одной из граней является обеспечение прав и свобод человека и гражданина. В соответствии с положениями ч. 3 ст. 50 Конституции (помещенной в гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина») каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, а также право просить о помиловании или смягчении наказания. Названные и иные конституционные положения предопределили право помилования, принадлежащее главе государства. Соответственно, Президент РФ как гарант прав и свобод человека и гражданина обязан рассмотреть ходатайство о помиловании, тем самым укрепив конституционное доверие к нему граждан государства. Таким образом, целью помилования может быть сформулировано укрепление конституционного доверия народа к Президенту как гаранту осуществления прав и свобод личности.

Помилование имеет развернутую структуру, состоящую как в снятии наказания, так и в его смягчении в разнообразных формах и погашении. Причем этим формы в актах помилования могут сочетаться, что придает помилованию гибкое и комбинированное выражение. Анализ президентских указов помилования позволяет установить, что среди конкретных форм проявления помилования наибольшее распространение

имеют сокращение срока отбывания наказания в виде лишения свободы и освобождение от дальнейшего отбывания наказания в виде лишения свободы. Остальные формы представлены крайне слабо, несмотря на их правовой потенциал.

Новый механизм помилования, основанный на децентрализации функции помилования и включающий консультативное мнение комиссий по вопросам помилования на территории субъектов РФ и представление о помиловании глав субъектов Федерации, с точки зрения природы и общих целей помилования представляется более рациональным, обеспечивающим лучший учет факторов, влияющих на решение о помиловании, имея в виду, что в Российской Федерации порядка 85% осужденных отбывают наказание по месту своего жительства и новая схема помилования предоставляет реальную возможность создания необходимой информационной базы для формирования объективной позиции, необходимой главе государства для принятия обоснованного решения. У территориальных комиссий по помилованию появляется реальная возможность учесть в своей позиции обстоятельства, характеризующие поведение осужденного по месту его жительства, что должно сказаться на квалификации решения комиссии.

В то же время этот механизм имеет ряд очевидных недостатков, препятствующих реализации осужденным права ходатайствовать о помиловании. Возложение на комиссии по вопросам помилования на территории субъектов РФ,

осуществление контроля за условиями содержания осужденных расходится с общим назначением комиссий, призванной к осуществлению помилования, к которому условия содержания осужденных не имеют прямого отношения. Представляется, что подобный контроль должен осуществляться не региональными комиссиями по вопросам помилования, а иными органами, например, службами уполномоченных по правам человека в субъектах Федерации.

При существующей схеме помилования высшее должностное лицо субъекта РФ (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) оказывается инстанцией излишней. Представляется, что интересы помилования, как конституционного института, требуют модернизации механизма помилования, необходимости повышения статуса комиссий по вопросам помилования, заключения которых должны представляться непосредственно Президенту РФ, минуя глав субъектов Федерации. Последние должны оказывать комиссиям разнообразную помощь и поддержку, однако в своем участии в помиловании не должны их подменять.

Исходя из этого, мы предлагаем, чтобы заключения комиссий по вопросам помилования на территории субъектов РФ о целесообразности помилования непосредственно представлялись Президенту РФ и являлись, таким образом, основным источником формирования окончательной позиции главы государства в вопросах помилования.

Измалков Александр Владимирович

аспирант кафедры конституционного и муниципального права
Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

Дискуссионные вопросы промульгационной стадии федерального законодательного процесса

Анализ научной правовой литературы позволяет сделать общий вывод о том, что на современном этапе конституционного строительства промульгация (от лат. promulgation – объявление, обнародование) есть «санкционирование уполномоченным органом или лицом (как правило, главой государства) в установленные сроки принятого парламентом закона и опубликование его в официальном вестнике»¹.

В России промульгационные процедуры являются одной из основных стадий законодательного процесса, а именно – заключительной. Но вместе с тем, даже в самом формулировании и определении ее границ отсутствует единство мнений. Проблематика данного вопроса носит комплексный характер и заключается в следующем.

1. Уяснение выражения «принятый федеральный закон» и круга субъектов, призванных направлять соответствующий закон Президенту РФ для подписания и обнародования. Проблемный аспект состоит в следующем: в процессе реализации нормы п. 1 ст. 107 Конституции РФ («Принятый федеральный закон в течение пяти дней направляется Президенту РФ для подписания и обнародования») обнаружилась неопределенность в понимании словосочетания «принятый федеральный закон». Так, особенно в период первого созыва парламента, нередки были случаи, когда Совет Федерации рассматривал принятый Государственной Думой федеральный закон после истечения предусмотренного 14-днев-

ного срока (ч. 4 ст. 105 Конституции РФ), а Президент получал Федеральный закон для подписания и обнародования одновременно от обеих палат Федерального Собрания.

Попыткой разрешения указанного спора стало постановление Конституционного Суда РФ от 22 апреля 1996 г. № 10-П², которое указало, что под «принятым федеральным законом», по смыслу ч. 1 ст. 107 Конституции РФ, понимаются:

законы, принятые Государственной Думой и одобренные Советом Федерации в соответствии с ч. ч. 1, 2, 3 и 4 ст. 105 Конституции РФ;

законы, повторно принятые Государственной Думой в соответствии с ч. 5 ст. 105 Конституции РФ;

законы, одобренные Государственной Думой и Советом Федерации в соответствии с ч. 3 ст. 107 Конституции РФ.

Если в данном случае суд внес ясность, то по поводу срока, в течение которого федеральный закон должен быть направлен Президенту для подписания и обнародования, а также субъектов, призванных осуществлять данные действия, не повлияло даже четкое указание Конституционного Суда. Так, ч. 2 резолютивной части Постановления Конституционного Суда РФ от 22 апреля 1996 г. №10-П закрепила, что принятый Федеральный закон в течение пяти дней направляется для подписания и обнародования Президенту РФ Советом Федерации. Вместе с тем, на практике и позднее имели место случаи, когда Совет Федерации ФС РФ рассматривал федеральные законы, не являющиеся предметом

¹ Чехарина В.И. Парламентское право России: Учеб. пособие / Под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: Юрист, 2003. С. 230.

² Постановление КС РФ от 22 апреля 1996 г. № 10-П «О толковании отдельных положений ст. 107 Конституции РФ» // СЗ РФ. 1996. № 18. Ст. 2253.

ст. 106 Конституции РФ, по истечении 14-дневного срока, тем самым, нарушая Конституцию, собственный Регламент и указанное выше постановление Конституционного Суда РФ. И, хотя ряд исследователей полагают в качестве причины, что в свое время «... члены Совета Федерации совмещали свою функцию парламентариев с функциями руководителей законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»¹, вряд ли можно смело говорить, что прецедент не повторится.

Другой особенностью имеющейся проблемы долгое время выступало обстоятельство с неопределенностью субъекта, которому надлежало исполнение обязанности по направлению текста принятого Федерального закона главе государства. В свое время имело место существенное разногласие в данном вопросе, когда текст Федерального закона для подписания и обнародования Президент получал от обеих палат Федерального Собрания РФ.

Выходом из этой ситуации стало постановление от 22 апреля 1996 г. № 10-П по делу о толковании отдельных положений ст. 107 Конституции РФ. Конституционный Суд РФ разрешил данную ситуацию следующим образом. Принятый Федеральный закон в течение 5 дней направляется для подписания и обнародования Президенту РФ Советом Федерации независимо от того, одобрен этот закон данной палатой путем голосования или без рассмотрения. В случае, предусмотренном ч. 5 ст. 105 Конституции РФ (при несогласии Государственной Думы с решением Совета Федерации), принятый Федеральный закон Президенту направляет Государственная Дума.

2. Необходимость в четком нормативном регулировании рассматриваемой стадии законодательного процесса. В данной связи хотелось бы высказать конкретные предложения по решению данной проблемы. Они состоят из следующих моментов:

а) Определение сущности и разграничение понятий «опубликование», «официальное опубликование» и «обнародование». Наука довольно часто пытается определиться с разграничением данной терминологии, однако официальная государственная позиция по этому вопросу до сих

пор не ясна. Мы считаем, что сегодня крайне необходимо провести анализ различного рода актов с целью выявления официальной позиции по этому вопросу, что в дальнейшем позволит избежать значительных противоречий, возникающих при реализации положений о публикации результатов законотворческой деятельности. Как представляется, в данном случае наиболее целесообразным стало бы издание соответствующего постановления Конституционного Суда РФ, поскольку применение подобной терминологии используется и в рамках Основного закона.

В законодательстве термин «обнародование» обычно употребляется в качестве синонима термина «официальное опубликование». Данное утверждение, в частности, позволяет сделать правовая позиция Конституционного Суда РФ, закрепленная в п. 6 мотивировочной части постановления от 24 октября 1996 г. № 17-П по делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 2 ФЗ от 7 марта 1996 г. «О внесении изменений в Закон РФ «Об акцизах»»², где при характеристике нарушений публикации указанные термины отождествляются, указывая на одно и то же явление общественной жизни.

Однако отличия между официальным опубликованием и обнародованием все-таки существуют. Их можно вывести путем исследования норм ФЗ от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания»³. Так, согласно ст. 4 указанного Федерального закона, официальным опубликованием федерального конституционного закона, Федерального закона, акта палаты Федерального Собрания считается первая публикация его полного текста в «Парламентской газете», «Российской газете» или «Собрании законодательства Российской Федерации». Поэтому можно вполне закономерно предположить, что именно официальное опубликование законов служит гарантией того, что публикуемый текст полностью соответствует подлиннику, т.е. тексту, который был принят Федеральным Собранием или на референдуме и подписан соответствующими должностными лицами. В свою очередь, анализ п. 5 указанного Федерального закона позволяет говорить нам о том, что под понятием «обнародование» законодатель понима-

¹ Страшун Б.А. Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации // Под ред. В.Д. Карповича. М.: Юрайт-М, Изд-во «Новая правовая культура», 2002. С. 486.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 24 октября 1996 г. № 17-П «О проверке конституционности ч. 1 ст. 2 ФЗ от 7 марта 1996 г. «О внесении изменений в Закон РФ «Об акцизах» // СЗ РФ. 1996. № 45. Ст. 5202.

³ Федеральный закон от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» // СЗ РФ. 1994. № 8. Ст. 801.

ет доведение текста закона до всеобщего сведения посредством телевидения и радио.

По нашему мнению, норма, закрепляющая альтернативу официальному опубликованию в форме обнародования весьма сомнительна со стороны практической ее реализации, поскольку весьма трудно, а в некоторых случаях даже невозможно, довести текст Федерального закона до сведения граждан исключительно посредством радио и телевидения. Это обусловлено не только сложностью уяснения точного смысла законодательного текста, но и в большинстве случаев – значительным объемом законодательного материала.

Вместе с тем, следует разграничивать и 2 весьма близких понятия: «опубликование» и «официальное опубликование». Ведь, несмотря на уравнивание данных терминов при употреблении в официальных документах, их чисто юридический смысл различен.

Известно, что обычная публикация («опубликование») не носит нормативного характера, а, следовательно, текст закона, публикуемый таким образом, не является источником нормативного материала, поскольку к данному виду публикации, как правило, не предъявляются дополнительные требования (четкое соблюдение грамматических, синтаксических и иных правил). Очень часто тексты законов и иных нормативных правовых актов в данном случае содержат многочисленные опечатки, опiski и изъяны (например, текст закона не содержит инструкций, включенных в качестве приложений), которые могут существенно исказить истинный смысл и содержание нормативных документов. Это, в частности, можно отнести к изданию различного рода сборников законодательных актов или изданию специальных брошюр, содержащих текст того или иного законодательного акта.

Другой проблемой такой формы публикации является невозможность соответствующих структур государственных органов контролировать опубликование всего законодательного материала. Ввиду этого было принято решение о закреплении на законодательном уровне официальных источников опубликования, к которым предъявляются серьезные требования в грамматической, синтаксической, логической и стилистической областях, а тексты законов и иных актов эти издания получают непосредственно от администраций соответствующих субъектов законодательного процесса;

б) четкая фиксация сроков, предоставляемых главе государства для подписания и обнародования. Решение указанной задачи также

имеет серьезное значение для процессуальной сбалансированности и повышения качества законотворческих процедур. Суть проблемы состоит в следующем: п. 2 ст. 107 Конституции РФ закрепляет, что «Президент РФ в течение 14 дней подписывает Федеральный закон и обнародует его». Однако в данном случае не вполне ясно: включается ли в это время и подписание, и обнародование Федерального закона?

Такого рода правовая «неразбериха» возникла при разрешении Конституционным Судом РФ уже отмечавшегося выше дела о проверке конституционности ч 1. ст. 2 ФЗ от 7 марта 1996 г. «О внесении изменений в ФЗ «Об акцизах»», где было обращено внимание на то, что дата выпуска очередного номера источника официального опубликования (в частности, Собрания законодательства РФ), содержащего текст Федерального закона, не может считаться днем его опубликования, поскольку это всего лишь дата подписания в печать, и адресаты закон в этот день еще не получают, а тем более не могут с ним ознакомиться.

Вместе с тем, в пользу того, что 14-дневный срок предоставляется только лишь для подписания Федерального закона главой государства говорит и п. 3 ст. 107 Конституции РФ, где фиксируется: «Если Президент РФ в течение 14 дней с момента поступления Федерального закона отклонит его, то Государственная Дума и Совет Федерации в установленном Конституцией РФ порядке вновь рассматривают данный закон». Следовательно, глава государства имеет 14-дневный срок именно на решение вопроса о подписании или отклонении Федерального закона, а процедуры по обнародованию и опубликованию текста закона должны иметь место по истечении этого срока.

По нашему мнению, бесспорным является положение о том, что сокращение срока для рассмотрения Президентом РФ Федерального закона недопустимо, что обусловлено обширностью самого текста закона, а также сопровождающих его материалов. Поэтому для более тщательного изучения главой государства текста закона и его экспертизы аппаратом Президента РФ представляется вряд ли целесообразным сокращать срок для подписания Федерального закона, с целью включения в него процедуры обнародования.

Еще одной открытой стороной проблематики, связанной со сроком подписания и обнародования Федерального закона Президентом РФ, является следующий вопрос: «При определении 14-дневного срока для осуществления процедуры подписания, какие дни имеются ввиду: рабо-

чие или календарные?». Хотя в практической деятельности указанное время рассматривается как календарное, довольно часто имеют место случаи несоблюдения такого срока.

Исследуя процедуру обнародования законодательного акта, необходимо отметить и вполне объективное обстоятельство, с которым может быть связана задержка официального опубликования – выход в свет издания, в котором содержится обнародуемый текст закона. Так, «Собрание законодательства РФ», являющееся официальным периодическим изданием, в котором публикуются федеральные конституционные законы, Федеральные законы, акты палат Федерального Собрания РФ, указы и распоряжения Президента РФ, постановления и распоряжения Правительства РФ, решения Конституционного Суда РФ о толковании Конституции РФ и о соответствии Конституции РФ законов, нормативных актов Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства или отдельных положений перечисленных актов, выходит в свет еженедельно. «Российская газета» издается 4 раза в неделю, «Парламентская газета» – 5 раз в неделю.

Но даже несмотря на частое издание указанных газетных изданий, сложность может заключаться в том, что, хотя Президент РФ и подписал соответствующий Федеральный закон на четырнадцатый день, данные печатные издания могли уже выйти в свет. Как следствие, своевременно опубликовать соответствующий нормативный документ не представляется возможным.

Подводя итог проблематике промульгационной стадии законодательного процесса, следует отметить, что имеющийся сегодня пласт неразрешенных моментов способствует торможению и дисбалансу всего механизма законотворчества. Множество вопросов процедурного характера разрешается без нормативного обоснования. Что, к примеру, стоит следующее обстоятельство: в законодательстве отсутствует официальный срок для опубликования текста закона? Ведь, очевидно, что распоряжение об обнародовании Федерального закона глава государства должен отдать немедленно после его подписания, а само обнародование должно иметь место в ближайшее время. Тем не менее, указанная позиция является всего лишь предположением и, по сути, обыкновенным обычаем, сложившимся

в течение длительного времени, не несущем нормативной окраски.

В заключении попытаемся определиться с основными выводами, сделанными по итогам рассмотрения промульгационной проблематики:

1. Необходимо четкое нормативное урегулирование вопросов промульгации. Многие спорные моменты заключительной стадии законодательного процесса приходится разрешать на основе ведомственных актов и постановлений Конституционного Суда РФ, в то время как единый акт, фиксирующий все проблемные стороны процедуры, до настоящего момента отсутствует.

2. Законодательное закрепление определенных терминов «опубликование», «официальное опубликование» и «обнародование» должно исходить из следующего смысла данных понятий.

Под обнародованием закона следует понимать процесс оповещения (доведения до всеобщего сведения) адресатов соответствующего законодательного акта о его содержании посредством радио, телевидения и иных технических средств, не связанный с изложением текста в печатных изданиях.

Под опубликованием закона следует понимать процесс изложения текста нормативного акта в печатных изданиях, не являющихся официальными источниками для публикации данного вида федеральных документов.

Под официальным опубликованием закона следует понимать процесс изложения текста нормативного акта в печатных изданиях, являющихся официальными источниками для публикации данного вида федеральных документов.

3. Достаточно положительную роль должна сыграть комбинированная публикация главой государства текста закона. Практическую ценность данного предложения можно почерпнуть из нормы ст. 6 ФЗ «О чрезвычайном положении», закрепляющей, что «Указ Президента РФ о введении чрезвычайного положения подлежит незамедлительному обнародованию по каналам радио и телевидения, а также незамедлительному официальному опубликованию»¹.

В качестве заключения хочется сказать, что рассмотренная стадия законотворчества, хотя и сводится к чисто техническому процессу, все же оказывает важнейшее значение для эффективного обеспечения конечных адресатов информацией о содержании принятого документа.

¹ Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

Олькова Ольга Николаевна

аспирант Российской академии государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Некоторые перспективы законодательного регулирования информационной деятельности политических партий в период между выборами

Одной из наиболее важных проблем является проблема формирования «здорового» информационного пространства. Уверены, что наличие в обществе эффективных и, главное, свободных средств массовой информации является фундаментом для построения гражданского общества. Каналы массовой коммуникации призваны своевременно реагировать на все имеющие значение события, происходящие в обществе. От них зависит информированность всех членов общества о решениях и действиях публичной власти. Они играют активную роль в формировании общественного мнения. И, наконец, они призваны быть универсальным коммуникатором в диалоге представителей политической власти и общества.

Формирование эффективной, прозрачной, понятной для избирателей многопартийной системы российского общества возможно, в том числе и за счет создания законодательного механизма, гарантирующего возможность доступа участников политического процесса к средствам массовой коммуникации общества.

Средства массовой информации играют, безусловно, важнейшую роль в формировании общественного мнения как в период между избирательными кампаниями, так и в период выборов.

Последовательная правовая институционализация информационных правоотношений в электоральном процессе, как утверждает

Ю.А. Веденеев, на современном этапе (2005-2007 гг.) выражает новые тенденции в развитии институтов выборов и референдумов¹.

Содержание избирательных информационных правоотношений, по мнению С.В. Большакова, составляют осуществляемые в период избирательного процесса распространение и получение информации, связанной с выборами. Фундаментом избирательных информационных правоотношений, по его мнению, являются конституционные правоотношения, связанные с реализацией гражданами конституционного права избирать и быть избранными (ст. 32 Конституции РФ), а также права на свободу получения и распространения информации любым законным способом (ст. 29 Конституции). Специфическим признаком избирательных информационных правоотношений является то, что они опосредуют отношения, возникающие между участниками избирательной кампании в процессе получения и (или) распространения информации, юридически оформляют информационное обеспечение выборов. В рамках избирательных информационных правоотношений создаются предпосылки для осуществления избирательных прав граждан в той их части, которые связаны с информированием избирателей и предвыборной агитацией².

Считаем, что следует согласиться с ним и в том, что между участниками избирательной кампании в ходе обмена информацией о выборах возникают не информационные правоотношения, а избирательные правоотношения информацион-

¹ Большаков С.В., Головин А.Г. Информационное обеспечение выборов и референдумов в Российской Федерации: Изд 3-е. М.: Ассоциация некоммерческих организаций по защите избирательных прав «Гражданский контроль», 2007. С. 11.

² Большаков С.В. Избирательные информационные правоотношения // Право и власть. 2002. № 2.

ного характера – избирательные информационные правоотношения¹.

В рамках законодательных инициатив по изменению действующего избирательного законодательства активно обсуждался правовой статус политических партий, а также гарантии их доступа к средствам массовой информации.

В частности, в рекомендациях, выработанных участниками парламентских слушаний «О практике проведения федеральных выборов, выборов в органы государственной власти субъектов Российской Федерации в 2002-2004 гг. и перспективах развития избирательного законодательства» отмечено, что «должно быть обращено внимание на реализацию гарантий справедливого и сбалансированного освещения в средствах массовой информации деятельности различных политических партий»². И, далее: «в этом Федеральном законе («О политических партиях» – авт.) требуется более полно закрепить государственные гарантии доступа политических партий к средствам массовой информации в период между выборами...»³.

Таким образом, в данном документе обозначены направления для совершенствования действующего законодательства. И хотя эти положения носят характер рекомендаций для законодателя, тем не менее, по нашему убеждению, без их реализации едва ли возможно достижение цели дальнейшего совершенствования участия политических партий в политическом процессе.

Обоснован ли такой подход к обсуждению проблем совершенствования законодательства о выборах и политических партий?

Представляется, что на данный вопрос следует ответить положительно. На наш взгляд, вряд ли продуктивно рассматривать деятельность политических партий в рамках избирательной кампании и в период между выборами как два автономных процесса. Политические партии являются общественными институтами, призванными вести борьбу за овладение государственной властью, предлагая членам общества конкретные пути решения политических, социально-экономических, культурно-воспитательных и иных назревших проблем развития государства и общества. Наиболее эффективным легитимным способом

решения указанных проблем, по нашему мнению, является участие политической партии в выборах и референдумах и последующее проведение своей политической линии через государственные властные органы в рамках установленных организационных процедур.

В идеале итоги избирательной кампании в таких условиях – это эффект не только предвыборной агитации представителей партии, но и в значительной мере результат деятельности партии в период между выборами. В условиях нормального функционирования развитой политической системы, основанной на многопартийности, политические партии служат эффективным инструментом реализации гражданами своих избирательных прав. При этом политические партии выступают в избирательных правоотношениях в качестве самостоятельного полноценного субъекта. Однако работа данного субъекта с электоратом не ограничивается временными рамками избирательной кампании, а носит постоянный характер.

Следовательно, правовое регулирование общественных отношений, связанных с деятельностью политических партий, не может ограничиваться временными рамками избирательного процесса. Многие вопросы, связанные с информационной и идеологической деятельностью политических партий, выходят за рамки выборов и носят, по существу, всеобъемлющий характер и оказывают существенное влияние на поведение электората на предстоящих избирательных кампаниях.

С этих позиций могут быть рассмотрены и избирательные информационные правоотношения, в которые вступает политическая партия с началом конкретной избирательной кампании. Информация, распространяемая политическими партиями в период избирательной кампании однако имеет свою специфику и она непосредственно связана с избирательным процессом в силу особенностей правового статуса самого субъекта ее формирования и распространения – политической партии. Политические информационные отношения – общественные отношения, возникающие в связи с созданием и распространением информации, связанной с деятельностью государства, его органов, политических партий и дру-

¹ Большаков С.В. Информирование избирателей и предвыборная агитация: особенности правового регулирования. М., 2002. С. 13.

² Рекомендации участников парламентских слушаний «О практике проведения федеральных выборов, выборов в органы государственной власти субъектов Российской Федерации в 2002-2004 годах и перспективах развития избирательного законодательства» // Приложение к журналу «Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации». Журнал «О выборах». С. 11.

³ См. там же.

гих составляющих политической системы общества.

В связи с выдвижением и обсуждением законодательных инициатив, связанных с правовым регулированием деятельности политических партий, в том числе и в сфере создания и распространения информации, предназначенной для массового потребления необходимо определиться с соотношением понятий общеполитической информации, распространяемой политическими партиями и не ограниченной содержанием и временными рамками, с одной стороны, и информации, распространяемой ими в период конкретной избирательной кампании.

С учетом позиции участников упомянутых выше парламентских слушаний можно прийти к выводу о существенном расширении информационных избирательных отношений за счет отношений, возникающих по поводу информации, распространяемой политическими партиями в связи с их политической деятельностью.

В данном случае избирательные информационные отношения будут выступать видом политических информационных отношений. Данная позиция может основываться на положениях п. п. 1 и 4 ст. 3 Федерального закона «О политических партиях»¹, где закреплена роль данных общественных структур, призванных обеспечивать реализацию политических прав граждан Российской Федерации. Более того, законодатель, признавая участие в выборах главной целью деятельности политических структур, установил, что «неучастие политической партии в выборах в течение пяти лет подряд» является в соответствии с ч. 2 ст. 37 и подпунктом «в» ч. 3 ст. 41 Федерального закона «О политических партиях» основанием для ее ликвидации.

Стремление законодателя стимулировать становление и развитие партийной системы России выразилось и в закреплении положения, согласно которому политическая партия является единственным видом общественного объединения, которое обладает правом выдвигать кандидатов (списки кандидатов) в депутаты и на иные выборные должности в органах государственной власти.

Изложенные доводы позволяют нам выразить, возможно, не бесспорную позицию, согласно которой информация политических партий, распространяемая за рамками избирательной кампании, также имеет перспективную связь с пред-

стоящими в органе государственной власти и местного самоуправления выборами и может рассматриваться по смыслу и содержанию как разновидность избирательных информационных отношений.

Однако возможен и несколько иной подход к рассматриваемой проблеме. Его основой является позиция, высказанная С.В. Большаковым: «Отношения в процессе производства и распространения электоральной информации регулируются нормами избирательного и информационного права, что предопределено общностью предмета регулирования – отношений, возникающих в сфере производства и распространения информации»². И далее: «Эти правоотношения могут быть квалифицированы как отношения, возникающие в процессе осуществления гражданами, с целью реализации своих избирательных прав, различного рода избирательных действий, в том числе информационного характера, содержанием которых выступает производство и (или) распространение информации о выборах»³.

Базовым для выработки нового подхода к пониманию рассматриваемых общественных отношений может, на наш взгляд, стать понятие «электоральной информации». Данный термин, по нашему мнению, вполне может быть использован как общий по отношению как к избирательным информационным отношениям, так и к политическим информационным отношениям.

Следует отметить, что данный подход позволит сохранить единство подхода к законодательному регулированию информационных отношений, связанных с выборами, только в более широком смысле. Данные правоотношения основаны на реализации конституционных прав граждан, которые в данном случае выступают в качестве электората. Под этими правами мы понимаем: право избирать и быть избранными, право на свободу получения и распространения информации любым законным способом, а также право на объединение. Обращают на себя внимание и единые подходы законодателя к субъектам правоотношений, вытекающие при реализации указанных прав (ст. 23 Федерального закона «О политических партиях», ч. 1 ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»).

Электоральные информационные правоотношения – это общественные отношения, возник-

¹ ФЗ РФ от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» // Российская газета. 2001. 14 июля.

² Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: Учебник для вузов / Под ред. А.А. Вешнякова. М., 2003. С. 425.

³ Там же.

кающие в связи с созданием и распространением информации, связанной с реализацией гражданами Российской Федерации конституционных прав избирать и быть избранными, право на свободу получения и распространения информации любым законным способом, а также право на объединение в политические партии.

Соответственно можно выделить следующие виды электоральных информационных правоотношений:

а) политические информационные отношения, распространяемые политическими партиями без ограничения временных рамок;

б) избирательные информационные правоотношения, возникающие в период избирательных кампаний, которые в свою очередь подразделяются на:

1) информацию, создаваемую и распространяемую в рамках информирования избирателей;

2) предвыборную агитацию.

Концептуально данный подход находит свое подтверждение в предложении, которое было высказано при проведении работы по изучению практики проведения федеральных выборов, вы-

боров в органы государственной власти субъектов Российской Федерации в 2002-2004 гг. следующим образом: «... назрела необходимость законодательного регулирования государственных гарантий предоставления эфирного времени, печатной площади политическим партиям в период между избирательными кампаниями. Необходимые изменения должны быть внесены в Федеральный закон «О политических партиях». Не исключено и решение данного вопроса в законе о политической рекламе, предпосылки для создания которого, на наш взгляд, уже существуют»¹.

В данном случае, как нам представляется, правовые и организационные отношения, возникающие между политическими партиями и средствами массовой информации в период между выборами, могут быть рассмотрены в качестве самостоятельных организационно-правовых информационных отношений. При этом, безусловно, необходимо иметь в виду, что политические информационные отношения имеют свою специфику, что должно учитываться при их законодательном регулировании.

¹ О практике проведения федеральных выборов, выборов в органы государственной власти субъектов Российской Федерации в 2002-2004 гг. и предложениях по изменению отдельных положений законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. М., 2004. С. 38.

Гавва Марина Александровна

аспирант кафедры гражданского права и процесса
Белгородского университета потребительской кооперации

Стороны договора бытового подряда

В ГК РФ договор бытового подряда рассматривается в качестве самостоятельного вида договора подряда. Положения, посвященные договору бытового подряда, содержатся в параграфе 2 гл. 37 ГК РФ.

Понятие договора бытового подряда закреплено в ст. 730 ГК РФ. Согласно п. 1 ст. 730 Гражданского кодекса Российской Федерации по договору бытового подряда подрядчик, осуществляющий соответствующую предпринимательскую деятельность, обязуется выполнить по заданию гражданина (заказчика) определенную работу, предназначенную удовлетворять бытовые или другие личные потребности заказчика, а заказчик обязуется принять и оплатить работу.

Как видно из легального определения договора бытового подряда, законодатель прежде всего выделяет особенности субъектного состава данного договора: заказчик - это всегда гражданин, заказывающий выполнение работ для удовлетворения собственных бытовых или иных личных потребностей; подрядчик - юридическое лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность. Выполнение работ по договору бытового подряда всегда имеет предпринимательский характер, однако не всегда осуществляется предпринимателем в юридическом смысле - субъектом предпринимательской деятельности. В договоре же бытового подряда подрядчик должен являться субъектом предпринимательской деятельности, т.е. либо гражданином-предпринимателем, либо коммерческой организацией, либо некоммерческой организацией, если ей предоставлено право осуществлять предпринимательскую деятельность.

Более того, в определении подчеркивается, что подрядчик - лицо, осуществляющее соответствующую предпринимательскую деятельность. В контексте нормы ГК РФ можно сделать вывод, что речь идет о предпринимателях, деятельность которых направлена на выполнение

работ по заказам граждан, т.е. осуществляющих деятельность по обслуживанию населения. Подтверждением данного обстоятельства является признание бытового подряда публичным договором (п. 2 ст. 730 ГК РФ).

Правило о субъектном составе применяется во всех случаях и поэтому позволяет более точно разграничивать договор подряда и бытового подряда.

Таким образом, договор бытового подряда относится к обязательствам, субъектный состав которого является одной из его особенностей и отличается стабильностью субъектного состава.

Справедливо отмечает профессор М.И. Брагинский: «Общие нормы о договоре подряда не содержат ограничения для выступления субъектов гражданского оборота на той или другой стороне». Следовательно, как в качестве заказчика, так и в качестве подрядчика в договоре подряда могут выступать физические лица (полностью дееспособные, а также частично и ограниченно дееспособные - в порядке, установленном законом), а также юридические лица (коммерческие и некоммерческие организации, если это не противоречит целям их деятельности, установленным учредительными документами).

Помимо граждан Российской Федерации, субъектами гражданского права в соответствии со ст. 1196 ГК РФ могут быть иностранные граждане и лица без гражданства, которые пользуются в Российской Федерации гражданской правоспособностью наравне с российскими гражданами, кроме случаев, предусмотренных законом. Указанное положение полностью соответствует ч. 3 ст. 62 Конституции РФ, где указано, что иностранные граждане и лица без гражданства пользуются правами и несут обязанности наравне с гражданами РФ, кроме случаев, установленных Аедеральным законом или международным договором РФ.

Согласно ст. 9 ФЗ «О внесении изменений в действие части второй Гражданского кодекса

Российской Федерации», в тех случаях, когда одной из сторон договора является гражданин, использующий, потребляющий, заказывающий, либо имеющий намерения приобрести или заказать работы или услуги для личных бытовых нужд, имеет право пользоваться правами, установленными Законом «О защите прав потребителей» для потребителей. Таким образом, гражданин, заключающий договор бытового подряда, выступает не только в роли заказчика, но и потребителя.

Соответственно, для раскрытия субъектного состава договорных отношений по бытовому подряду необходимо обратиться к законодательству о защите прав потребителей и проанализировать некоторые термины преамбулы Закона.

Основополагающим понятием законодательства о защите прав потребителей является термин «потребитель».

В соответствии с Законом РФ «О защите прав потребителей» потребителем признается гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Кроме этого, Закон в статусе потребителя предполагает не только гражданина, приобретающего товар или заказывающего выполнение соответствующих работ или услуг. В качестве потребителя Закон рассматривает и того гражданина, у которого в будущем может возникнуть желание приобрести их или заказать. Это значит, что тот гражданин, который только зашел, например, в ателье с целью заказать работу, уже будет признан Законом «О защите прав потребителей» потребителем. Данное положение имеет важное практическое значение для реализации прав потребителя, на ознакомление с товаром, получении информации о товаре (работе, услуге) и т.д. Следовательно, гражданин в некоторых случаях признается потребителем до заключения конкретного договора.

Необходимо отметить и то, что в соответствии с Законом потребителем признается и тот гражданин, который уже пользуется приобретенными товарами, работами или услугами, а также потребителем признается и тот гражданин, который сам не приобрел товар, работу (услугу), но при этом пользуется им (полученный в подарок от членов семьи).

Проведя анализ понятия «потребитель», содержащегося в Преамбуле Закона, можно вы-

делить три основных его признака:

1. Потребитель - это гражданин как Российской Федерации, так и иностранный гражданин или лицо без гражданства.

2. Потребитель - гражданин¹, который имеет намерения заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги).

3. Потребитель - лицо, приобретающее, заказывающее, использующее товары, работы, услуги для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Следующим лицом в субъектном составе законодательства о защите прав потребителей является исполнитель. Указанному субъекту присущ также ряд характеризующих его признаков:

1) исполнитель - это организация независимо от ее организационно-правовой формы, а также индивидуальный предприниматель, выполняющие работы или оказывающие услуги потребителям по возмездному договору.

В качестве организации Закон понимает юридические лица (ст. 48 ГК РФ) как коммерческие, основной целью которых является извлечение прибыли, так и некоммерческих, имеющих иную цель своей деятельности, не распределяющую между участниками полученную в ходе деятельности прибыль (ст. 50 ГК РФ). Из определения понятия «исполнитель» следует, что Закон распространяется на отношения, вытекающие из оказания услуг (выполнения работ) только в том случае, если они оказывались по возмездному договору, т.е. за плату или иное встречное предоставление (п. 1 ст. 423 ГК РФ). Следовательно, оказание безвозмездных услуг (выполнение работ) гражданам, исследуемым Законом, не регулируется;

2) исполнитель выполняет работу или оказывает услуги потребителям;

3) работы и услуги выполняются или оказываются исполнителем по возмездному договору. Примерный (открытый) перечень договоров, которые заключают исполнители с потребителями, приведен в п. 1 Постановления № 7 Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 1994 г. «О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей» с изменениями и дополнениями. Это могут быть договоры розничной купли-продажи; аренды, включая прокат; найма жилого помещения, в том числе социального найма, в части выполнения работ, оказания услуг по обеспечению надлежащей эксплуатации жилого дома,

¹ Термин «гражданин» используется гражданским законодательством как синоним понятия «физическое лицо» и не несет какой-либо дополнительной нагрузки.

в котором находится данное жилое помещение, по предоставлению или обеспечению предоставления нанимателю необходимых коммунальных услуг, проведению текущего ремонта общего имущества многоквартирного дома и устройств для оказания коммунальных услуг (п. 2 ст. 676 ГК РФ); подряда (бытового, строительного, подряда на выполнение проектных и изыскательских работ, на техническое обслуживание приватизированного, а также другого жилого помещения, находящегося в собственности граждан); перевозки граждан, их багажа и грузов; комиссии; хранения;

из договоров на оказание финансовых услуг, направленных на удовлетворение личных, семейных, домашних и иных нужд потребителя-гражданина, не связанных с осуществлением

предпринимательской деятельности, в том числе предоставление кредитов, открытие и ведение счетов клиентов-граждан, осуществление расчетов по их поручению, услуги по приему от граждан и хранению ценных бумаг и других ценностей, оказание им консультационных услуг; и других договоров, направленных на удовлетворение личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

В заключении стоит отметить, что правильное уяснение особенностей субъектной структуры подрядных отношений на этапе заключения договора содействует наиболее удачной защите прав и законных интересов сторон, а также поможет сторонам избежать возникновения между ними конфликтов.

Дудченко Андрей Юрьевич

преподаватель кафедры гражданского права
Кубанского государственного аграрного университета

Проблемы защиты прав акционеров от недружественного поглощения

С начала 90-х гг. в России вновь появились акционерные общества, которые стали, пожалуй, самой популярной правовой формой юридического лица в сфере предпринимательской деятельности. Конечно, вопрос о целесообразности механического переноса в российский правовой порядок конструкции акционерного общества, в частности, «закрытого», до сих пор является предметом дискуссий. Тем не менее, время показало жизнеспособность акционирования, особенно в ходе приватизации государственного имущества.

Несмотря на ряд преимуществ перед другими организационно-правовыми формами предпринимательской деятельности, акционерное общество, в силу определенных причин, оставляет возможность для недружественного проникновения в состав его участников и даже поглощения третьими лицами. Тактика внешних действий, направленных на захват юридических лиц и, в частности, акционерных обществ, широко и небезуспешно применяемая на Западе, получила название «рейдерство».

По своей юридической природе «рейдерство» представляет собой комплекс относительно законных сделок и явных уголовных и административных правонарушений, связанных единой целью и задачами. Примечательно, что «рейдерские» действия часто основаны на подкупе должностных лиц, руководителей «атакуемых» юридических лиц, реестродержателей. По мнению специалистов, благоприятную среду для «рейдерства» в России создают пробелы в акционерном законодательстве и коррумпированность правоохранительных органов.

Несколько лет назад для поглощения широко использовался механизм банкротства. Механизм искусственного банкротства предусматривал создание денежного обязательства, пода-

чу в арбитражный суд заявления о банкротстве и введение внешнего управления с последующей продажей требуемых активов. Новая редакция Закона «О несостоятельности (банкротстве)»¹, вступившая в силу в начале 2003 г., очень осложнила эту процедуру и фактически свела на нет практику искусственно создаваемых банкротств.

В настоящее время «рейдеры» в большей степени прибегают к захватам акционерных обществ посредством различных операций с реестром акционеров. Применяются различные противоправные действия: создание подложных реестров, уничтожение реестров, подкуп и угрозы в адрес реестродержателей. Проблема, на наш взгляд, лежит, помимо всего, в несовершенстве норм гражданского права. На сегодняшний день в Законе «О рынке ценных бумаг» реестр описан как вещь, а должен описываться как информация двух видов: реестр операций с акциями и структура капитала на текущий момент. Владельцем этой информации является эмитент, значит, он и должен контролировать ведение реестра.

Предлагается обязать эмитента отвечать за злоупотребления независимого регистратора, которому поручено ведение реестра. Ведь у акционеров нет договора с регистратором и нет возможности контролировать его действия. Поэтому логичным продолжением является еще одна норма: раз эмитент и акционеры являются обладателями исключительных прав на пользование информацией о размещенных акциях, то они должны с любой заданной периодичностью получать ее от регистратора. Одновременно следует усилить ответственность регистратора, поскольку информация, ушедшая от него «не по адресу», может привести к печальным последствиям для эмитента.

Подавляющее большинство акций российских эмитентов являются бездокументарными,

¹ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. Федеральных законов от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ, от 29 декабря 2004 г. № 192-ФЗ, от 31 декабря 2004 г. № 220-ФЗ, от 24 октября 2005 г. № 133-ФЗ, от 18 июля 2006 г. № 116-ФЗ и послед.).

т.е. не имеющими своего отражения в материальном мире. Уже это, само по себе, создает условия для всевозможных злоупотреблений регистраторов. Кроме того, само понятие «бездокументарная ценная бумага» создает коллизию норм гражданского права. В Гражданском кодексе РФ (п. 2 ст. 130) ценные бумаги прямо отнесены к вещам, которые являются материальными объектами. Существование «бездокументарных» вещей абсурдно и противоречит основам гражданского права России, не допускающим существование «бестелесных» вещей, как это принято, например, во Франции и в странах англосаксонской системы права. Кроме того, норма п. 1 ст. 142 ГК называет ценную бумагу «документом», т.е. материальной вещью. В указанной статье содержится положение о том, что «для осуществления и передачи прав, удостоверенных ценной бумагой, достаточно доказательств их закрепления в специальном реестре (обычном или компьютеризованном)». Из текста анализируемой нормы совершенно не следует возможность признания ценной бумагой той информации, которая содержится в компьютере регистратора. Правильнее будет признать объектом гражданского права бездокументарную информацию о правах собственников акций, которые, безусловно, должны быть эмитированы на бумажном или ином материальном носителе. Данному утверждению не противоречит и норма п. 1 ст. 44 Закона «Об акционерных обществах». В этой связи представляется обоснованным внесение изменений в ст. 16 Закона «О рынке ценных бумаг», исключающих эмиссию ценных бумаг в «бездокументарной форме».

Действующая редакция Закона «Об акционерных обществах» содержит ряд норм, направленных на защиту прав акционеров от недружественного проникновения и захвата акционерного общества¹.

Прежде всего следует упомянуть норму ст. 75 Закона о выкупе акций обществом по требованию акционеров. Суть ее в том, что акционер вправе требовать выкупа обществом принадлежащих ему акций в случаях реорганизации общества или совершения крупной сделки, решение об одобрении которой принимается общим собранием акционеров, если они голосовали против принятия решения о его реорганизации или одобрении указанной сделки либо не принимали

участия в голосовании по этим вопросам, а также внесения изменений и дополнений в устав общества или утверждения устава общества в новой редакции, ограничивающих их права, если они голосовали против принятия соответствующего решения или не принимали участия в голосовании. Ясно, что основания требования выкупа акций могут быть связаны также и с «рейдерскими» действиями (реорганизация, внесение изменений в устав, совершение крупных сделок по отчуждению имущества акционерного общества). Характерно, что выкуп акций должен осуществляться по цене не ниже рыночной.

Данный в ст. 75 Закона перечень оснований выкупа обществом акций является исчерпывающим, что подтверждается также позицией ВАС РФ². Другое дело – выкуп каких именно акций является предметом регулирования указанной нормы Закона. Пункт 1 ст. 75 Закона наделяет правом выкупа только владельцев голосующих акций, но дело в том, что в Законе содержится также ряд норм, допускающих участие в голосовании по тем или иным вопросам и владельцев привилегированных акций. На данное обстоятельство указывают и комментаторы Закона³. Думается, что следовало бы уточнить норму п. 1 ст. 75 Закона: право на выкуп должны иметь только владельцы простых голосующих акций.

Применение такого механизма защиты интересов акционеров как принудительный выкуп акций является крайней мерой, которая противоречит общему принципу, на котором строится вся конструкция акционерного общества – из акционерного общества можно выйти только продав свои акции третьему лицу. Именно поэтому законодатель усложняет процедуру выкупа акций (ст. 76 Закона), устанавливая императивно 45-дневный срок на подачу требования о выкупе акций.

На практике может сложиться ситуация, когда многие миноритарные акционеры получают, в силу принятия общим собранием того или иного решения, право требовать выкупа обществом принадлежащих им акций. Однако общество связано требованиями п. 5 ст. 76 Закона, устанавливающим, что сумма средств, направляемых на выкуп акций, не может превышать 10% стоимости чистых активов общества. Этот порог весьма усложняет осуществление акционерами своего права требовать выкупа акций. Здесь, по-види-

¹ Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208 – ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 27 июля 2006 г., с изм. от 18 декабря 2006 г.) // Первоначальный текст документа опубликован в «Российской газете». 1995. № 248.

² См.: п. 29 Постановления Пленума ВАС РФ № 19 от 18 ноября 2003 г. «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» // Вестник ВАС РФ. 2004. № 1.

³ Телюкина М.В. Комментарий к Федеральному закону «Об акционерных обществах» (постатейный). М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 488.

тому, не может быть однозначного решения. С одной стороны, законодатель учитывает интересы юридического лица, с другой – вынужден учитывать и возможную реакцию рядовых акционеров на принятие сложных и непопулярных решений общим собранием.

Новым важным шагом в направлении защиты прав акционеров стало введение в Закон Главы XI.¹, определяющей порядок приобретения более 30% акций открытого общества. Установленная Законом весьма сложная процедура приобретения крупных пакетов акций, а особенно норма п. 6 ст. 84.3 Закона в целом направлена на защиту интересов рядовых акционеров в случае попыток третьих лиц установить контроль над акционерным обществом. Вместе с тем, вызывает недоумение формулировка п. 1 ст. 84.1 Закона, в соответствии с которой лицо, намеревающееся купить более 30% акций не обязано, а только вправе направить в общество публичную оферту, именуемую добровольным предложением.

При нарушении установленного порядка приобретения крупного пакета акций приобретатель несет ответственность в форме возмещения убытков (п. 6 ст. 84.3 Закона), что не всегда адекватно причиненному вреду, поскольку в результате недружественного проникновения могут наступить последствия, несоотносимые с понятием «убытки»: вред деловой репутации, разглашение коммерческой тайны, нарушение интеллектуальных прав и т.д. В подобных случаях более уместно было бы говорить об обязанности возмещения или компенсации вреда, учитывая, что размер убытков при недружественном проникновении и захвате сложно, а иногда и невозможно доказать документально.

Дополнительные разъяснения процедуры приобретения внешними инвесторами крупных пакетов акций содержатся и в письмах Федеральной службы по финансовым рынкам (ФСФР) от 8 августа 2006 г. и 31 августа 2006 г.²

Несмотря на очевидные позитивные изменения акционерного законодательства, практика «рейдерства» дает основания полагать, что за-

конодательные механизмы защиты прав и интересов акционеров (особенно мелких) еще предстоит усовершенствовать. Применяемые преступные схемы зачастую связаны со скупкой акций у рядовых, мелких акционеров. В пользу захватчиков акционерных обществ работает то обстоятельство, что сделки с мелкими пакетами акций сложнее отследить. При создании подложных передаточных распоряжений и подкупе реестродержателей акционеры долгое время могут и не знать о внесении изменений в реестр. Особенно это касается профессиональных участников рынка ценных бумаг, которые ежедневно заключают большое количество сделок с акциями отечественных эмитентов.

Для того чтобы противодействовать преступным посягательствам мошенников, необходимо ясно представлять себе порядок учета акционеров компании. Как известно, если в акционерном обществе больше 50 владельцев акций, оно обязано передать реестр акционеров специализированному участнику рынка ценных бумаг – регистратору. Именно это лицо призвано учитывать акционеров компании, регистрировать переход права собственности на ценные бумаги, готовить список лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров и осуществлять иные действия, связанные с акциями. Лицензированием деятельности реестродержателей занимается Федеральная служба по финансовым рынкам.

Для перехода акций от одного лица к другому необходимо предоставить регистратору передаточное распоряжение, в котором собственник выражает свою волю по поводу принадлежащих ему ценных бумаг. При этом закон не требует предоставлять регистратору договор купли-продажи акций. Таким образом, мошеннику, желающему похитить акции, необходимо подделать всего лишь один документ – передаточное распоряжение. Указанное обстоятельство должно, как минимум, озадачить законодателя в направлении ужесточения порядка регистрации сделок с акциями. Одним из механизмов осуществления государственного контроля в сфере оборота эмис-

¹ Введена Федеральным законом от 05 января 2006 г. № 7-ФЗ (в ред. от 27 июля 2006 г.) «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации» // Первоначальный текст документа опубликован в «Собрании законодательства РФ» от 09 января 2006. № 2. Ст. 172.

² Письмо ФСФР РФ от 08 августа 2006 г. № 06-ОВ-03/12471 «О форме и содержании представляемых в федеральный орган исполнительной власти по рынку ценных бумаг добровольного и обязательного предложений, отчета по итогам принятия добровольного и обязательного предложений, уведомления о праве требовать выкупа эмиссионных ценных бумаг, требования о выкупе эмиссионных ценных бумаг» // Вестник ФСФР России. № 8. 31 августа 2006 г.; Письмо ФСФР РФ от 31 августа 2006 г. № 06-ОВ-03/14113-1 «Об уведомлении о праве требовать выкупа ценных бумаг и требования о выкупе ценных бумаг открытых акционерных обществ в соответствии со ст. 7 Федерального закона от 05 января 2006 г. № 7 – ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации» // Вестник ФСФР России. 2006. № 9.

сионных ценных бумаг, в том числе и акций, могла бы стать обязательная государственная регистрация сделок с ними, которую можно было бы возложить на органы ФСФР. Государственная регистрация отчуждения акций, во всяком случае, помогла бы искоренить практику ведения двойных реестров акционеров.

Подделка документов, как уголовно наказуемое деяние, не будет рассматриваться нами в рамках настоящей статьи, однако цивилистическая наука в своем развитии не может игнорировать задачи выработки эффективных гражданско-правовых механизмов противодействия преступным посягательствам на право собственности или иные имущественные права. Простейшим механизмом охраны права собственности акционера на принадлежащие ему акции является запрет всякого рода «бездокументарных» ценных бумаг и введение нотариальной регистрации сделок купли-продажи или иного отчуждения акций.

Дискуссионным является также вопрос о природе прав акционеров на уставный капитал акционерного общества. Так, М.В. Телюкина справедливо замечает, что нельзя считать права акционеров только обязательственными¹, указывая на неимущественную составляющую прав акционеров. К.И. Скловский усматривает у акционеров элементы вещного права на имущество акционерного общества². Большинство авторов, следуя общепринятой доктрине, считают акционерное общество единственным собственником своего имущества. Правосубъектность юридических лиц всегда рассматривалась авторами в свете общих вопросов о природе юридического лица как субъекта права, либо в процессе изучения правового статуса отдельных видов юридических лиц³. Нельзя не согласиться с высказыванием О.С. Иоффе о том, что характер, содержание и признание правосубъектности за теми или иными лицами зависят от характера и содержания действующего законодательства⁴. Большин-

ство авторов считают, что право собственности и иные вещные права юридических лиц являются основой и непременным условием их уставной деятельности, в частности, предпринимательской деятельности. В.Ф. Попондопуло, характеризуя правовой режим имущества предпринимателей, замечает, что «предпринимательская деятельность осуществляется на определенной имущественной базе, позволяющей экономически обособить предпринимателя и создать условия для его участия в торговом обороте»⁵. По мнению Н.В. Козловой, правосубъектное юридическое лицо не только вправе, но и обязано обладать обособленным имуществом, которое может принадлежать ему на праве собственности, либо ином вещном праве (п. 1 ст. 48 и ст. 216 ГК РФ)⁶. Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ указал, что организация не может быть признана юридическим лицом без наличия у нее обособленного имущества⁷.

Момент обретения правосубъектности юридическим лицом законодатель и правовая доктрина связывают не только с реализацией публично-правового отношения регистрации нового субъекта права, но и с формированием у него обособленного имущества, которое, по мысли законодателя, является гарантией осуществления уставной деятельности и реализации прав кредиторов⁸.

Вместе с тем еще не так давно наукой и законодательством признавалось существование коллективной акционерной собственности. Принятым 19 июня 1990 г. Постановлением Совета Министров СССР «Об утверждении Положения об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью и Положения о ценных бумагах» предусматривалась возможность создания акционерных обществ и выпуска ими акций, которые могли распространяться как среди юридических, так и среди физических лиц. Появление этого документа создало предпосылки для

¹ Телюкина М.В. Указ. соч. С. 11.

² Скловский К.И. Собственность в гражданском праве: Учебно-практическое пособие. М.: Дело, 1999. С. 133-135.

³ Венедиктов А.В. Правовая природа государственных предприятий. Ленинград, 1928; Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947; Грибанов В.П. Юридические лица. М., 1961; Витрянский В.В. Правовое положение государственных и муниципальных предприятий // Журнал российского права. 1998. № 10; Суханов Е.А. Правовые формы предпринимательства. М., 1993; Слугин А.А. Гражданская правосубъектность юридических лиц: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003.

⁴ Иоффе О.С. Избранные труды: В 4-х тт. Т. 2. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2004. С. 118.

⁵ Попондопуло В.Ф. Коммерческое (предпринимательское) право: Учебник. М.: «Юрист», 2003.

⁶ Козлова Н.В. Правосубъектность юридических лиц. М., 2005. С. 44.

⁷ Вестник ВАС РФ. 1993. № 10. С. 35.

⁸ О юридической природе уставного капитала юридических лиц см.: Кононов В.С. Корпоративные правоотношения: понятие, признаки, сущность / Актуальные проблемы гражданского права: Сборник статей. Вып. 9 / Под ред. О.Ю. Шилохоста. М.: Норма, 2005. С. 64.

активного развития акционерной формы собственности.

Возникновение отдельного «Положения об акционерных обществах», утвержденного Постановлением Совета Министров РСФСР от 25 декабря 1990 г., которое впоследствии (с изменениями, внесенными в апреле 1992 г.) вплоть до 1 января 1995 г. (вступлением в силу ч. 1 ГК РФ) и 1 января 1996 г. (вступлением в силу ФЗ «Об акционерных обществах») и стало основополагающим нормативным документом, регламентирующим основные принципы правового положения акционерных обществ в России.

Тезис о возможности существования наряду с частной и акционерной (коллективной) собственности вполне укладывался в господствующую в начале 90-х гг. гражданско-правовую доктрину¹.

Признание за акционером права общей долевой собственности (коллективной или акционерной) на имущество акционерного общества давало, по сравнению с нынешним статусом акционера, ряд преимуществ.

Во-первых, право на вещные иски в связи с незаконным завладением принадлежащими ему акциями. Отсюда возможность истребования ценных бумаг из чужого незаконного владения.

Во-вторых, возможность купли-продажи и залога акций, основанная на праве собственности. Сейчас, как известно, используется надуманная конструкция «уступки прав» и «залога прав».

В-третьих, право требовать в натуре выдела доли в имуществе акционерного общества. В настоящее время акционер практически лишен права требовать у общества выкупа принадлежащих ему акций.

Следовательно, развитие акционерного законодательства принесло не только позитивные результаты, но и привело к реальному ухудшению правового положения отдельного акционера за счет укрепления позиций юридических лиц в качестве единственных собственников закрепленного за ними обособленного имущества.

В последнее время «рейдерами» все чаще используется схема, получившая условное название «двойной стандарт». В основе этой схемы лежит создание «параллельных» реестров и органов управления. Как видим, с точки зрения

гражданского права, все подобные действия ничтожны и не должны порождать юридически значимых последствий, более того, их следует квалифицировать как мошенничество и изготовление поддельных документов. Очевидной представляется ключевая негативная роль реестродержателей при создании двойных реестров в ходе захвата акционерных обществ. Смена реестродержателя также может спровоцировать создание двойного реестра.

В связи с этим очевидной представляется передача функции регистрации прав акционеров специализированным государственным учреждениям, которые должны работать в режиме ограничения доступа к хранимой информации о личности акционеров и количестве принадлежащих им акций. Необходимо совершенствовать и акционерное законодательство в направлении предупреждения создания вторых, параллельных органов управления акционерными обществами. Здесь весьма пригодился бы опыт как стран СНГ, так и стран с более давней историей борьбы с рейдерством.

Думается, что проблему, связанную с добросовестным приобретателем акций, следует решать путем внесения изменений в Гражданский кодекс, позволяющих истребовать имущество у добросовестного приобретателя, если оно попало к нему в результате ничтожной сделки.

Изучение печатных и электронных СМИ позволяет сделать вывод о том, что проблемы защиты прав акционеров при недружественном поглощении находятся в центре внимания общественности, однако поступающие предложения по регулированию проблем недружественных поглощений не носят системного характера. За последние годы в этой сфере было предпринято всего несколько изменений. Между тем, настоятельной потребностью является подготовка проекта закона, устанавливающего особый порядок разрешения арбитражными судами корпоративных споров.

Не менее важной является задача реформирования законодательства об обороте ценных бумаг и той части корпоративного законодательства, которая регулирует создание органов управления хозяйственными обществами, реорганизацию и ликвидацию юридических лиц.

¹ Власова М.В. Право собственности в России: возникновение, юридическое содержание, пути развития. М., 2002. С. 106-111.

Лаукарт Анна Николаевна

аспирант кафедры гражданского права Кубанского государственного аграрного университета, помощник судьи Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа

Некоторые проблемы виндикации имущества, отчужденного на публичных торгах

В практике распространена ситуация ареста и продажи на публичных торгах имущества, принадлежащего не должнику, а иному лицу. В этом случае договор купли-продажи, заключенный по результатам публичных торгов, ничтожен (ст. 168 ГК РФ). Поскольку собственник имущества не является стороной указанного договора, он не вправе требовать передачи ему имущества в порядке реституции; предъявление собственником иска о признании торгов недействительными и применении последствий их недействительности влечет отказ в удовлетворении требования о реституции в связи с отсутствием охраняемого законом интереса.

Если имущество приобретено по возмездному договору у лица, которое не имело права его отчуждать, надлежащим способом защиты права лица, считающего себя собственником, является предъявление виндикационного иска к фактическому владельцу. Только в этом случае могут быть всесторонне защищены не только законные интересы собственника, но и добросовестного приобретателя.

В силу ст. 301 ГК РФ собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения. Согласно п. 1 ст. 302 ГК РФ если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли.

По смыслу приведенных норм в предмет

доказывания по спору об истребовании имущества из владения покупателя на публичных торгах (третьих лиц, которым спорное имущество было впоследствии продано / передано по иным основаниям) входят следующие обстоятельства:

право собственности истца (или иное вещное право) на истребуемое имущество;

факт владения ответчиком спорным имуществом;

наличие либо отсутствие правовых оснований для владения имуществом (недействительность торгов и заключенного по их результатам договора либо ничтожность договора купли-продажи);

факт недобросовестности (добросовестности) владения;

обстоятельства выбытия имущества из обладания собственника;

условия поступления имущества к ответчику;

другие обстоятельства.

Виндикация имущества, отчужденного на публичных торгах имеет следующие особенности.

Как известно, виндикационный иск – это иск невладеющего собственника к владеющему не-собственнику об истребовании индивидуально определенного имущества из незаконного владения последнего. Ответчиком по такому иску является незаконный владелец, у которого фактически находится вещь (покупатель либо третье лицо, которому предмет торгов отчужден покупателем). До признания публичных торгов и заключенного по их результатам договора купли-продажи недействительными виндикационное требование не может быть удовлетворено, так как до этого момента покупатель (третье лицо) является законным владельцем спорного имущества (кроме случаев ничтожности договора купли-про-

дажи).

Требование собственника имущества, реализованного на публичных торгах, о применении последствий недействительности торгов и заключенного по их результатам договора либо последствий ничтожности договора купли-продажи не подлежат удовлетворению в связи с отсутствием интереса в применении такого способа защиты. Вместе с тем за собственником в этой ситуации следует признать наличие интереса в признании торгов недействительными (без заявления требования о применении последствий недействительности торгов и заключенного по их результатам договора) либо интереса в признании ничтожным договора купли-продажи, заключенного по результатам публичных торгов. Удовлетворение названного требования влечет за собой отпадение основания для владения спорным имуществом и признание владельца незаконным.

Признание торгов недействительными производится путем предъявления самостоятельного требования (в отдельном производстве или совместно с требованием о виндикации имущества). Признать ничтожным договор купли-продажи путем предъявления отдельного иска в силу п. 2 ст. 166 ГК РФ не требуется, ничтожность договора купли-продажи (как и недействительность торгов, установленная по другому делу) будет одним из фактических оснований, приводимых в споре об истребовании имущества для обоснования незаконности владения. При ничтожности договора купли-продажи, в том числе и в случае продажи чужого имущества, в отдельном оспаривании самих торгов нет необходимости.

Одним из фактических обстоятельств, входящих в предмет доказывания по спору об истребовании имущества, является факт добросовестности либо недобросовестности приобретателя, который зависит от фактических обстоятельств спора и устанавливается судом. Практически важным представляется вопрос о распределении бремени доказывания названного обстоятельства между истцом и ответчиком.

На наш взгляд, добросовестность владельца должна быть опровергнута истцом. Презумп-

ция добросовестности незаконного владельца является частью общей презумпции добросовестности участков гражданского оборота, которая, к сожалению, в качестве основного начала гражданского права законодательно не установлена. Презумпция добросовестности в осуществлении гражданских прав, закрепленная п. 3 ст. 10 ГК РФ, конечно, не тождественна добросовестному приобретению имущества применительно к ст. 302 ГК РФ и по буквальному содержанию п. 3 ст. 10 ГК РФ не распространяется на виндикационные требования, поскольку незаконный владелец не обладает какими-либо правами в отношении виндицируемого имущества. Вместе с тем в литературе отмечается, что истинный спектр действия данного понятия намного шире, чем защита гражданских прав в предусмотренных законом случаях, поэтому формулировка названной нормы нуждается в законодательной корректировке¹. Поэтому заслуживает внимания позиция о возможности расширительного толкования п. 3 ст. 10 ГК РФ как общей презумпции добросовестности участков гражданского оборота, поскольку «недобросовестность никогда не предполагается»².

На необходимость возложения бремени доказывания недобросовестности на истца неоднократно указывалось и в научно-практической литературе³.

В юридической литературе высказана и противоположная точка зрения: в спорах об истребовании имущества бремя доказывания лежит на ответчике, т.е. незаконный владелец должен доказать, что он не знал и не мог знать о том, что имущество приобретено у лица, не имевшего права на его отчуждение. Сторонники названного подхода отмечают, что п. 3 ст. 10 ГК РФ, устанавливающий презумпцию «доброй совести», не подлежит применению к виндикационным требованиям, поскольку отсутствует субъективное право, подлежащее защите⁴. Пункт 24 Постановления Пленума ВАС РФ от 25 февраля 1998 г. № 8 также возлагает обязанность доказывания добросовестности на приобретателя имущества.

¹ Краснова С.А. Определение понятия «добросовестность» в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2003. № 3.

² Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М., 2000. С. 257.

³ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая / Под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. М., 2004. С. 778; Краснова С.А. Определение понятия «добросовестность» в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2003. № 3; Соيفер Т.В. Комментарий к гл. 2 ГК РФ // Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / Под ред. В.П. Мозолина, М.Н. Малеиной. М., 2004 и др.

⁴ Аксюк И.В. Добросовестность приобретения как основание возникновения права собственности на недвижимость // Журнал российского права. 2007. № 3; Скловский К.И. Применение гражданского законодательства о собственности и владении. Практические вопросы. М., 2004. С. 347.

Некоторые авторы предлагают распределять бремя доказывания добросовестности приобретения в зависимости от вида имущества: на приобретателя – при виндикации недвижимости и движимых вещей, которые носят на себе отличительные признаки в виде номеров, серий и т.д. и либо широко не распространены в обороте вследствие своих особых качеств, редкости и т.д.; в отношении остальных движимых вещей – на собственника¹.

Добросовестность приобретателя исключается, если к моменту совершения возмездной сделки в отношении спорного имущества имелись притязания третьих лиц, о которых покупателю было известно, и если эти притязания впоследствии признаны в установленном порядке правомерными (п. 24 Постановления Пленума ВАС РФ от 25 февраля 1998 г. № 8²).

Так, по одному из дел арбитражный суд пришел к выводу о недобросовестности приобретателя, указав, что он мог знать о наличии притязаний на спорное имущество третьих лиц (общества – должника и санатория), поскольку являлся директором организации – одного из учредителей должника – и принимал непосредственное участие в его хозяйственной деятельности³. В другом случае суд указал, что о недобросовестности приобретателя свидетельствуют обстоятельства приобретения им спорного имущества (имущество приобретено ответчиком у первого покупателя через 18 дней после приобретения имущества самим покупателем; цена, по которой ответчик приобрел имущество, незначительно превышает цену, по которой имущество приобретено первым покупателем)⁴. Еще по одному делу суд признал покупателя недобросовестным, поскольку из протокола проведения торгов следовало, что спорные помещения находились у должника не в собственности, а в пользовании, поэтому приобретатель мог знать о том, что спорное имущество как не принадлежащее должнику не могло выставляться на торги для продажи⁵.

«Добрая совесть» устраняется одним только фактом наличия регистрационной записи о принадлежности отчуждаемой вещи третьему лицу либо об ограничениях, исключающих отчуждение (например, об аресте имущества)⁶. В то же время, если такие ограничения не могли быть известны приобретателю либо регистратор не сообщил о них при обращении за соответствующими сведениями, то «добрая совесть» может быть доказана⁷. Отсутствие в едином государственном реестре записи о наличии каких-либо ограничений само по себе не свидетельствует о невозможности опровержения «доброй совести» приобретателя, если собственник представит доказательства того, что ответчик мог знать об имевшихся ограничениях (например, являлся лицом, участвующим в деле, по спору о принятии обеспечительных мер в виде наложения ареста). Если имущество приобретено ответчиком с явным нарушением закона, о котором ему должно быть известно (например, без проведения торгов; приобретено имущество, ограниченное в обороте в силу закона и т.д.), добросовестность приобретения имущества также исключается⁸.

Следует отметить, что добросовестность приобретателя не имеет правового значения, если имущество не выбывало из владения собственника⁹.

Действие защиты добросовестного приобретателя в рамках п. 1 ст. 302 ГК РФ ограничено только теми случаями, когда имущество выбыло из владения собственника по его воле. В этой связи интерес представляет вопрос о том, предоставляется ли должнику право неограниченной виндикации имущества, реализованного в рамках исполнительного производства, как выбывшего помимо его воли.

Генезис и дальнейшее развитие института обращения взыскания на имущество неисправного должника свидетельствуют о том, что воля такого субъекта безразлична для права и остальных участников оборота. Соответственно, утра-

¹ Ханашевич С.К. Добросовестное приобретение имущества от неуправомоченного лица // Документ не опубликован // СПС «Консультант Плюс».

² О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: постановление Пленума ВАС РФ от 25 февраля 1998 г. № 8 // Вестник ВАС РФ. 1998. № 10.

³ Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 1 сентября 2000 г. по делу № 193/6 // СПС «Консультант Плюс».

⁴ Архив ФАС СКО. 2007. Дело № Ф08-1145/07.

⁵ Постановление Президиума ВАС РФ от 30 октября 2001 г. № 9003/99 // Вестник ВАС РФ. 2002. № 2.

⁶ См., например, постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 8 сентября 2005 г. по делу № А74-3090/04-Ф02-4401/05-С2 // СПС «Консультант Плюс».

⁷ Скловский К.И. Применение гражданского законодательства о собственности и владения. Практические вопросы. М., 2004. С. 344.

⁸ Архив ФАС СКО. 2006. Дело № Ф08-3943/06.

⁹ Архив ФАС СКО. 2007. Дело № Ф08-1145/07.

чивает юридическое значение тот факт, сам ли должник передал вещь на реализацию или она была у него принудительно изъята. Вступая в оборот, лицо принимает на себя риск несения неблагоприятных последствий, связанных с таким участием. И уже этим выражает свою волю на возможное изъятие своего имущества при неисполнении принятых на себя обязательств. Статья 302 ГК РФ под «иными случаями выбытия имущества помимо воли собственника» подразумевает, прежде всего, противоправные действия третьих лиц либо действия самого собственника, не направленные на утрату своего имущества. По этим причинам применительно к ст. 302 ГК РФ нельзя, на наш взгляд, говорить о том, что имущество, реализованное на торгах в порядке исполнения решения суда, выбывает помимо воли собственника.

Основанием для принудительного изъятия имущества является вступивший в законную силу судебный акт, установивший неисправность должника, поэтому такое изъятие не может считаться незаконным. Отмена решения суда, явившегося основанием для выдачи исполнительного листа и совершения исполнительных действий, свидетельствует об отсутствии воли собственника на изъятие имущества, добросовестность приобретателя не препятствует удовлетворению иска об истребовании имущества.

При продаже в рамках исполнительного производства чужой вещи, выбывшей из владения собственника по его воле, ссылка собственника на изъятие имущества без его воли не может приниматься во внимание, в иске об истребовании имущества должно быть отказано. Собственник в такой ситуации не лишен возможности предъявить иск о взыскании убытков, если продажа имущества явилась следствием незаконных действий судебного пристава-исполнителя.

Судебная практика также исходит из неприменимости норм о неограниченной виндикации при выбытии имущества помимо воли собственника к отношениям публично-правового характера, связанным с осуществлением полномочий судебного пристава-исполнителя, поскольку согласия

должника на изъятие имущества в порядке исполнения решения суда не требуется¹.

В научной литературе мнение о том, что изъятие имущества в порядке исполнения решения суда не может считаться выбытием имущества помимо воли собственника, высказано также К.И. Скловским и И. Ашихминым². Противоположной точки зрения, согласно которой выбытие имущества на основании судебного решения должно быть признано выбытием помимо воли собственника (даже при добровольном исполнении судебного акта), кроме случаев признания ответчиком иска, придерживается Г. Чернышов³.

Применительно к возмездности приобретения имущества необходимо отметить следующее. Если имущество было передано взыскателю вследствие признания торгов несостоявшимися, а судебный акт, явившийся основанием для возбуждения исполнительного производства, отменен, взыскатель не сможет сослаться на возмездность приобретения имущества, поэтому собственник будет вправе виндцировать имущество без ограничений. Неисполнение покупателем обязанности по оплате имущества, приобретенного на торгах, само по себе не свидетельствует о безвозмездности приобретения.

Таким образом, виндикация имущества, отчужденного на публичных торгах, подчинена общим правилам виндикации. Отраженные отличительные черты касаются, прежде всего, процессуальных особенностей доказывания незаконности владения, распределения бремени доказывания добросовестности (недобросовестности) приобретателя имущества, установления обстоятельств выбытия имущества из владения собственника. При этом до признания недействительными торгов и заключенного по их результатам договора (кроме случаев ничтожности договора купли-продажи) виндикация невозможна, поскольку до указанного момента приобретатель продолжает оставаться законным владельцем; бремя доказывания недобросовестности приобретения имущества лежит на истце; принудительная реализация имущества в рамках исполнительного производства не предоставляет должнику права неограниченной виндикации.

¹ Постановления Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 23 сентября 2004 г. по делу № А12-6749/04-С52, от 15 июня 2006 г. по делу № А49-9074/05-446/24, постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 13 марта 2007 г. по делу № А33-16756/05-Ф02-1208/07-С2, постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 16 декабря 2003 г. по делу № Ф03-А04/03-1/2978, постановление ФАС СКО от 7 сентября 2006 г. по делу № А32-3485/2005-31/900 // СПС «Консультант Плюс».

² Скловский К.И. Применение гражданского законодательства о собственности и владении. Практические вопросы. М., 2004. С. 350; Ашихмин И. Рисковые торги // ЭЖ-Юрист. 2005. № 5.

³ Чернышов Г. О выбытии имущества из владения собственника помимо его воли // ЭЖ-Юрист. 2006. № 26.

Пчелинцева Татьяна Александровна

аспирант кафедры правоведения

Московского государственного университета экономики, статистики и информатики

Жизнь дачников не стала легче. Полемика «дачной амнистии»

Среди большой численности нормативно-правовых актов федерального значения ни один законодательный документ не вызвал подобной заинтересованности, как Федеральный закон от 30 июня 2006 г. № 93-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросу оформления в упрощенном порядке прав граждан на отдельные объекты недвижимого имущества»¹. Детализируя подробно, вышеупомянутым законом внесены изменения и дополнения в Закон «О регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». В народе его прозвали «дачной амнистией». Приватно именуемый закон вводит упрощенный порядок регистрации прав собственности на полученные ранее земельные участки для ведения личного подсобного и дачного хозяйства, огородничества, садоводства и индивидуального жилищного строительства.

Новации сконцентрированы на разрешение проблемы отсутствия у граждан России документов. Масштаб неузаконенного строительства в России колоссален по различным обстоятельствам. Порой строения преднамеренно не регистрируют, дабы избежать уплаты налога на собственность. Однако право собственности на незарегистрированное недвижимое имущество является законодательно не удостоверенным, стало быть, и совершение сделок с таким имуществом невозможно, так как подобная сделка не будет иметь юридической силы.

До принятия закона о «дачной амнистии» граждане могли защитить свои субъективные права или разрешить спор только лишь в судебном порядке.

Но легально вступивший в действие законодательный документ федерального значения направлен на активизацию рынка купли-продажи загородных домов и участков, а также санк-

ционирует реализацию ранее абсолютно «безжизненных» объектов недвижимости. При этом принятое законодательство адресовано разрешить проблему земельных наделов, продажа которых ранее была неосуществима из-за их неопределенного статуса.

Ключевая задача закона о «дачной амнистии» – предельно сориентировать граждан к регистрации права собственности на земельные участки или на расположенные на данных земельных участках постройки, если они по тем или иным причинам не успели этого сделать.

Предполагалось, что новый закон поможет свести все к справедливости. Не надобно будет тратить время и силы, устремленные на сбор необходимых документов и платить неоправданно большие деньги за оформление. При этом предложенная законодателем методика кажется достаточно элементарной.

Однако практически процедура оформления в собственность земельных участков с юридической точки зрения выглядит сложнее, а с материальной – дороже.

Как известно, долгожданный закон о «дачной амнистии» действует уже второй год, но вопросы, связанные с процедурой оформления прав граждан на отдельные объекты недвижимого имущества в собственность скорее возникают, а не заканчиваются. Связанно это с тем, что, во-первых, законодательная позиция сложна для восприятия, и осмыслить закон не так уж просто, а, во-вторых, у большинства граждан бытует ошибочное представление о последствиях принятого закона.

На сегодняшний день по статистическим данным принятие закона о «дачной амнистии» не активизировало оформление прав на имущество граждан и подавляющее большинство россиян по-прежнему не особо беспокоится о защите своего права на собственность².

Изначально необходимо принять во внима-

¹ Российская газета от 7 июля 2006 г.

² Газета «Известия» от 19 апреля 2006 г.

ние тот факт, что исходя из названия самого закона, процедуру оформления в собственность объектов недвижимости с точки зрения законодателя упростили, но юридических нюансов осталось несчетное количество. Так ли это на самом деле?

Если рассматривать проблему целиком, то, прежде всего, следует с некоторой осторожностью отнестись к постановке на государственный кадастровый учет и государственной регистрации права и сделки.

Дело в том, что для регистрации прав собственности или регистрации прав на земельный участок потребуется предоставление в регистрирующий орган определенных законом документов¹. На первый взгляд здорово, что перечень правоустанавливающих документов, которые собственник должен представить для регистрации, носит открытый характер, но, с другой стороны, это может усложнить процесс регистрации, поскольку отсутствует полное и внятное описание, вследствие чего возникают разногласия в определенных ведомствах².

В то же время сущность амнистии заключается в том, чтобы позволить напрямую наладить контакт владельцев земельных наделов и построек с органами регистрации, принеся документы, которые по своей сути не имеют срока давности, обходя стороной череду органов местного самоуправления. Тем самым закон амнистирует и признает любые документы, подтверждающие факт предоставления гражданину земельного участка в виде актов, свидетельств, выписок, решений, справок и иной документации³. Данные бумаги законодатель поставил в один ряд с такими правоустанавливающими документами, как справка БТИ, договор дарения, завещание, свидетельство о праве собственности и придал им равную юридическую силу⁴.

Кроме того, теперь гражданам не приходится доказывать свои права в администрациях, затем в Комитете по земельным ресурсам, где проводилась экспертиза, по результатам которой либо заключался договор, либо владельцы получали отказ. И только после подписания договора гражданин обращался в Росрегистрацию.

Но это лишь все на бумаге, а практика

показывает иной результат. Иными словами, дачная амнистия далеко не безупречна. Из-за недоработок законодательства в некоторых регионах с пренебрежением относятся к новому закону.

По статистическим данным, лидирующие позиции несоблюдения закона занимает столица, ссылаясь на «свои законы». Причем появляются и те, которые предлагают услуги в оформлении участка за дополнительную плату или отказывают в выдаче правоустанавливающего документа, мотивируя свой отказ отсутствием обязательством. На втором месте в динамике несоответствия требованиям закона стоит культурная столица – Санкт-Петербург. Чиновники в этом регионе не пытаются «загонять» людей по всей области в поисках ненужных документов, справок и прочей «бумажной волокиты». Третье место в рейтинге решено было присудить Краснодару. Краснодарские же чиновники требуют выкупать излишки земельных участков по рыночной цене⁵, а если захотят, то амнистии в отдельно взятом районе вообще не будет⁶.

В первую очередь Федеральный закон № 93-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросу оформления в упрощенном порядке прав граждан на отдельные объекты недвижимого имущества» упростил порядок оформления дачной недвижимости. Упрощенная система коснулась земельных участков, предоставленных для ведения личного подсобного, дачного хозяйства, огородничества, садоводства, индивидуального гаражного и жилищного строительства, расположенных на данных наделах. Речь идет о дачных жилых и садовых домах, индивидуальных гаражах, хозяйственных и бытовых постройках.

Более того, для оформления прав на земельные участки, представленные для ведения личного подсобного хозяйства, в случаях отсутствия у гражданина акта органа местного самоуправления либо свидетельства, вводится новый вид правоустанавливающего документа – выписка из похозяйственной книги о наличии у гражданина права на земельный участок.

Важным моментом при этом является то, что для ряда строений на указанном виде земель-

¹ Статья 25.3 Федерального закона от 21 июля 1997 г № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (в ред. ФЗ от 18 декабря 2006 г. № 232-ФЗ, вступил в силу с 1 января 2007 г.

² Савельева Ю. Возможности и проблемы дачной амнистии. www.Dom63.ru

³ Анников Н. Без регистрации собственников не становятся // «Недвижимость». 2007. 2 июля. www.omskrielt.com

⁴ Новикова Е. Оформляем дачу в собственность // «Недвижимость & цены». 2006. июль.

⁵ Комсомольская правда. 2007. 19 марта.

⁶ Куплянов И. Каждому дачнику – свидетельство о праве собственности // «Квадратный метр». 2007. 5 февраля – 11 февраля.

ных участков (например, для дачных и садовых домиков) не требуется больше технический паспорт, а регистрация обязана производиться по заявительно-декларативной схеме.

Введение законом декларативной формы как еще одного нового инструмента, способствующего упростить процедуру регистрации, но уже не земельного участка, а строений на нем. То есть, чтобы оформить право собственности, владельцу достаточно самостоятельно заполнить утвержденную форму декларации¹, указав сведения о местоположении (адресе) строения, его виде, назначении, площади, количестве этажей или уровней, годе постройки, о материалах наружных стен объекта, о подключении к инженерным сетям и о кадастровом номере участка, на котором расположен объект.

Впрочем, с другой стороны, в соответствии со ст. 25.3 Закона о регистрации для оформления права собственности на объект индивидуального жилищного строительства все-таки необходимо представить в регистрирующий орган документы, подтверждающие факт его создания и содержащие описание объекта недвижимого имущества. К таким документам относятся: технический паспорт объекта индивидуального жилищного строительства утвержденного образца² и решение органа местного самоуправления на ввод объекта индивидуального жилищного строительства в эксплуатацию, либо разрешение на строительство, например, если объект является объектом незавершенного строительства. Причем в этом случае технический паспорт будет являться единственным документом, имеющим ограниченный срок действия (до 1 января 2010 г.), который подтверждает факт возведения объекта индивидуального жилищного строительства на земельном участке и содержащим его описание.

С точки зрения теории заявительно-декларативная форма, безусловно, удобнее, проще и дешевле. Но, по крайней мере, одно принципиально важное обстоятельство в ней по-прежнему имеется. Связано это с тем, что к декларации в неизбежном порядке прилагаются сведения об участке в виде кадастрового плана.

Дело в то, что получение кадастрового пла-

на (за исключением ситуаций, когда представление кадастрового плана не требуется)³ имеет наибольшую практическую ценность, принося будущим собственникам головную боль, так как для этого нужно провести межевание земли.

Впрочем, как раз процедура межевания, а точнее, стоимость такой операции, стоящей немало денег, инициирует множество нареканий. Определение границ участка является очень значимым аспектом. При этом важно учитывать сложности в решении вопроса о расхождении фактической площади и теоретической, указанной в выданных документах. Если налицо несоответствие цифр, то регистрацию разрешают при соблюдении двух условий: согласования границ участка с соседями, а также отказ от намерения сформировать из излишков земли еще один участок⁴. Неверное решение данного вопроса может привести к длительным дискуссиям не только с органами власти, но и с соседями. Вот тут-то ход «дачной амнистии» чаще всего замедляется.

Впрочем, на практике возможно обойтись без долговременной и дорогостоящей процедуры – межевания, но исключительно в том случае, если у владельца имеется в наличии кадастровый план участка любой степени давности. Тем не менее, взамен кадастровому плану (или при его отсутствии), можно представить кадастровый номер участка.

Правда, следует помнить, что в действительности на этом месте процесс оформления права собственности на участок по возможности прервется, в противном случае вообще закончится. Причиной подобного исхода событий послужит требование Роснедвижимости предоставить дополнительную информацию, ссылаясь на следующие обстоятельства: кадастровый план не содержит сведений в полном объеме либо нуждается в уточнении; недостаточные данные о местоположении (координатах) границ участка, в том числе площадь участка ориентировочная, сведения о границах не позволяют однозначно определить данный земельный участок в качестве объекта недвижимости, вследствие этого сведения о земельном участке подлежат уточнению при межевании и т.п. Иными словами – это

¹ Приказ Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации от 15 августа 2006 г. № 232 «Об утверждении формы декларации об объекте недвижимого имущества».

² Приказ Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации от 17 августа 2006 г. № 244 «Об утверждении формы технического паспорта объекта индивидуального жилищного строительства и порядка его оформления организацией (органом) по учету объектов недвижимого имущества».

³ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 25 апреля 2005 г. «О необходимости оказания помощи гражданам в оформлении в упрощенном порядке принадлежащих им фактически объектов жилой недвижимости, а именно гаражей, жилья, садовых домов в различных кооперативах и садоводческих товариществах и соответствующих земельных участках».

⁴ Гидаспов И. Земля и воля – дачная амнистия. www.LDacha.ru

предоставление неполного пакета документов.

Следовательно, если сведения о площади и границах участка указаны ориентировочно, в неполном объеме, то обладателю такого плана сложнее отстоять свое право в суде, так как из-за неполноты сведений доказательством не является. Придется искать другие источники. Заново собирать документы, не минуя общение с землемерами, и, в конечном счете – процедура межевания. В любой ситуации, чтобы защитить земельное владение от разного рода посягательств, без межевания не обойтись.

Хотя по закону привлечение соседей обязательно только при межевании, надобность проведения ее процедуры не вызывает сомнения, чтобы исключить массу трений и серьезных сложностей, согласовав границы земельного участка с соседями.

Еще один факт законодательства касается сбора соответствующих налогов на зарегистрированную землю и недвижимость. Инициаторы закона и не скрывают, что это является одной из главных целей по выводу из тени дачных «нелегалов»¹.

В цивилизованном мире будущим собственникам следует помнить о том, что помимо земельного налога надобно уплачивать и налог на имущество физических лиц, а в скором времени – и налог на недвижимость. Правда, пока в Российской Федерации действуют незначительные ставки налогов. Но не исключено, что после регистрации гражданских прав на земельные участки и постройки законодатель будет стимулировать поступления в бюджет посредством увеличения налогового бремени. Вероятно, принятый закон послужит базовой основой для введения налога на недвижимость.

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что системное изучение закона о «дачной амнистии» имеет грандиозное теоретическое и практическое значение. Именно системный подход при исследовании закона позволяет обнаружить погрешности и дискуссионные ситуации, а в какой-то степени и истинные возможности, которые чаще всего доставляют проблемы гражданам, обладающим номинальной собственностью.

Земельный вопрос в России всегда был крайне актуален, и необходимость принятия дачного закона обусловлена многими факторами. К примеру, существует большое количество земельных участков, выделенных ранее для организации садоводства, огородничества и дачного

хозяйства. Строительство на таких участках велось, как правило, своими руками и за счет собственных средств, однако документы на земельные участки и строения не оформлены. В сельских поселениях имеются жилые дома, построенные в прошлом веке, на которые также отсутствуют документы, подтверждающие права их владельцев. Все это не позволяло вовлекать большую часть недвижимого имущества в гражданско-правовой оборот, использовать его в качестве залога, в том числе для целей ипотечного жилищного кредитования, снижало доходы местных бюджетов, затрудняло передачу указанного имущества по наследству².

Поэтому для решения вышеуказанных проблем законодатель нашел решение в виде закона о «дачной амнистии». Хотя закон и называют «дачной амнистией», действие его намного шире. Несомненно, идея утверждения закона неплоха, но с точки зрения единого кодифицированного свода установленных правил, а не отдельных изменений к законодательству о регистрации.

Однако необходимо отметить, что реализация закона о «дачной амнистии» вызвала ряд вопросов и проблем. Основной проблемой является предоставление на государственную регистрацию права собственности документов, не соответствующих требованиям законодательства.

Серьезным нарушением федерального законодательства является выдача документов о предоставлении земельных участков органами и лицами, не уполномоченными распоряжаться земельными владениями. К юридическим порокам относятся случаи предоставления кадастрового плана земельного участка, площадь которого превышает площадь, указанную в правоустанавливающем документе, более чем на минимально установленный размер земельного участка для данного вида разрешенного использования в соответствующем муниципальном образовании.

При заполнении кадастровых планов допускаются неточности, влекущие отсутствие необходимого объема данных о земельном участке.

Есть и другие преграды на пути «дачной амнистии». Проблемный фактор возникает при межевании земли, и заключается в высокой стоимости ее проведения, а население обязано проводить его за свой счет. Соответственно нужно ввести поправки в законодательство о землеустройстве: функции по внутреннему межеванию садово-дачных участков логичнее было бы пере-

¹ Таран С. Федеральный закон о «дачной амнистии» будет легче собирать налоги // «Ведомости». Приложение «Недвижимость. Жилой фонд». 2006. 10 июля.

² <http://www.listock.ru>

дать органам местного самоуправления, в то время когда коммерческие компании занимались бы установлением внешних границ садового участка, а дачники бы вместе скидывались, для того чтобы оплатить эти услуги¹.

По-прежнему животрепещущим вопросом при реализации данного закона является обременительные цены за проведение инструментальной съемки земельных участков. Несмотря на положение закона, предоставляющие право субъектам Российской Федерации устанавливать предельные максимальные цены (тарифы, расценки, ставки и т.п.) работ по проведению территориального землеустройства в отношении земельных участков, предназначенных для ведения личного подсобного, дачного хозяйства, огородничества, садоводства, индивидуального гаражного и индивидуального жилищного строительства, решения о государственном регулиро-

вании таких расценок не принято.

Вместе с тем закон имеет ряд пробелов в разграничении понятий, например, «дачный дом», «садовый дом» и «дом капитального строительства». Поэтому многоквартирный дом может быть зарегистрирован в качестве дачного домика, а право на дачный домик может быть направлено для проведения технического учета, по причине того, что эта небольшая постройка является объектом капитального строительства. Прочие недочеты и неточности формулировок отмечены при регистрации индивидуальных гаражей, а также гаражных боксов, которые законодатель не учел в законе, но были выявлены на практике.

Стало быть, естественные проблемы, возникшие при «обкате» нового закона, не дали положительного результата и, как следствие, введение закона о «дачной амнистии» не привело к многочисленному скачку регистрации недвижимости в регионах.

---

¹ <http://www.kapital-ural.ru>

Рыбин Сергей Викторовичаспирант кафедры гражданского права и процесса
Белгородского университета потребительской кооперации,
начальник юридического отдела ООО «Дом Трест Строй»

Объекты долевого строительства в многоквартирном доме

Понятие объектов долевого строительства даны в п. 2 ст. 2 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. №214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями от 18 июля, 16 октября 2006 г.)¹ (далее – Федеральный закон № 214-ФЗ). В указанном нормативно-правовом акте под объектом долевого строительства понимается жилое или нежилое помещение, общее имущество в многоквартирном доме и (или) ином объекте недвижимости, подлежащие передаче участнику долевого строительства после получения разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости и входящие в состав указанного многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости, строящихся (создаваемых) также с привлечением денежных средств участника долевого строительства.

В настоящее время понятие объекта долевого строительства наиболее часто употребляется применительно к квартирам в строящихся многоквартирных домах, а также к нежилым помещениям, подходящим под определение «иных объектов недвижимости», расположенным на первых этажах многоквартирных домов, и не входящих в состав общего имущества многоквартирного дома.

Прежде всего, нам необходимо определиться с понятием «многоквартирного дома» в общем смысле.

Как видно из текста Федерального закона № 214-ФЗ, понятие «многоквартирный дом» очень часто употребляется законодателем, но в ст. 2, которая раскрывает основные понятия, используемые в Федеральном законе, данное по-

нятие не раскрывается. Указанный термин вообще не закреплен на законодательном уровне.

На подзаконном уровне попытка сформировать определение многоквартирного дома принята в постановлении Правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47 «Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу»². В пункте 6 данного Положения под многоквартирным домом признается совокупность двух и более квартир, имеющих самостоятельные выходы либо на земельный участок, прилегающий к жилому дому, либо в помещения общего пользования в таком доме.

По нашему мнению, данное определение не вполне точно описывает многоквартирный дом. Не спасет положение и предлагаемое указание на то, что многоквартирными жилыми домами не являются индивидуальные жилые дома, в том числе отдельно стоящие с количеством этажей не более трех, предназначенные для проживания одной семьи. Исходя из этого любой индивидуальный коттедж, в случае раздела (например, имущества супругов или в результате наследования) и образования в нем самостоятельных помещений и их отчуждения становится многоквартирным домом, так как его предназначение изменяется. Представляется, что такая позиция сомнительна и не поддерживается законодателем. Так, например, из анализа положений Градостроительного кодекса РФ³, в частности, его ст. 49, очевидно, что законодатель определенно разделяет многоквартирные жилые дома и жилые дома блокированной застройки. Хотя последние представляют собой совокупность более чем двух квартир и имеют выход на территорию общего пользования, кроме того, у них нет осадочных швов и, будучи построены на едином фун-

¹ Собрание законодательства РФ от 3 января 2005 г. № 1. Ст. 40.

² Собрание законодательства РФ от 6 февраля 2006 г. № 6. Ст. 702.

³ Собрание законодательства РФ от 3 января 2005 г. № 1. Ст. 16.

даменте, они являются единым объектом технического учета¹.

Разные ученые-правоведы в своих трудах раскрывали понятие многоквартирного дома. Так, например, по мнению П.В. Крашенинникова и Н.В. Маслова, под многоквартирным домом понимается «строение, разделенное на отдельные жилые помещения, как правило, квартиры, предназначенные для проживания граждан и отвечающие соответствующим строительным, техническим, противопожарным, санитарно-гигиеническим требованиям»².

Специфическим признаком многоквартирного дома, отличающим его, например, от индивидуального дома, предназначенного для проживания одной семьи, является то, что единый комплекс недвижимого имущества многоквартирного дома состоит из отдельных частей – помещений, предназначенных для жилых и нежилых целей, которые могут находиться в собственности граждан, юридических лиц Российской Федерации, ее субъектов или муниципальных образований. Другие части этого комплекса (общее имущество) находятся в общей долевой собственности собственников указанных выше помещений.

Таким образом, многоквартирный дом как комплексный объект состоит из:

- а) жилых помещений;
- б) нежилых помещений;
- в) помещений, предназначенных для обслуживания жилых и нежилых помещений и доступа к ним, тесно связанных с ними предназначением и следующих юридической судьбе жилых и нежилых помещений³ и сам по себе не является объектом долевого строительства.

Тем не менее, исходя из указанных выше понятий видно, что многоквартирный дом является разновидностью жилого дома. В юридической же литературе встречаются различные подходы к понятию «жилого дома», но в Жилищном кодексе РФ данное понятие не включает в себя понятие многоквартирного дома.

С точки зрения классификации объектов недвижимости, которая дана в ст. 130 ГК РФ, жилой дом рассматривается как здание. В принципе, такая характеристика достаточна сама по себе, без добавления слова «индивидуально-определенное».

Ведь к индивидуально-определенным вещам относятся все объекты недвижимости, в том числе жилые дома. Другое дело, что жилой дом нужно как-то отличить от иных зданий, в том числе многоквартирных домов. Как представляется, единственное отличие, при всей его условности, состоит в том, что в жилом доме не может быть квартир, но могут быть части. Однако, это отличие весьма зыбко, особенно если учесть, как в ЖК РФ определяется квартира. Если же дать иное толкование и считать жилой дом также и многоквартирным, то возникнут многочисленные противоречия между правами на жилой дом, с одной стороны, и правами на квартиру – с другой. Но этот вопрос требует отдельного рассмотрения⁴.

Под жилыми помещениями в многоквартирном доме понимаются квартиры, которые, в свою очередь, чаще всего и являются объектами долевого строительства. Определения квартиры дано в ч. 3 ст. 16 Жилищного кодекса РФ⁵, где под квартирой признается структурно обособленное помещение в многоквартирном доме, обеспечивающее возможность прямого доступа к помещениям общего пользования в таком доме и состоящее из одной или нескольких комнат, а также помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в таком обособленном помещении.

Определение квартиры вновь допускает существование «одного жилого помещения в другом», ведь квартира состоит из комнат (тоже жилых помещений) и вспомогательных помещений. В связи с этим удивляет непоследовательность законодателя, который исключил одновременное существование как жилых помещений многоквартирных домов и квартир, но допустил его применительно к квартире и комнате. Фактически и квартира, и комната в ней могут выступать объектами самостоятельных жилищных прав в один и тот же отрезок времени.

Применительно к квартире неясно, что такое «структурно обособленное» помещение и чем оно отличается от «изолированного». Поскольку изолированным является всякое жилое помещение (ч. 2 ст. 15 ЖК РФ), структурная обособленность – это какой-то особый случай изолирован-

¹ Певницкий С.Г., Чефранова Е.А. Многоквартирные дома: проблемы и решения. М.: Статут, 2006. С. 77.

² Крашенинников П.В., Маслов Н.В. Кондоминиумы. Общая собственность в многоквартирных домах. М., 1995. С. 5.

³ Комментарий к Федеральному закону «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ» от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ (постатейный) / Под ред. В.А. Зюзина, А.Н. Королева // СПС «Гарант».

⁴ Иванов А. Вопросы недвижимости в новом ЖК РФ // Хозяйство и право. 2005. № 6. С. 89-90.

⁵ Собрание законодательства РФ от 03 января 2005 г. № 1 (ч. I). Ст. 14.

ности. Однако особой смысловой нагрузки обсуждаемый термин, скорее всего, не несет, и мы сталкиваемся с простой «неряшливостью» формулировок, которая вообще свойственна Жилищному кодексу РФ¹.

Гораздо важнее такой признак квартиры, как возможность прямого доступа к помещениям общего пользования. Это гарантия осуществимости жилищных прав на квартиру. Причем нельзя не отметить, что помещения общего пользования столь же значимы и для таких объектов, как часть жилого дома (квартиры) и комната. Однако при определении последних признак прямого доступа к помещениям общего пользования никак не используется. Возможно, он охватывается критерием изолированности, свойственным любому жилому помещению².

Объектами долевого строительства также являются и нежилые помещения, подходящие под определение «иных объектов недвижимости», расположенные на первых этажах многоквартирных домов и не входящие в состав общего имущества многоквартирного дома.

В российском гражданском законодательстве отсутствует определение понятия нежилого помещения, хотя сам термин «нежилое помещение» широко используется в законодательных и иных нормативных, правовых актах.

В абзаце 2 п. 3 ст. 288 Гражданского кодекса Российской Федерации установлено, что размещение собственником в принадлежащем ему жилом помещении предприятий, учреждений, организаций допускается только после перевода такого помещения в нежилое. Перевод помещений из жилых в нежилые производится в порядке, определяемом жилищным законодательством. В этом случае российский законодатель рассматривает нежилые помещения только как составную часть жилых домов, наряду с жилыми помещениями.

Аналогичная позиция отражена и в Жилищном кодексе Российской Федерации³. В данном нормативно-правовом акте понятие нежилого помещения употребляется, во-первых, в связи с регулированием перевода жилого помещения в нежилое помещение и нежилого помещения в жилое помещение (ст. ст. 14, 85, 87, гл. 3) и, во-вторых, в связи с закреплением прав жилищных и жилищно-строительных кооперативов на управление жилыми и нежилыми помещениями в ко-

оперативном доме (ст. 110).

В статье 1 Закона РФ от 24 декабря 1992 г. № 4218-1 «Об основах федеральной жилищной политики»⁴ (с последующими изменениями и дополнениями) указывается, что недвижимость в жилищной сфере – недвижимое имущество с установленными правами владения, пользования и распоряжения в границах имущества, включающее: земельные участки и прочно связанные с ними жилые дома с жилыми и нежилыми помещениями, приусадебные хозяйственные постройки, зеленые насаждения с многолетним циклом развития; жилые дома, квартиры, иные жилые помещения в жилых домах и других строениях, пригодные для постоянного и временного проживания: сооружения и элементы инженерной инфраструктуры жилищной сферы. В данном нормативном акте нежилые помещения рассматриваются в качестве составной части жилых домов (любого вида жилищного фонда), которая функционально противопоставляется жилым помещениям.

В общем же, понятие помещения дается в ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 15 июня 1996 г. № 72-ФЗ «О товариществах собственников жилья»⁵. Согласно данной правовой норме, «помещение – единица комплекса недвижимого имущества (часть жилого здания, иной связанный с жилым зданием объект недвижимости), выделенная в натуре, предназначенная для самостоятельного использования для жилых, нежилых и иных целей, находящаяся в собственности граждан или юридических лиц, а также Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований». Из этого определения следует, что нежилое помещение рассматривается законодателем как часть жилого здания либо как объект недвижимости, связанный с жилым зданием иным образом.

В статье 1 Федерального закона от 21 июля 1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»⁶ в определении недвижимого имущества (недвижимости), права на которое подлежат государственной регистрации указывается, что оно представляет собой земельные участки, участки недр, обособленные водные объекты и все объекты, которые связаны с землей так, что их перемещение без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения,

¹ Иванов А. Указ. соч. С. 90.

² Там же. С. 91.

³ Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 14.

⁴ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1993. № 3. Ст. 99.

⁵ Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2963.

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 30. Ст. 3594.

жилые и нежилые помещения, леса и многолетние насаждения, кондоминиумы, предприятия как имущественные комплексы. Абзац 2 п. 6 ст. 12 этого же Федерального закона устанавливает, что разделы, содержащие информацию о квартирах, помещениях и об иных объектах, входящих в состав зданий и сооружений, располагаются непосредственно за соответствующим разделом, относящимся к зданию, сооружению.

Тем самым Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ, с одной стороны, ставит понятие нежилых помещений в один ряд с сооружениями, зданиями, предприятиями и т.д., т.е. относят нежилые помещения к «объектам, которые связаны с землей так, что их перемещение без несоразмерного ущерба их назначению невозможно». Но в то же время нежилое помещение трактуется как «объект, входящий и состав зданий и сооружений», т.е. в более узком смысле. Таким образом, из текста анализируемых нормативных актов остается неясным, в какой степени расширительно следует толковать понятие нежилого помещения¹.

Неопределенность в данной позиции российского законодателя в отношении понятия нежилого помещения приводит к тому, что в различных подзаконных нормативных актах в это понятие также вкладывается различное содержание.

В «Правилах ведения Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним», утвержденных Постановлением Правительства РФ от 18 февраля 1998 г. № 219² устанавливается, что жилые и нежилые помещения (наряду с иными) есть составляющие зданий и сооружений (подраздел 1-3). Под нежилыми помещениями данные правила понимают те помещения, которые являются составными частями более крупного целого, каковым являются здания и сооружения, причем как жилые, так и нежилые. При этом следует указать, что данный нормативно-правовой акт рассматривает нежилые помещения в качестве самостоятельных объектов недвижимости (п. 23), и отдельного вида недвижимого имущества (п. 24).

Согласно Приказу Министерства РФ по земельной политике, строительству и жилищно-

коммунальному хозяйству от 04 августа 1998 г. № 37 «Об утверждении Инструкции о проведении учета жилищного фонда в Российской Федерации»³ нежилые помещения рассматриваются как часть жилых зданий, но в инструкции употребляется также понятие нежилого здания, под которым понимается предназначенное для использования для производственных, торговых, культурно-просветительных, лечебно-санитарных, коммунально-бытовых, административных и др. (кроме постоянного проживания) целей.

В «Методике проведения аудита тарифов в организациях, оказывающих жилищно-коммунальные услуги», утвержденной Приказом Госстроя РФ от 29 декабря 1997 г. № 17-142⁴, нежилыми помещениями считаются торговые, складские, конторские, производственные и культурно-бытовые помещения, включая расположенные в них вспомогательные помещения (вестибюли, коридоры, лестничные клетки и др.). Однако в этой методике речь идет не только о жилых домах, но и о жилых помещениях в других строениях, то остается не вполне ясной позиция данного ведомства в отношении сущности нежилого помещения.

Из рассмотренных нормативно-правовых актов можно сделать вывод о том, что под нежилыми помещениями следует понимать, во-первых, помещения, расположенные в жилых зданиях либо встроенно-пристроенные к ним, предназначенные для постоянного проживания граждан, а также для использования в установленном порядке в качестве служебных жилых помещений, жилых помещений из фондов жилья для временного поселения, общежитий и других специализированных жилых помещений. Во-вторых, к нежилым помещениям следует отнести любые отдельные помещения, расположенные в нежилых зданиях и сооружениях и составляющие их часть, а также сами эти здания и сооружения как единое целое⁵.

На основании изложенного мы приходим к следующему выводу: многоквартирный жилой дом, в том числе с нежилыми помещениями, не является самостоятельным объектом долевого строительства. Объектами долевого строительства являются расположенные в строящемся

¹ См.: Харитонов Ю.В. Правовой статус нежилых помещений по российскому гражданскому законодательству: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 16-17.

² Постановление Правительства РФ от 18 февраля 1998 г. № 219 «Об утверждении правил ведения Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 8. Ст. 963.

³ Электронная справочно-правовая система «Гарант».

⁴ Бюллетень строительной техники. 1998. Февраль. № 2.

⁵ См.: Харитонов Ю.В. Правовой статус нежилых помещений по Российскому законодательству: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 15.

многоквартирном доме жилые и нежилые помещения, на которые в последующем, после получения разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома, и выполнению участником долевого строительства (дольщиком) своих обязательств по внесению денежных средств застройщику будет зарегистрировано право собственности.

Из рассмотренного также следует, что «общее имущество многоквартирного дома», которое, согласно ст. 290 Гражданского кодекса РФ, после сдачи многоквартирного дома в эксплуатацию будет принадлежать собственникам квартир и нежилых помещений на праве долевой собственности, не может являться объектом долевого строительства.

Соловьев Никита Валерьевич

соискатель кафедры конституционного и муниципального права
Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина,
консультант Управления по охране, использованию объектов животного мира
и водных биологических ресурсов Липецкой области

Сравнительно-правовой анализ системы регулирования рационального использования природных ресурсов в Российской Федерации

В процедуре применения любых норм права чрезвычайно важное значение имеет определение содержания и толкования отдельных понятий. Существует обоснованная необходимость постепенного перехода к единообразному определению основных терминов, применяемых в различных нормативно-правовых актах.

Одним из наиболее ярких примеров противоречивости содержания является закрепление в нормативных актах понятия «рациональное природопользование».

В советском праве существовало всего несколько определений рассматриваемого термина. Основные нормативные акты (Основы водного законодательства СССР и союзных республик, Основы законодательства СССР и союзных республик о земле и т.д.) понимали под ним такую организацию использования природных ресурсов, которая обеспечивает их полное изъятие и достижение наиболее высоких хозяйственных результатов.

С изменением формы политического режима постепенно изменился и подход к рациональному использованию природных ресурсов. В настоящее время используется более десятка различных определений «рационального природопользования», применяемых в российском законодательстве. В общем, все они рассматривают рациональное природопользование как комплексное, экономически эффективное, обеспечиваю-

щее сохранение и воспроизводство природных ресурсов.

В любой отрасли законодательства каждому правовому понятию должно соответствовать лишь одно наименование и определение. Подход, продемонстрированный российскими законодателями (фактически одно понятие и десятки различных трактовок), нельзя объяснять молодостью и становлением национального права. Если даже в основном законе, регулирующем охрану окружающей среды (ФЗ «Об охране окружающей среды»), не соблюдаются конституционные принципы, это свидетельствует о крайне низком уровне законодательной техники и фактическом игнорировании Конституции РФ при принятии законов (в соответствии с ФЗ «Об охране окружающей среды» рациональное использование включено в содержание деятельности по охране окружающей среды. В данном случае проигнорирован конституционный подход к отделению охраны окружающей среды от природопользования (ч. 1 ст. 72 Конституции РФ разграничила эти понятия))¹.

Охрана природы и рациональное использование ее ресурсов не являются равнозначными категориями и отражают зависимость двух форм взаимодействия человека и природы. Следует говорить об охране природы и рациональном использовании природных ресурсов, отнеся к охране соответствующий природный объект и понимая под использованием природный ресурс-источник потребления человеком природы, по-

¹ Игнатъева И.В. Отражение конституционных норм в экологическом законодательстве России: проблемы законодательной техники // Журнал российского права. 2003. № 5. С. 13.

скольку нельзя охранять то, что предназначено для потребления, и здесь подходящий термин – рациональное использование.

Совпадение понятия охрана и использование природных ресурсов в законодательстве позволяет создавать единые органы государственной власти в данной отрасли народного хозяйства, хотя, как отметил Президент Российской Федерации, система, основанная на совмещении в одном органе функций государственного экологического контроля и управления хозяйственным использованием природных ресурсов, страдает серьезными недостатками². Действительно, после выступления Президента РФ началась административная реформа, разделившая государственный контроль и использование природных ресурсов. Однако множественность органов, осуществляющих контрольно-надзорные функции, разрешительные, экспертные и другие функции и имеющих властные полномочия в сфере охраны окружающей среды, порождает их безответственность перед обществом за конечный результат, качество окружающей среды.

Для предотвращения подобных проблем в российском законодательстве в общем виде, в соответствии с Конституцией Российской Федерации, систему регулирования рационального природопользования необходимо построить следующим образом:

1. Основной Федеральный закон, регулирующий отношения в области использования и охраны природных ресурсов (в данном случае ФЗ «Об охране окружающей среды»), должен содержать в ст. 1 «основные понятия» вместе с термином использование природных ресурсов или, вместо него, понятие рационального природопользования. Параллельно необходимо исключить данную составляющую из определения охраны окружающей среды.

2. Выделить рациональное использование природных ресурсов в самостоятельный принцип в ст. 3 «Основные принципы охраны окружающей среды» ФЗ «Об охране окружающей среды».

3. Включить в ФЗ «Об охране окружающей среды» отдельную главу или хотя бы статьи, регламентирующие рациональное природопользование и содержащие основные положения об использовании возобновляемых и не возобновляемых природных ресурсов.

4. Обязательное внести во все отраслевые кодексы и законы (Водный кодекс, Лесной ко-

декс, ФЗ «О животном мире», ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов», Закон РФ «О недрах», ФЗ «О континентальном шельфе» и т.д.) принцип рационального природопользования с дальнейшим по тексту закона наполнением смыслом этого принципа. Дальнейшее раскрытие понятия может содержаться в подзаконных актах, таких как Указы Президента РФ, Постановления Правительства РФ, ведомственные положения, инструкции и т.д. Однако бессмысленно буквальное повторение и цитирование норм, изложенных в законе. Более рациональным было бы раскрытие содержания норм, их детализация и правовое регулирование особенностей практического применения. Недопустимо различное толкование понятий в законах и подзаконных актах. Субъекты Российской Федерации в пределах своих полномочий, определенных Конституцией РФ, также издают законы и нормативные акты в области использования и охраны природных ресурсов. Субъекты находятся на различных стадиях развития собственного экологического законодательства, что некоторые объясняют отсутствием представления о его необходимой структуре³. По нашему мнению, развитию регионального законодательства препятствует постоянное изменение законодательства федерального. Только за 2004-2006 гг. в ФЗ «Об охране окружающей среды» четырежды вносились поправки в области полномочий субъектов РФ в сфере природопользования в соответствии с Федеральным законом от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ, Федеральным законом от 29 декабря 2004 г. № 199-ФЗ, Федеральным законом от 31 декабря 2005 г. № 199-ФЗ и Федеральным законом от 18 декабря 2006 г. № 238-ФЗ. Этими нормативными актами полномочия субъектов были сужены и ограничены, а затем вновь расширены.

Дальнейшее развитие регионального законодательства должно идти в соответствии с новыми Водным и Лесным кодексами, ФЗ «О животном мире», вновь расширяющими полномочия субъектов РФ. В соответствии со ст. 72 Конституции РФ в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов находится природопользование, охрана окружающей среды, обеспечение экологической безопасности, функционирование особо охраняемых природных территорий. Все принимаемые законы должны соответствовать нормам конституции и учитывать права

¹ Петров В.В. Экологическое право России. М., 1995. С. 115.

² Путин В.В. Вступительное слово на заседании Государственного совета // www.kremlin.ru

³ Лоторев Е.Н. Полномочия органов государственной власти субъектов РФ в области охраны окружающей среды // Сборник научных трудов. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. С. 19.

субъектов РФ. Тем не менее, определенный понятийный аппарат должен содержаться и в региональном законодательстве, причем не противоречащий федеральным нормативным актам. Целесообразно расширять существующие понятия, приспособив их к реальным условиям. К примеру, законодательство Липецкой области может не содержать понятия рационального лесопользования вследствие малой площади лесов и запрета их эксплуатации, но требования по рациональному использованию животного мира обязаны содержаться в актах Липецкой области.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы:

1. Необходимо постепенно привести рациональное природопользование во всех принятых и вновь принимаемых нормативных актах, в первую очередь федеральных законах, к единому пониманию.

2. Ввести рациональное природопользование в обязательном порядке в принципы конституционного права. От грамотного формулирования и использования принципов права в значительной мере зависит качество и эффективность правотворческой и правоприменительной, судебной и других разновидностей юридической практики. Принципы выступают важным средством устранения пробелов, противоречий и других недостатков в праве. Принципы всегда выступают в виде общеобязательных требований и имеют прямую юридическую силу. Не только нормы, но и принципы права должны быть достаточно четко и ясно сформулированы в законодательстве¹. Примером применения принципа рационального природопользования на практике может служить рассмотренное в Арбитражном суде Липецкой области дело № А36-246/11-02 по заявлению Липецкой областной общественной организации охотников и рыболовов к Администрации Липецкого района о признании постановления Главы Администрации Липецкого района в части предоставления земельных угодий под водными объектами в аренду сроком на 10 лет недействительным. Заявитель просил признать недействительной соответствующую часть постановления как несоответствующую нормам российского законодательства. Представители органа местного самоуправления требования, изложенные в заявлении, не признали, пояснив, что в соответствии с п. 10 ст. 3 ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса РФ» до разграничения государственной собственности на землю государственная регистрация права государственной собствен-

ности на землю для осуществления распоряжения землями, находящимися в государственной собственности, не требуется. Распоряжение указанными землями до разграничения государственной собственности на землю осуществляется органами местного самоуправления в пределах их полномочий. Исследуя материалы дела, суд пришел к выводу о том, что постановление в оспариваемой части не соответствует требованиям Гражданского, Водного и Земельного кодексов, причем, мотивируя решение, суд указал, что в данной ситуации при существующих противоречиях необходимо руководствоваться принципом водного законодательства, а именно защитой поверхностных вод от засорения, загрязнения и истощения (т.е. фактически принципом рационального водопользования)².

Однако необходимо заметить, что в большинстве принципы права, закрепленные в современном российском законодательстве, носят декларативный характер, поскольку отсутствуют экономические, политические, организационные, юридические и иные гарантии их реализации в повседневной жизни.

3. Принятие единого нормативного акта, регулирующего рациональное природопользование всех видов природных ресурсов и их компонентов, вряд ли целесообразно, хотя данная идея выглядит привлекательно, особенно в отношении природных комплексов, так как в настоящее время зачастую природные ресурсы, образующие единую систему (например: водные ресурсы и водные биологические ресурсы), регулируются различными нормативными актами, часто не учитывая специфику каждого вида ресурсов. Рациональнее объединить регулирование только определенных природных ресурсов, таких как лес и обитающие в нем объекты животного мира, причем лесопользование и пользование животным миром должно возникать на основании единых документов, что позволит уменьшить бюрократические заслоны и позволит создавать преимущественно лесохозяйственные хозяйства. Вместе с тем должен быть создан единый орган по охране окружающей среды.

4. Несмотря на свою значимость, рациональное природопользование в принципах экологического законодательства должно иметь подчиненный характер по отношению к таким основам, как охрана природных ресурсов, приоритет охраны природных ресурсов перед их использованием, сохранение особо ценных природных ресурсов.

¹ Теория государства и права / Под ред. В.И. Бабаева М.: Юристъ, 2002. С. 223.

² Решение Арбитражного суда РФ по делу № А36-246/11-02 от 31 марта – 2 апреля 2003 г.

5. В отношении ресурсов, имеющих статус особо ценных, редких или находящихся под угрозой исчезновения, использовать данный принцип не представляется возможным. Исключение рассматриваемого понятия из нормативных актов всех уровней приведет к исчезновению расплывчатых норм, позволяющих эксплуатировать запрещенные к использованию объекты окружающей среды. Одним из важнейших в данном разделе является законодательство об особо охраняемых природных территориях. В настоящее время в России создана целая сеть особо охраняемых природных территорий федерального и регионального значения. Если ООПТ федерального значения имеют реальную законодательную основу, на них обеспечивается особый режим охраны и природопользования, то региональные ООПТ зачастую создаются лишь на бумаге. Примером может служить система ООПТ Липецкой области. Общая площадь сети ООПТ регионального значения представлена 152 государственными природными заказниками и памятниками природы и составляет 171240 га. Однако по ландшафтными заказникам отсутствуют информационные знаки и аншлаги; не соблюдается режим охраны; отсутствуют охранные обязательства у землепользователей. По зоологическим заказникам отсутствуют работы по сохранению, воспроизводству и регулированию редких и находящихся под угрозой исчезновения видов и т.д.¹ Фактически, ландшафтные заказники Липецкой области не выполняют своих функций, а зоологические заказники функционируют с нарушениями. Целесообразно поставить вопрос об оптимизации системы ООПТ Липецкой области и сокращения их количества до числа заказников и памятников природы, на которых будут реально обеспечены условия для соблюдения режима ООПТ. Остальные следует вернуть в хозяйственный оборот или зарезервировать для дальнейшего использования в целях охраны природных систем. Для ООПТ, полностью изъятых из оборота, необходимо предусмотреть в соответствующих статьях выполнение задач, обеспечивающих режим заповедников и национальных парков и не позволяющих включать природные системы в хозяйственный оборот.

6. Необходим отдельный законодательный

акт, регулирующий рациональное природопользование в городских и сельских поселениях. Ухудшение состояния окружающей среды в городах является одной из главных причин слабого здоровья и низкого качества жизни людей. Наиболее уязвимыми по отношению к неизбежным рискам в условиях деградации городской окружающей среды оказываются дети. Повсеместно в городах России у новорожденных значительно чаще выявляются врожденные пороки, не совместимые с жизнью ребенка. В российских городах до 10% респираторных заболеваний у детей возникают из-за влияния загрязненного атмосферного воздуха. В настоящее время около 60% городского населения не имеет надлежащих жилищных условий, систем канализации и водоснабжения². В городах особенно ясно проявляется тесная взаимосвязь между состоянием окружающей среды и отсутствием контроля за природными ресурсами, так как городские территории крайне уязвимы в отношении экономического воздействия.

7. Рациональное природопользование должно максимально учитывать потребности граждан Российской Федерации, быть источником благосостояния всех народов, проживающих на территории страны. Необходимо устранение всех явных и скрытых норм, допускающих ограничение прав граждан на благоприятную среду и рациональное природопользование.

Делая вывод из всего вышеизложенного, под рациональным природопользованием следует понимать комплекс мер, осуществляемых государством, иными собственниками природных ресурсов, природопользователями, направленными на достижение максимального экономического эффекта от использования природных ресурсов при минимизации количественного и качественного потребления компонентов природной среды, с учетом взаимодействия природных ресурсов друг с другом и с антропогенными факторами, при условии приоритета охраны природных объектов, как основы жизни и деятельности народов, проживающих на данной территории. Данное понятие должно послужить основой для дальнейшей правильной и полноценной эксплуатации природных объектов и комплексов.

¹ Доклад об итогах работы Управления Росприроднадзора по Липецкой области за 2006 г. С. 21.

² Доронина О. Воздействие человека на состояние окружающей среды // Экосинформ. 2006. № 8. С. 13.

Епифанова Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Кубанского государственного аграрного университета

Кого защищает уголовный закон?

С появлением новой России законодательство перешло на позиции общечеловеческих ценностей в подходе к оценке понятия преступления. Современное уголовное законодательство закрепляет потребность общества защищать уголовно-правовыми средствами общепризнанные в мире ценности: личность, ее права, интересы, собственность и другие – от преступных посягательств.

Ныне принято считать, что любое преступление всегда причиняет ущерб конкретным людям. Объем социального зла не зависит от политического строя, установившегося в конкретном государстве. Именно общечеловеческие ценности защищает уголовный закон¹. Возможно, такой подход имеет право на закрепление в законодательстве уже устоявшегося государства, прошедшего период перестройки и добившегося стабилизации в обществе. Нам представляется, что это идеал, к которому нужно стремиться.

Современный Уголовный кодекс действует более 10 лет и уже можно подводить итоги, а они не утешительны! Рост преступности в перестроечной России свидетельствует о невозможности закона справиться с ней закрепленными в УК РФ способами, ориентированными, скорее, на прошлое или на будущее, а не на настоящее. Очевидно, что механизм определения преступного и непроступного слабо разработан в УК РФ, либо существуют какие-то другие причины. Итак, начиная с 1958 г., в Основах уголовного законодательства СССР, официально не указывалось на классовый характер преступления, и вместо признака классовости был введен признак противоправности деяния. Реального законодательного закрепления в УК РФ 1996 г. классовый характер преступления также не получил. Однако, все чаще некоторые ученые и практики заявляют о проявлении в жизни классового характера пре-

ступлений в современный период, говорят о существовании рационального зерна в рассуждениях о классовости уголовного права и понятия преступления².

Это подтвердило и проведенное нами анкетирование участников II Всероссийского конгресса по уголовному праву, состоявшегося в Москве в 2007 г. на базе юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Подавляющее большинство респондентов указали на то, что, несмотря на то, что в УК РФ классовый подход не закреплен, правоприменители активно используют его при определении наказаний за совершенное деяние. Некоторые респонденты полагают, что классовый подход присутствует и в законодательной деятельности. Другие респонденты считают, что классовый подход существует в правоприменительной практике и объясняется это природой любого УК. И лишь незначительная часть полагает, что в УК РФ классовый подход не закреплен, поэтому в правоприменительной практике он не допускается.

В чем же проявляется классовый подход? Какова аргументация ученых и практиков? Попробуем выявить мнения по этому вопросу и дать анализ различных позиций, опубликованных в современных изданиях.

1. Некоторые авторы (Е.В. Топильская, В.И. Колосова, Е.О. Маляева) полагают, что реально в обществе одним позволено больше, чем другим посредством попустительства закона³. Например, одни граждане имеют возможность вывозить ценности за границу, открывать в иностранных банках счета, создавать сети нелегальных предприятий теневой экономики, манипулировать колоссальными денежными средствами, как правило, приобретенными посредством махинаций, и крайне редко, как показывает практика, они привлекаются к ответственности⁴. Другие же, манипулируя гораздо меньшими средства-

¹ Галиакбаров Р.Р. Уголовное право. Общая часть: Учебник. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет. Юридический факультет, 2005. С. 78.

² Топильская Е.В. Организованная преступность. СПб.: Юридический центр Пресс, 1999. С. 28-29; Колосова В.И., Маляева Е.О. Изменение и совершенствование норм о преступлении в Российском уголовном законодательстве // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Проблемы теории и истории российского государства и права. 1996. С. 48.

³ Там же.

⁴ Топильская Е.В. Указ. соч. С. 28-29; Колосова В. И., Маляева Е.О. Указ. соч. С. 48.

ми, подлежат ответственности со всей строгостью, предусмотренной в УК РФ, чаще всего, для отчетности о борьбе с коррупцией. Разве это не классовый подход в реализации норм уголовного права о преступлении¹.

2. Так, официально было заявлено, что преступные элементы, опираясь на разветвленные коррумпируемые связи в структурах власти федерального и регионального уровней, стремятся расширить источники незаконного обогащения, «прибрать к рукам» наиболее прибыльные сферы экономической деятельности. В попытках самосохранения и дальнейшего развития криминальные структуры пытаются влиять на политические и экономические процессы, для чего продвигают своих ставленников во власть, используя пробелы в действующем законодательстве и активные действия – подкупы, шантаж, угрозы².

3. Преступность приобрела транснациональный характер, российские организованные преступные группы наладили преступные связи в 39 странах дальнего зарубежья. В этой связи возникает мнение о том, что государство в период начавшейся перестройки не было готово к таким событиям и, не сумев противостоять им, сопротивляясь, способствовало формированию новых классов и их нового уголовного «права» с новыми основными понятиями, сходными с прежними по форме, но совершенно различными по содержанию.

4. Правоохранительные органы знают о неутешительной статистике организованных проявлений преступности, преступных авторитетах, сходках преступных группировок, проявлениях транснациональной преступности и других негативных факторах современной действительности. В этой связи возникают предположения, что при всей активной работе уголовное законодательство не в состоянии справиться с организованной преступностью, коррупцией, например, в сфере госуправления, либо срабатывает все тот же классовый подход в определении преступного и непроступного поведения. Л.Д. Гаухман по

этому поводу писал так: санкции за ряд преступлений в сфере экономической деятельности и преступлений, связанных со злоупотреблением должностными полномочиями, в частности тех, ответственность за которые установлена ст. ст. 169, 170, 178, 182, 184, 185, 189, 195, 289 УК РФ, явно занижены. Это способствует криминализации экономики и распространению коррупции в стране³. Далее можно добавить: формированию элиты нашего общества путем обогащения одних за счет средств других.

5. Судейское усмотрение при определении меры наказания в рамках дозволенного предела – это ли не классовый подход? В УК РФ много альтернативных санкций, в том числе предусматривающих штраф или лишение свободы, что, по мнению Л.Д. Гаухмана, равнозначно допустимости замены одного наказания другим и, следовательно, нарушению установленного в ст. 4 УК РФ принципа равенства всех перед законом независимо от имущественного положения⁴.

6. Преступление неразрывно связано с социальными и правовыми институтами. В юридической литературе единодушно понималось, что нормы о преступлениях и наказаниях стали выражать волю экономически и политически господствующих групп людей, прежде всего в охране власти и собственности⁵. Официально принято считать, что ранее закон отражал волю отдельных классов, а ныне закон отражает государственную волю народа⁶.

Д.С. Злыденко, размышляя о классовой природе преступления, пишет: после того, как социализм в России был ликвидирован и на смену ему пришел капитализм, появились опять классы. В этой связи возникает вопрос: чью волю выражает уголовный закон? Депутаты Государственной Думы, которые принимают законы, в социальном плане не едины, они выражают волю своих избирателей – представляющих интересы богатых, средних и бедных слоев населения⁷. Еще в 1997 г. Президент РФ в своем новогоднем обращении к населению провозгласил о рождении новых классов⁸. В итоге автор прихо-

¹ Степашин С. Преступность в России как она есть // Российская юстиция. 1999. № 6. С. 35-36.

² Топильская Е.В. Указ. соч. С. 28-29; Колосова В.И., Маляева Е.О. Указ. соч. С. 48.

³ Гаухман Л. Нужен новый УК РФ // Законность. № 7. 1998. С. 22.

⁴ Там же.

⁵ Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 1. Преступление / Под ред. А.И. Коробеева. Владивосток, 1999. С. 222.

⁶ Советское уголовное право. Общая часть / Под ред. В.Д. Меньшагина, Н.Д. Дурманова, Г.А. Кригера, В.Н. Кудрявцева. М.: МГУ, 1974. С. 33; Советское уголовное право. Общая часть / Под ред. П.И. Гришанва, Б.В. Здравомыслова. М., 1982. С. 26; Уголовное право. Часть Общая / Под ред. С.В. Бородина, В.Ф. Кириченко. М., 1966. С. 4; Юридический словарь. М., 1953. С. 198; Российская юридическая энциклопедия / Под ред. А.Я. Сухарева. М., 1999. С. 333.

⁷ Злыденко Д.С. Категории преступлений и их субъекты: уголовно-правовые аспекты. Краснодар, 2003. С. 9-10.

⁸ Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении: Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: ИКД «Зерцало – М», 2002. С. 130.

дит к выводу, что в современный период все же придется говорить о классовом характере уголовного законодательства и понятия преступления. На наш взгляд, если отбросить эмоции автора, криминологический подход, политику, можно согласиться с его мнением о том, что власть, избираемая народом, не будет отражать волю всего народа, а посредством законов будет проводить свою волю.

7. Многие авторы заявляют о необходимости повышения эффективности защиты личности средствами уголовного права и в связи с этим указывают на необходимость усовершенствования конструкций составов преступления о насильственных преступлениях. В этой связи, например, А.И. Рарог предложил исключить из УК некоторые специальные составы преступлений, посягающие на жизнь и здоровье человека, как нарушающие принцип равенства всех перед законом (то же предложено было сделать и со специальными составами преступлений, посягающими на честь и достоинство)¹.

С вышеперечисленными аргументами можно соглашаться или не соглашаться, но очевидно одно – расхождение идеи понимания преступного в УК и в реальной правоприменительной практике. Классовый характер уголовного права и понятия преступления – это явная неизбежность любого переходного периода. Можно даже не закреплять этого в законе. Это очевидный факт! И все же закон не должен умалчивать о происхо-

дящей действительности, ибо тогда он не сможет реально влиять на состояние преступности в стране, т.е. закон должен быть работающим, а не просто иметься в наличии.

По нашему мнению, следует открыто признать факт существования классовой природы понятия преступления в переходный период, хотя бы в правоприменительной плоскости. Вместе со стабилизацией в обществе, когда средний класс будет окончательно сформирован, когда он станет большинством общества, реально поддерживающим линию государства, когда уголовное право будет выражать его волю, тогда можно будет говорить об отсутствии актуальности и необходимости классового принципа в понятии преступления. И еще, как же можно объективно говорить об отсутствии классового подхода к понятию преступления, если по высказываниям многих ученых нарушается один из основных принципов уголовного права – принцип равенства.

Таким образом, отсутствие закрепления классового подхода к понятию преступления в УК РФ 1996 г. не гарантирует отсутствие его в правоприменительной деятельности, а незакрепленное в законе явление так и остается пробелом, который негативно сказывается на правоприменительной деятельности и дает широкую возможность манипулирования законом, защищающим, к сожалению, на практике имущие слои населения.

¹ Материалы второй Всероссийской научно-практической конференции: «Уголовно-правовая охрана личности и ее оптимизация». Саратов, 2003. С. 7.

Стукалин Владимир Борисович
кандидат юридических наук, начальник филиала ВНИИ МВД России
по Сибирскому федеральному округу

К вопросу об ответственности за ненадлежащее оказание медицинской помощи и медицинских услуг

Проблемы ответственности медицинских работников за ненадлежащее оказание медицинских услуг либо медицинской помощи, повлекших вред здоровью человека либо смерть, становятся все более актуальными на современном этапе развития Российского общества. Несмотря на это факты привлечения врачей к уголовной ответственности за указанные действия остаются крайне редкими.

Статья 41 Конституции Российской Федерации закрепляет за гражданами России право на охрану здоровья. В развитие конституционных положений в 1993 г. были приняты Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан. В то же время следует отметить, что законодатель не ввел правовую терминологию, не дал определений, этот документ не содержит механизмов реализации провозглашенных правовых норм, в нем не указаны конкретные меры ответственности за нарушение прав пациентов, отсутствуют ссылки на нормы других отраслей права, в частности, на нормы, предусматривающие конкретный вид ответственности медицинских работников за несоблюдение прав пациентов.

Анализ показал, что при увеличении количества преступлений данного вида, число дел, направляемых в суды, имеет тенденцию к снижению. Прекращаемость указанных уголовных дел по реабилитирующим основаниям достигает 75%.

Непосредственно профессиональная принадлежность медицинских работников стала учитываться статистикой уголовно-правовой направленности с 2005 г. В связи с чем статистические данные имеют некоторую долю погрешности, так

как делалась выборка преступлений, имеющих прямую или косвенную связь с деятельностью медработников.

Применительно к ч. 2 ст. 109 УК РФ, ст. 118 и ст. 124 УК РФ, исходя из опросов медицинского персонала лечебных учреждений, где имеются патологоанатомические театры, следует, что в 90% из 100% преступление латентно.

Во вступившем в законную силу в 1997 г. Уголовном кодексе РФ ст. 124, предусматривающая ответственность за неоказание медицинской помощи больному без уважительных причин, является материальным составом, в отличие от ст. 128 УК 1960 г., где данное преступление являлось формальным составом. Такая позиция законодателя привела к тому, что у некоторых медицинских работников возникло мнение о смягчении ответственности за данное преступление. Этому способствует и тот факт, что как в самом Уголовном кодексе, так и в комментариях к нему отсутствует четкое определение понятия «неоказание помощи», и не определен круг лиц, которые «обязаны ее оказывать». В медицинской и юридической литературе достаточно широко используется понятие «врачебная ошибка», при этом его официального определения не существует.

Врачебные ошибки – неправильные действия или бездействие врача при исполнении им своих профессиональных обязанностей, не являющиеся следствием его недобросовестности и не содержащие состава преступления или признаков проступка¹.

Врачебная ошибка – ошибка врача в профессиональной деятельности, вследствие добросовестного заблуждения при отсутствии небрежности, халатности или невежества².

¹ <http://www.nedug.ru/library>

² Большая медицинская энциклопедия. Т. 4. М., 1976. С. 442.

Врачебная ошибка – ошибка врача при исполнении своих профессиональных обязанностей, являющаяся следствием добросовестного заблуждения и не содержащая состава преступления или признаков проступков¹.

Представленные выше определения отражают точку зрения медиков на врачебную ошибку. Отсутствие же данного понятия в законодательстве приводит к тому, что медицинские работники, совершая те или иные действия, по их мнению, попадающие под понятие «врачебная ошибка», на самом деле совершают деяния, ответственность за которые предусматривают конкретные статьи Уголовного кодекса России, например ст. 109 и ст. 118 УК РФ.

В то же время следует отметить, что любое медицинское вмешательство подразумевает не только наступление каких-либо последствий для пациента «по неосторожности», но и, в определенном смысле, «умышленное» причинение вреда здоровью пациента. Например, любая ампутация пораженных органов может повлечь инвалидизацию человека, хирургическая операция предполагает нарушение целостности тканей, определенную кровопотерю и т.д., врач, назначая тот или иной лекарственный препарат, знает о возможных побочных явлениях препарата и т.п. Таким образом, деятельность врача практически любой специальности формально подпадает под регламентацию статей УК (ст. ст. 111, 112, 115 УК РФ). Непривлечение врачей к уголовной ответственности по данным статьям Уголовного кодекса обусловлено тем, что данное медицинское вмешательство признается обоснованным текущим состоянием больного. Непроведение необходимых действий врача в данный момент может повлечь более тяжкие последствия для больного, т.е. можно будет говорить о ненадлежащем оказании медицинской помощи. Соответственно, действия врача, повлекшие вред здоровью, причиненный при ненадлежащем оказании медицинской помощи будут охватываться квалифицированными составами преступлений ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности) и ст. 118 УК РФ (причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности).

Возбуждение уголовного дела в связи с ненадлежащим оказанием медицинской помощи или медицинской услуги требует, как и любой иной состав преступления, повода и оснований, которые по данным составам, на наш взгляд, имеют несколько проблемных моментов.

Первым является то, что наиболее распространенным поводом к возбуждению уголовного

дела по факту ненадлежащего оказания медицинской помощи или услуги является обращение граждан. В то же время потерпевшие или их родственники объективно не могут оценить действия медиков как квалифицированные либо не квалифицированные, соответственно, они не всегда обращаются с заявлением в правоохранительные органы.

Ко второму моменту можно отнести следующее: как отмечалось выше, состав преступления, предусмотренный ст. 124 УК РФ, по своему характеру является материальным, т.е. для возбуждения уголовного дела необходимы последствия в виде смерти, тяжкого или средней тяжести вреда здоровью. Данные последствия будут выступать основанием к возбуждению уголовного дела, но только в том случае, если причиненный врачом вред здоровью будет не обусловлен текущим состоянием больного, либо уровнем развития медицинской науки и техники и будет являться по своей сути «излишним». Определение «излишнего вреда» является, в настоящее время, достаточно субъективным фактором, который определяется либо потерпевшим, либо его родственниками, либо врачом-патологоанатомом. Все это обуславливает достаточную степень латентности данных преступлений.

Третьим является положение врача-патологоанатома, как служебно-правовое, так и личностное.

Характеризуя положение врача-патологоанатома как личности, следует отметить, что он производит вскрытие, как правило, в присутствии лечащего врача, с которым чаще всего знаком, поскольку является работником того же медицинского учреждения, т.е. в данном случае можно говорить о чувстве «цехового» товарищества и солидарности. Второй аспект, характеризующий указанное положение, можно назвать «экономическим». Как отмечалось, патологоанатом является работником того же лечебного учреждения, в котором наступил летальный исход пациента. При переходе части сферы медицинских услуг на платную основу каждая смерть больного подрывает имидж медучреждения и, в конечном итоге, отражается на заработной плате самого патологоанатома. Указанные аспекты наиболее значимы для латентности преступлений медиков. Среди поводов к возбуждению уголовных дел по ненадлежащему оказанию медицинских услуг и помощи сообщения патологоанатомов о признаках преступлений составляют около 5%.

Характеристику служебно-правового положения врача-патологоанатома следует начать с

¹ Акопов В.И., Маслов Е.Н. Право в медицине. М.: Книга-сервис, 2002. С. 127.

того, что оно регламентируется Приказом Министерства здравоохранения и медицинской промышленности РФ № 82 от 29 апреля 1994 г. «О порядке проведения патолого-анатомических вскрытий». Согласно данному приказу «все трупы больных, умершие в стационаре от ненасильственных причин, подвергаются вскрытию»¹. К числу таких причин можно отнести:

при подозрении на передозировку или непереносимость лекарств или диагностических препаратов;

при наступлении смерти, связанной с проведением профилактических, диагностических, инструментальных, анестезиологических, реанимационных и лечебных мероприятий во время или после переливания крови;

при наступлении смерти от онкологических заболеваний при отсутствии гистологической верификации (подтверждения) опухоли;

при наступлении смерти беременных, рожениц и родильниц;

невозможность установления заключительного клинического диагноза заболевания, приведшего к смерти;

при наступлении смерти от инфекционного заболевания или подозрений на него;

при наступлении смерти от заболевания, связанного с последствиями экологических катастроф.

Первые четыре причины можно объединить в группу «неквалифицированные действия медицинских работников, а не следствие необратимых процессов в организме больного, приведшие к смерти», которые можно отнести к случаям обязательного сообщения о признаках состава преступления.

Вторым аспектом служебно-правового положения является то, что в соответствии с вышеуказанным приказом № 82 от 29 апреля 1994 г. при выявлении во время вскрытия признаков насильственной смерти или подозрения на нее, патологоанатом обязан «прекратить вскрытие и незамедлительно поставить об этом в известность главного врача или его заместителя. В соответствии с этим же приказом глав врач обязан немедленно сообщить в прокуратуру или районное отделение милиции «о выявлении признаков насильственной смерти или подозрения на нее».

В данном случае перед главным врачом возникает личностно-экономическая дилемма, такая же, как и перед патологоанатомом, затрудняющая решение об обращении в правоохрани-

тельные органы.

Рассматривая основания к возбуждению уголовных дел по данным составам преступлений, следует отметить, что на патологоанатоме лежат определенные обязанности по выполнению определенных действий, связанные получением оснований. К таким действиям следует отнести:

принятие мер к сохранению трупа, его органов и тканей для дальнейшего судебно-медицинского исследования;

оформление на проведенную часть прерванного вскрытия протокола по общепринятой форме с обоснованием передачи трупа для производства судебно-медицинского исследования.

На главном враче лежит обязанность обеспечить дальнейшие действия, согласуя их с распоряжениями правоохранительных органов.

Специфическим аспектом служебно-правового положения патологоанатома является вопрос о том, как он может обнаружить «признаки насильственной смерти» при производстве вскрытия больных, умерших в стационаре.

В данном случае следует отметить, что законодательного закрепления понятия насильственная смерть не существует. Существуют лишь различные точки зрения авторов на данное понятие.

Насильственная смерть определяется как смерть, наступившая в результате воздействия на организм внешнего фактора (механического, химического, физического и др.)². Ненасильственная смерть – смерть, наступившая от заболевания³.

Насильственной смертью принято называть смерть, наступающую от воздействия на человека факторов внешней среды, таких как: механические (нож, кастет, огнестрельный снаряд, камень, автомобиль и многие другие), либо физические (высокая или низкая температура, высокое или низкое атмосферное давление, электричество, радиоактивное излучение, другие виды излучения – лазерное, СВЧ и др.), либо химические (кислоты, щелочи, различные отравляющие вещества). При этом для определения категории смерти неважно кто именно применяет внешний воздействующий фактор к человеку – кто-либо посторонний, сам умерший или несчастный случай. Самое главное, что смерть наступает от внешнего воздействия, которое не связано с имеющимися у человека заболеваниями. По роду насильственная смерть подразделяется на убийство, самоубийство и несчастный случай⁴.

¹ Положения о проведении патолого-анатомических вскрытий. Ст. 1. Гл. 2.

² Величко Н.Н. Основы судебной медицины и судебной психиатрии: Учебник. М.: ГУК МВД России, 2002. С. 55.

³ Там же.

⁴ Википедия, Универсальная свободная энциклопедия // <http://ru.wikipedia.org/>

На наш взгляд, в приведенных определениях авторы смешивают понятия насильственной и ненасильственной смерти с понятиями преждевременная и естественная смерть, которые также не имеют законодательного закрепления. Естественная (физиологическая) смерть наступает в результате длительного, последовательно развивающегося угасания основных жизненных отправлений организма. Преждевременная (патологическая) смерть – вызывается болезненными состояниями организма, поражениями жизненно важных органов (мозга, сердца, легких, печени и др.)¹.

Указанные выше определения не позволяют определить, к какому виду смерти следует относить смерть, наступившую вследствие ненадлежащего оказания медицинских услуг или медицинской помощи (особенно при ее неоказании).

В проекте Федерального закона «О пато-

лого-анатомической службе и проведении патолого-анатомических исследований в Российской Федерации», который внесен на рассмотрение в Государственную Думу, вопрос об определении понятия насильственная смерть не сформулирован (ч. 5 ст. 12). Оставлена формулировка, имеющаяся в приказе № 82 от 29 апреля 1994 г.

Возвращаясь к моменту прекращения врачом-патологоанатомом вскрытия и определяя основания данного действия, на наш взгляд, следует применить следующую формулировку: «При выявлении во время проведения патологоанатомического вскрытия признаков насильственной смерти и (или) признаков ненадлежащего оказания медицинской помощи или медицинских услуг патологоанатомическое вскрытие прекращается. О выявленных признаках врач-патологоанатом обязан сообщить в правоохранительные органы».

¹ www.medportal.ru/enc/psychology/tanatology

Чапурко Татьяна Михайловнакандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права
Кубанского государственного аграрного университета**Картавченко Виктория Владимировна**преподаватель кафедры уголовного права Кубанского
государственного аграрного университета

Проблемы определения общественной опасности насилия и жестокости в посягательствах на малолетних и несовершеннолетних

В последние годы насилие стало характерной приметой нашего времени и пронизывает многие сферы жизни общества. Широкое распространение насилия, вероятно, связано с нравственным нездоровьем общества, огрублением нравов, болезненными процессами, которые проникли в различные сферы нашей жизни. Поэтому в сочетании с экономическим кризисом и социальной напряженностью это порождает у человека ощущение незащищенности, хрупкости существования, он постоянно испытывает страхи, беспокойство и неуверенность. Таким образом, повышенная обеспокоенность в связи с ростом насилия в обществе вполне может быть оправдана и особенно в отношении детей. Поэтому сегодня особое внимание как показатель развития общества в целом «привлекает» проблема насилия над несовершеннолетними, а малолетними – в еще большей степени. В силу возрастных особенностей малолетние и несовершеннолетние лица чаще подпадают под мотивированные акты агрессии или жестокости взрослых лиц.

В настоящее время наблюдается тенденция к изменению возрастной структуры насильственных преступников, совершающих преступления против несовершеннолетних, в сторону «омоложения» и в большей части проявления

своих насильственно-жестоких действий против малолетних детей. Этому способствует «господствующий нравственно-психологический климат взрослых преступников. Их традиции и установки оказывают существенное влияние на опережающий рост уровня насильственной преступности среди несовершеннолетних»¹. По мнению ученых-практиков, наличие нервно-психических аномалий не создает фатальной предрасположенности к совершению преступлений. Аномалии психики оказывают влияние в качестве условия, ускоряющего процесс деградации личности, а также фактора, сказывающегося на выборе форм реакции на конфликтную ситуацию, на формировании специфической преступной мотивации². Социально-экономическая и политическая нестабильность в обществе, усиливая негативные тенденции в развитии брачно-семейных отношений, влекут увеличение количества неполных семей за счет разводов, внебрачной рождаемости и вдовства, семей с отчимами, а в результате наблюдаем насилие и жестокость в быту, на улице и даже в общественных местах – детских садах, школах, местах досуга.

Общественная опасность является свойством любого посягательства. Рассматривая жестокость в отношении малолетних и несовершеннолетних как посягательство, обладающее общественной опасностью, важно рассматривать по-

¹ Антонян Ю.М. Преступная жестокость. М., 1994. С. 73.

² Антонян Ю.М., Юстицкий В.В. Несовершеннолетние преступники с акцентуациями характера: Учебное пособие. М., 1993; Белокобыльская Т.К. Криминологическая характеристика несовершеннолетних преступников с психическими аномалиями: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981; Десятников В.Ф., Трофимов Г.Р., Козюля В.Г. Клинико-психологические исследования несовершеннолетних правонарушителей // Патохарактерологические исследования у подростков. Л., 1981; Десятников В.Ф., Козюля В.Г. Психические девиации и противоправное поведение подростков. М., 1982; Емельянов В.П. Преступность несовершеннолетних с психическими аномалиями. Саратов, 1980 и др.

нятие, структуру и критерии общественной опасности таких посягательств. Соотношение этих показателей необходимо сопоставить с тем, как законодатель усматривает решение проблемы жестокости в отношении несовершеннолетних, т.е. с объектом преступления.

В уголовном праве преступление рассматривается как общественно опасное и противоправное поведение виновного, и в качестве материального признака общественной опасности раскрывается содержание жестокости, выступающей ведущим по отношению к признаку противоправности преступления. Значит, определяющая роль общественной опасности относительно противоправности деяния вытекает из понятия преступления, из того, что преступлениями могут признаваться лишь деяния, обладающие общественной опасностью. В связи с этим, учитывая, что общественная опасность преступленного посягательства констатируется государством только нормами уголовного права, важно отметить, что перечень этих норм является исчерпывающим и распространенному толкованию не подлежит. Соответственно, насилие и жестокость как уголовно-правовые явления являются поведением, которое принимается во внимание, если оно прямо предусмотрено нормами уголовного права. Существуют ситуации, когда общественная опасность деяния вполне достаточна, чтобы объявить его преступлением, но она не осознана законодателем, и поэтому не отражена в уголовном законе. Вместе с тем, только уяснив признаки, характеризующие общественную опасность насилия и жестокости в отношении малолетних и несовершеннолетних, можно определить ее сущность и критерии. Поэтому считаем целесообразным признаки, характеризующие общественную опасность, разделить на две группы. К первой группе необходимо отнести объект преступления, а ко второй – общественно опасное деяние, общественно опасные последствия и личность виновного, т.е. нечто иное, как элементы структуры общественной опасности преступления.

Исходя из этого и учитывая особенности правоохраняемого объекта, необходимо отметить, что, рассматриваемые насильственные преступления, совершаемые в отношении малолетних и несовершеннолетних как в отношении особой категории потерпевших, позволяют констатировать, что особенностью этих преступлений будет являться именно возраст, который характеризует как физическое, так и психическое состояние потерпевшего-ребенка.

Признаки общественной опасности неизбежно влияют на объект через вредоносность пре-

ступных последствий и другие показатели, но это влияние неоднозначно. Фактические изменения в объекте посягательства всегда связаны с внешней стороной преступного деяния и зависят от интенсивности действия (бездействия). Чем больше интенсивность, тем большим изменениям и разрушениям подвергается объект преступления, тем тяжелее возникающие преступные последствия. Большая интенсивность деяния увеличивает вероятность наступления тяжелых последствий и нередко расширяет круг правоохраняемых объектов, которые могут быть нарушены.

Рассматривая данное положение применительно к малолетним и несовершеннолетним, необходимо отметить, что под интенсивностью преступного воздействия следует понимать систематическое причинение вреда здоровью, тяжесть причиненных последствий, а также в целом тяжесть совершенного преступления, как категории.

Уголовное законодательство в определенной степени стоит на охране несовершеннолетних от преступных посягательств с применением жестокости, что находит свое отражение как в ст. 156 УК РФ, так и некоторых иных. Таким образом, охраняется процесс формирования личности несовершеннолетних, ее жизнь, здоровье, честь, достоинство, половая неприкосновенность, личная свобода и иные права и интересы, как совокупный объект. Но в отдельности каждый из перечисленных интересов может выступать в качестве непосредственного объекта посягательства, которым в первую очередь и определяется общественная опасность преступлений, а также общественная опасность отдельных из них. Поэтому, уделяя внимание явлению жестокости в отношении малолетних и несовершеннолетних, необходимо отметить, что преступления такой категории должны обладать повышенной общественной опасностью, так как потерпевшими являются дети, представители самого уязвимого и зависимого слоя нашего общества.

Однако не только особенности потерпевшего указывают на то, что преступления, совершенные жестоким способом, обладают повышенной общественной опасностью. Сама по себе жестокость является явлением, направленным на причинение вреда потерпевшему и указывает на то, что виновный действует осознанно, специально проявляя жестокость, т.е. совершение преступления с особой жестокостью подразумевает причинение потерпевшему особых мучений и страданий. Наличие повышенной общественной опасности при совершении данных преступлений указывает тот факт, что особая жестокость выделе-

на в качестве квалифицирующего признака совершения преступления. Поэтому, учитывая, что особая жестокость присутствует в преступлениях тяжких и особо тяжких, то последствия, наступившие в результате совершения такого общественно-опасного деяния можно охарактеризовать как тяжкие и, соответственно, особо тяжкие. Так, убийство, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, причинение средней тяжести и тяжкого вреда здоровью – все это преступления, обладающие квалифицирующими признаком «совершено с особой жестокостью», последствия от которых предположить не сложно.

В действующем Уголовном кодексе законодатель предусмотрел главу, которая предусматривает ряд преступлений, направленных против семьи и несовершеннолетних. Эти нововведения в уголовном законодательстве объяснимы тем, что преступления в отношении несовершеннолетних приобретают все более распространенный и ожесточенный характер, о чем мы говорили выше. Так, только за 2003 и 2004 гг. в отношении несовершеннолетних было совершено 118 488 преступлений, причем в 2004 г. на 17,4% больше, чем в 2003 г. Данные цифры говорят о том, что все чаще несовершеннолетние становятся жертвами преступлений, а динамика преступлений постоянно изменяется и растет. Преступления в отношении несовершеннолетних, совершаемые не только в семье, но и на улице, в учебных учреждениях, в иных общественных местах, показывают, что анализируемые нормы и их практическое применение в охране несовершеннолетних осуществляется слабо. Отдельные исследования показали, что в 47% случаев жестокость взрослых по отношению к несовершеннолетним проявляется в систематических избиениях; в 12% случаев – в связывании, запираении в темном помещении; в 11% – в лишении необходимых благ (пищи, жилья в холодную погоду).

Законодатель, предусмотрев ст. 156 УК РФ, определил ее по конструкции формальным составом, но сама формулировка с утверждением «если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним» подразумевает под собой наступление общественно опасных последствий, требуемых, следовательно, не только к установлению, но и определенной характеристике. Таким образом, можем отметить некоторый существенный, на наш взгляд, пробел в положениях юридических техники в рассматриваемой статье, так как жестокость сама по себе подразумевает наступление общественно опасных последствий, которые определяются в зави-

симости от способа их проявления. Таким образом, рассматривая положения ст. 156 УК РФ, можно утверждать, что законодатель, определив данный состав преступления как формальный, не учитывает не только наступление общественно опасных последствий, но и тот факт, что жестокость в отношении несовершеннолетних характеризуется не просто общественной опасностью, а повышенной общественной опасностью.

Жестокость, как явление в поведении человека, всегда реализуется в конкретной среде. Исключение могут составлять лишь приготовление и покушение на совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Жестокость в отношении несовершеннолетних подразумевает под собой причинение какого-либо вреда несовершеннолетнему, как особенной категории потерпевших, характеризующихся зависимостью и незащищенностью. И законодатель признает, что преступления в отношении несовершеннолетних обладают повышенной опасностью, учитывая это как обстоятельство, отягчающее наказание (ст. 63 УК РФ):

«з) совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, а также в отношении малолетнего, другого беззащитного или беспомощного лица либо лица, находящегося в зависимости от виновного (п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ); и) совершение преступления с особой жестокостью, садизмом, издевательством, а также мучениями для потерпевшего (п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ)».

Отсутствие должного внимания к жестокому обращению с малолетними и несовершеннолетними привело к существенным расхождениям в понимании объекта составов преступлений, где она может проявляться. Законодатель не определил, в качестве какого объекта выступает нормальное существование и развитие несовершеннолетнего и что конкретно является таковым. Тем более что законодателем рассматриваются «несовершеннолетние» как лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцать лет (ч. 1 ст. 87 УК РФ) и отсутствует понятие «малолетнего». В этом видим упущение уголовного закона и необходимость приведения к определенному утверждению и пониманию. Так, непосредственно жестокость упомянута только ст. 156 УК РФ, но в теории возникли споры по поводу определения объекта данного преступления. Некоторые авторы определяют его как социальное развитие несовершеннолетних. А.Е. Якубов и С.И. Мурзаков дополняют непосредственный

объект посягательством на здоровье несовершеннолетнего. Ю.В. Ускова считает, что при таком подходе не учитывается, что интересы в сфере здоровья охраняются комплексом статей, включенных в главу преступлений против личности.

Наблюдается и стремление расширить границы объекта. А.Н. Красиков включает в объект данного преступления «права и свободы несовершеннолетних на нормальное психическое и нравственное развитие». Л.Л. Кругликов наряду с основным объектом – интересами семьи, выделяет дополнительный объект – здоровье, жизнь, свободу и достоинство несовершеннолетнего, страдающего от жестокого обращения с ним. Также в литературе встречалась попытка усмотреть в данном составе два непосредственных объекта: первый – общественные отношения, обеспечивающие нормальное развитие и воспитание несовершеннолетних; второй – непосредственный объект – здоровье несовершеннолетних, которое страдает тогда, когда совершается посягательство, влекущее причинение вреда здоровью ребенка. Также имеются мнения, что понимание объекта преступления должно строго ограничиваться рамками гл. 20, а одновременное причинение вреда двум непосредственным объектам и более должно влечь квалификацию по совокупности преступлений.

Уголовным кодексом РФ определен перечень общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Это свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок, конституционный строй, окружающая среда, обеспечение мира и безопасности человечества. В статье 2 УК РФ законодатель не определил в качестве особого объекта охрану несовершеннолетнего. Общественные отношения, складывающиеся в процессе нормального физического и нравственного развития, правильного воспитания и формирования личности несовершеннолетнего, не выделены законодателем в качестве важнейшего объекта преступления. Соответственно, если законодателем данные отношения не выделяются в качестве значимого объекта преступления, то посягательства, совершаемые в отношении несовершеннолетних с применением жестокости, не признаются в качестве деяний, обладающих повышенной опасностью. Такое упущение в защите несовершеннолетних является недопустимым, учитывая зависимость, физическую неспособность несовершеннолетних, их моральную неустойчивость, в конце концов, их недееспособность и неполноправность.

Далее необходимо указать, что преступле-

ния, совершенные в отношении несовершеннолетних с применением жестокости не должны относиться к категориям «средней» и «небольшой тяжести», так как, по нашему мнению, особенно потерпевшего переводят их в разряд более общественно опасных посягательств, и их следует отнести только к категории «тяжких преступлений».

Одновременно важно указать, что общественно опасные последствия имеют место в тех уголовно-правовых нормах, где они прямо предусмотрены законодателем. Однако если рассматривать вред, который причиняется несовершеннолетнему в результате совершения преступления, то стоит отметить, что в некоторых нормах наступление общественно опасных последствий не предусмотрено, они фактически имеются, но находятся за пределами предусмотренных составов преступлений. Поэтому рассматривать наступление общественно опасных последствий необходимо по отношению к объекту и к общественной опасности деяний, совершенных в отношении несовершеннолетних.

Многие составы преступлений, предусматривающие жестокое обращение с несовершеннолетними, по своей конструкции являются формальными, и для окончательного состава не требуется установления общественно опасных последствий. Исходя из особенностей этой категории преступлений, возможность наступления таковых скорее следует рассматривать как свойство самих преступных деяний.

Необходимо иметь в виду, что конкретные негативные последствия преступных посягательств на несовершеннолетних не всегда легко установить и нет достаточно надежных критериев для их определения. Кроме того, конкретные последствия таких деяний могут проявляться не сразу, а по прошествии времени, намного позже самого события преступления, в зрелом возрасте. Поэтому если брать за основу «жестокое обращение», как определяющий термин, то круг общественно опасных последствий становится более широким, поскольку определяется целый круг объектов, на которые посягает лицо, совершающее преступление.

Определяя степень общественной опасности жестокого обращения с несовершеннолетними необходимо отметить, что в уголовном праве имеется множество противоречивых мнений по данному факту. Данная ситуация сложилась в связи с тем, что в законодательстве предусмотрены преступления, совершенные в отношении несовершеннолетних с применением жестокости, не выделены в отдельную главу, что с точки

зрения автора создает затруднения при определении таких категорий, как объект и общественная опасность.

Выделение преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, с применением жестокости объясняется тем, что все они носят характер деяний с повышенной опасностью из-за своих фактических последствий. Однако за-

кон эти последствия как преступные не оцениваются. Налицо пробел: провозглашается приоритетная охрана интересов несовершеннолетнего. Однако проявления жестокости по отношению к последнему специально законом не регламентируются. Не учтены как преступные последствия и результаты такой жестокости. Мы полагаем, что этот пробел нуждается в устранении.

Асланян Маркос Мамиконович
аспирант кафедры уголовного права
Кубанского государственного аграрного университета

Совершенствование института рецидива преступлений как легальной формы профессиональной преступности

Профессиональная преступность является одним из наиболее опасных видов преступности. Она паразитирует общество, пробирается во все сферы его экономической жизни, нарушая нормальный ход развития экономических отношений и, прежде всего, имущественных. Ежегодный ущерб от составляющих ее преступлений оценивается сотнями миллионов рублей.

В криминологической науке отсутствует единство мнений относительно признаков профессиональной преступности. С этим связано и отсутствие единого определения понятия профессиональной преступности. Достаточно удачным является определение, предложенное А.И. Гуровым. По его мнению, профессиональная преступность есть относительно самостоятельный вид преступности, включающий совокупность преступлений, совершаемых преступниками-профессионалами с целью извлечения основного или дополнительного источника доходов¹. Исходя из этого определения, А.И. Гуров выделяет четыре признака профессиональной преступности: 1) является для субъекта источником средств к существованию; 2) требует необходимых знаний и навыков для достижения конечной цели; 3) обуславливает определенные контакты с антиобщественной средой; 4) определяет устойчивый вид преступного занятия (совершение преимущественно однородных преступлений). Есть ученые, которые выделяют пять признаков, добавляя наличие специфической субкультуры.

Мы предлагаем под профессиональной преступностью понимать самостоятельный вид преступности, слагаемый из совокупности пре-

ступлений, совершаемых профессиональными преступниками с использованием специальных знаний, умений и навыков в целях систематического извлечения прибыли. На наш взгляд, профессиональная преступность характеризуется следующими признаками: 1) устойчивый вид преступного занятия; 2) наличие необходимых знаний, умений и навыков; 3) контакты профессионального преступника с асоциальной (в первую очередь, преступной) средой; 4) систематическое извлечение прибыли.

Профессиональная преступность проявляется также во множественности тождественных и однородных преступлений корыстной направленности. Это свидетельствует об устойчивости избранного вида преступного занятия, что, в свою очередь, приводит к оттачиванию преступниками своего «профессионального мастерства» и доведению совершения преступлений до автоматизма. В связи с этим уровень латентности указанных преступлений остается достаточно высоким, из-за чего установление виновных и привлечение их к уголовной ответственности зачастую затруднено. Следовательно, эффективность борьбы с профессиональной преступностью зависит от усовершенствования норм, регламентирующих формы множественности преступлений, и, в частности, наиболее опасную ее форму – рецидив преступлений.

Согласно ч. 1 ст. 18 УК РФ рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. К отличительным признакам рецидива преступлений относятся: 1) одновременное совершение двух или более преступлений лицом, дос-

¹ Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М.: Юридическая литература, 1990. С. 52.

тигшим восемнадцатилетнего возраста; 2) умышленный характер преступлений, образующих рецидив; 3) наличие у лица судимости за одно или несколько ранее совершенных преступлений. Согласно п. «а» ч. 4 ст. 18 УК РФ при признании рецидива преступлений не учитываются судимости за умышленные преступления небольшой тяжести. В то же время значительная часть профессиональных преступников начинает свою преступную деятельность с совершения именно умышленных преступлений небольшой тяжести. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно учитывать при рецидиве преступлений судимости за умышленные преступления небольшой тяжести.

Согласно п. «б» ч. 4 ст. 18 УК РФ при рецидиве преступлений не учитываются судимости за преступления, совершенные в возрасте до восемнадцати лет. Между тем, проведенный нами анализ судебной практики показал, что большинство профессиональных преступников совершает свое первое преступление в несовершеннолетнем возрасте. В связи с этим нам представляется необходимым понизить вышеуказанный возраст до шестнадцати лет, приведя его в соответствие с общим возрастом уголовной ответственности. Аналогичной точки зрения придерживаются многие ученые. Так, по мнению Т.М. Кафарова при рецидиве преступлений следует учитывать судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до 18 лет¹. Также В.А. Иванов указывает, что лицо «может обладать повышенной общественной опасностью и до восемнадцатилетнего возраста, так как человек и в более раннем возрасте способен осознавать противоправность своих действий и уголовно-правовые последствия, связанные с ними. Кроме того, излишние, если так можно выразиться, поблажки способны увеличить и без того высокий уровень подростковой преступности»². В настоящее время при рецидиве преступлений учитывается факт полного или частичного отбытия лицом назначенного наказания. По нашему мнению, этот момент не следует учитывать, поскольку самого факта предыдущего осуждения лица достаточно для признания в его действиях рецидива в случае совершения им нового умышленного преступления. То есть не должно иметь значения, подлежит ли назначенное лицу наказание реальному отбыванию или нет: главное, что оно назначено, т.е. лицо от него не освобождено.

В связи с этим из редакции ст. 18 УК РФ необходимо исключить положения о том, что при

рецидиве преступлений не учитываются судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным либо по которым предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если условное осуждение или отсрочка исполнения приговора не отменялись и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы.

Критерии отнесения рецидива преступлений к тому или иному виду следует изменить. Мы предлагаем законодательно закрепить признаки обычного (простого) рецидива путем перечисления образующих его сочетаний преступлений (так же, как это сделано в отношении опасного и особо опасного рецидива преступлений). При этом ряд сочетаний преступлений, которые в настоящее время образуют обычный (простой) рецидив, необходимо признавать опасным или особо опасным рецидивом.

Поскольку профессиональная преступность складывается из однородных и тождественных преступлений, то для усиления борьбы с нею представляется необходимым учитывать эту однородность и тождественность при рецидиве преступлений. В связи с этим целесообразно ввести в уголовное законодательство нормы, предусматривающие специальный рецидив преступлений. Под специальным рецидивом преступлений следует понимать совершение нового умышленного преступления лицом, ранее осужденным за однородное или тождественное преступление.

Профессиональная преступность проявляется также и в другой форме множественности преступлений – в их совокупности. Поэтому мы считаем необходимым учитывать однородность и тождественность преступлений также при совокупности преступлений, внося соответствующие изменения и дополнения в ст. ст. 17 и 69 УК РФ.

Анализ зарубежного уголовного законодательства показал, что весьма полезным является наличие процедуры признания лица профессиональным преступником. Такую процедуру необходимо ввести и в уголовное законодательство РФ (наподобие предусмотренной ранее в УК РСФСР процедуры признания лица особо опасным рецидивистом). Для этого в новой статье УК РФ следует законодательно закрепить признаки профессионального преступника, взятые из криминологической науки. При этом недопустимо чисто механическое переключивание положений криминологической науки в уголовно-правовую

¹ Кафаров Т.М. Проблема рецидива в советском уголовном праве. Баку: Коммунист, 1972. С. 31-32.

² Иванов В.А. Рецидив преступлений: уголовно-правовые и криминологические аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. Омск: Омская академия МВД России, 2002. С. 18.

плоскость. Одним из условий признания лица профессиональным преступником должно быть наличие в его действиях специального рецидива либо совокупности однородных или тождественных преступлений. Преступления, совершение которых может повлечь за собой признание лица профессиональным преступником, должны быть не только тождественны или однородны друг другу, но они еще должны иметь корыстную направленность и их перечень должен быть указан в законе. Суд должен также установить наличие у лица знаний, умений и навыков, используемых (применяемых) им для совершения преступлений, наличие устойчивых связей виновного с преступной средой, цель занятия им преступной деятельностью – систематическое извлечение прибыли. Признание лица профессиональным преступником должно быть правом, а не обязанностью суда. При этом с момента погашения или снятия судимости лицо должно утратить статус профессионального преступника.

Для практической реализации вышеуказанных предложений следует ввести соответствующие изменения и дополнения в положения ст. 68 и ст. 69 УК РФ. Мы считаем необходимым вновь учитывать вид рецидива при назначении наказания рецидивистам, в том числе учитывать специальный рецидив и установить, что срок наказания при обычном рецидиве преступлений не может быть менее половины, при опасном рецидиве – двух третей, при особо опасном рецидиве – трех четвертей, при специальном рецидиве – трех четвертей части максимального срока наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ. В ст. 69 УК РФ целесообразно ввести специальные правила назначения наказания при совокупности тожде-

ственных или однородных преступлений, перечень которых указан в законе. Суть их должна состоять в том, что окончательное наказание в виде лишения свободы определяется судом путем частичного или полного сложения назначенных наказаний и не может превышать более чем на половину максимальный срок наказания в виде лишения свободы, предусмотренный за наиболее тяжкое из совершенных лицом преступлений.

Признание лица профессиональным преступником влечет за собой более строгое наказание на основании и в пределах, предусмотренных УК РФ. Так, в зависимости от формы множественности преступлений, в которой проявляется деятельность виновного, суд при назначении ему наказания должен руководствоваться правилами ст. 68 или ст. 69 УК РФ соответственно.

Практическое значение признания лица профессиональным преступником состоит также в следующем: в отношении лица, признанного профессиональным преступником, недопустимо применение условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ) или замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ); при совершении профессиональным преступником нового умышленного преступления к нему не может быть применено условное осуждение (ст. 73 УК РФ), а также отсрочка отбывания наказания (ст. 82 УК РФ).

Надо сказать, что процедура признания лица профессиональным преступником будет эффективно применяться судами в том случае, если по данному вопросу будет издано соответствующее постановление Пленума Верховного Суда РФ, содержащее необходимые руководящие разъяснения для нижестоящих судов.

Голубенко Андрей Евгеньевич
преподаватель кафедры уголовного права
Кубанского государственного аграрного университета

Анализ судебной практики борьбы со взяточничеством (на примере Краснодарского края)

Основанием для написания данной статьи явился полученный эмпирический материал – судебно-следственная практика Краснодарского края. Углубленному анализу были подвергнуты уголовные дела, а также решения, вынесенные судами первой инстанции по их рассмотрению. Так, были проанализированы 100 уголовных дел за период с 2004 по 2007 гг. Нами изучены уголовные дела о преступлениях, представляющих собой классическое, неоспоримо коррупционное проявление – взяточничество. Таким образом, в круг нашего внимания попали такие преступления, как получение взятки (ст. 290 УК РФ) и дача взятки (ст. 291 УК РФ) – по 50 уголовных дел по каждой статье, соответственно, расследованных и рассмотренных в следующих административно-территориальных единицах края: г. Краснодар, г. Сочи, г. Новороссийск, г. Ейск, г. Кропоткин, г. Армавир, Геленджикский, Туапсинский, Приморско-Ахтарский, Мостовской, Белореченский районы.

На основании проведенного анализа следственно-судебной практики можно сформулировать следующие выводы и положения:

1. 58% преступных деяний, относимых к получению взятки, были квалифицированы по ч. 1 и, соответственно, 42% – по ч. 2 ст. 290 УК. 80% деяний, выразившихся в даче взятки, были квалифицированы по ч. 2 и 20% – по ч. 1 ст. 291 УК. Сопоставляя данные показатели мы видим, что они не стыкуются между собой и носят противоречивый характер, так как число выявленных фактов дачи взятки за совершение заведомо незаконных деяний значительно превышает количество выявленных фактов получения взятки за указанные деяния. При анализе соотношения количества деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 290 и 291 УК, складывается аналогичная по противоречивости ситуация, но с преобладанием фактов, квалифицируемых по ч. 1 ст. 290 УК.

2. Рассматривая вопрос о завершенности преступлений, мы видим, что все 100% фактов получения взятки были окончательными, чего нельзя сказать о даче взятки (20%). 80% преступлений, квалифицированных как дача взятки, были пресечены во время покушения на них. Данное существенное процентное различие можно объяснить трудностями в выявлении преступлений данной категории.

3. Анализ показывает, что 88% расследованных уголовных дел, возбужденных по фактам получения взятки, содержат один эпизод преступной деятельности, 6% – от 2-х до 5-ти эпизодов, 2% – свыше 16 эпизодов. В отношении уголовных дел, возбужденных по фактам дачи взятки, статистика более лаконична: все 100% изученных дел содержат один эпизод преступной деятельности.

4. В ходе изучения судебной практики по фактам получения взятки не было обнаружено элементов соучастия, однако по фактам дачи взятки небольшой процент преступлений, совершенных группой лиц (8%), все-таки присутствует.

5. 26% уголовных дел, возбужденных по ст. 290 УК РФ, в ходе судебного рассмотрения подверглись переквалификации, а по ст. 291 УК РФ – всего 4%.

6. Характеризуя субъект получения взятки – должностное лицо – мы установили, что 100% данных лиц, совершая названное преступление, выполняли свои полномочия на постоянной основе. 44% должностных лиц при этом выполняли функции представителя власти, столько же – организационно-распорядительные и 12% – административно-хозяйственные функции. При даче взятки должностными лицами (а такие факты имели место) последние так же выполняли свои полномочия на постоянной основе: в 96% случаев – функции представителя власти и в 4% – административно-хозяйственные функции. Таким обра-

зом, наблюдается существенное процентное различие сходных характеристик субъекта при получении и при даче взятки. Кроме того, характер действий (бездействия) в пользу взяткодателя при получении взятки соответствовал служебным обязанностям должностного лица в 60% случаев, а при даче взятки – только в 20%, что, впрочем, вполне объяснимо и логично.

7. Борьба со взяточничеством на территории Краснодарского края ведется, главным образом, с низшим звеном: к уголовной ответственности за получение взятки привлекаются, в первую очередь, соответствующие работники органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений.

8. Следующей особенностью является поразительно низкий уровень борьбы со взяточничеством в органах местного самоуправления и муниципальных учреждениях. Так, 48% лиц, привлеченных к ответственности за получение взятки, выполняли свои функции в государственных органах, 32% – в государственных учреждениях, 16% – в муниципальных учреждениях и лишь 2% – в органах местного самоуправления. Интересным на этом фоне выглядит следующее обстоятельство, характеризующее дачу взятки: 100% лиц, привлеченных к ответственности, пытались передать взятку должностному лицу исключительно государственного органа!

9. Существует устойчивая тенденция получения (90%) и дачи (96%) взятки исключительно в будние дни. Однако, что весьма интересно, 60% получения взяток совершается в период времени с 09.00 до 14.00 часов, 28% – с 14.00 до 20.00 часов, 12% – с 20.00 до 09.00 час. Иная ситуация происходит при даче взятки: 20% дачи взяток происходит в первой половине дня, основной пик приходится на вторую половину рабочего дня и составляет 66%, в третий временной отрезок – 14%. Эти данные статистики также несут в себе элемент противоречивости.

10. Предмет взятки является наиболее устойчивым элементом составов данных преступлений. Так, при получении (100%) и даче (98%) взятки основным предметом преступления являются денежные средства, преимущественно Центрального банка России.

11. Если поделить взяткодателей и взяткополучателей по половому признаку, то «пальму первенства» по обоим преступлениям удерживает мужской пол (ст. 290 – 64%, ст. 291 – 76%).

12. Возрастная категория взяткополучателей была разбита на пять групп, и выводы исследования представляют также несомненный интерес. Так, 52% лиц, привлеченных к ответственно-

сти за получение взятки, на момент совершения преступления достигли от 40 до 59 лет; 30% – от 22 до 29 лет; 10% – от 30 до 39 лет; 6% – 60 лет и более; 2% – от 18 до 21 года. Примерно сходная картина вырисовывается и у взяткодателей. По возрастному признаку они были разбиты на три группы: от 18 до 29 лет – 28%; от 30 до 59 лет – 64%; 60 лет и более – 8%.

13. Получение взятки в большой степени характерно для лиц, состоящих в браке, – 60%, а дача взятки практически уравнила лиц, не состоящих в браке, с первыми – 52%. При дальнейшем исследовании мы видим, что лишь 36% взяткополучателей имеют несовершеннолетних детей, а взяткодатели имеют их в 68% случаев.

14. Следующим подвергнутым анализу элементом является уровень образования субъекта преступления. В данном случае результаты в значительной степени разнятся друг с другом. Так, 88% лиц, привлеченных к ответственности за получение взятки, имели высшее образование, 8% – средне-специальное, 4% – среднее. В свою очередь, 62% лиц, привлеченных к ответственности за дачу взятки, имели среднее образование, 28% – средне-специальное, 8% – высшее, 2% – неполное высшее.

15. 46% как взяткодателей, так и взяткополучателей проживали на момент совершения преступления в г. Краснодаре, 42% взяткополучателей – в городе районного значения (при 36% взяткодателей). 12% взяткополучателей проживали в селе, поселке, хуторе; примерно сходен и процент взяткодателей (18%), проживающих в аналогичных административно-территориальных единицах.

Анализу развития социальной, экономической, политико-правовой и духовной сфер жизни общества в последние два десятилетия уделялось немало внимания в специальной литературе. Хотелось бы отметить, что главной причиной всплеска и деформации уровня взяточничества в пользу увеличения в указанный период явились качественные, всеобъемлющие изменения в главенствующих сферах жизнедеятельности нашего государства. Профессиональная деформация из-за резкого снижения уровня жизни, крайне низкая динамика жизни населения – это те основные факторы, которые являются причиной «глобального» развития взяточничества.

Примером тому может служить приговор Ленинского районного суда г. Краснодара от 29 января 2005 г. Гр. И., 1985 г.р., являясь дознавателем отдела милиции № 1 УВД Центрального округа г. Краснодара, умышленно, из корыстных побуждений, действуя вопреки интересам

службы, получил от гр. А. взятку в сумме 4000 рублей за действия, входящие в служебные полномочия гр. И., выражающиеся в избрании меры пресечения, не связанной с лишением свободы¹.

К сожалению, данный случай является на самом деле рядовым явлением. Субъект на момент совершения преступления достиг возраста 19 лет, следовательно, опыт его практической деятельности минимален, но, несмотря на это, гр. И. практически с первых дней исполнения своих должностных полномочий за счет своего процессуального статуса, установленного Уголовно-процессуальным кодексом РФ, начал извлекать дополнительный заработок.

Однако профессиональная деформация и низкий уровень жизни большей части населения не являются единственными причинами повсеместного развития взяточничества. Одной из главных причин является низкое «качество» действующего российского уголовного законодательства и недостаточная квалификация правоприменителей. Ярким примером этому может служить противоречивая уголовно-правовая оценка содеянного, осуществленная в обвинительных приговорах по идентичным по обстоятельствам делам одним и тем же судом в пределах незначительного отрезка времени:

а) согласно приговору Ейского городского суда Краснодарского края от 02 июля 2007 г. гр. Р. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 291 УК РФ, т.е. в покушении на дачу взятки должностному лицу. Из материалов уголовного дела следует, что 28 марта 2007 г. около 14 часов ОБЭП Ейского ЛОВДт выявлен факт реализации крепких спиртных напитков домашней выработки, запрещенных к реализации, осуществляемый гр. Р. в принадлежащей ей квартире. Около 16 часов гр. Р., находясь в кабинете оперуполномоченного ОБЭП О., куда она была приглашена для дачи объяснений, умышленно, осознавая, что совершает деяние в отношении должностного лица, осуществляющего функции представителя власти, дала взятку в виде денежных средств в сумме 2000 рублей, положив их на рабочий стол О. Однако гр. Р. не довела, свои преступные действия по не зависящим от нее обстоятельствам до конца²;

б) согласно приговору Ейского городского суда Краснодарского края от 02 июня 2006 г. гр. Ч. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 291 УК

РФ, т.е. в покушении на дачу взятки должностному лицу за совершение им заведомо незаконных действий. Из материалов уголовного дела следует, что 11 марта 2006 г. около 14 часов 45 минут участковым уполномоченным милиции УВД г. Ейска и Ейского района М. в ходе контрольной закупки выявлен факт реализации крепких спиртных напитков домашней выработки, запрещенных к реализации, осуществляемый гр. Ч. во дворе принадлежащего ей домовладения. Около 16 часов этого же дня гр. Ч., находясь в служебном кабинете участкового пункта милиции № 2, умышленно, с целью избежания ответственности за совершенное правонарушение, предложило УУМ М. взятку в виде денег в размере 1000 рублей за совершение последним заведомо незаконных действий – несоставление административного материала в отношении гр. Ч., после чего положила указанные денежные средства в книгу, лежавшую на рабочем столе М.³

При анализе первого приговора мы видим, что органами предварительного следствия и судом было продемонстрировано незнание содержания ч. 2 ст. 291 УК РФ. Это могло быть вызвано только низкой квалификацией следователя и судьи, так как незаконность действий, за совершение которых передавалось денежное вознаграждение, просто очевидна. Уклонение от привлечения к уголовной или административной ответственности – это основная цель, которую преследовал взятодатель.

К сожалению, ошибки в квалификации деяний по ч. ч. 1 ст. ст. 290 и 291 УК РФ встречаются при изучении судебной практики большинства названных административно-территориальных единиц. Рассмотрим по предыдущей модели два сходных примера из судебной практики:

а) так, согласно приговору Прикубанского районного суда г. Краснодара от 11 августа 2003 г. Б. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 290 УК РФ, т.е. в получении взятки. Из материалов уголовного дела следует, что 17 июня 2003 г. около 12 часов в кабинете кафедры компьютерных технологий и систем Б., занимающая должность доцента кафедры компьютерных технологий и систем ФГОУ ВПО «КубГАУ» (т.е. являясь должностным лицом), получил от студента 1 курса юридического факультета КубГАУ гр. Бр. деньги в сумме 2500 рублей за проставление в зачетной книжке последнего и экзаменационной ведомости оцен-

¹ Архив Ленинского районного суда г. Краснодара. Уголовное дело № 1-103/2005.

² Архив Ейского городского суда Краснодарского края. Уголовное дело № 1-236/2007.

³ Там же.

ки «хорошо», свидетельствующей о сдаче гр. Бр. экзамена по информатике, без фактической сдачи указанного экзамена¹:

б) согласно приговору Октябрьского районного суда г. Новороссийска от 16 сентября 2004 г. К. признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 290; ч. 2 ст. 290; ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 285 и ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 285 УК РФ. Из материалов уголовного дела следует, что 17 июня 2004 г. в 11 часов 50 минут К., являясь должностным лицом – старшим преподавателем кафедры Высшей математики в ФГОУ ВПО «НГМА», обладая распорядительными полномочиями по приему экзаменов и зачетов, находясь в своем личном автомобиле, действуя с прямым умыслом, из корыстных побуждений, вопреки интересам службы, достоверно зная, что студентки заочного факультета гр. Н. и гр. К. не имеют достаточного уровня знаний для получения положительной оценки по экзамену «высшая математика», получила от них взятку – от каждой по 100 долларов США, что по курсу Банка России составляет 2901 рублей 99 копеек, и в общей сложности – 5803 рублей 98 копеек, за совершение в их пользу незаконных действий – проставления положительной оценки в экзаменационную ведомость и зачетную книжку².

Итак, мы наблюдаем два абсолютно идентичных примера. Преподаватель государственного ВУЗа за проставление соответствующей отметки в зачетной книжке и экзаменационной ведомости без фактической сдачи учебной дисциплины получает взятку. Однако в первом случае данные действия были квалифицированы по ч. 1 ст. 290 УК РФ, а во втором – расценены судом как незаконные и дополнительно, по обоим эпизодам, квалифицированы по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 285 УК РФ. В обоснование своей позиции суд указал, что в совершенном деянии наличествуют признаки злоупотребления должностными полномочиями, выразившиеся во внесении изменений (т.е. проставлении соответствующих отметок) в экзаменационные ведомости. Кроме того, суд изменил квалификацию, данную органами предварительного следствия, с ч. 1 ст. 285 на ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 285 УК РФ, отметив, что подсудимая К. на момент получения взятки не получила на руки экзаменационные ведомости и, соответственно, не успела внести в них данные изменения.

Размышляя по поводу судебного решения

Октябрьского районного суда г. Новороссийска, мы не можем с ним согласиться по следующим основаниям. При вынесении данного решения суд допустил две существенные ошибки. Первая, о которой шла уже речь выше, – это неправильное понимание незаконности выполняемых действий в пользу взяткодателя. Из материалов представленных уголовных дел видно, что преподаватель обладала необходимыми полномочиями по приему у данных студентов экзаменов. Соответственно, это входило непосредственно в ее должностные обязанности. Какие незаконные действия подразумевал суд, по меньшей мере, непонятно. Вторая ошибка заключается в том, что суд рассматривает деятельность преподавателя по проставлению соответствующей отметки в экзаменационную ведомость в качестве самостоятельного преступления, квалифицируемого как злоупотребление должностными полномочиями. Данный вывод по своей сути, кроме того, что не отвечает духу уголовного закона, и сам по себе противоречив. Суд ничего не говорит о «незаконной» деятельности преподавателя, выражающейся в проставлении соответствующей отметки в зачетную книжку. По всей видимости, это также должно образовывать самостоятельное преступное деяние, квалифицируемое как злоупотребление должностными полномочиями. Но, на наш взгляд, деятельность, направленная на проставление оценки в экзаменационных ведомостях и зачетных книжках, является обязательной составляющей объективной стороны получения взятки. На это указывает и Верховный Суд РФ в обзоре судебной практики за IV-ый квартал 2001 г.³, рассматривая сходную ситуацию и говоря о правильном исключении из обвинения совершения служебного подлога.

Подводя итог анализу судебной практики Краснодарского края, необходимо отметить, что районные суды при постановлении приговора допускают значительные нарушения уголовного закона. Это проявляется в поверхностном исследовании обстоятельств дела. По большинству изученных дел суд в лучшем случае (и то далеко не всегда) называл характер выполняемых должностным лицом функций, не останавливаясь на их подробном анализе. Исходя из этого, было допущено множество судебных ошибок в квалификации деяния и, как результат, – постановления неправосудных решений.

¹ Архив Прикубанского районного суда г. Краснодара. Уголовное дело № 1 - 175/2004.

² Архив Октябрьского районного суда г. Новороссийска. Уголовное дело № 1-375-04.

³ Бюллетень Верховного суда РФ. 2002. № 8. С. 14.

Гусева Юлия Андреевна

соискатель кафедры уголовного права и процесса РУДН

Социальные основания уголовно-правовой охраны половой свободы и половой неприкосновенности личности

Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности предусмотрены в гл. 18 УК РФ. Название главы недвусмысленно указывает на содержание видового объекта всех предусмотренных в ней преступлений. Вместе с тем, не только в юридической литературе, но и доктринальных источниках не сложилось единого мнения по этому вопросу. Представляется, что без его решения мы не достигнем ясности и в понимании уголовно-правового значения сексуального насилия. При ответе на поставленные вопросы выделяют несколько направлений.

Сексуальное насилие трактуется как вид «полового» преступления. Социально-правовая природа этих преступлений обсуждается давно, но во взглядах ученых пока не достигнуто полное взаимопонимания.

По мнению Я.М. Яковлева, к половым преступлениям следует относить такие деяния, которые посягают на принципы половой морали. Ее же указанный автор определяет как уклад половых отношений¹. «Эта мораль едина для всех членов социалистического общества (указанная работа издана в советский период развития российского уголовного права – Ю. Гусева) и неразрывно связана с господствующим в нем мировоззрением и моральными принципами»². Перечисляя эти принципы, автор дает нам представление о содержании полового уклада общества периода развитого социализма:

допустимость возникновения половых отношений между лицами разного пола;

достижение субъектами половых отношений психической и физической зрелости; взаимная любовь, уважение и общность взглядов и интересов участников половых отношений;

добровольность в установлении половых отношений и равноправие их участников; недопустимость вступления в половые отношения из соображений материальной выгоды; брак как предпочтительная форма таких отношений³.

Следуя такой трактовке, логично было бы предположить, что преступлениями должны признаваться деяния, противоречащие указанным принципам.

Действительно, некоторые из них объясняют уголовно-правовые запреты. По УК РСФСР 1960 г. изнасилования и понуждения женщины к вступлению в половую связь (нарушение добровольности и равноправия участников половых отношений); полового сношения с лицом, не достигшим половой зрелости (нарушение принципа достижения субъектом половых отношений психической и физической зрелости); мужеложества (нарушение принципа допустимости половых отношений между лицами разного пола).

Однако в УК РСФСР 1960 г. не получили отражения другие принципы господствовавшей в то время половой морали. Например – принцип общности взглядов и взаимная любовь участников половых отношений; принцип недопустимости половых отношений по соображениям материальной выгоды⁴. Советское государство не сочло для себя возможным установить уголовную

¹ Яковлев Я.М. Половые преступления. М., 1969. С. 20.

² Там же.

³ Яковлев Я.М. Указ. соч. С. 20.

⁴ УК РФ, УК РСФСР 1960 г. предусматривал ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в занятие проституцией (ст. 210). Однако социальная природа указанного преступления определялась отдельно от системы половых преступлений – в связи с общественной безопасностью, общественным порядком и здоровьем населения (гл. 10 УК РСФСР 1960 г.).

ответственность и за установление половых отношений вне института брака, хотя бы этого и требовали принципы советской половой морали.

Таким образом, пришлось признать, что определение социально-правовой природы и объекта половых преступлений через характеристику принципов половой морали является неточным, нуждается в комментариях, оговорках, недостаточно для исчерпывающей характеристики объекта половых преступлений.

В силу этого Я.М. Яковлев отметил, что вмешательство государства в уклад половых отношений ограничено наиболее общественно опасными случаями его нарушения, «в частности, когда такие нарушения возникают в противоречии с требованиями социалистической правовой морали»¹.

Нетрудно заметить, что принципиальное (существенное) отграничение объекта половых преступлений от принципов половой морали указанному автору не удалось. Он так и не определил того критерия, по которому половое преступление существенно отличается от нарушения морали (полового уклада). По смыслу приведенного выше положения, отличительная особенность полового преступления – наибольшая его общественная опасность, а наибольшая общественная опасность этого преступления определяется противоречием половой морали.

Между тем, Я.М. Яковлев достаточно активно критиковал позицию А.Н. Игнатова, который усматривает в социальной природе половых преступлений именно их аморальность (безнравственность). По мнению А.Н. Игнатова, половые преступления являются грубым нарушением норм морали, крайним проявлением безнравственного поведения. Отмечая аморальность всякого преступления, А.Н. Игнатов выделяет в качестве существенной характеристики половых преступлений то, что они связаны с нарушением основ нравственных принципов по самой своей сути².

В то же время, указанный автор выделил из всей системы моральных ценностей отдельную группу отношений, названных им «половой

нравственностью», в которую, по его справедливому мнению, должны включаться не только правила поведения людей в половых отношениях, но также этические и эстетические взгляды, обычаи общества, касающиеся вопросов секса³. За этим положением следует закономерный вывод о том, что социальная природа половых преступлений необоснованно сужена некоторыми учеными до преступлений сексуального (собственно полового характера)⁴.

С этих позиций выглядит вполне обоснованным его мнение о том, что по своему характеру распространение порнографии, организация и содержание притонов, половой разврат ближе к половым преступлениям, чем к преступлениям против здоровья населения и общественной нравственности (преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка)⁵.

Так считал П.И. Люблинский, который относил к половым преступлениям сводничество, содержание притонов разврата, вербовку женщин для занятия проституцией и вовлечение в проституцию, сутенерство, распространение порнографических произведений, устройство циничных зрелищ, публичное бесстыдство⁶. Аналогичную позицию занимали многие ученые⁷.

Для опровержения указанной позиции Я.М. Яковлев привел следующий аргумент: «То обстоятельство, что эти общественно опасные действия одновременно посягают на уклад половых отношений нашего общества, не дает основания относить их к половым преступлениям, так как этот объект не является основным, а носит производный характер от посягательства на общественный порядок. В объективную сторону рассматриваемых преступлений не входит также совершение сексуальных действий, направленных на конкретных потерпевших, как это имеет место в половых преступлениях»⁸.

Получается, что существенными (отличительными признаками половых преступлений) указанный автор считает все-таки сексуальный характер действий, имеющих индивидуальную направленность (персонифицированных дей-

¹ Яковлев Я.М. Указ. соч. С. 21.

² Игнатов А.Н. Ответственность за преступления против нравственности (половые преступления). М., 1966. С. 12.

³ Игнатов А.Н. Квалификация половых преступлений. М., 1974. С. 4.

⁴ Там же. С. 6-10.

⁵ Там же.

⁶ Люблинский П.И. Преступления в сфере половых отношений. М., Л., 1925. С. 17.

⁷ См.: Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д. Курс советского уголовного права. Особенная часть. Т. 1. М., 1955; Осипов П.П. Половые преступления (общее понятие, социальная сущность и система составов): Дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1967; Рашковская Ш.С. Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности. М., 1959 и др.

⁸ Яковлев Я.М. Указ. соч. С. 20.

ствий). Представляется, что этот аргумент был задействован лишь в пылу научной полемики. Даже во время опубликования рассматриваемой работы УК РСФСР 1960 г. предусматривал ответственность за развратные действия с несовершеннолетними (ст. 120 УК РСФСР). А они, как известно, не всегда связаны с совершением сексуальных действий. Искаженное представление несовершеннолетнего о половых отношениях, а также пробуждение в его сознании преждевременного влечения к половым отношениям могут быть сформированы посредством несексуального воздействия.

Что же касается индивидуальной направленности половых преступлений как их отличительной черты, то она присуща им лишь постольку, поскольку половое преступление трактуется исключительно как преступление против личности в сфере половых отношений. Но, как уже было показано, такая трактовка как раз и не устраивает противников сужения социальной природы половых преступлений. Так что окончательный аргумент в этой давней научной полемике так и не был приведен.

Необходимость упоминания об этой полемике обусловлена тем, что и в наши дни многие авторы при решении вопроса о социальной и правовой природе половых преступлений (а также их классификации) остаются в пределах мнений, высказанных указанными выше учеными.

Так, Т.В. Кондрашова отмечает: «На наш взгляд, наиболее обоснованной и верной является позиция, занимаемая М.Д. Шаргородским, Ю.К. Сущенко, Б.В. Даниэльбеком, согласно которой к половым преступлениям следует относить лишь те, которые посягают на интересы личности в области охраны половой свободы и половой неприкосновенности: изнасилование; насильственные действия сексуального характера; похищение к действиям сексуального характера; половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим четырнадцатилетнего возраста (имеется в виду прежняя редакция ст. 134 УК РФ – Ю. Гусева); развратные действия»¹.

Представляется не вполне корректной подобная оценка позиции участников научной полемики, имевшей место во время действия другого уголовного закона. Во время действия УК РСФСР 1960 г. половые преступления не имели в тексте уголовного закона структурного обособ-

ления. Они находились в общем ряду преступлений против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности (гл. 3 УК РСФСР 1960 г.). Уголовный закон не давал основания и повода к тому, чтобы объявить то или иное научное представление об объектах половых преступлений, их социальной и правовой сущности ошибочным или напротив – верным.

Трактовка половых преступлений как таких, которые посягают на устои полового уклада, противоречат его социальным и нравственным требованиям, не только имела право на существование, но и была достаточно хорошо обоснована и опровергнута по существу не была. Ее сторонники были более последовательны, чем те ученые, которые, опираясь на системообразующее значение полового уклада, ограничивали объекты половых преступлений только половыми интересами личности. Те же, кто последовательно отстаивал роль полового уклада как социальной основы криминализации половых деликтов, закономерно приходили к выводу о необходимости изменения структуры Особенной части УК РСФСР. Так, Л.А. Андреева предлагала выделить все составы преступлений, посягающих на половой уклад, в самостоятельную главу Уголовного кодекса².

Возражая ей, Я.М. Яковлев отметил, что при выделении преступлений в определенную группу необходимо исходить из социальной и юридической природы тех отношений, которые поставлены под уголовно-правовую охрану соответствующими запретами³.

Представляется, что именно этим принципом руководствовались те ученые, которые трактовали половой уклад не как правила общения половых партнеров, а как социально обусловленную и социально значимую систему нравственных и моральных ценностей, исполняющую позитивную роль своеобразного социального регулятора отношений между людьми.

Таким образом, трактовка половых преступлений как таких, которые посягают только на половые интересы участника половых отношений, была скорее произвольной, чем верной.

Представляется, что решение вопроса о том, что определяет социальную сущность половых преступлений: половой уклад или интересы личности как участника половых отношений, невозможно решить логическим путем. Этот вопрос

¹ Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург, 2000. С. 268.

² Андреева Л.А. Состав преступления изнасилования в советском уголовном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1962. С. 36-37.

³ Яковлев Я.М. Указ. соч. С. 10.

является политическим, поскольку его решение зависит исключительно от воли государства. Законодатель вполне мог пойти по тому пути, который предлагали сторонники определения сущности половых преступлений как посягательств на систему нравственных и моральных устоев половых отношений (полового уклада). О позиции государства в этом вопросе свидетельствует структурное обособление некоторых половых преступлений.

С одной стороны, выделение гл. 18 в УК РФ показывает, что преступления в половой сфере отношений между людьми объединяются в особую (отдельную группу). Следовательно, они имеют общую социальную основу. В этом качестве может выступать половой уклад.

С другой стороны, виды этих преступлений противоречат лишь некоторым (немногим) требованиям полового уклада. По существу, из всех известных требований в гл. 18 УК получили отражение только два: 1) достижение субъектом половых отношений психической и физической зрелости (ст. ст. 134 и 135 УК) и 2) добровольность в установлении половых отношений и равноправие их участников (ст. ст. 131, 132, 133 УК).

Такое неполное (весьма ограниченное) отражение в гл. 18 УК отдельных элементов содержания полового уклада дает основания предположить, что система половой нравственности как таковая не является самостоятельной (и достаточной) социальной основой криминализации половых деликтов. Однако несомненно, что уголовно-правовые запреты деяний, предусмотренных гл. 18 УК, согласуются с требованиями полового уклада (половой нравственности).

Это не умаляет роли полового уклада как социального регулятора половых отношений, но свидетельствует о том, что этот социальный фактор не имеет собственного (самостоятельного) уголовно-политического (и уголовно-правового) значения, т.е. не является критерием, положенным в основание структуры Особенной части УК и, следовательно, критерием классификации половых преступлений.

В литературе предлагалось множество таких классификаций. Некоторые из них непригодны в силу существенного изменения российского уголовного законодательства в связи с принятием УК РФ 1996 г. Понятно, что это обстоятельство не может служить поводом для их критики

(хотя некоторые авторы поддаются этому искушению¹). Представляется, что порочность многочисленных классификаций половых преступлений обусловлена использованием при их создании непригодного критерия – требований полового уклада, который, как уже отмечалось, не может выступать в этом качестве с учетом уголовно-правовой реальности (не только современной, но и реальности советского периода развития российского уголовного права).

Так, П.И. Люблинский классифицировал половые преступления на следующие виды: 1) связанные с нарушением установленных форм брака; 2) против половой неприкосновенности; 3) нарушающие здоровое половое развитие детства и юношества; 4) связанные с половыми извращениями; 5) содействие чужому разврату; 6) ограничение половых отношений, продиктованное евгеническими мотивами².

Аналогичный критерий был положен в основание классификации, предложенной Б.В. Даниэльбеком, который выделил 3 вида половых преступлений: 1) посягающие на половую неприкосновенность взрослых лиц; 2) посягающие на нормальное половое развитие несовершеннолетних; 3) связанные с половыми извращениями или против естественного отправления половой потребности взрослых лиц³.

Как одна, так и другая классификации трудно поддаются научному анализу. В каждом из половых преступлений, предусмотренных статьями Особенной части УК РСФСР⁴ (а также УК РФ), при всей их немногочисленности можно усмотреть отражение различных сторон половой морали. Поэтому количество элементов классификаций не соответствует количеству составов половых преступлений, предусмотренных уголовным законом. Содержательная сторона каждого из элементов указанных выше классификаций также не может служить предметом критического анализа.

Причина этого заключается в невозможности ее сопоставления с конкретными требованиями половой морали, поскольку и сами эти требования разноречивы. Так, авторами научных работ требования полового уклада определяются по-разному. Например, Л.Л. Кругликов содержание полового уклада определяет отлично от того, как это было сделано Я.М. Яковлевым. Он не включает в его содержание требования вза-

¹ См.: Кондрашова Т.В. Указ. соч. С. 269.

² Люблинский П.И. Преступления в области половых отношений. М., Л., 1925. С. 27.

³ Даниэльбек Б.В. Уголовно-правовая борьба с половыми преступлениями: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970. С. 6.

⁴ С учетом времени опубликования рассматриваемых работ.

имной любви и уважения участников половых отношений, недопустимости вступления в половые отношения по соображениям материальной выгоды, брака как предпочтительной формы отношений между половыми партнерами. Однако включает в содержание требований отсутствие близкого родства половых партнеров и сношение нормальным половым путем¹. Тому есть и другие примеры, что представляется закономерным, так как содержание половой морали (полового уклада) не формализовано, достаточно абстрактно, что вообще свойственно представлениям о морали и нравственности.

С этой точки зрения, Моральный кодекс строителя коммунизма представляется явлением уникальным. Системы моральных и нравственных запретов, содержащиеся в религиозных писаниях, действительно дают формализованное представление об этих категориях. Однако эта формализация явилась результатом тысячелетней эволюции религии как формы общественного сознания. Поэтому религиозные заповеди и сегодня не утратили своего значения и силы².

В отличие от религиозных заповедей, мораль и нравы отражают всего лишь модели поведения, типичные для определенного социума в определенном периоде его развития. Эти модели изменчивы, поскольку их формирование и трансформации определяются повседневными потребностями межличностного общения – социальной конъюнктурой. Поэтому их формализация, во-первых, невозможна, а во-вторых, нецелесообразна. Моральный кодекс строителя коммунизма явился попыткой формализации продуманной, насаждаемой извне модели поведения. Эта попытка не увенчалась успехом. Сказанное применимо и к половой морали. Так что, вряд ли возможно составить конкретное и полное, единое и однозначное представление о содержании требований современного полового уклада, которое могло бы послужить реальной основой для формирования уголовно-правовых норм и их системы.

Авторы с полным основанием констатируют изменчивость полового уклада. Так, А.П. Дьяченко отмечает, что страны Западной Европы и США пережили в XX в. несколько стадий сексуальной революции, проявившейся в либерализации сексуальной морали, трансформации семейных отношений, акселерации и признании авто-

номии сексуальных ценностей³. Указанные тенденции проявились и в трансформации половой морали в российском обществе. По справедливому мнению А.П. Дьяченко, это явилось закономерным следствием влияния ряда объективных факторов: урбанизации, ослабления социального контроля в связи с миграцией населения, отчуждением личности в условиях крупного промышленного города, диспропорцией мужского и женского населения, образованием молодежной субкультуры как формы протеста против деформации общественной морали и ее пороков⁴.

Все это свидетельствует о том, что изменчивость половой морали как типичной модели межличностных отношений – явление закономерное. Функцией уголовного права и задачей уголовного закона является охрана (обеспечение, регулирование) публичных, т.е. неизменно значимых жизненно важных интересов субъектов уголовного права (личности, общества и государства)⁵. Изменчивость половой морали как модели типичного поведения людей в их половых отношениях не согласуется с функциями и задачами уголовного права и уголовного закона. Изменения в половой морали, несомненно, оказывают влияние на криминализацию (декриминализацию) половых деликтов или ее усиление (ослабление), пенализацию и депенализацию. Однако это влияние не является непосредственным, прямым. Оно осуществляется лишь постольку, поскольку изменения в половой морали определяют социальную востребованность уголовно-правовой нормы.

История развития российского уголовного законодательства и уголовное законодательство ряда зарубежных стран показывают, что до настоящего времени нормы половой морали востребованы обществом как социальное основание для уголовно-правовых запретов лишь в той мере, в какой они касаются жизненно важных интересов личности. Это уголовно-политический факт, который отрицать невозможно. Стремление переменить уголовно-правовую действительность в системе половых преступлений может быть обоснованным, оправданным, понятным. Но оно остается напрасным до тех пор, пока не изменится действительность уголовно-политическая.

Если в основании криминализации половых деликтов лежат требования половой морали, то к половым преступлениям должны быть отнесены

¹ См.: Уголовное право России. Часть Особенная / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2005. С. 118.

² См.: Никонов В.А. Библия и уголовный закон. Тюмень, 1997.

³ Дьяченко А.П. Уголовно-правовая охрана граждан в сфере сексуальных отношений. М., 1995. С. 4-6.

⁴ Там же. С. 7, 15.

⁵ См.: Шигина Н.В. Интерес в уголовном праве. Методологический аспект. Владимир, 2007. С. 5-26.

все те деликты, характер которых противоречит указанным требованиям. Однако если в основании криминализации половых деликтов положен другой критерий (неизменно значимые жизненно важные интересы личности как субъекта уголовного права), то логично было бы предположить, что характер деликта не имеет существенного (решающего) значения для отнесения его к половым преступлениям. Видимо, этим объясняется закрепление ряда противоречащих половой морали преступлений в тех разделах и главах УК РФ, которые к выделенным в гл. 18 УК преступлениям против половой свободы и половой неприкосновенности личности не имеют отношения (ст. ст. 240, 241, 242, 242).

В связи с этим представляются малоинтересными и те классификации половых преступлений, которые построены в зависимости от характера действий. Такая классификация была предложена П.П. Осиповым, который подразделил половые преступления на: 1) половые сношения; 2) иные формы удовлетворения половой потребности. В рамках каждой из указанных форм он выделил разновидности: а) действия сексуального характера и б) действия сексуального характера и предшествующего им общественно опасного поведения, направленного на преодоление сопротивления потерпевшего или его нежелания вступать в половые отношения с виновным или другими лицами¹.

Т.В. Кондрашова предложила классификацию половых преступлений, построенную на основании трех критериев (вопреки законам формальной логики). Она считает, что «половые преступления можно подразделить как по объекту посягательства, так и по характеру сексуальных действий (в настоящее время в законодательстве по этому признаку выделены лишь два состава преступления, предусмотренные ст. ст. 131 и 132 УК РФ), а также по способу совершения (насильственный и ненасильственный)»². При этом ука-

занный автор ведет речь не об альтернативных критериях классификаций (альтернативных классификациях), а о «единой» классификации, в которой присутствуют различные по своему значению элементы.

Вряд ли подобную классификацию можно назвать научной, так она противоречит нескольким требованиям формальной логики: 1) классификация должна быть построена на основании одного критерия (видоизменяющегося признака); 2) ее элементы не должны пересекаться; 3) каждый из элементов классификации должен исчерпывать свой предмет³. В то же время представляется, что анализ качества той или иной классификации не является конструктивным для целей нашего исследования до тех, пока не определен объем и содержание делимого на виды понятия. А значит – пока не сделан вывод о том, в чем заключается сущность полового преступления: в нарушении полового уклада (половой нравственности) или в нарушении интересов личности.

В настоящее время не только в специальной, но и в доктринальной литературе суть половых преступлений определяется через посягательство на интересы личности⁴. Доктрина не умаляет значения полового уклада. Например, Г.Н. Борзенков справедливо отмечает, что поместив половые преступления в раздел «Преступления против личности», законодатель тем самым определил родовый объект рассматриваемых преступлений как «человек, рассматриваемый в системе социальных ролей и общественных отношений»⁵.

В связи с этим интересы личности применительно к половым преступлениям также рассматриваются с учетом полового уклада (половой нравственности)⁶. В этом контексте важно подчеркнуть, что именно «с учетом» полового уклада, но, как нам представляется, в другой системе координат.

¹ Осипов П.П. Классификация половых преступлений по объективной стороне // Ученые записки Саратовского юридического института. 1967. Вып. 15. С. 26-27.

² Кондрашова Т.В. Указ. соч. С. 270.

³ См.: Формальная логика. Л., 1977. С. 37; Жеребкин В.Е. Логический анализ понятий права. Киев, 1976. С. 27-31.

⁴ См.: Уголовное право России: Учебник для вузов: В 2-х тт. / Под ред. А.Н. Игнатова и Ю.А. Красикова. Т. 2. Особенная часть. М., 2005. С. 127-128; Уголовное право России. Часть Особенная / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2005. С. 118-119; Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. А.И. Рарога. М., 2007. С. 99; Российское уголовное право: Учебник в 2-х тт. Т. 2. Особенная часть / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М., 2007. С. 95-96 и др.

⁵ См.: Курс уголовного права: в 5-ти тт. Т. 3. Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2005. С. 92.

⁶ См.: Российское уголовное право: Учебник в 2-х тт. Т. 2. Особенная часть / Г.Н. Борзенков, Л.В. Иногамова-Хегай, В.С. Комиссаров и др.; под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М., 2007. С. 95.

Дмитриенко Илона Валериевна
адъюнкт кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России

Объект невозвращения на территорию РФ предметов художественного, исторического и археологического достояния народов РФ и зарубежных стран (ст. 190 УК РФ)

Одной из важнейших предпосылок для квалификации преступлений является правильное установление объекта преступления. Именно этот элемент состава преступления выступает отправной точкой для процесса правоприменения.

При этом анализ юридической литературы показывает, что объекту преступления, предусмотренного ст. 190 УК РФ, уделяется явно недостаточно внимания. Существующие разъяснения являются, нередко, противоречивыми. Так, М.В. Талан называет объектом преступления, предусмотренного ст. 190 УК РФ, «общественные отношения, обеспечивающие монополию государства на владение, пользование и распоряжение предметами художественного, исторического и археологического достояния народов РФ и зарубежных стран»¹. Однако в современных условиях вряд ли обоснованно утверждение о монополистической собственности государства на обозначенные предметы. Кроме того, рассматриваемое преступление никак не связано с хищением, чтобы говорить о нарушении им отношений собственности, т.е. составом данного преступления не охватывается факт хищения, если такой имел

место.

Ю.И. Сучков считает, что непосредственным объектом данного преступления выступают «общественные отношения в сфере внешнеэкономической деятельности, регулирующие порядок возвращения культурных ценностей на территорию Российской Федерации, ранее вывезенных за границу и подлежащих обязательному возвращению в установленный срок в соответствии с действующим российским законодательством и международными соглашениями»². Аналогичной позиции придерживается и Б.А. Султанова³.

По мнению К.В. Чемеринского, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 190 УК РФ, образует «установленный порядок вывоза с территории России и возвращения предметов художественного, исторического и археологического достояния народов РФ и зарубежных стран»⁴.

Однако, на наш взгляд, при формулировании непосредственного объекта невозвращения на территорию РФ предметов художественного, исторического и археологического достояния народов РФ и зарубежных стран (ст. 190 УК РФ) следует обратить внимание на то, что в результа-

¹ Талан М.В. Преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории, законодательного регулирования и судебной практики: Дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2002. С. 389.

² Сучков Ю.И. Защита внешнеэкономической деятельности Российской Федерации по уголовному и таможенному законодательству (проблемные аспекты теории и законодательства): Дис. ... д-ра юрид. наук. Калининград, 1997. С. 269.

³ Султанова Б.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений в таможенной сфере: Дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. С. 72.

⁴ Современное уголовное право. Общая и Особенная части: Учебник / Под ред. проф. А.В. Наумова. М.: Илекса, 2007. С. 693.

те совершения данного преступления общественные отношения в сфере внешнеэкономической деятельности нарушаются не в части вывоза и возвращения указанных культурных ценностей, а в части их временного вывоза. Это связано с тем, что текст диспозиции ст. 190 УК РФ гласит о нарушении обязательства о возвращении ранее вывезенных предметов художественного, исторического и археологического достояния в установленный срок. Обязательство о возвращении культурных ценностей в оговоренный срок возникает только в случае их временного вывоза¹.

Учитывая вышеизложенное, представляется возможным определить непосредственный объект преступления, регламентированного ст. 190 УК РФ, как общественные отношения в сфере внешнеэкономической деятельности, складывающиеся в связи с временным вывозом за пределы таможенной границы РФ предметов художественного, исторического и археологического достояния народов РФ и зарубежных стран. Данное понимание непосредственного объекта этого преступления было поддержано 87% респондентов.

Известно, что в структуру объекта преступления входит такой факультативный признак, как предмет. При этом в исследуемом преступлении предмет выступает в качестве конструктивного признака состава преступления, что обуславливает значимость его правильного установления.

Анализ уголовно-правовой нормы об ответственности за невозвращение на территорию РФ предметов художественного, исторического и археологического достояния народов России и зарубежных стран (ст. 190 УК РФ), нормативных правовых актов иной отраслевой принадлежности, регламентирующих данные правоотношения, юридической литературы позволяет сделать вывод об имеющейся неопределенности с предметом этого преступления, что, нередко, порождает его противоречивое толкование².

Проблема, по нашему мнению, заключается, прежде всего, в разобщенности нормативных правовых актов, устанавливающих порядок обращения различных культурных ценностей. Так, понятие «предметы художественного, исторического и археологического достояния народов РФ и зарубежных стран», закрепленное в тексте диспозиции ст. 190 УК РФ, не встречается ни в одном нормативном правовом акте. Формулировка

«культурное достояние народов РФ» употребляется в Основах законодательства РФ «О культуре», где в ст. 25 указывается, что состав (перечень) культурного достояния народов РФ определяется Правительством РФ по представлению субъектов РФ. Культурное достояние народов РФ находится на особом режиме охраны и использования в соответствии с законодательством РФ³.

В свою очередь, в Законе РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» используется термин «культурные ценности» и отсутствует упоминание о культурном (художественном, историческом и археологическом) достоянии народов РФ (как и зарубежных стран). Для целей названного Закона под культурными ценностями понимаются движимые предметы материального мира, находящиеся на территории РФ, а именно:

культурные ценности, созданные отдельными лицами или группами лиц, которые являются гражданами РФ;

культурные ценности, имеющие важное значение для РФ и созданные на территории РФ иностранными гражданами и лицами без гражданства, проживающими на территории РФ;

культурные ценности, обнаруженные на территории РФ;

культурные ценности, приобретенные археологическими, этнологическими и естественнонаучными экспедициями с согласия компетентных властей страны, откуда происходят эти ценности;

культурные ценности, приобретенные в результате добровольных обменов;

культурные ценности, полученные в качестве дара или законно приобретенные с согласия компетентных властей страны, откуда происходят эти ценности.

В статье 7 Закона РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» определено, что под действие данного Закона подпадают следующие категории предметов:

а) исторические ценности, в том числе связанные с историческими событиями в жизни народов, развитием общества и государства, историей науки и техники, а также относящиеся к жизни и деятельности выдающихся личностей (государственных, политических, общественных деятелей, мыслителей, деятелей науки, литературы, искусства);

¹ См.: статья 5 Закона РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 20 мая 1993. № 20. Ст. 718. (в посл. ред. ФЗ от 2 ноября 2004 г. № 127-ФЗ).

² См.: Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. С. 586-588.

³ Основы законодательства Российской Федерации «О культуре» утв. ВС РФ 09 октября 1992 г. № 3612-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 19 ноября 1992. № 46. Ст. 2615. (в посл. ред. ФЗ от 29 декабря 2006 г. № 258-ФЗ).

б) предметы и их фрагменты, полученные в результате археологических раскопок;

в) художественные ценности, в том числе: картины и рисунки целиком ручной работы на любой основе и из любых материалов;

оригинальные скульптурные произведения из любых материалов, в том числе рельефы;

оригинальные художественные композиции и монтажи из любых материалов;

художественно оформленные предметы культового назначения, в частности, иконы;

гравюры, эстампы, литографии и их оригинальные печатные формы;

произведения декоративно-прикладного искусства, в том числе художественные изделия из стекла, керамики, дерева, металла, кости, ткани и других материалов;

изделия традиционных народных художественных промыслов;

составные части и фрагменты архитектурных, исторических, художественных памятников и памятников монументального искусства;

старинные книги, издания, представляющие особый интерес (исторический, художественный, научный и литературный), отдельно или в коллекциях;

редкие рукописи и документальные памятники;

архивы, включая фото-, фоно-, кино-, видеоархивы;

уникальные и редкие музыкальные инструменты;

почтовые марки, иные филателистические материалы, отдельно или в коллекциях;

старинные монеты, ордена, медали, печати и другие предметы коллекционирования;

редкие коллекции и образцы флоры и фауны, предметы, представляющие интерес для таких отраслей науки, как минералогия, анатомия и палеонтология;

г) другие движимые предметы, в том числе копии, имеющие историческое, художественное, научное или иное культурное значение, а также взятые государством под охрану как памятники истории и культуры .

Понятие культурных ценностей предлагается и в Федеральном законе «О культурных цен-

ностях, перемещенных в союз ССР в результате второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации»: культурные ценности – это имущественные ценности религиозного или светского характера, имеющие историческое, художественное, научное или иное культурное значение: произведения искусства, книги, рукописи, инкунабулы, архивные материалы, составные части и фрагменты архитектурных, исторических, художественных памятников, а также памятников монументального искусства и другие категории предметов, определенные в ст. 7 Закона РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей»² .

Отмеченная рассогласованность нормативно-правовых актов о культурных ценностях, прежде всего в части понятийного аппарата, является предпосылкой для противоречивого толкования уголовного закона, а отсюда и правоприменительных ошибок. Так, достаточно сложно согласиться с утверждением о том, что предметом рассматриваемого преступления выступают особо ценные объекты культурного наследия³, поскольку к объектам культурного наследия народов РФ Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» отнесены объекты недвижимого имущества со связанными с ними произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры⁴ .

В то же время, указом Президента РФ «Об особо ценных объектах культурного наследия народов Российской Федерации» к особо ценным объектам культурного наследия народов РФ отнесены расположенные на ее территории историко-культурные и природные комплексы, архитектурные ансамбли и сооружения, предприятия, организации и учреждения культуры, а также дру-

¹ Закон РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 20 мая 1993. № 20. Ст. 718. (в посл. ред. ФЗ от 2 ноября 2004 г. № 127-ФЗ).

² Статья 4 Федерального закона «О культурных ценностях, перемещенных в союз ССР в результате второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» от 15 апреля 1998 г. № 64-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 20 апреля 1998. № 16. Ст. 1799 (в посл. ред. ФЗ от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ).

³ См.: Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 542.

⁴ Статья 3 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. 01 июля. № 26. Ст. 2519 (в посл. ред. ФЗ от 26 июня 2007 г. № 118-ФЗ).

гие объекты, представляющие собой материальные, интеллектуальные и художественные ценности эталонного или уникального характера с точки зрения истории, археологии, культуры, архитектуры, науки и искусства¹. То есть данным нормативным правовым актом к особо ценным объектам культурного наследия народов РФ отнесены уже не только объекты недвижимости, но и другие объекты.

Однако, согласно ст. ст. 9 и 27 Закона РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей», движимые предметы, представляющие историческую, художественную, научную или иную культурную ценность и отнесенные в соответствии с действующим законодательством к особо ценным объектам культурного наследия народов РФ, независимо от времени их создания вывозу и временному вывозу за пределы РФ не подлежат². Поэтому особо ценные объекты культурного наследия народов РФ не могут выступать предметом преступления, предусмотренного ст. 190 УК РФ.

Под режим временного вывоза из РФ (т.е. с обязательством об обратном ввозе) могут быть помещены:

1) движимые предметы, независимо от времени их создания, охраняемые государством и внесенные в охранные списки и реестры в порядке, установленном законодательством РФ;

2) культурные ценности, постоянно хранящиеся в государственных и муниципальных музеях, архивах, библиотеках, других государственных хранилищах культурных ценностей РФ. По решению уполномоченных государственных ор-

ганов данное правило может быть распространено на иные музеи, архивы, библиотеки;

3) культурные ценности, созданные более 100 лет назад, если иное не предусмотрено Законом РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей»³.

Следовательно, исключительно предметы, относимые к одной из перечисленных категорий, могут являться предметом невозвращения на территорию РФ предметов художественного, исторического и археологического достояния народов РФ и зарубежных стран (ст. 190 УК РФ).

Вместе с тем, в диспозиции уголовно-правовой нормы, регламентированной ст. 190 УК РФ, круг таких предметов неоправданно сужен за счет указания на то, что им могут быть только предметы, являющиеся художественным, историческим или археологическим достоянием. В то время как под режим временного вывоза из РФ могут, согласно ст. 7 Закона РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей», также подпадать и другие предметы, обладающие научной или иной культурной ценностью.

С учетом вышеизложенного, представляется целесообразным заменить в ст. 190 УК РФ слова «предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран» словами «культурных ценностей»⁴. Тем самым предмет исследуемого преступления будет сформулирован в уголовном законе РФ адекватно нормативным правовым актам иной отраслевой принадлежности, регламентирующим обращение различных культурных ценностей.

¹ Указ Президента РФ «Об особо ценных объектах культурного наследия народов Российской Федерации» от 30 ноября 1992 г. № 1487 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. 10 декабря. № 49. Ст. 2936 (в посл. ред. указа Президента РФ от 17 мая 2007 г. № 637).

² Закон РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 20.05.1993. № 20. Ст. 718 (в посл. ред. ФЗ от 2 ноября 2004 г. № 127-ФЗ).

³ См.: Статьи 9, 27 Закона РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. 20 мая. № 20. Ст. 718 (в посл. ред. ФЗ от 2 ноября 2004 г. № 127-ФЗ).

⁴ С этим предложением согласилось 82% опрошенных в ходе проведенного нами исследования.

Зуй Илья Ильич

соискатель кафедры уголовного права Краснодарского университета МВД России,
начальник управления по борьбе с экономическими преступлениями
ГУВД по Саратовской области

Уголовно-правовая политика противодействия наркотизму: понятие и содержание

Уголовная политика противодействия наркотизму представляет собой часть уголовной политики в целом, а уголовно-правовая политика в этой сфере – одна из составляющих уголовно-правовой политики государства. Исходя из разработанных в российской уголовно-правовой доктрине подходов к определению понятий уголовной и уголовно-правовой политики¹, сформулируем их дефиниции применительно к интересующей нас сфере.

Уголовная политика противодействия наркотизму, по нашему мнению, – это часть государственной политики борьбы с этим негативным социальным явлением, которая представляет собой систему научно обоснованных, опирающихся на анализ объективных тенденций развития наркотизма направлений деятельности государственных и негосударственных (в том числе общественных) органов и организаций по охране здоровья населения от преступных посягательств, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, путем применения уголовного наказания или иных мер уголовно-правового характера к лицам, признанным виновными в совершении названных преступлений, а равно по осуществлению профилактики соответствующей преступной деятельности и немедицинского потребления наркотических средств или психотропных веществ.

Включение в понятие уголовной политики противодействия наркотизму указания на профилактическую деятельность представляется нам обязательным, поскольку уголовная политика

(в том числе в рассматриваемой нами сфере) должна выходить за пределы кары и позаботиться о лучших мерах борьбы с преступностью, а именно мерах превенции². Так, немецкий теоретик уголовного права Капплер еще в 1838 г. писал, что уголовная политика «занимается регуляцией вопроса о том, как наиболее целесообразно организовать уголовное законодательство в данном государстве, соображаясь как с основами естественного или философского уголовного права, так и с состоянием культуры, характером, нравами и прочими особенностями известного народа. Для этого она должна заниматься не только законами о наказании преступлений; ее задача обнимает также и выбор средств для того, чтобы предупреждать преступления, ставить им препятствия и затруднять их появление»³.

Уголовно-правовая политика противодействия наркотизму – часть уголовной политики в названной сфере, представляющая собой закрепление в уголовно-правовых нормах на основе определенных уголовно-правовой политикой, в целом, основных задач, принципов, основания уголовной ответственности и иных общих положений уголовного права конкретных видов преступлений, связанных с нелегальным оборотом наркотических средств или психотропных веществ (осуществление криминализации деяний), санкций (наказаний) и иных мер уголовно-правового характера, применение которых возможно к лицам, их совершившим, в целях борьбы с наркопреступностью, а равно предупреждения соответствующих преступлений и немедицинского потребления наркотических средств или психотроп-

¹ См., например: Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986; Босхолов С.С. Основы уголовной политики. М., 2004; Гогель С.К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. СПб., 1910; Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика. Красноярск, 1991; Уголовно-правовая политика и проблемы противодействия современной преступности. Саратов, 2006 и др.

² Этой позиции придерживались еще Бемер, Бентам, М.П. Чубинский и др. См.: Чубинский М.П. Курс уголовной политики. Ярославль, 1909. С. 4 - 7.

³ Там же. С. 7.

ных веществ.

Определим содержание уголовно-правовой политики в рассматриваемой сфере.

Как отмечено в представленной дефиниции, одной из составляющих содержания уголовно-правовой политики противодействия наркотизму выступает криминализация деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ. На наш взгляд, это важнейший компонент, поскольку грамотного и взвешенного решения, несомненно, требует вопрос о том, обладает ли то или иное деяние, совершаемое в сфере нелегального оборота наркотиков, необходимым потенциалом общественной опасности для придания ему статуса преступного посягательства. Ошибки в этой деятельности приведут либо к неоправданной репрессии, что вряд ли будет способствовать действенной профилактике наркотизма, либо к проявлению необоснованного гуманизма к лицам, совершающим деяния, действительно представляющие серьезную опасность для общества. В последнем случае также возникнут препятствия для успешной борьбы с наркотизмом.

Поэтому, определяя содержание уголовно-правовой политики противодействия наркотизму, первым ее компонентом мы признаем определение круга общественно опасных деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, подлежащих криминализации¹.

Следующим компонентом содержания рассматриваемой политики является установление пределов наказуемости деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, подвергшихся криминализации. Таким образом, речь идет об установлении санкций за совершение преступлений, об определении видов и размеров наказаний за них. Решение этого вопроса должно основываться,

прежде всего, на серьезном анализе характера и степени общественной опасности соответствующих посягательств, на оценке уровня воздействия каждого из них на процесс распространения наркотизма, наркомании, расширения девiantной среды наркоманов, распространения субкультуры наркоманов в обществе.

Выступает составляющей рассматриваемой политики и установление иных мер уголовно-правового характера (в частности, принудительных мер медицинского характера и реабилитационных мер²) в отношении лиц, допускающих немедицинское потребление наркотических средств или психотропных веществ и совершающих на этой почве преступления как связанные с незаконным оборотом наркотиков, так и иные.

Образуют содержание уголовно-правовой политики противодействия наркотизму также исполнение уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера (принудительных мер медицинского характера и реабилитационных мер) в отношении лиц, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, или иные преступления на почве немедицинского потребления наркотических средств или психотропных веществ; исправление лиц, совершивших названные преступления; социальная адаптация (ресоциализация) лиц, отбывших наказания за эти посягательства (в первую очередь лиц, страдающих наркотической зависимостью).

Наконец, последним компонентом рассматриваемой политики является разработка и внесение корректив в уголовное законодательство в части регламентации вопросов уголовно-правового противодействия наркотизму на основе оценки происходящих изменений как в этом явлении, так и в системе условий социальной жизни общества в целом.

¹ Например, Ю.В. Баулин также полагает, что одним из основных направлений уголовной политики в сфере незаконного оборота наркотических средств является криминализация определенных деяний в этой сфере. См.: Баулин Ю.В. Криминализация незаконного оборота наркотических средств как одно из направлений уголовной политики государства // Уголовная политика Российской Федерации в сфере противодействия наркотизации общества. Белгород, 2006. С. 16-17.

² Мы считаем необоснованным исключение из ч. 1 ст. 97 УК РФ указания на такую категорию граждан, к которой могут быть применены принудительные меры медицинского характера, как наркоманы. В специальной литературе уже обращалось на это внимание и приводились необходимые аргументы (См., например: Огилец Н.И. Уголовная ответственность за незаконные действия с наркотическими средствами, психотропными веществами или их аналогами (по материалам судебной практики Краснодарского края): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. С. 21-22, 23; Рыбина А.В. Проблемы построения санкций и эффективность их применения за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. С. 10, 22). Кроме принудительных мер медицинского характера, в законе, по нашему мнению, должно регламентироваться и применение реабилитационных мер принудительного характера к этой категории лиц. См. также: Григорова К.С. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов как подструктура наркотизма (уголовно-правовой и криминологический аспекты): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 24; Прохорова М.Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб., 2002. С. 120-121.

Следует отметить, что в зависимости от направленности и содержания государственной, в том числе государственно-правовой, политики противодействия наркотизму государства мира условно подразделяются на три группы¹.

Первую образуют государства с «жесткой политикой» в отношении лиц, участвующих в нелегальном обороте наркотических средств или психотропных веществ, в том числе наркоманов, совершающих соответствующие деяния без цели сбыта. К ним относятся, в частности, Иран, Китай, Малайзия, Нигерия, Пакистан, Таиланд. Уголовными законами названных государств предусматривается крайне суровая ответственность за преступления, связанные с наркотиками, вплоть до применения смертной казни.

Так, например, по УК Китая смертная казнь или бессрочное лишение свободы могут быть назначены за вовлечение, обучение, привлечение обманным путем или принуждение несовершеннолетних к употреблению наркотиков перорально или путем инъекций (ч. 3 ст. 353 УК)². Для сравнения: по УК РФ максимальное наказание за подобные действия при условии, что они повлекли по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия, – двенадцать лет лишения свободы (ч. 3 ст. 230), а без таковых – восемь лет лишения свободы (ч. 2 ст. 230).

Вторую группу образуют государства, проводящие либеральную политику в сфере противодействия наркотизму. К ним, в частности, относятся Голландия, Испания, Швейцария³.

Как известно, в Голландии легализовано потребление так называемых «мягких» (или «легких») наркотиков – марихуаны, гашиша. Уголовная ответственность предусмотрена за незакон-

ные действия с «жесткими» наркотиками – опиумом, героином, кокаином и др.

В названных странах популярны программы по снижению вреда от потребления наркотиков (в частности, программы обмена игл, программы заместительной терапии, информационные и просветительские программы и др.)⁴.

Промежуточное положение занимают государства, образующие третью группу, с политикой «жесткого контроля» в сфере противодействия наркотизму. Чертами этой политики являются установление контроля за легальным оборотом наркотиков, наличие системы организационных, правовых и иных мер противодействия их незаконному обращению, предусмотренность достаточно (но умеренно) строгих наказаний за преступления соответствующего вида, возможность или безусловность принудительного лечения от наркомании лиц, ею страдающих и совершающих противоправные деяния, интенсивная реализация информационных и просветительских программ, направленных на противодействие процессу наркотизации населения, и некоторые другие. К этой группе следует отнести, кроме России, в частности, Великобританию, Германию, Италию, США, Францию, Японию, большинство стран СНГ⁵.

Заметим, что принадлежность государства к той или иной группе обусловлено, в том числе, и направлениями уголовной и уголовно-правовой политики, в нем сформированной. Другими словами, представленная градация видов государственной политики в сфере противодействия наркотизму зависит и от содержания уголовно-правовой политики, и, соответственно, от решения вопросов криминализации соответствующих деяний.

¹ См. об этом также, например: Гасанов Э.Г. Ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: Сравнительно-правовой и уголовно-правовой аспекты. М., 2002; Тонков Е.Е. Государственно-правовая политика противодействия наркотизации российского общества. СПб., 2004. С. 23-24; Уильям Э. Батлер. ВИЧ/СПИД и злоупотребление наркотическими средствами в России: программы снижения вреда и российская правовая система. Лондон, 2003. С. 25-27.

² См.: Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / Под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2001.

³ См.: Уголовный кодекс Голландии: 2-е изд. / Под ред. Б.В. Волженкина. СПб., 2001; Уголовный кодекс Испании / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Ф.М. Решетникова. М., 1998; Уголовный кодекс Швейцарии / Под ред. А.В. Серебренниковой. СПб., 2002.

⁴ См. об этом: Уильям Э. Батлер. Указ. соч. С. 25-27.

⁵ См., например: Уголовный кодекс Германии / Под ред. Д.А. Шестакова. СПб., 2002; Новый Уголовный кодекс Франции / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Э.Ф. Побегайло. М., 1993; Уголовный кодекс Японии / Под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2002.

Иванова Наталья Александровна

соискатель кафедры уголовного права и криминологии
Дальневосточного юридического института МВД России,
старший оперуполномоченный по особо важным делам отдела оперативного управления
Управления Федеральной службы исполнения наказаний России по Хабаровскому краю

Вопросы реализации международных стандартов обращения с осужденными в женских исправительных учреждениях России

Изменения в социально-экономической и политической сферах нашего общества в постсоветский период повлекли обновление внешнеполитической доктрины Российской Федерации, которая нуждалась в соответствующем правовом обеспечении, способствующем вхождению России в сообщество государств с устойчивыми традициями демократии. В Конституцию РФ были включены нормы, которые сориентировали отечественную правовую систему на восприятие выработанных международным сообществом правовых принципов и стандартов. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотрены законом, то применяются правила международного договора». Таким образом, законодатель провозглашает юридический приоритет правил, установленных международным договором над нормами отечественного права в случае их противоречия. В связи с этим соответствующие изменения были внесены и в отечественное уголовное-исполнительное законодательство.

Основным мотивом реформы уголовно-исполнительной системы (далее УИС), учитывая ее особое значение в вопросе противодействия преступности и реализации целей уголовной ответственности, явилось осознание противоречий между стоящими перед ней задачами и фактическими результатами ее деятельности, которые

свидетельствовали не в пользу последней. При этом необходимо говорить не о замене терминов, а об изменении самого содержания организации исполнения наказаний в соответствии с новой уголовно-исполнительной политикой современной России, которая основывалась на воплощении принципа гуманизма в обращении с осужденными, защите прав и законных интересов осужденных, внедрении норм международного права в отечественное законодательство.

Дальнейшие перспективы развития системы исправительных учреждений связаны с приведением организации исполнения и отбывания наказаний в соответствии с требованиями международных стандартов, включая улучшение материально-технического обеспечения осужденных, совершенствование механизма распределения осужденных в ИУ и лимитирование наполнения, внедрение современных форм и методов исправления осужденных.

Вместе с тем необходимо отметить, что реальная социально-экономическая ситуация в современной России не позволяет полностью реализовать требования норм международного права в части исполнения наказания и обращения с осужденными, придавая им декларативный характер. Именно поэтому законодатель в ч. ч. 1 и 4 ст. 3 УИК РФ оговорил условия реализации в уголовно-исполнительном законодательстве рекомендаций (деклараций) международных организаций и международных договоров, относящихся к исполнению наказания и обращению с осужденными при наличии необходимых социальных и экономических возможностей.

Существующие международно-правовые

акты по степени обязательности подразделяются на два вида: международные договоры и международные стандарты¹.

Международные договоры – это соглашения (пакты, конвенции и т.п.) между государствами, обязательные для исполнения всеми участниками. Международные стандарты – документы, содержащие нормы, принципы и предложения, касающиеся назначения уголовно-правовых мер, обращения с осужденными и деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, направленные на защиту прав лиц, привлеченных к уголовной ответственности, распространение прогрессивного мирового опыта, гуманизацию уголовной и уголовно-исполнительной политики. В отличие от международных договоров стандарты носят рекомендательный характер.

В юридической литературе существуют различные классификации международных стандартов. В зависимости от источника происхождения международные стандарты подразделяются²:

- а) принятые ООН и ее рабочими органами;
- б) принятые региональными межправительственными организациями, например, Европейским Советом, Организацией Африканского Единства;
- в) принятые международными неправительственными организациями, например, такими как «Международная амнистия», «Международная тюремная реформа».

В зависимости от характера и масштаба объекта правового регулирования международные стандарты подразделяются на группы:

1. Стандарты, регулирующие общественные отношения, связанные с обеспечением соблюдения прав и свобод человека, в том числе осужденных. Например, Всеобщая декларация прав человека (1948), Международный пакт ООН о гражданских и политических правах (1966), Европейская конвенция о защите прав и основных свободах человека (1950).

2. Стандарты, регулирующие общественные отношения в сфере осуществления правосудия, в том числе при назначении и исполнении уголовных наказаний, к которым относятся: Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (1979), Декларация ООН об основных принципах правосудия жертв преступ-

лений и злоупотребления властью (1985), Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся правосудия в отношении несовершеннолетних (1985).

3. Стандарты, регулирующие общественные отношения в сфере исполнения уголовных наказаний и мер предварительного заключения, к которым можно отнести: Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (1955); Европейские пенитенциарные правила (1987).

Другая классификация в зависимости от наличия возможности для внедрения международных стандартов представлена профессором М.П. Мелентьевым, который предлагает разделить стандарты на три классификационные группы³:

1) стандарты, для внедрения которых не требуется материальных затрат, и их реализация исключительно зависит от активности соответствующих государственных органов. Так, в ч. 1 ст. 12 УИК РФ заложена рекомендация, содержащаяся в ст. 35 Минимальных стандартных правил, в которой определено, что осужденные имеют право на получение информации о своих правах и обязанностях;

2) стандарты, для внедрения и реализации которых в настоящее время нет необходимых социально-экономических возможностей, но они могут быть созданы в ближайшие пять лет. Так, в ст. 22 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными сказано, что «тюремные больницы должны располагать оборудованием, установками и лекарствами, необходимыми для должного ухода за больными и для их лечения, а также достаточно квалифицированным персоналом. Каждый заключенный должен иметь возможность прибегать к услугам квалифицированного зубного врача»⁴. Однако нынешнее состояние здравоохранения в уголовно-исполнительной сфере, недостаточное финансирование на приобретение дорогостоящих лекарств, новейшего оборудования свидетельствует о частичной и временной невозможности для реализации указанных выше рекомендаций;

3) стандарты, для внедрения и реализации которых нет реальных социально-экономических возможностей, и они не могут быть созданы в ближайшие пять лет. Необходимо отметить, что в нашей стране, исходя из реальной оценки соци-

¹ Филимонов О.В. Предисловие к сборнику «Документы ООН, касающиеся заключенных». Тюремная библиотека. М., 2000. Вып. 7. С. 6.

² Филимонов О.В. Предисловие к сборнику «Документы ООН, касающиеся заключенных». Тюремная библиотека. М., 2000. Вып. 7. С. 8-9.

³ Никитенко И.В. Гуманизация исполнения и отбывания наказания в воспитательной колонии (организационно-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2001. С. 92-94.

⁴ Документы ООН, касающиеся заключенных (сборник). Тюремная библиотека. Вып. 7. М., 2000. С. 117, 129.

ально-экономического, политического положения, не имеется ни одной рекомендации, которую не могло бы воспринять российское законодательство в будущем.

Думается, применительно к исполнению уголовных наказаний в виде лишения свободы в зависимости от наличия возможности для внедрения в международные стандарты условно можно разделить на две группы:

1) стандарты, для внедрения которых не требуется материальных затрат, и их реализация исключительно зависит от активности соответствующих государственных органов;

2) стандарты, для внедрения которых необходимы определенные социально-экономические условия, от наличия которых зависит их реализация (например, обеспечение осужденных жилой площадью, реализация права на телефонные переговоры, обеспечение занятости и т.д.).

Как отмечает профессор А.И. Зубков: «Все международно-правовые акты, содержащие стандартные правила обращения с осужденными, классифицируются в зависимости от их универсальности и обязательности исполнения, отнесенности к общемировому или межгосударственному уровням, распространенности на всех осужденных или только на их отдельные категории».

Среди универсальных международно-правовых актов, устанавливающих наиболее общие стандарты обращения с осужденными можно выделить. Всеобщую декларацию прав человека (1948), Декларацию о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1975).

Среди универсальных международно-правовых актов, имеющих сугубо пенитенциарный характер и распространяющихся на все категории осужденных, можно назвать Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (1955), Европейские правила тюремного заключения (1987).

Анализ ряда универсальных пенитенциарных стандартов обращения с заключенными показал, что они определяют порядок обращения со всеми категориями осужденных без демографического и полового различия, за исключением правил обращения с осужденными несовершеннолетними, к которым относятся Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отпра-

вления правосудия в отношении несовершеннолетних осужденных (Пекинские правила), принятые в 1985 г. Отдельных пенитенциарных международных стандартов, касающихся исполнения и отбывания наказания в отношении осужденных женщин, не принято.

Необходимо отметить, что приведение национального законодательства в соответствие с международными стандартами, разработка новых гуманистических подходов к исполнению наказаний, обращению с осужденными является важной задачей государства и одним из направлений его внутренней политики. Указанная деятельность определяет возможности признания такого государства международным обществом и налаживания с ним партнерских отношений. Кроме того, использование и внедрение международных стандартов в отечественное уголовно-исполнительное законодательство свидетельствует о гуманизации исполнения и отбывания наказания в исправительных учреждениях. В то же время, принципы международного сотрудничества говорят о том, что соблюдение международных стандартов не может быть навязано средствами экономического, политического или военного воздействия, что призвано сохранить государственный суверенитет.

Вместе с тем на сегодняшний день практически отсутствуют монографические исследования в области реализации международных стандартов обращения с осужденными женщинами, степени их «включенности» в уголовно-исполнительную политику России, поэтому исследование международно-правовых норм по исполнению уголовных наказаний в отношении женщин и их систематизация в настоящее время особенно актуальна.

Согласно статистическим сведениям, в исправительных учреждениях России содержится около 6,8% осужденных женщин², в результате места отбывания наказания, как правило, организованы в соответствии с потребностями и нуждами осужденных мужского пола. Любое особое правило в отношении женщин обычно представляет собой лишь дополнение к общим положениям, рассчитанным на мужчин. Можно сказать, что дискриминация в отношении осужденных женщин начинается с жилых помещений, так как в нашей стране из 760 исправительных учреждений, 44 предназначены для осужденных женщин, поэтому они, как правило, отбывают наказание в

¹ Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.И. Зубкова. М., 1997. С. 8-9.

² Форма 8-ИУ «Отчет о количестве исправительных учреждений, численности и составе осужденных на 1 января 2007 г.».

отдаленности от места их жительства, что затрудняет семейные контакты. Женщины ограничены определенными видами работ, которые считаются традиционно женскими – шитье и уборка. Женщине по своей сути и предназначению противопоказаны изоляция от общества, поэтому беременные женщины должны осуждаться к лишению свободы только при самых исключительных обстоятельствах. Особое внимание необходимо обращать на вопросы здравоохранения данной категории, с обеспечением возможности получения консультаций специалистов по женским заболеваниям. Проблема содержания в колониях матерей младенцами весьма актуальна в наше время. Во многих случаях волнения по поводу детей могут явиться источником значительного стресса для женщин, что сильно влияет на их психическое состояние и делает заключение психологически более болезненным, чем для мужчин. Поэтому вопросы социальной адаптации женщин, находящихся на пороге освобождения, особенно актуальны.

Необходимо отметить, что международные стандарты обращения с заключенными общего характера, без отнесения их к отдельной демографической группе, устанавливают наиболее общие правила, которые ратифицируются государствами для последующего исполнения. Более проблематично встает вопрос о воплощении в национальное законодательство и последующей реализации международных правил общения с осужденными, касающихся отдельных групп осужденных, к которым относятся женщины. Необходимость в специфическом организационно-правовом подходе и предоставлении особых правовых гарантий при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении женщин обусловлена, как уже отмечалось выше, их физиологическими и психологическими особенностями.

Перечисленные обстоятельства характеризуют специфику международно-правовых правил обращения с осужденными женщинами, реализация которых требует не только значительных материальных затрат, но и высокого уровня гуманизации общественных отношений, а также соответствующего уровня развития науки и техники. Именно поэтому необходим тщательный анализ международно-правовых актов, регламентирующих правила обращения с осужденными, для выделения специальных норм, касающихся осужденных женщин, а также анализ отечественного уголовно-исполнительного законодательства

с точки зрения его соответствия общепринятым международным нормам обращения с осужденными женщинами.

Обратимся к анализу некоторых международно-правовых актов общего характера, относящихся к женщинам, среди которых можно выделить: Конвенцию о политических правах женщин, Конвенцию о гражданстве замужней женщины, Конвенцию МОТ № 100 относительно равного вознаграждения мужчин и женщин за труд равной ценности, Конвенцию № 103 относительно охраны материнства, Декларацию об искоренении насилия в отношении женщин, 4-ую Всемирную конвенцию по положению женщин и законодательство современной России.

Статья 2 Всеобщей декларации прав человека гласит: «Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения».

Статья 2 Декларации ООН «О ликвидации насилия в отношении женщин» дает определение насилия в отношении женщин, которое включает: физическое, сексуальное и психологическое насилие, совершенное государством или с его попустительством, где бы оно не произошло². В этом же документе в ст. 4 ООН «призывает принять меры по обеспечению того, чтобы сотрудники правоохранительных органов и государственные должностные лица, ответственные за осуществление политики, направленной на предотвращение, расследование и наказание насилия в отношении женщин, получили подготовку, которая помогла бы им учитывать особые потребности женщин».

Статья 2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации женщин регламентирует: «Страны-участницы осуждают все формы дискриминации женщин и согласны без промедления и с использованием всех пригодных средств начать проводить политику ликвидации дискриминации женщин, для чего обязуются:

а) включить принцип равенства мужчин и женщин в свои национальные конституции и иные соответствующие законы, если он туда еще не включен, и обеспечить законодательным путем и иными соответствующими мерами практическую реализацию этого принципа;

б) принять соответствующее законодатель-

¹ Права человека: Сборник универсальных и региональных международных документов. М., 1990. С. 35.

² PRI INFORMATION «Женщины в тюрьме». Сборник материалов. С. 5-6.

ство и иные меры, в том числе и необходимые санкции, если таковые понадобятся, запрещающие любую дискриминацию женщин;

с) установить в законодательном порядке защиту прав женщин на равном основании с мужчинами и обеспечить с помощью компетентных государственных органов правосудия и иных государственных учреждений эффективную защиту женщин от любых актов дискриминации;

д) отказаться от участия в любом акте или практике дискриминации женщин и обеспечить работы органов государственной власти и институтов в соответствии с данным обязательством;

е) принять все необходимые меры для ликвидации дискриминации женщин со стороны любого лица, организации или предприятия;

ф) принять все необходимые меры, в том числе и законодательные, для изменения или отмены существующих законов, положений, обычаев и практики, которые направлены на дискриминацию женщин;

г) отменить все национальные нормы, снабженные правовой санкцией, которые содержат положения о дискриминации женщин».

Анализ универсальных пенитенциарных международно-правовых правил позволил выделить отдельные нормы-правила, касающиеся обращения с осужденными женщинами, к которым относятся:

принцип 5 свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме: «Меры, применяемые в рамках закона и предназначенные специально для защиты прав и особого статуса женщин, в особенности беременных и кормящих матерей, а также детей, подростков, престарелых, больных и инвалидов, не рассматриваются как дискриминационные».

Особого внимания заслуживают положения Минимальных стандартных правил обращения с заключенными:

Правило 8: различные категории заключенных содержатся в отдельных заведениях или в разных частях одного и того же заведения, с учетом их пола, возраста, предшествующей судимости, юридических причин их заключения и предписанного обращения с ними. Таким образом, мужчин и женщин следует по возможности содержать в отдельных заведениях; если же мужчины и женщины содержатся в одном и том же заведении, то женщин следует размещать в совершенно отдельных помещениях.

Правило 23: 1) женские заведения должны располагать особыми помещениями для ух-

да за беременными женщинами и роженицами. Там, где это возможно, следует заботиться о том, чтобы роды происходили не в тюремной, а в обычной больнице. Если же ребенок рождается в тюрьме, то об этом обстоятельстве не следует упоминать в свидетельстве о рождении; 2) там, где заключенным матерям разрешается оставлять младенцев при себе, нужно предусматривать создание ясель, располагающих квалифицированным персоналом, куда детей следует помещать в периоды, когда они не пользуются заботой матери.

Правило 53: 1) в заведениях, где содержаться как мужчины, так и женщины, женское отделение должно находиться в ведении ответственного сотрудника женского пола, на хранение которому должны сдаваться ключи, открывающие доступ ко всем помещениям данного отделения; 2) сотрудники мужского пола допускаются в женское отделение только в сопровождении сотрудников женского пола; 3) заботу о находящихся в заключении женщинах и надзор над ними следует возлагать на сотрудников женского пола. Это не должно, однако, мешать сотрудникам мужского пола, в частности, врачам и учителям, выполнять свои профессиональные обязанности в женских заведениях или отведенных для женщин отделениях других заведений¹.

Таким образом, положения универсальных пенитенциарных международных стандартов содержат всего несколько правил, отражающих особенности исполнения наказания в отношении женщин, которые в настоящее время практически реализованы: женщины содержатся отдельно от мужчин, в женских исправительных учреждениях надзор и заботу осуществляют в основном сотрудники женского пола, в некоторых исправительных колониях внедрена практика совместного проживания матерей с детьми (например, Можайская женская колония (ИК-5) УФСИН России по Московской области, женская колония ИК-2 УФСИН России по Республике Мордовия).

Как отмечалось ранее, Конституция Российской Федерации призвана ориентировать отечественную правовую систему на восприятие выработанных международным сообществом правовых принципов и стандартов. Анализ норм уголовно-исполнительного законодательства России показывает, что структура УИК РФ организована по принципу от «общего» к «частному». Так, в общих положениях гл. 13 «условия отбывания наказания в исправительных учреждениях» имеются отдельные нормы и положения, относящиеся к женщинам. Аналогично, в регламентации

¹ Документы ООН, касающиеся заключенных (сборник). М., 2000. С. 113, 117, 126.

трудового и воспитательного воздействия на осужденных женщин. Применение общих норм гл. 16 «Исполнение наказания в виде лишения свободы в исправительных учреждениях различных видов», а именно норм, регламентирующих исполнение наказания в исправительных колониях общего режима, применительно к женщинам возможно только после анализа предыдущих глав, что вызывает неудобства и имеет недостатки. Отсутствие отдельной главы, включающей все особенности исполнения и отбывания женщин в исправительных колониях, как, например, гл. 17 УИК РФ «Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в воспитательных колониях», приводит к некоторым сложностям в правоприменительной деятельности. Думается, что нормы, регламентирующие исполнения наказания осужденными женщинами, с учетом их фи-

зиологических особенностей, особенностей в трудовой деятельности, воспитательного воздействия, в условиях отбывания наказания беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, в условиях их совместного проживания должны содержаться в отдельной главе и распространяться только на женщин. Предлагаемое название главы выглядит следующим образом: «Особенности исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы в женских исправительных колониях». Однако для разработки данной главы необходимо на международном уровне принять международные стандарты обращения с осужденными женщинами, аналогично Минимальным стандартным правилам ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних осужденных (Пекинские правила).

Картавченко Виктория Владимировна
преподаватель кафедры уголовного права
Кубанского государственного аграрного университета

Способы совершенствования уголовно-правовых норм, связанных с жестоким обращением с несовершеннолетними

Последние годы характеризуются активным ростом преступности, отмечается рост отдельных видов, категорий, групп преступлений, в которых особое место занимают преступления, совершенные взрослыми в отношении несовершеннолетних с применением жестокости.

Необходимо учитывать, что в отечественной психологии проявление жестокости в качестве самостоятельной проблемы, выходящей за рамки понятий агрессивности и насилия, стали рассматривать сравнительно недавно. В аналогичном положении находится и отечественная криминология, которая не так давно приступила к системному объяснению особой жестокости при совершении преступлений.

В связи с тем, что понятие жестокости в уголовном законодательстве РФ не раскрывается, мы обратимся к термину «жестокое обращение», под которым понимается система поведения виновного по отношению к потерпевшему, характеризующееся причинением несовершеннолетнему мучений и страданий в связи с применением к нему физического или психического насилия, издевательствами над потерпевшим¹.

Жестокость – это чисто человеческая черта, в природе ее явление можно отнести к крайне редким. Одно животное убивает другое не из-за жестокости, а только потому, что им движет инстинктивное удовлетворение чувства голода. Однако человек, убивающий другого человека ради достижения каких-то своих низменных целей, проявляет жестокость, поскольку осознает безнравственность своего поступка².

Так, специалист в области изучения преступной жестокости Ю.М. Антонян определяет жестокое поведение как намеренное и осмысленное причинение другому человеку мучений и страданий ради них самих или достижения других целей либо как угрозу такого причинения, а также действия, совершая которые, субъект допускал или должен был предвидеть, что подобные последствия наступят. Жестоким считаются только те деяния, мучительный характер которых осознается субъектом и входит в его намерения, другими словами, они должны быть умышленными. Следовательно, природа жестокости обуславливается побуждениями субъекта, страдания жертвы служат средством достижения какой-либо цели или сами по себе являются желаемым результатом поведения³.

Необходимо обратить внимание на то, что законодатель во многих статьях УК РФ употребляет близкие понятия, такие как:

«жестокость», «жестокое обращение», «систематическое унижение человеческого достоинства», «издевательства», «мучения», «истязания», «садизм», «пытки», «причинение физических или психических страданий», «использование заведомо беспомощного состояния потерпевшего».

«Жестокость – немилосердность, немилостливость, безжалостность или бесчеловечность, незнающий жалости, сожаления, сочувствия, безмерная строгость, суровость, тяжесть или мучительность, невыносимость, бедственность, недолимая грозность, неумолимость. Далее: зверский, безжалостный, нечувствительный, немилосердный».

¹ Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. А.И. Чучаева. М.: Изд-во «ИНФРА-М», 2005. С. 325.

² Попов А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. С. 357.

³ Антонян Ю.М. Психология убийства. М., 1997. С. 14.

сердный или несочувствующий. Жестокость ... свойство, принадлежность человека», – так определяет это явление В. Даль¹. Следует отметить, что термины «жестокость» и «насилие» являются схожими, но не тождественными. По Далю, данные понятия раскрываются следующим образом:

«Мучения» – истязание, томление, изнурение, причинение телесных или духовных страданий, беспокойство, тревожить продолжительно².

«Страдание» – мучение, терпение боли, болеть душой, болеть нравственно³.

«Истязание» – жестокое обращение, мучение, мука, насилие, пытка, вынуждение, пристрастный допрос⁴.

Провести разграничения между употребляемыми в законе понятиями трудно, так как они практически идентичны. Однако, учитывая тот факт, что эти и вышеназванные понятия означают причинение потерпевшему или физических, или нравственных, или и тех, и других страданий одновременно, следует сделать вывод о том, что все они являются частными случаями проявления жестокости.

По мнению некоторых авторов, уяснение понятия жестокости будет более четким, если рассматривать его в сравнении с «особой жестокостью»⁵.

В специальной литературе отмечается, что отнесение того или иного деяния к «просто» или особо жестокому либо вообще нежестокому зависит не только от оценок субъекта, его социальной принадлежности и общественного положения, моральных принципов и воззрений, интеллигентности, культуры и т.д. Решение этого вопроса зависит от нравственно-психологической атмосферы в обществе и его ценностей, от уровня нравственности и представлений о добре и зле, пределах насилия в той социальной группе, к которой принадлежит то должностное лицо, которое должно дать на него ответ⁶.

Таким образом, жестокое поведение (жестокость) – это умышленное причинение физических и (или) нравственных страданий.

О.В. Пристанская предлагает отнести к жестокому обращению пренебрежение нуждами несовершеннолетнего⁷, т.е. отсутствие элементар-

ной заботы о ребенке, в результате чего нарушается его эмоциональное состояние и появляется угроза его здоровью и развитию. На наш взгляд, данное явление относится скорее к «халатности», т.е. ненадлежащему исполнению обязанностей, нежели к жестокому обращению с несовершеннолетним, причем только в том случае, если виновный является должностным лицом.

Правила судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений, утвержденные приказом Министерства здравоохранения СССР от 11 декабря 1978 г. № 1208 разграничивают мучения и истязания по характеру действия.

Мучения – это действия, причиняющие страдания путем длительного лишения пищи, питья, тепла, либо помещения или оставления жертвы во вредных для здоровья условиях и другие сходные действия.

Истязание – это действия, связанные с многократным или длительным причинением боли: щипание, сечение, причинение множественных, но небольших повреждений тупыми или остроколющими предметами, воздействие термических факторов и иные аналогичные действия.

Следовательно, мучение – это причинение страдания, а истязание – это причинение боли, но боль и страдание – это практически одно и то же. Различие состоит в том, что страдание может быть не только физическим, но и нравственным. Однако и боль может быть не только физической, но и душевной.

«Насилие – силовать, принуждать, нудить к чему-либо, неволить, действие стеснительное, обидное, незаконное и своевольное. Далее: насиловать ... управлять, держать в подчинении»⁸. В юридической литературе и в уголовном законе насилие толкуется неоднозначно и противоречиво. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. признавалось только насилие физическое. В это понятие включались побои и иные насильственные действия, причиняющие боль. Такое понятие насилия по существу осталось в уголовном законе и на сегодня. Уголовный закон Российской Федерации называет насилием только физическое воздействие на человека, а способы психического характера обезли-

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. М., Рус. Яз. Медиа, 2006. Т. 1. С. 536.

² Даль В. Указ. соч. Т. 2. С. 363.

³ Даль В. Указ. соч. Т. 4. С. 334.

⁴ Даль В. Указ. соч. Т. 2. С. 63.

⁵ Чечель Г.И. Жестокый способ совершения преступлений против личности. Нальчик, 1991. С. 14.

⁶ Антонян Ю.М. Преступная жестокость. М., 1994. С. 148.

⁷ Пристанская О.В., Яковлева Н.Г. Несовершеннолетний потерпевший в свете современной уголовной политики // Проблемы формирования уголовной политики РФ и ее реализация ОВД. Труды Академии МВД РФ. М., 1995. С. 35.

⁸ Даль В. Указ. соч. Т. 2. С. 468-469.

чиваются, обозначая их лишь как угрозу применения насилия. Между тем угроза, по мнению Л. Сердюк, сама по себе является насилием, способным не только сломить волю человека, но и причинить ему психическую травму¹.

На наш взгляд, под жестоким обращением следует понимать постоянное травмирующее воздействие на несовершеннолетнего, выражающееся в применении физического или психического насилия, сексуального домогательства или иных недопустимых способов воспитания, отличающихся безжалостностью, бесчеловечностью, безмерной строгостью, суровостью, тяжестью или мучительностью, не знающих жалости, сожаления, сочувствия. Данное толкование является наиболее полным, так оно отражает тот факт, что жестокость является способом совершения преступления и имеет характерные способы проявления такого.

Кроме того, возвращаясь к толкованию понятия «жестокость», по В. Далю, необходимо подчеркнуть тот момент, что по указанному перечню синонимов, указанных в словаре, жестокость является определенным свойством человека, охватывается умыслом на совершение преступления (субъективной стороной преступления), что должно учитываться при анализе признаков состава преступления.

Ряд авторов понимает признак жестокости, совершаемой в отношении несовершеннолетних, довольно широко. Например, А.Н. Красиков писал, что неисполнение родительских обязанностей или ненадлежащее их исполнение, уже является проявлением жестокости, субъект тем самым «сознательно проявляет жестокость по отношению к несовершеннолетнему»². Ю.В. Ускова считает, что такое решение не соответствует содержанию уголовного закона³. Статья 156 УК РФ требует, чтобы неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего было соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним. Без последнего признака поведение субъекта будет аморальным, иногда противоправным, но не содержащим признаков состава преступления. В целях единообразного толкования признака жестокого обращения на практике его содержа-

ние нельзя понимать только в русле разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей». В соответствии с абз. 4 п. 11 «жестокое обращение с детьми может проявляться не только в осуществлении родителями физического или психического насилия над ними, либо в покушении на их половую неприкосновенность, но и в применении недопустимых способов воспитания (в грубом, пренебрежительном, унижающем человеческое достоинство обращении с детьми, оскорблении или эксплуатации детей)»⁴.

Признак жестокости удачно раскрыл Г.И. Чечель, который описал его в связи с анализом преступлений против личности. Этот автор подчеркнул, что признаки, подпадающие под понятие «жестокый способ» совершения преступления, весьма разнообразны. Он проявляется в причинении потерпевшему особо мучительной физической боли и страданий путем длительного лишения пищи, питья или тепла, либо помещения или оставления жертвы во вредных для здоровья условиях и т.п.⁵

И.Н. Туктарова в своем исследованииполнила этот перечень такими разновидностями жестокого обращения, как лишение одежды и крова в холодное время года, лишение медицинской помощи, запираение в помещении на долгое время, в систематическом унижении личного достоинства, в принуждении к выполнению бессмысленной и утомительной работы⁶.

Таким образом, анализируя жестокость как уголовно-правовое явление, необходимо отметить, что при рассмотрении преступлений, совершенных с применением жестокости, необходимо учитывать, что жестокость выступает не только в качестве способа совершения преступления, но и в качестве обстоятельства, характеризующего субъективную сторону преступления.

Важным аспектом в определении жестокости является ее субъективная направленность, насильственные действия, а равно применение жестокости, всегда характеризуются осознанной направленностью субъекта на совершение именно такого посягательства. Так, в Постановлении

¹ Сердюк Л. О понятии насилия в уголовном праве // Уголовное право. 2001. № 1. С. 51.

² Красиков А.Н. Преступления против личности. Саратов, 1999. С. 177.

³ Ускова Ю.В. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних // Закон и судебная практика: материалы межвузовской научно-практической конференции (28 февраля 2001 г.). Краснодар: Изд-во Южного института менеджмента, 2001. С. 228.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 7. С. 11.

⁵ Чечель Г.И. Жестокый способ совершения преступлений против личности. Ставрополь, 1992. С. 89.

⁶ Туктарова И.Н. Уголовно-правовая охрана несовершеннолетних: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 113.

Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» от 27 января 1999 г. указывалось, что признак особой жестокости законом связывается не только со способом убийства, но и с другими обстоятельствами, свидетельствующими о том, что виновный действовал с умыслом, направленным на совершение преступления с особой жестокостью¹.

С субъективной стороны – это умышленное волевое действие (бездействие), являющееся способом достижения преступных намерений, которое может иметь за собой наступление общественно опасных последствий. Однако в некоторых случаях, например, длительного лишения пищи, лишения теплой одежды в холодное время года, систематического унижения личного достоинства, наступления общественно опасных последствий не требуется.

Особая жестокость – это более высокая и качественная, и количественная сторона деяния по отношению к понятию жестокость².

Насилие в российском уголовном праве определяется как более емкое понятие, в то время как жестокость является способом проявления насилия.

Жестокость – это умышленное и противозаконное воздействие виновного на потерпевшего, осуществляемое с целью причинить ему страдания. Жестокость выступает в качестве способа совершения преступления и носит различный характер.

Жестокость, в отличие от насилия, связана наличием только прямого умысла, т.е. виновный проявлял свою жестокость осознанно, желал наступления общественно опасных последствий от содеянного и предвидел их. Косвенный умысел, по нашему мнению, необходимо исключить при рассмотрении жестокости, так как безразличное отношение виновного к наступлению вредных последствий, исключает и желание проявления жестокости к потерпевшему. Исключением является жестокое обращение, которое подразумевает систематическое воздействие на несовершеннолетнего.

Для приведения примера жестокости необходимо обратиться к неопубликованной судебной практике.

К. и Н. совершили преступления, предусмотренные ст. 131 ч. 2 п. п. «б, в» УК РФ, ст. 132

ч. 2 п. п. «б, в» УК РФ, ст. 30 ч. 3 УК РФ, ст. 105 ч. 2 п. п. «ж, к» УК РФ в отношении С. Преступления ими совершены при следующих обстоятельствах. В феврале 2005 г. около 3 часов утра в домовладении, расположенном в Новокубанском районе Краснодарского края, К. и Н. после совместного распития спиртных напитков с несовершеннолетней С., находясь в состоянии алкогольного опьянения, начали предлагать С. совершить с ними половой акт. После получения категорического отказа К. и Н. вступили в предварительный сговор между собой, направленный на совершение изнасилования и иных действий сексуального характера в отношении С. и ее последующего убийства с целью сокрытия преступлений. С целью насильственного удержания потерпевшей в домовладении К. и Н., насильно преодолевая сопротивление С., привязали ее веревками и электрическим проводом за ноги и руки к спинке металлической кровати, лишив ее возможности сопротивляться, после чего стали по очереди совершать с ней насильственные половые акты в естественной форме и иные действия сексуального характера. Далее К. с целью подавления возможного сопротивления С. и ее устрашения, взяв самодельный перочинный нож, начал проводить его лезвием по щекам, шее и груди С., причинив тем самым повреждения в виде множественных царапин: в области лица (14), передних поверхностей нижней трети шеи (4), верхней трети грудной клетки (3), которые как вред здоровью не квалифицируются. После совершения изнасилования и иных действий сексуального характера в отношении С., К. и Н., находясь в состоянии алкогольного опьянения, желая избежать уголовной ответственности за свои противоправные действия, продолжили реализацию совместной договоренности на убийство С. путем утопления. Однако К. и Н. не смогли довести свой преступный замысел до конца по независящим от них причинам³.

В рассматриваемом случае виновные причиняли вред здоровью потерпевшей с целью демонстрации своей силы и подавления возможного сопротивления. Причиненные самодельным перочинным ножом телесные повреждения являются болезненными в связи с тем, что они повреждают целостность поверхности кожи, а также необходимо учитывать их множественность и дислокацию (лицо, шея, грудь).

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» от 27 января 1999 г. // Сборник постановлений пленумов Верховного Суда РФ по уголовным делам / Сост. С.Г. Ласточкина, Н.Н. Хохлова. 4-е изд. М.: Изд-во Проспект, 2006. С. 159.

² Чечель Г.И. Жестокий способ совершения преступлений против личности. Нальчик, 1991. С. 14.

³ Архив Краснодарского краевого суда. Дело № 2-77/2005.

Данный пример проявления жестокости выделяет характерные общие и отличительные черты и, тем самым, определяет сущность (признаки) уголовно-правового понятия «жестокость».

Совершение преступления с применением жестокости в российском уголовном законодательстве, как таковое, не отражено никак. Но его можно усмотреть в тех составах преступлений, в которых несовершеннолетнему причиняется тяжкий и средней тяжести вред здоровью и при этом

виновный имеет прямой умысел на его причинение. На наш взгляд, этот признак, так же как и совершение преступления в отношении несовершеннолетних, полезно отразить в действующем законодательстве, а именно закрепить в Общей части Уголовного кодекса РФ. Это позволяет учесть повышенную общественную опасность таких посягательств и существенно усилить уголовно-правовую охрану интересов несовершеннолетних.

Красюков Сергей Васильевич
соискатель кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России

Размещение эмиссионных ценных бумаг, выпуск которых не прошел государственную регистрацию, как форма злоупотреблений при эмиссии ценных бумаг (ст. 185 УК РФ)

Уголовно-правовой нормой об ответственности за злоупотребления при эмиссии ценных бумаг (ст. 185 УК РФ) регламентированы четыре формы выражения объективной стороны данного преступления:

- 1) внесение в проспект эмиссии ценных бумаг заведомо недостоверной информации;
- 2) утверждение содержащего заведомо недостоверную информацию проспекта эмиссии ценных бумаг;
- 3) утверждение отчета об итогах выпуска ценных бумаг;
- 4) размещение эмиссионных ценных бумаг, выпуск которых не прошел государственную регистрацию¹.

Обязательным условием наличия состава злоупотреблений при эмиссии ценных бумаг является причинение указанными деяниями общественно опасных последствий в виде крупного ущерба гражданам, организациям или государству, который, в соответствии с примечанием к ст. 185 УК РФ составляет ущерб на сумму, превышающую один миллион рублей.

Вместе с тем, если первые три из указанных форм проявления объективной стороны состава злоупотреблений при эмиссии ценных бу-

маг (ст. 185 УК РФ) известны отечественному уголовному законодательству вот уже более десяти лет и понимание их признаков становилось предметом теоретических исследований², то четвертая форма – размещение эмиссионных ценных бумаг, выпуск которых не прошел государственную регистрацию, криминализована лишь в 2002 г. Федеральным законом от 4 марта 2002 г. № 23-ФЗ. Сказанное актуализирует проведение уголовно-правового исследования данной формы выражения объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 185 УК РФ.

Итак, согласно ст. 2 Федерального закона «О рынке ценных бумаг», под размещением ценных бумаг предлагается понимать отчуждение эмиссионных ценных бумаг эмитентом первым владельцам³ путем заключения гражданско-правовых сделок.

В свою очередь, Стандартами эмиссии ценных бумаг и регистрации проспектов ценных бумаг уточняется, что размещение ценных бумаг включает в себя:

- совершение сделок, направленных на отчуждение ценных бумаг их первым владельцам;
- внесение приходных записей по лицевым счетам или по счетам депо первых владельцев (в случае размещения именных ценных бумаг),

¹ См.: Лопашенко Н.А. Преступления на рынке ценных бумаг: российский опыт уголовного преследования и его уроки // Закон. 2007. № 3. С. 150.

² См., например: Русеева С.В. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые при размещении ценных бумаг: Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001; Кадовик Е.И. Ценные бумаги как предмет уголовно-правовой охраны: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999; Ставило С.П. Уголовно-правовые и криминологические аспекты рынка ценных бумаг: Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000 и др.

³ Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918 (в посл. ред. Федерального закона от 6 декабря 2007 г. № 336-ФЗ).

либо по счетам депо первых владельцев в депозитарии, осуществляющем централизованное хранение документарных облигаций с обязательным централизованным хранением (в случае размещения документарных облигаций с обязательным централизованным хранением);

выдачу сертификатов документарных облигаций их первым владельцам (в случае размещения документарных облигаций без обязательного централизованного хранения) .

Получается, что совершение обозначенных действий, т.е. размещение эмиссионных ценных бумаг, при отсутствии государственной регистрации их выпуска, повлекшее причинение крупного ущерба гражданам, организациям или государству, образует состав злоупотреблений при эмиссии ценных бумаг (ст. 185 УК РФ). Однако в связи с тем, что рассматриваемая уголовно-правовая норма является бланкетной, обязательным условием ее применения является тщательный анализ нормативных правовых актов иной отраслевой принадлежности, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в связи с выпуском и обращением ценных бумаг.

Изучение уголовно-правовой литературы показывает, что не все авторы, характеризуя исследуемую форму выражения объективной стороны состава злоупотреблений при эмиссии ценных бумаг (ст. 185 УК РФ), акцентируют внимание на установленный порядок государственной регистрации выпуска эмиссионных ценных бумаг².

Дело в том, что законодательством РФ определены условия размещения ценных бумаг. Эмитент имеет право начинать размещение эмиссионных ценных бумаг только после государственной регистрации их выпуска (дополнительного выпуска), если иное не установлено Федеральным законом «О рынке ценных бумаг»³. Следовательно, несмотря на то, что по общему правилу государственная регистрация выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг является этапом процедуры эмиссии ценных бумаг, предшествующим их размещению⁴

(п. 1 ст. 19 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»), данная процедура является обязательной не во всех случаях или осуществляется в ином порядке.

В частности, при учреждении акционерного общества или реорганизации юридических лиц, осуществляемой в форме слияния, разделения, выделения и преобразования, размещение эмиссионных ценных бумаг осуществляется до государственной регистрации их выпуска, а государственная регистрация отчета об итогах выпуска эмиссионных ценных бумаг осуществляется одновременно с государственной регистрацией выпуска эмиссионных ценных бумаг⁵. То есть в этом случае законом допускается возможность размещения эмиссионных ценных бумаг до момента государственной регистрации их выпуска.

В отношении государственных и муниципальных ценных бумаг предусмотрена специальная процедура эмиссии. Так, Генеральные условия эмиссии и обращения государственных или муниципальных ценных бумаг в форме нормативных правовых актов РФ, субъектов РФ либо муниципальных образований утверждаются Правительством РФ, органом исполнительной власти субъекта РФ или, соответственно, органом местного самоуправления. В свою очередь, эмитент, руководствуясь Генеральными условиями, принимает документ в форме нормативного правового акта, содержащий условия эмиссии и обращения государственных или муниципальных ценных бумаг.

Условия эмиссии ценных бумаг РФ подлежат государственной регистрации в порядке, установленном для государственной регистрации нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти. Нормативный правовой акт, содержащий условия эмиссии ценных бумаг субъекта РФ или муниципальных ценных бумаг, подлежит государственной регистрации в федеральном органе исполнительной власти, уполномоченном Правительством РФ на составление и (или) исполнение федерального бюджета⁶. Другими словами, в этом случае государ-

¹ Приказ ФСФР РФ «Об утверждении стандартов эмиссии ценных бумаг и регистрации проспектов ценных бумаг» от 25 января 2007 г. № 07-4/пз-н // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. № 25 (в посл. ред. Приказа ФСФР РФ от 12 июля 2007 г. № 07-76/пз-н).

² См.: Вербицкая Н.А. Злоупотребления при эмиссии корпоративных ценных бумаг: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2007. С. 20.

³ Статья 24 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918 (в посл. ред. Федерального закона от 6 декабря 2007 г. № 336-ФЗ).

⁴ См.: Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. С. 492.

⁵ Пункт 1 ст. 19 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918 (в посл. ред. Федерального закона от 6 декабря 2007 г. № 336-ФЗ).

⁶ Статьи 8, 9 Федерального закона «Об особенностях эмиссии и обращения государственных и муниципальных ценных бумаг» от 29 июля 1998 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3814 (в посл. ред. Федерального закона от 26 апреля 2007 г. № 63-ФЗ).

ственная регистрация выпуска ценных бумаг осуществляется в иной правовой форме и в кардинально отличающемся порядке.

Законом предусмотрены ситуации, при которых обязанность проведения государственной регистрации выпуска эмиссионных ценных бумаг вообще отсутствует.

Например, эмиссия облигаций Банка России осуществляется без государственной регистрации выпуска (дополнительного выпуска) таких облигаций (п. 2 ст. 27.5.1 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»).

Кроме того, по решению эмитента эмиссия облигаций может осуществляться без государственной регистрации их выпуска (дополнительного выпуска) при выполнении следующих условий:

1) размещение облигаций осуществляется путем открытой подписки на торгах фондовой биржи;

2) эмитентом облигаций является открытое акционерное общество, акции которого включены в котировальный список фондовой биржи, осуществляющей допуск таких облигаций к торгам;

3) эмитент облигаций существует не менее трех лет и имеет надлежащим образом утвержденную годовую бухгалтерскую отчетность за два завершающих финансовых года;

4) облигации не предоставляют их владельцам иных прав, кроме права на получение номинальной стоимости либо номинальной стоимости и фиксированного процента от номинальной стоимости;

5) срок исполнения обязательств по облигациям не может превышать один год с даты начала их размещения;

6) облигации выпускаются в документарной форме на предъявителя с обязательным централизованным хранением их сертификатов в депозитарии, осуществляющем депозитарные операции по итогам сделок с ценными бумагами, совершенных через фондовую биржу, которая осуществляет допуск таких облигаций к торгам в процессе их размещения, на основании договора, в соответствии с которым осуществляется допуск облигаций к торгам и который заключается с этой фондовой биржей и (или) клиринговой организацией;

7) оплата облигаций при их размещении, а также выплата номинальной стоимости и процентов по облигациям осуществляются только денеж-

ными средствами.

Облигации, отвечающие перечисленным условиям, именуется биржевыми.

Таким образом, при решении вопроса о квалификации содеянного по ст. 185 УК РФ по признакам размещения эмиссионных ценных бумаг, выпуск которых не прошел государственную регистрацию, необходимо учитывать, что уголовная ответственность за данное преступление наступает лишь в случае размещения эмиссионных ценных бумаг без государственной регистрации их выпуска вопреки установленной законодательством обязанности осуществить такую регистрацию².

Следует заметить, что данный вывод основан, главным образом, на системном толковании нормативно-правовых актов различной отраслевой принадлежности. Однако с учетом наименования ст. 185 УК РФ – «Злоупотребления при эмиссии ценных бумаг» представляется возможным предположить, что законодатель при конструировании уголовно-правового запрета на размещение эмиссионных ценных бумаг, выпуск которых не прошел государственную регистрацию, причинившее крупный ущерб гражданам, организациям или государству, имел в виду именно ситуации, когда обязанность государственной регистрации выпуска эмиссионных ценных бумаг регламентирована законом. Это связано с тем, что слово «злоупотребление» означает «употребление во зло»³.

Вместе с тем, очевидно, что описанное положение, допускающее неоднозначное толкование признаков общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 185 УК РФ, лишь затрудняет реализацию данной уголовно-правовой нормы, осложняет и без того непростую (вследствие бланкетности этой нормы) практику применения ст. 185 УК РФ.

На основании изложенного, считаем целесообразным дополнение текста диспозиции ч. 1 ст. 185 УК РФ указанием на то, что ответственность за размещение эмиссионных ценных бумаг, выпуск которых не прошел государственную регистрацию, причинившее крупный ущерб гражданам, организациям или государству, наступает исключительно при условии несоблюдения установленной законодательством обязанности государственной регистрации выпуска эмиссионных ценных бумаг.

¹ Пункты 1, 2 ст. 27.5.2 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918 (в посл. ред. Федерального закона от 6 декабря 2007 г. № 336-ФЗ).

² См.: Зубова М.В. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия преступлениям, совершаемым на фондовом рынке: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

³ См.: Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 473.

Лысенко Анна Викторовна

адъюнкт кафедры криминологии
Краснодарского университета МВД России

Некоторые аспекты возрастных проблем при квалификации преступлений, совершенных несовершеннолетними

Проблема квалификации преступлений является одной из наиболее значимых для практической деятельности при расследовании преступлений и судебном разбирательстве. Однако немалые затруднения при этом вызывают преступления, совершенные такой категорией лиц, как несовершеннолетние, поскольку они, имея свои особенности, вызывают необходимость их учитывания при квалификации в правоприменительной деятельности и при отправлении правосудия.

Термин «квалификация» произошел от слияния двух латинских понятий, а именно «*quails*» – качество и «*facere*» – делать. Такое сочетание можно определить как качественную оценку какого-либо явления, процесса, познание его существенных черт через соотношение с другими явлениями, социальная значимость которых уже известна.

Таким образом, квалификацию преступлений можно определить как «установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой»¹. Для этого необходимо дать уголовно-правовую оценку конкретному деянию, что означает определить в нем наличие или отсутствие признаков соответствующего состава преступления, что очень важно для правильного применения норм уголовного закона, в особенности к несовершеннолетним.

При этом важно иметь в виду, что в уголовно-правовом смысле несовершеннолетним яв-

ляется «лицо, которое в рамках существующей правовой системы может быть привлечено к уголовной ответственности в особых формах и установленных законом пределах»², предусмотренное в ч. 1 ст. 87 УК РФ определением, что несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет.

Теоретический подход для точной (правильной) квалификации преступлений, совершенных несовершеннолетними, требует учитывать следующее: точное и полное установление фактических обстоятельств дела, в котором принимал участие несовершеннолетний; глубоко профессиональное их изучение; определение примерного круга норм, под действие которых может подпадать совершенное несовершеннолетним деяние; сопоставление признаков преступлений, названных в диспозициях выделенных для анализа статей Уголовного кодекса РФ, с признаками совершенного несовершеннолетним деяния; разграничение смежных составов преступлений; точное установление возраста несовершеннолетнего, его физического и психического развития; построение вывода и закрепление в процессуальном документе окончательной квалификации, заключающейся в: а) указании соответствующей статьи, части статьи, пункта Особенной части УК, предусматривающей уголовную ответственность за данный вид преступления; а также б) указании (при необходимости) статьи Общей части УК РФ, устанавливающей ответственность за неоконченную преступную деятельность, соучастие и т.д.¹

¹Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: «Юрист», 2001. С. 5.

² Уголовное право России. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. Ф.П. Сундурова. Казань: Издательство Казанского университета, 2003. С. 571.

Таким образом, при квалификации преступления, совершенного несовершеннолетним, необходимо дать полный и точный социально-правовой и психолого-ролевой анализ всех фактических обстоятельств преступления и действий несовершеннолетнего, его как личности, а затем сопоставить его с признаками соответствующей уголовно-правовой нормы.

В условиях демократического правового государства точное соблюдение закона является конституционным принципом, который закреплен в ст. 15 Конституции РФ и поэтому точная квалификация преступлений, совершенных несовершеннолетними, должна быть обеспечена лицами, специально уполномоченными государством на соблюдение законности (дознавателями, следователями, прокурорами, судьями). Данный принцип нашел свое отражение в ч. 1, 2 ст. 3 УК РФ, где определено, что «преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом» и «применение уголовного закона по аналогии не допускается». Соблюдение Указанных положений является одним из основных условий при отправлении правосудия в отношении несовершеннолетних.

Законодательством Российской Федерации предусмотрен дифференцированный подход к установлению возраста уголовной ответственности: так, по общему правилу (ст. 19 УК РФ) наступает с 16 лет, существует и пониженный возрастной предел – 14 лет (ч. 2. ст. 20 УК РФ), что необходимо рассматривать как одну из важных «особенностей наступления уголовной ответственности несовершеннолетних»², но в то же время не сочетающихся с провозглашенными принципами гуманности.

Возраст уголовной ответственности как обязательный признак субъекта преступления определяется на момент совершения деяния несовершеннолетним независимо от времени наступления последствий. Малолетние, т.е. лица, не достигшие четырнадцатилетнего возраста, не подлежат уголовной ответственности, какое бы преступление ими не было совершено. «Уголовная от-

ветственность малолетних, не понимающих, что может произойти от их действий, была бы бессмысленной жестокостью»³. К таким детям могут применяться лишь принудительные меры воспитательного (педагогического) характера, к которым можно отнести направление в спецшколы, специальные ПТУ, интернаты и т.п.

Такая категория лиц, как несовершеннолетние в возрасте от 14 до 16 лет, в этот период не всегда достигает такого уровня развития, при котором подросток в полной мере может осознавать общественную опасность всех преступлений или отдаленных последствий его действий. Так, лицо указанной категории не является субъектом государственной измены ст. 275 УК РФ, поскольку «в силу отсутствия у него способности предвидеть возможности наступления в конкретной ситуации общественно опасных последствий совершаемого действия, а именно причинение ущерба внешней безопасности России»⁴. За такие опасные преступления, как государственная измена, бандитизм, массовые беспорядки, разглашение государственной тайны и т.п. преступления уголовная ответственность наступает с 16 лет, так как осознание особой опасности этих составов требует «наличия определенного уровня политического сознания и социальной зрелости»⁵. Так, например, если несовершеннолетний в возрасте от 14 до 16 лет похитил государственное имущество, сведения о котором составляют государственную тайну, с целью передачи его иностранным агентам, то его действия нельзя квалифицировать как измену Родине, а необходимо рассматривать как преступление против собственности. Также участие в диверсионном акте ст. 281 УК РФ лица в возрасте от 14 до 16 лет квалифицируются как умышленное уничтожение или повреждение имущества ч. 2 ст. 167 УК РФ.

Общее правило для квалификации преступлений при конкуренции части и целого не всегда применимо к преступлениям несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет. Так, если подросток, не достигший 16-летнего возраста, совершает преступления в составе незаконного воору-

¹ Чапурко Т.М. Энциклопедия уголовного права. Т. 11. Уголовная ответственность несовершеннолетних. Изд. проф. Малинина. СПб., 2008.

² Бородин С.В., Полубинская С.В. Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних // Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунева, А.В. Наумова. М., 2003. С. 510.

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и. доп. М.: Норма, 2004. С. 38.

⁴ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник. Практикум / Под ред. А.С. Михлина. М.: Юристъ, 2005. С. 128.

⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и. доп. М.: Норма, 2004. С. 39.

ного формирования, банды, преступного сообщества, то его действия нельзя квалифицировать по ст. ст. 208, 209, 210 УК РФ. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» от 17 января 1997 г. в п. 11 разъяснено, что лица, не достигшие 16-летнего возраста, совершившие различные преступления в составе банды, не подлежат уголовной ответственности за бандитизм, а несут ответственность лишь за те конкретные преступления, ответственность за которые предусмотрена ч. 2 ст. 20 УК РФ с 14 лет. Таким образом, такие несовершеннолетние подлежат уголовной ответственности за фактически совершенные преступления в составе незаконного вооруженного формирования, банды, преступного сообщества, по соответствующим статьям УК, составляющим части целого (убийство, разбой, грабеж, изнасилование и т.д.), тогда как субъекты, достигшие 16-ти лет, будут отвечать по совокупности преступлений, например – за бандитизм и убийство.

Возникают определенные трудности в вопросах квалификации действий подростков в возрасте от 14 до 16 лет за совершение убийства с целью скрыть другое преступление, за которое ответственность наступает с 16-летнего возраста. Например, 15-летний подросток, знающий о наличии у него ВИЧ-инфекции и заразивший этой болезнью другого, после угроз последнего заявить об этом в милицию, совершил его убийство. Такие действия несовершеннолетнего нельзя квалифицировать по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, так как уголовная ответственность за заражение ВИЧ-инфекцией (ст. 122 УК РФ) наступает с 16 лет. Следовательно, действия несовершеннолетнего по заражению ВИЧ-инфекцией не образуют состава преступления, предусмотренного ст. 122 УК РФ. Такое убийство надлежит квалифицировать по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Законодатель дифференцировал возраст, с которого наступает уголовная ответственность за убийство, установив его за совершение преступлений, предусмотренных ст. ст. 106-108 УК РФ, – с 16 лет, а за убийство без смягчающих обстоятельств – с 14 лет. Тем самым блокировал действие специальных норм к убийцам, достигшим 14-летнего, но не достигших 16-летнего возраста, чем поставил их в крайне невыгодное положение по сравнению с более старшими несовершеннолетними и даже взрослыми преступника-

ми. Так, 14-летней детоубийце грозит лишение свободы от шести до десяти лет, а 16-летней – лишь до пяти лет¹.

Правило общей теории квалификации преступлений при конкуренции общей и специальной нормы, преступление должно квалифицироваться по специальной норме, не всегда применимо к преступлениям, совершенным несовершеннолетними. Например, убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга (п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ) по отношению к посягательству на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ). Если в первом случае «родовым объектом является личность, а непосредственным – жизнь человека, то во втором случае посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов выступает в качестве способа посягательства на совершенно иной родовой объект – порядок управления (гл. 32 УК РФ). Работник же милиции, дружинник, военнослужащие, выполнявшие обязанности по охране общественного порядка, рассматриваются в качестве специфического предмета, посредством посягательства на который причиняется вред порядку управления, как важному государственному институту»². Таким образом, если убийство совершается в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга лицом, достигшим 14-летнего возраста, его действия квалифицируются по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Однако если такое лицо посягает на жизнь сотрудника правоохранительных органов в связи с выполнением им функций по охране общественного порядка и общественной безопасности, его действия нельзя квалифицировать по ст. 317 УК РФ, так как субъектом этого преступления может быть лицо, достигшее 16 лет. «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов – преступление с формальным составом и считается оконченным с момента совершения действий, направленных на лишение жизни потерпевшего, независимо от наступления преступного результата. Убийство – преступление с материальным составом. Следовательно, если в результате посягательства наступит смерть сотрудника правоохранительных органов, действия виновного должны быть квалифицированы по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ»³.

Уголовно-правовые нормы охраняют конкретно определенные в законе ценности и обще-

¹ Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб.: СПб ИВЭСЭП, Знание, 2000. С. 218

² Чапурко Т.М. Указ. соч.

³ Там же.

ственные отношения. Так, гл. 33 УК РФ призвана охранять интересы военной службы, которая представляет собой юридическое установление военно-служебных отношений в сфере безопасности и обороны. В связи с этим установлением уголовную ответственность могут нести только военнослужащие, так как только на них возложена обязанность соблюдать порядок прохождения военной службы. Для правильного решения вопросов уголовной ответственности при расследовании и судебном рассмотрении дела необходимо определить, обладает ли лицо признаками специального субъекта. Так, ФЗ № 53 «О воинской обязанности и военной службе»¹ в п. 1 ст. 35 закрепляет, что в военные образовательные учреждения профессионального образования имеют право поступать несовершеннолетние в возрасте от 16 лет. Начало военной службы является юридическим фактом, с которым связано распространение на гражданина статуса военнослужащего, т.е. приобретение им прав и возложение на него обязанностей и ответственности. Согласно ст. 38 для несовершеннолетних началом военной службы считается дата зачисления в указанное образовательное учреждение. Таким образом, курсант первого курса может приобрести статус военнослужащего еще до достижения им совершеннолетия законным образом, соответственно на него в полном объеме распространяется законодательство, в том числе и уголовное, касающееся военнослужащих (кроме тех, субъект которых, безусловно, должен быть совершеннолетним ст. ст. 345; 350; 351; 352 УК РФ). Необходимо отметить, что они могут нести уголовную ответственность за совершение действий, предусмотренных гл. 33 УК РФ даже после отчисления из учебного заведения, например, ст. 338 УК РФ – дезертирство, поскольку такие лица направляются для дальнейшего прохождения действительной военной службы в действующую воинскую часть.

Также являются субъектом преступлений, предусмотренных гл. 33 УК РФ и те несовершеннолетние, совершившие преступление, которые приобрели статус военнослужащего незаконным образом или ставшие негодными после зачисления на военную службу. Но судебная практика, одобренная Военной Коллегией Верховного Суда РФ, решает этот вопрос диаметрально противоположным способом и не признает субъектом преступления против военной службы лиц, неправильно на ее зачисленных или ставших непригодными к ней в период прохождения службы, даже если преступление совершено до раскрытия данного факта или их увольнения с военной службы. Такое положение имеет отрицательный момент, поскольку «позволяет лицу, знающему о его незаконном зачислении или негодности к дальнейшему прохождению службы, сознательно и целенаправленно совершать преступления против военной службы, а при возбуждении против него уголовного дела предоставить доказательства о его незаконном зачислении или незаконном пребывании на военной службе после возникновения основания для признания его негодным к несению военной службы с целью уклонения от ответственности за причинение вреда интересам военной службы»².

Таким образом, квалификация преступлений, совершенных несовершеннолетними, является сложным процессом, в ходе которого необходимо учитывать все нюансы и особенности, как самой личности, так и обстоятельств его социально-ролевого становления, что возможно только при высоком знании законодательства. Допущенные ошибки при квалификации могут повлечь не только назначение неправильной меры наказания несовершеннолетнему, но и целый ряд других негативных последствий уголовно-правового и социально-профессионального характера, как для осужденного несовершеннолетнего, так и для государства.

¹ ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53 // Российская газета. 1998. 2 апр.

² Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник. Практикум / Под ред. А.С. Михлина. М.: Юристъ, 2005. С. 141.

Маляров Андрей Иванович

соискатель кафедры уголовного права Кубанского государственного университета,
помощник начальника по правовой работе
Краснодарского высшего военного училища (военного института)

Объект преступления в сфере электронно-цифровой (компьютерной) информации и вопросы квалификации (российский и зарубежный опыт)

С введением в действие в 1997 г. Уголовного кодекса РФ продолжают возникать научные дискуссии о целесообразности и необходимости включения в Уголовный кодекс (УК) РФ гл. 28 – «Преступления в сфере компьютерной информации». Споры идут как о самой обоснованности объекта данного вида преступлений, так и об оптимальности конструкций составов преступлений, терминов и определений, используемых в них.

Анализ научной литературы показывает, что сейчас в России, как и в международной уголовной политике, существует несколько подходов к решению данной проблемы¹. Так некоторые западные исследователи полагают, что все названные преступления являются особой формой существующих «традиционных» преступлений. Особенностью здесь является, по их мнению, только использование для достижения противоправных целей компьютера или компьютерных технологий. При аргументировании данной позиции они обращают внимание на то, что, например, телефон также может использоваться при совершении ряда преступлений, однако такие преступления не выделяются в категорию «телефонных». Представители этой точки зрения, продолжая научные рассуждения, приходят к выводу, что необходимость в создании новых уголовных законов (составов преступлений), касающихся компьютерных преступлений, полностью отсутствует. Поэтому в соответствующих случаях должны использоваться только существующие законы. По их мнению, в будущем с развитием

научно-технического прогресса проблема преступлений в сфере компьютерной информации исчезнет сама по себе, так как большинство преступлений будет в той или иной мере связано с применением компьютера. Поэтому все преступления станут «компьютерными».

На наш взгляд, данная научная позиция является необоснованной потому, что здесь во главу угла ставится не объект и предмет преступного посягательства, а способ и орудие совершения преступления. В связи с этим для обоснования необходимости введения в уголовное законодательство государств мирового сообщества отдельных составов преступлений в сфере компьютерной информации необходимо более детально исследовать объект и предмет соответствующего преступного посягательства.

В теории уголовного права под объектом преступления принято понимать конкретные общественные отношения. Объект – обязательный признак любого преступления. Государство всегда охраняет уголовно-правовыми средствами круг общественно значимых интересов². Если деяние ни на что не направлено, не посягает, то в силу отсутствия объекта оно не может быть признано преступлением. Под охрану уголовного закона ставятся только те из них, причинение вреда которым серьезно затрагивает интересы личности, общества и государства. Объект (его характер) определяет социальное содержание преступления. Он позволяет отграничить область преступного и не преступного. Объект четко характеризует меру общественной опасности преступления.

¹ Осипенко А.Л. Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях: Международный опыт: Монография. М., 2004. С. 198.

² Галиакбаров Р.Р. Уголовное право. Общая часть: Учебник. Краснодар, 2005. С. 110-111.

Круг общественных отношений, охраняемых уголовным правом, в разные периоды развития общества может меняться в зависимости от конкретных исторических условий (уровень научно-технического прогресса, экономические условия, политический режим и т.п.). Поэтому именно этим обстоятельством объясняются изменения, вносимые в уголовное законодательство различных государств, в период интенсивного развития информационных технологий. Так, не вызывает сомнения тот факт, что информационные технологии постепенно проникают во все сферы жизнедеятельности человечества и функционирования государства – объекты жизнеобеспечения, транспортные и оборонные системы, системы связи и атомной энергетики. Поэтому на современном этапе развития человечества преступления в сфере компьютерной информации становятся одним из наиболее опасных видов преступных посягательств. Учитывая потенциально высокую опасность преступлений в сфере компьютерной информации и исходя именно из объекта преступления, представители другой научной точки зрения обосновывают необходимость разработки комплекса особых уголовных законов, направленных на борьбу с преступлениями в сфере компьютерной информации. Во многих государствах такую позицию разделяет и законодатель.

Так, большинство европейских государств пошли по пути разработки специализированных норм о преступлениях в сфере компьютерной информации. Уже в 1973 г. в Швеции был принят закон, в соответствии с которым была установлена уголовная ответственность за неправомерное изменение, уничтожение или доступ в отношении записей на компьютерных носителях (информационное злоупотребление)¹. Впоследствии специальные нормы о компьютерных преступлениях были приняты в США (1977 г.), Великобритании (1990 г.), Австрии, Канаде (1999 г.), Дании, Австралии, Франции, Германии (1986 г.) и других странах. Уже в 1986 г. в Париже группой экспертов Организации экономического сотрудничества (ОЭСР) было дано криминологическое определение компьютерного преступления, под которым понималось любое незаконное, неэтичное или неразрешенное поведение, затрагивающее автоматизированную обработку и (или) передачу данных.

Позиции необходимости существования

специальных составов преступлений в сфере компьютерной информации придерживался и отечественный законодатель, выделив в отдельную главу УК РФ (гл. 28) – «Преступления в сфере компьютерной информации». Анализ Раздела IX и гл. 28 УК РФ позволяет сделать вывод, что видовым (групповым) объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения по поводу поиска, получения, передачи, производства и распространения компьютерной информации, а предметом преступления – компьютерная информация.

Легальное определение информации дано в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»². В соответствии с указанным Законом под информацией понимаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. В Федеральном законе от 10 января 2002 г. № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи» указано, что электронный документ – это документ, в котором информация представлена в электронно-цифровой форме³. Поэтому наиболее юридически правильно использовать в УК РФ понятие электронно-цифровой информации вместо «компьютерной» информации. Так определение предмета преступления как «компьютерной информации» необоснованно ограничивает место нахождения указанной информации – находящейся на машинном носителе, ЭВМ, системах ЭВМ или их сетях. Это не позволяет правоприменителю квалифицировать преступные действия в отношении информации, находящейся в других автоматизированных информационных системах (аппараты сотовой связи, контрольно-кассовые машины, электронно-расчетные терминалы торговых сетей и т.д.), которые формально не попадают под определение ЭВМ. Это также необоснованно ограничивает предмет преступного посягательства – только «компьютерная информация». Это приводит к тому, что российское уголовное законодательство оказалось жестко «привязано» к конкретному уровню информационных технологий, существующих на определенный момент времени. Но в настоящее время ученые работают над созданием и внедрением более производительных квантовых, нейронных и оптических компьютеров, основными элементами хранения информации которых является элементарная частица – электрон. Поэтому необходимо однозначно определить

¹ Уголовное право РФ. Особенная часть: Учебник / Под ред. проф. Б.В. Здравомыслова. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2001. С. 351.

² Собрание законодательства РФ от 31 июля 2006 г. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

³ Собрание законодательства РФ от 14 января 2002 г. № 2. Ст. 127.

предмет преступления – как информацию в электронно-цифровой форме (электронно-цифровая информация).

Следует отметить, что УК РФ охраняет общественные отношения не только в сфере электронно-цифровой (компьютерной) информации. Ряд статей УК РФ также предусматривает охрану общественных отношений в сфере информации в зависимости от ее правового режима. Эти вопросы квалификации и отграничения различных составов преступлений в информационной сфере, стоящие пред теорией уголовного права, вызывают определенные трудности в правоприменительной практике. Несмотря на большую актуальность, до недавнего времени эта проблема не являлась предметом научного исследования в нашей стране¹.

Опыт автора преподавания правовых дисциплин в высшем учебном заведении, готовящем специалистов в сфере защиты информации, позволяет оптимизировать для правоприменительной практики предложенные Волеводзом А.Г. критерии отграничения различных составов преступлений в сфере информации.

Так, к первой группе преступных посягательств следует отнести преступления, совершенные с использованием компьютерных информационных технологий. Основным признаком здесь является специфический способ совершения преступления – использование компьютера как орудия совершения преступления. В этом случае целесообразно включить в соответствующие статьи УК РФ квалифицирующий признак – с использованием компьютерных информационных технологий.

Ко второй группе преступных посягательств следует отнести преступления в сфере электронно-цифровой (компьютерной) информации. В этом случае предметом преступного посягательства является электронно-цифровая (компьютерная информация), т.е. информация в электронно-цифровой форме (информация на машинном носителе, в электронно-вычислительной машине (ЭВМ), системе ЭВМ или их сети – по действующему УК РФ). Тогда содеянное необходимо квалифицировать по соответствующей статье гл. 28 УК РФ (ст. ст. 272, 273, 274).

Третью группу преступлений в сфере информации представляют преступления в информационном пространстве. Информация здесь

имеет специальный режим: сведения, составляющие государственную тайну (ст. ст. 283, 284 УК РФ), конфиденциальная информация (ст. 310, 183 УК РФ), сведения, составляющие интеллектуальную собственность (ст. ст. 146, 147 УК РФ) и т.п. Здесь квалификация затруднений не вызывает – по соответствующей статье УК РФ, где защищаемая информация обладает специальным режимом.

В определенных случаях информация еще может обладать определенным признаком – являться электронно-цифровой (компьютерной) информацией, т.е. информацией в электронно-цифровой форме (на машинном носителе, в ЭВМ, системе ЭВМ или их сети). В этом случае преступное посягательство необходимо квалифицировать по совокупности преступлений: соответствующая статья, где информация обладает специальным режимом и статья за преступление в сфере электронно-цифровой (компьютерной) информации.

Определенные трудности при квалификации в правоприменительной практике вызывает и сама терминология, понятия и определения, используемые в гл. 28 УК РФ. Вполне естественно, что правотворчество сопровождается необходимостью использования уже существующих и введением новых понятий и определений². Это относится и к рассматриваемому случаю, так как эффективное применение норм уголовного права в области защиты электронно-цифровой (компьютерной) информации вызывает необходимость использования бланкетных норм, отсылающих к другим нормативным правовым актам, однозначно раскрывающих содержание специальных терминов, понятий и определений. Поэтому при использовании специальных терминов целесообразно руководствоваться методическими указаниями Госстандарта России по разработке стандартов на термины и определения³. В основных положениях методических указаний определено, что «основной целью стандартизации научно-технической терминологии является установление однозначно понимаемой и непротиворечивой терминологии в нормативной документации». Далее в указаниях подчеркивается, что «упорядочение терминологии предусматривает анализ и оценку каждого термина как элемента системы и рассмотрение ее как необходимого и достаточного минимума для описания объекта и предмета какого-

¹ Единственно комплексной научной работой в этой области является параграф «Общая классификация преступлений, совершаемых с использованием компьютерной информации и технологий» в монографии Волеводз А.Г., «Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества». М., 2002. С. 54-56.

² Вишняков С.М. Еще раз о терминологии // Системы безопасности. 2003. № 1(49). С. 24.

³ Методические указания Госстандарта России. М., 2000.

либо знания».

Анкетирование и опрос работников правоохранительных органов выявил определенные трудности в понимании значения терминов, используемых при квалификации составов преступлений гл. 28 УК РФ, таких как компьютерная информация, электронно-вычислительная машина, уничтожение, блокирование, модификация, копирование, вредоносная программа для ЭВМ. Это связано с тем, что не у всех терминов есть официальное определение в законодательных актах, а авторы многих изданных в России комментариев уголовного кодекса позволяют себе произвольно интерпретировать большинство технических терминов в области информационных технологий, забывая об особенностях квалификации бланкетных норм.

Поэтому необходимо для уяснения значения терминов, понятий и определений в области уголовно-правовой охраны электронно-цифровой (компьютерной) информации применять понятия, используемые в федеральном законодательстве – легальные определения, а также понятия, указанные в различных ГОСТах и руководящих документах гостехкомиссии – стандартизированные определения. Это позволит правоприменителю избежать существенных ошибок при квалификации преступлений в сфере электронно-цифровой (компьютерной) информации, что, в свою очередь, обеспечит необходимый баланс между интересами общественной безопасности и уважением прав и основополагающих свобод человека и гражданина.

Пашутина Олеся Сергеевна

старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Курского государственного технического университета

Вандализм: понятие и виды его проявлений

В уголовно-правовой лексике и уголовном законодательстве слово «вандализм» впервые употребилось применительно к ст. 214 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. В соответствии с диспозицией ч. 1 ст. 214 УК РФ, под уголовно наказуемым вандализмом следует понимать осквернение зданий или иных сооружений, порчу имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах. Появление данной нормы – это результат неизбежной реакции государства на получающее все большее распространение негативное явление нашей жизни, выражающееся в массовом разрушении и порче имущества в местах общего пользования.

Однако, обращаясь к этимологии слова «вандализм», нельзя не отметить, что понятие «вандализм» в УК РФ приобрело несколько иной смысл, существенно отличающийся от его общепринятого определения, используемого как в обычной речи, в средствах массовой информации, так и в социологических и социально-психологических исследованиях.

В 455 г. н.э. восточно-германское племя вандалов, под предводительством короля Гейзериха, захватило Рим и в течение 14 дней беспощадно грабило город, безжалостно уничтожая произведения искусства и архитектуры античного периода. С тех давних пор слово «вандализм» стало употребляться для обозначения дикого, варварского, бессмысленного разрушения и уничтожения или повреждения предметов духовной и материальной культуры. Однако автором термина «вандализм» принято считать аббата Грегуара, члена конвенции Генеральных Штатов, выступившего в 1794 г. с «Докладом о разруше-

ниях, творимых вандализмом, и средствах их предотвращения» и призывавшего суровым образом пресекать и наказывать уничтожение памятников искусства¹.

В русском языке под понятием «вандализм» понимается бессмысленно-жестокое разрушение исторических памятников и культурных ценностей². В средствах массовой информации погромы на кладбищах определяются как акты вандализма, что также не соотносится с определением вандализма в смысле ст. 214 УК РФ. Под вандализмом подразумеваются и иные виды разрушительного поведения: от замусоривания парка до учинения погромов при массовых беспорядках.

Несмотря на то, что российское правовое понятие вандализма значительно отличается от привычного нам определения, изучение вандализма в его широком понимании позволяет более глубоко изучить его природу как социального явления.

Вандализм является проявлением того, что общество нездорово и переживает свой кризис. Данное явление, не просто социальное отклонение. Это демонстрация того, что в обществе отсутствуют четкие общественные нормы и правила. Вандализм – «... это записка-предупреждение обществу, что существующая общественная система более непригодна»³.

В криминологической зарубежной литературе вандализм рассматривается как противоправное агрессивное поведение⁴. Эту точку зрения разделяют и многие российские ученые, которые относят вандализм к так называемым агрессивным преступлениям. Содержание последних составляют умышленные, выражающие деструктивные тенденции субъекта действия,

¹ Скороходова А.С. Вандализм // Социологический журнал. 1999. № 3-4. С. 49.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1988. С. 57.

³ Попов В.А., Кузнецова И.А. Зарубежные исследования молодежного вандализма // Педагогика. 1997. № 6. С. 112.

⁴ Криминология: Введение в основы: Перевод с немецкого / Кайзер Г.; отв. ред.: К.Ф. Скворцов; пер. В.Д. Балакина. М., 1979. С. 223.

мотивированные враждой и ненавистью к людям, обществу и вещам и причиняющие им вред, а равно создающие опасность вреда.

В психологической литературе существует несколько иной подход к определению вандализма. «Под вандализмом мы будем понимать асоциальное поведение, связанное с нарушением морально-этических норм, выражающееся в осквернении сооружений, порче имущества в общественных местах», - отмечает Л.С. Ватова¹.

В общественном сознании вандализм предстает бесцельным, немотивированным поведением². Он традиционно описан как абсурдное, неблагоприятное или даже патологическое поведение, т.е. как поведение бессмысленное³. Однако, как верно подчеркивается в специальных исследованиях, этой позиции можно возразить, находя проявления вандализма или в природе собственности, которая была повреждена, или в группах различных значений и поводов, приписанных действию виновным⁴.

Различаясь в подходах к определению изучаемого нами явления, криминологи, психологи и социологи солидарны в одном – вандализм представляет собой негативное явление, требующее устранения.

Опираясь на сущность вандализма как социального явления, в зарубежной и отечественной литературе авторы предлагают различные классификации его видов.

В зависимости от мотива разрушительных действий, С. Коэн выделяет шесть типов вандализма:

идеологический. Его совершение связано с достижением виновным определенных социальных или политических целей. Наибольшее свое проявление он находит в ходе проведения политических или иных демонстраций, волнений. Вандализм может выступать как специфическая норма проявления межнациональных конфликтов, так и служить проявлением внутренней политики государства к различным образованиям;

корыстный вандализм. В данном случае порча имущества связана с извлечением материальной выгоды: снятие отдельных элементов,

содержащих цветные металлы, изъятие определенного оборудования и т.д.;

тактический вандализм. Повреждение имущества в данном случае выступает в качестве сознательной тактики, используемой для достижения иной цели, как правило, не связанной с проявлением враждебности. Однако, во многих случаях, идеологический вандализм, совершенный в целях привлечения внимания по специфической причине (например, в целях распространения информации, не освещенной в СМИ), можно рассматривать и как тактический;

вандализм, совершаемый из мести. Это относится к ситуациям, когда осквернение или порча предметов представляет собой месть конкретному лицу, разрушение выступает ответной реакцией на обиду или оскорбление;

вандализм – игра. Основными побудительными элементами совершения актов вандализма здесь выступают любопытство, дух соревнования, проявление силы и ловкости;

злонамеренный вандализм. Как отмечает С. Коэн, эта комбинация враждебности и забавы, при которой виновный получает злонамеренное удовлетворение за счет жертвы, присутствует во многих случаях вандализма и может проявляться в повреждении уборных в общественных местах, в порче изоляции водопроводных магистралей и т.д.

Е.В. Евменова, равно как и С. Коэн, выделяя идеологический вандализм, вандализм, совершаемый из мести либо направленный на извлечение материальной выгоды, отдельно указывает и на такие его виды, как: 1) экологический вандализм. К нему, например, относятся оставленные на стволах деревьев и скалах надписи; 2) вандализм музыкальных и спортивных фанатов, проявляющийся в разрисованных стенах концертных залов и разбитых в них стеклах, сломанных скамейках на трибунах стадионов и т.д.; 3) вандализм, совершаемый в отношении сооружений малых архитектурных форм, что проявляется в разбитых автобусных остановках и уличных фонарях; 4) электронно-вычислительный вандализм⁶.

¹ Ватова Л.С. Психологические причины и условия возникновения подросткового вандализма: Дис. ... канд. психол. наук. Калужский государственный педагогический университет. Калуга, 2000. С. 41.

² Скороходова А.С. Вандализм // Социологический журнал. 1999. № 3 - 4. С. 54.

³ Levy- Leboyer C. Vandalism and the social sciences // Vandalism. Behaviour and motivations. Editor C. Levy- Leboyer. North-Holland. Amsterdam. N-Y. Oxford. 1984. P. 4.

⁴ Cohen S. Property destruction: motives and meanings // Vandalism: Editer by Colin Ward. Van Nostrand Reinhold company N-Y, 1973. P. 42; Baron R.M., Fisher J.D. The equity-control model of vandalism: a refinement // Vandalism. Behaviour and motivations. Editer C. Levy- Leboyer. North-Holland. Amsterdam. N-Y. Oxford, 1984. P. 63.

⁵ Cohen S. Property destruction: motives and meanings // Vandalism: Editer by Colin Ward. Van Nostrand Reinhold company N-Y, 1973. P. 34, 42-51.

⁶ Евменова Е.М. Вандализм: этиология, направление исследования и профилактики // Проблемы совершенствования расследования и профилактики преступлений на современном этапе. Уфа, 1990. С. 157-158.

Отталкиваясь от сущности данного явления, В.Ф. Пирожков к видам современного вандализма относит: экономический, политический, националистический, сельскохозяйственный, культурологический и кладбищенский вандализм¹. Беря же за основу возраст, категорию населения и количество участников, он выделяет вандализм взрослый и детский, спортивный и студенческий, индивидуальный и групповой. При этом анализируя многообразие проявлений вандализма, автор выделяет и основные признаки этого явления: бессмысленность разрушения; направленность энергии вандала на разрушение произведений искусств, предметов и обстановки общего пользования, облегчающих жизнь других людей (лифты, сиденья в транспорте и т.п.); способность многих на совершение подобных действий за счет механизмов подражания, заражения в группе. К этим признакам также относится и то, что вандализм – это особый вид деятельности, посредством которого виновные пытаются самоутвердиться в своей среде.

Однако, на наш взгляд, более глубоко понять и вскрыть сущность изучаемого явления позволяет классификация вандализма, представленная А.М. Бандуркой и А.Ф. Зелинским, построенная на основе природы отдельных его проявлений, складывающейся из ведущих мотивов и тех общественных отношений, в сфере которых совершается агрессивное деяние².

Авторы различают шесть разновидностей вандализма: 1) бытовой, т.е. возникающий на почве неприязненных отношений в семье, между соседями, членами малых социальных групп (в данном случае агрессия смещается с личности потерпевшего на имущество, связанное с ним); 2) эпатажный, т.е. совершаемый по мотивам самоутверждения, своеобразного неосознанного протеста против установленных в обществе норм поведения, приличия, порядочности. Следует отметить, что эпатажная форма вандализма наибольшее распространение получает среди несо-

вершеннолетних; 3) криминальный. Его составляют случаи повреждения материальных объектов из корыстных побуждений либо в процессе осуществления иной преступной деятельности или сокрытия следов иных преступлений; 4) идеологический, связанный с посягательством на государственную символику, на памятники и могилы известных деятелей культуры, политики, воинов Советской армии. К этой категории относятся и посягательства по мотивам «классовой вражды»; 5) террористический, часто соединяющийся с идеологическим вандализмом и находящий свое выражение в совершении взрывов и поджогов; 6) государственно-чиновничий, проявляющийся, в частности, в самовольной порубке вековых деревьев в заповедных зонах и строительстве личного жилья на их месте, умышленном загрязнении водоемов сточными водами и вредными отходами, загрязнении атмосферного воздуха промышленными предприятиями, несмотря на предупреждение со стороны соответствующих государственных органов. Однако, на наш взгляд, отталкиваясь от характера совершаемых действий, из данного вида вандализма следует выделить его самостоятельную разновидность – государственно-коррупционный вандализм, связанный с личной заинтересованностью виновных лиц.

Статья 214 УК РФ предусматривает наступление уголовной ответственности за такие его виды, как: бытовой (за исключением посягательств на личное имущество), эпатажный и идеологический. Корыстный, террористический и государственно-чиновничий виды вандализма надлежит квалифицировать по соответствующим статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающим ответственность за посягательства на собственность, общественную и экологическую безопасность, нормальную деятельность органов государственной власти.

¹ Криминальная психология. Психология криминальной преступности. Кн.1 / Пирожков В.М. М., 1998. С. 217-218.

² Бандурка А.М., Зелинский А.Ф. Вандализм. Харьков, 1996. С. 25-27.

Сильченко Елена Владимировна

преподаватель кафедры уголовного права
Кубанского государственного аграрного университета

Голубенко Андрей Евгеньевич

преподаватель кафедры уголовного права
Кубанского государственного аграрного университета

Коррупция и наркобизнес: понятие и взаимосвязь явлений

В настоящее время совершенно очевидной становится связь трех негативных социальных явлений, представляющих серьезную опасность для социума, - организованной преступности, коррупции и наркобизнеса. Причем их взаимопроникновение и взаимообусловленность, проявляющиеся все ярче, актуализируют проблему противодействия им. Вряд ли можно усомниться в настоятельной необходимости выработки комплексных мер борьбы с указанными явлениями, которые превратились для России (да и для многих других государств мира) в дестабилизирующий фактор, создающий угрозу здоровью миллионов людей, экономике и национальной безопасности.

В первую очередь, определимся с понятийным аппаратом. Не умаляя значения существующих научных подходов к содержанию понятий «организованная преступность», «взятничество» и «наркобизнес», предложим их авторские определения. Основанием для их разработки явился анализ действующего уголовного законодательства сквозь призму его пробелов и недостатков. В связи с этим, во-первых, заметим, что требования борьбы с таким относительно новым для России направлением организованной преступности, как наркобизнес, не нашли должного отражения в УК РФ.

Во-вторых, обратим внимание, что перечень коррупционных преступлений в УК четко не определен. Исходя из этого, при определении содержания понятия «коррупция» авторами в основу положены лишь преступные деяния, квалифицируемые по УК РФ как получение взятки и коммерческий подкуп.

Организованная преступность – это негативное социальное явление, выраженное в противозаконной деятельности, осуществляемой в

виде промысла и с целью получения прибыли устойчивыми управляемыми группами лиц, заранее объединившимися для совершения преступлений, имеющими определенную структуру и иерархию, а также созданную посредством коррупции систему защиты от социального контроля.

Наркобизнес – специфическое негативное социальное явление, представляющее собой одну из составляющих организованной преступности и подструктуру наркотизма, включающее, с уголовно-правовой точки зрения, совокупность незаконных деяний, непосредственно связанных с нелегальным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, и ряда примыкающих к ним преступных деяний, направленных на обеспечение функционирования этого явления, с целью получения преступных доходов и их последующей легализации¹.

Получение взятки – получение должностным лицом лично или через посредника взятки в виде вещи, включая деньги и ценные бумаги, иного имущества, в том числе имущественных прав, а также работ и услуг, информации, результатов интеллектуальной деятельности, в том числе исключительных прав на них, нематериальных благ за действия (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо оно в силу должностного положения может способствовать таким действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе. Введение указанного определения взяточничества требует и одновременного изменения определения понятия получения коммерческого подкупа, содержащегося в ч. 3 ст. 204 УК РФ, как явления, неразрывно связанного со взяточничеством.

¹ См. подробнее: Сильченко Е.В. К вопросу о понятии наркобизнеса // Экономика. Право. Печать: Вестник КСЭИ. Краснодар, 2006. № 1-3. С. 31-37.

Получение коммерческого подкупа – незаконное получение лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации вещи, включая деньги и ценные бумаги, иного имущества, в том числе имущественных прав, а равно работ и услуг, информации, результатов интеллектуальной деятельности, в том числе исключительных прав на них, нематериальных благ за совершение действий (бездействия) в интересах дающего в связи с занимаемым этим лицом служебным положением.

Современный этап развития мирового сообщества характеризуется приобретением транснационального характера такими проблемами, как организованная преступность, коррупция и наркобизнес. Определению роли организованной преступности в развитии международной преступности в науке было уделено немало внимания. Однако выделению и рассмотрению наркобизнеса как одной из ее составляющих и определению их органической связи с коррупцией, их комплексному анализу посвящено весьма ограниченное количество исследований. Вместе с тем, именно индустрия наркобизнеса определила в значительной степени динамику и перспективы развития указанных элементов транснациональной преступности.

Соотношение наркобизнеса и коррупции проявляется во многих областях – в политической сфере, в сфере юстиции и частного сектора, а также присвоения собственности и легализации доходов. Прогрессирует число преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, как в мире, так и в отдельных государствах. Преобладающей тенденцией в динамике наркопреступности является рост числа зарегистрированных преступлений данного вида, в том числе связанных с производством и распространением наркотических средств и психотропных веществ, что, в свою очередь, свидетельствует и о расширении масштабов наркобизнеса.

Так, по данным МВД РФ, к январю 2006 г. наметилась тенденция к увеличению числа зарегистрированных преступных посягательств рассматриваемой категории до 175, 2 тыс., что на 16,8% больше, чем за аналогичный период 2005 г. К началу 2007 г. рассматриваемый показатель увеличился до 212 тыс., что на 21% превышает показатель предыдущего года¹.

Возрастает материальная прибыль от наркобизнеса. По данным ООН, наркотические средства приносят 70% всех криминальных доходов. Только в одной России незаконный оборот наркотических средств достигает 10 млрд. долларов². В пределах РФ «отмывается» от 2 до 7 млрд. долларов наркоденог. Доходы от наркобизнеса вкладываются в нелегальную торговлю оружием, используются для финансирования терроризма (например, в Чечне)³.

Поскольку преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, связанные с распространением соответствующих препаратов, отличаются, в первую очередь, особой прибыльностью в материальном смысле, имеют результатом своего совершения гигантские потоки денежных средств, лица, имеющие к ним отношение, обильно «орошают», в том числе и нечестных на руку «государевых слугителей». Ни для кого не секрет, что существование организованной преступности, соответственно, и наркобизнеса, невозможно без поддержки в государственном секторе. Таким образом, усиление уголовного закона в данном направлении просто очевидно.

Проведенные исследования показали, что в России деньги, полученные от наркобизнеса, наркогруппировки направляют: на организацию будущих операций наркобизнеса и приобретение недвижимого имущества; на подкуп государственных служащих; в банковскую сферу; на приобретение оружия, боеприпасов; на организацию политических кампаний – выборов, референдумов – для лоббирования криминальных интересов; на создание подставных юридических лиц (с целью дальнейшего отмывания наркоденог) для покупки драгоценностей и предметов роскоши, ценных бумаг⁴.

Наркобизнес активно стимулирует коррупцию. С помощью последней наркодельцы стремятся обезопасить свой бизнес и уйти от ответственности. Часть прибыли тратится на подкуп и получение необходимой информации; ведется сбор сведений о коррумпированных чиновниках в правоохранительных органах и органах власти, данных о конъюнктуре рынка, о ценах на наркотики⁵.

Необходимо обратить внимание и на факт использования преступниками наркодолларов

¹ Краткий анализ состояния преступности в РФ за 2003–2006 гг. // <http://www.mvdinform.ru>

² Воронин Ю.А. Транснациональная организованная преступность. Екатеринбург, 1997. С. 14.

³ Чуфрин Г.И. Наркобизнес на юге России: политические аспекты. М., 1997. С. 27.

⁴ Болотский Б.С., Волеводз А.Г., Воронова Е.В., Калачев Б.Ф. Борьба с отмыванием доходов от индустрии наркобизнеса в странах Содружества. М., 2001. С. 13.

⁵ Гуров А.И. Красная мафия. М., 1995.

для вовлечения в незаконные действия, связанные с наркотическими средствами, должностных лиц ведомств, осуществляющих борьбу с криминальным наркобизнесом. По справедливому утверждению специалистов, это негативно отражается на репутации силовых ведомств и ставит под сомнение эффективность реализации государством одной из своих внутренних функций – охраны прав и свобод граждан (в частности, права на медицинскую помощь, жизнь, охрану здоровья от распространения наркотических средств)¹.

Организация наркобизнеса является одним из видов «черной» (подпольной) теневой экономики (экономики преступности)². Следует отметить тот факт, что производство наркотических средств приобретает черты отлично налаженной индустрии. В России, являющейся единственным государством, расположенным на двух континентах – Европе и Азии, торговля наркотиками является самым прибыльным преступным бизнесом. Россия – страна, в которой торговля наркотиками приносит прибыль, измеряемую миллиардами долларов: один рубль, вложенный в наркобизнес, приносит 1000 рублей дохода³.

Однако следует отметить тот факт, что в настоящее время наркобизнесу уже тесно в рамках исключительно экономики – он проникает в сферу политики, государственного управления. Ему необходимы такие порядки и законы, такие органы власти, которые обеспечивали бы наилучшие условия для его дальнейшего развития. Обладая колоссальными постоянно растущими финансовыми средствами, наркобизнес противостояит и противодействует органам государственной власти и управления в их деятельности по

реализации государственной воли, снижает доверие к ней со стороны населения. Вышеуказанные действия носят не только криминальный, но и политический характер, поскольку, подрывая основы государственной власти и управления, могут привести к переориентированию и искажению политического курса государства⁴.

Наркобизнес, являясь подструктурой организованной преступности, оказывает серьезное негативное воздействие на правопорядок и социальную стабильность в стране. Огромные доходы от незаконной деятельности позволяют торговцам наркотиками влиять на внутреннюю политическую и экономическую жизнь страны, поддерживать коррупцию.

Проблемы организованной преступности, коррупции и наркобизнеса, их взаимосвязи и взаимообусловленности – социальные, политические, научные – абсолютно нетрадиционны по своему характеру. Подобных задач человечеству решать еще не приходилось. Необходимо искоренять причины указанных явлений и бороться с их распространением в связи с тем, что они могут получить полную и безоговорочную власть над обществом.

Противоядие можно выработать, только достигнув высокого уровня общественной кооперации и политической стабильности, а также обеспечив более действенный механизм международного сотрудничества и возможность применения нетрадиционных подходов к решению проблем противодействия распространению организованной преступности, коррупции и наркобизнеса. Несомненно, требуют надлежащей корректировки и соответствующие положения уголовного закона, о чем мы уже вели речь в наших работах⁵.

¹ Роганов С.А. Расследование преступлений в сфере нетрадиционного наркобизнеса. СПб., 2005. С. 16-17.

² Латов Ю.В. Экономика вне закона: очерки по теории и истории теневой экономики. М., 2001. С. 10-13.

³ Вакурин А.В., Кадовик Е.И. Структура и тенденции наркобизнеса // Совершенствование борьбы с организованной преступностью и наркобизнесом. М., 1998. С. 21.

⁴ См. также: Гасанов Э.Г. Наркотизм: тенденции и меры преодоления. М., 1997. С. 7; Ивасенко В.Б. Незаконный оборот наркотиков и политическая безопасность России // Власть: криминологические и правовые проблемы. М., 2000. С. 132.

⁵ См., например: Голубенко А.Е., Сильченко Е.В. Влияние коррупции на повышение уровня организованной преступности и увеличение масштабов наркобизнеса // Научный вестник Южного федерального округа. 2008. № 1.

Танага Ирина Владимировна

соискатель кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России

О необходимости и допустимости уголовно-правовых методов регулирования поведения участников дорожно-транспортного происшествия в отечественном, зарубежном и международном уголовном праве

Значение транспорта в жизни современного общества, безусловно, велико. Трудно представить саму возможность существования и развития экономики государства при отсутствии транспорта вообще и автомобильного, в частности. С одной стороны, «перспективные планы развития любого государства предусматривают неизбежный рост транспортного парка, увеличение грузо- и пассажирооборота. Воздушные, морские, автотранспортные перевозки, а также использование трубопроводного транспорта давно легли в основу экономического роста России и, в конечном итоге, в основу благополучия ее граждан»¹. С другой стороны, автомобиль перестал быть предметом роскоши, доступным ограниченному числу людей и число индивидуальных владельцев транспортных средств ежедневно увеличивается. По данным ИЦ ГУВД КК в Краснодарском крае зарегистрировано более полутора миллиона единиц автотранспорта, и каждый день эта цифра растет. Растущий уровень благосостояния населения, реформирование банковской системы в части кредитования позволяют гражданам иметь в семье не один, а два или более автомобиля.

Вместе с тем, существует и «обратная сторона медали». Десятки миллионов регистрируемых ежегодно в России нарушений правил дорожного движения становятся причиной сотен тысяч дорожно-транспортных происшествий. Ежегодно в России в более чем полутора сотнях тысяч дорожно-транспортных происшествий гибнут и получают ранения около двухсот тысяч человек. «Статистика последних десятилетий пока-

зывает, что в вооруженных конфликтах, в которых принимал участие СССР и позже Россия погибло и получило ранения меньшее количество людей, чем в тот же период в мирной обстановке в результате нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта. Число пострадавших от умышленных преступлений против личности намного ниже, чем от транспортных преступлений»².

В создавшейся ситуации особое место в процессе обеспечения безопасности дорожного движения занимает законодательное регулирование общественных отношений, возникающих в процессе перемещения по дорогам грузов и пассажиров с использованием транспортного средства.

В последние годы в действующее законодательство об ответственности за транспортные правонарушения и преступления внесен ряд существенных изменений и дополнений, призванных повысить безопасность дорожного движения и усовершенствовать законодательный механизм ее регулирования.

Однако реформирование административно-уголовного законодательства в части обеспечения безопасности движения и эксплуатации транспорта осуществляется не всегда последовательно, принимаемые законодательные решения порой, на наш взгляд, ошибочны и труднообъяснимы с позиции логики.

К таким решениям, на наш взгляд, следует отнести исключение из уголовного законодательства ст. 265 об ответственности за оставление места дорожно-транспортного происшествия³.

В постановлении Правительства РФ № 100

¹ Трофименко С.В. Транспортные преступления. Краснодар, 2006. С. 2.

² Трофименко С.В. Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Лекция. Краснодар, Краснодарский университет МВД России, 2006. С. 3.

³ Федеральный закон от 08 декабря 2003 г. № 162-ФЗ.

от 20 февраля 2006 г.¹ указывается, что неэффективная организация работы по оказанию медицинской помощи лицам, пострадавшим в результате дорожно-транспортных происшествий, является одной из основных причин их высокой смертности. «Общая смертность указанных лиц в 12 раз выше, чем при получении травм в результате других несчастных случаев, инвалидами они становятся в 6 раз чаще, а нуждаются в госпитализации в 7 раз чаще»².

Как показывает практика, существующая на сегодняшний день система оказания помощи лицам, пострадавшим в результате дорожно-транспортного происшествия, малоэффективна. По данным Министерства здравоохранения и социального развития России, до прибытия в лечебное учреждение погибает 55% от общего количества лиц, погибших вследствие ДТП. Очевидно, что оказание помощи пострадавшим немедленно после дорожно-транспортного происшествия является основой предотвращения или снижения тяжести уже наступивших последствий. При этом, на наш взгляд, обязанность оказания такой помощи и ответственность за бездействие в рассматриваемой ситуации должны регулироваться уголовным законодательством.

Соглашаясь с перечисленными причинами отягощения последствий ДТП в результате оставления места дорожно-транспортного происшествия, считаем, что и само государственно-правовое воздействие на участников движения с целью формирования устойчивых стереотипов законопослушного поведения остается на крайне неудовлетворительном уровне. Динамика же его совершенствования с исключением из УК РФ специальной нормы об ответственности за оставление места дорожно-транспортного происшествия на сегодняшний день, на наш взгляд, характеризуется регрессивной направленностью. Таким образом, представляется логичным и бесспорным вывод, изложенный в концепции федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2006 - 2012 гг.»: «сложившаяся критическая ситуация в области обеспечения безопасности дорожного движения в условиях отсутствия программно-целевого метода характеризуется наличием тенденций к ее дальнейшему ухудшению»³.

На наш взгляд, одним из вариантов повышения степени защищенности участников дорожного движения от последствий дорожно-транспортных происшествий в поставарийный период может стать «возвращение» в текст УК РФ ст. 265 об ответственности за оставление места дорожно-транспортного происшествия. Уголовно-правовые меры обеспечения выполнения участниками дорожно-транспортного происшествия определенного законом алгоритма действий, призванных предотвратить наступление тяжких последствий дорожно-транспортного происшествия, будут способствовать повышению эффективности деятельности по предупреждению данного правонарушения и обеспечат необходимый для этого инструментарий. Как показывает практика, ст. 12.27 КоАП РФ, предусматривающая ответственность за невыполнение обязанностей в связи с дорожно-транспортным происшествием, не в полной мере обеспечивает принудительное воздействие на поставарийное поведение участников ДТП: с исключением из текста УК России ст. 265 об ответственности за оставление места дорожно-транспортного происшествия количество правонарушений данной категории резко возросло.

В Постановлении Правительства РФ указывается, что «ситуация усугубляется всеобщим правовым нигилизмом, осознанием юридической безответственности за совершенные правонарушения, безразличным отношением к возможным последствиям дорожно-транспортных происшествий, отсутствием адекватного понимания участниками дорожного движения причин возникновения дорожно-транспортных происшествий, недостаточным вовлечением населения в деятельность по предупреждению дорожно-транспортных происшествий»⁴.

Безусловно, нуждавшаяся в совершенствовании, создававшая массу трудностей и порой неразрешимых проблем при квалификации, ст. 265 УК РФ об ответственности за оставление места дорожно-транспортного происшествия, ставшая предметом оценки соответствия ее положений Конституции России Конституционным Судом Российской Федерации⁵, не может быть возвращена в текст УК в прежней редакции, но сама необходимость ее модернизации и включения в текст уголовного закона, на наш взгляд,

¹ Постановление Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. № 100 «О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2006 - 2012 годах» // Сборник законодательства РФ. 27 февраля 2006 г. № 9. Ст. 1020.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 25 апреля 2001 г. № 6-п. по делу о проверке конституционности ст. 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Шевякова.

очевидна.

На наш взгляд, любое предложение по изменению законодательства должно основываться на научном анализе существующего инструментария и методов обеспечения безопасности объектов охраны, выявления их недостатков, обосновании допустимости предлагаемых изменений, криминологической экспертизе их принятия, статистических показателях, учете международного опыта борьбы с преступностью.

Анализ недостатков законодательного определения признаков преступного оставления места дорожно-транспортного происшествия «требует, по крайней мере, уяснения того, в чем суть состава преступления, предусмотренного статьей 265 УК РФ, каково содержание и смысл его объективной стороны - действия или бездействия, запрещенного уголовным законом, что представляет собой обязанность, возложенная на субъекта данного преступления, и в каком соотношении данный состав находится с другими составами - ст. ст. 264 и 125 УК РФ»¹.

Именно такого рода анализ проблем уголовно-правового регулирования и предупреждения преступного оставления места дорожно-транспортного происшествия представлен в нашей статье «К вопросу об уголовной ответственности за оставление места дорожно-транспортного происшествия»².

Говоря о допустимости применения уголовно-правовых мер обеспечения выполнения участниками дорожно-транспортного происшествия возложенных на них обязанностей, считаем необходимым обратиться к мировой практике законодательного регулирования данных общественных отношений.

Дорожно-транспортные преступления носят международный характер и относятся к конвенционным преступлениям по международному уголовному праву³. В 1964 г. государства – члены Совета Европы подписали Конвенцию⁴ о наказании за дорожно-транспортные преступления, в

которой регламентируются основные направления деятельности государств-участников конвенции по расследованию и судебному разбирательству по делам данной категории. Вместе с тем, как отмечают профессор И.Н. Лукашук и профессор А.В. Наумов, «Конвенция имеет и важное материальное (уголовно-правовое) значение для отнесения тех или иных дорожно-транспортных правонарушений к преступлениям»⁵.

Так, к дорожно-транспортным преступлениям по международному уголовному праву относятся нарушения правил дорожного движения, перечисленные в Приложении I к названной конвенции в «Общем списке ДТП», среди которых вторым пунктом обозначен умышленный отказ водителя выполнить обязанности, распространяющиеся на водителей автотранспорта после совершения ими дорожно-транспортного происшествия. И хотя, согласно Приложению II к указанной Конвенции определение перечня преступных нарушений правил дорожного движения в национальных законодательствах относится к исключительной юрисдикции государств-участников Конвенции, очевидна принципиальная допустимость и приемлемость с точки зрения международного права уголовно-правовых мер принуждения водителей-участников ДТП выполнить установленный правилами дорожного движения перечень обязательных для участника ДТП поставарийных действий.

Уголовные законодательства европейских государств, таких, например, как Германия⁶, Испания⁷ и др., также предусматривают уголовную ответственность за невыполнение водителем обязанностей, связанных с его участием в дорожно-транспортном происшествии. В частности, Уголовное законодательство ФРГ включает, помимо грубых нарушений правил дорожного движения⁸, нанесении ущерба безопасности дорожного движения⁹ норму, предусматривающую ответственность за неисполнение обязанностей участника происшествия и незаконное оставление места до-

¹ Особое мнение судьи Конституционного суда Российской Федерации А.Л. Кононова // Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 25 апреля 2001 г. № 6-п. по делу о проверке конституционности ст. 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Шевякова.

² Танага И.В. К вопросу об ответственности за оставление места дорожно-транспортного происшествия // Научные труды ученых-юристов Северо-Кавказского региона. Выпуск 17. Краснодар, 2008.

³ Лукашук И.Н., Наумов А.В. Международное уголовное право: Учебник. М.: Спарк, 1999. С. 165.

⁴ Европейская конвенция о наказаниях за дорожно-транспортные преступления 1964 г.

⁵ Лукашук И.Н., Наумов А.В. Указ. соч. С. 165.

⁶ Так, §142 УК ФРГ / Пер. с нем. М., 2000. Предусматривает ответственность за «Незаконное оставление места дорожно-транспортного происшествия». Абз. 1-3.

⁷ УК Испании Гл. IV. «О преступлениях против безопасности на транспорте». Ст. 382. Ч. 2 / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Ф.М. Решетникова. М., 1998.

⁸ УК ФРГ, § 315 с. «Нарушение правил безопасности дорожного движения». Абз. 1. № 2 / Пер. с нем. М., 2000.

⁹ Там же. § 315 b. «Опасное вмешательство в дорожное движение». Абз. 1.

рожно-транспортного происшествия¹. При этом конструкции составов названных преступлений – формальные, и уже сами нарушения признаются преступными, независимо от реального наступления тяжких последствий ДТП (подобная позиция находит свое отражение и в уголовных законодательствах Испании, Швейцарии и др.²).

Кроме того, уголовный кодекс Германии предписывает совершить предусмотренные законом обязательные для участника ДТП действия, независимо от роли субъекта в процессе дорожного движения. В отличие от российского законодательства³, устанавливающего такую обязанность только в отношении водителей-участников дорожно-транспортного происшествия, УК ФРГ обязывает действовать в поставарийной ситуации любое лицо, «чье поведение по обстоятельствам происшествия могло повлечь за собой создание ситуации, связанной с дорожно-транспортным происшествием»⁴. При этом очевидно, что ответственности подлежит не только виновный в ДТП водитель, и не только водитель вообще, а любой участник движения. Данная позиция германского законодателя, на наш взгляд, однозначно указывает на допустимость уголовно-правовых мер принуждения участников дорожно-транспортного происшествия выполнить обязанности, связанные с их участием в ДТП и направленные на обеспечение или восстановление безопасно-

сти дорожного движения и эксплуатации транспорта.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что уголовно-правовое регулирование выполнения участниками дорожно-транспортного происшествия установленных законом обязанностей, связанных с их участием в ДТП, обусловлено необходимостью обеспечения или восстановления безопасности дорожного движения. Интересы обеспечения защищенности участников дорожного движения от дорожно-транспортных происшествий и их последствий в поставарийной ситуации являются объектом уголовно-правовой охраны в законодательствах зарубежных стран и международном уголовном законодательстве. На наш взгляд, представляется вполне допустимым включение в отечественное законодательство уголовно-правовых мер обеспечения выполнения поставарийных обязанностей участниками дорожно-транспортного происшествия. На фоне резкого увеличения числа преступлений данной категории после исключения в 2003 г. из УК России ст. 265 об ответственности за оставление места дорожно-транспортного происшествия применение таких мер, с нашей точки зрения, не только допустимо, но и необходимо.

¹ Там же. §142. Незаконное оставление места дорожно-транспортного происшествия.

² Конструкции всех уголовно-правовых норм Германии, Швейцарии и Испании, регулирующих рассматриваемые общественные отношения, являются либо формальными, либо формально-материальными.

³ Правила дорожного движения РФ. П. 2.5.

⁴ УК ФРГ от 15 мая 1871 г. по состоянию на 17 августа 1999 / Пер. с нем. М., 2000. § 142. Абз. 5.

Туров Денис Анатольевич

аспирант кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России

Уголовная ответственность за неправомерные действия при банкротстве

В настоящее время процедура банкротства используется все чаще как инструмент, позволяющий отдельным коммерческим структурам и частным лицам производить передел собственности, освободить организацию-должника от задолженности перед кредиторами, в том числе и государством. Сохраняется тенденция роста преступности, связанной с неправомерными действиями при банкротстве.

Согласно статистическим данным, приведенным в работе Н.А. Лопашенко¹ «Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону», а также данным ГИАЦ МВД России по состоянию на 2006 г.² неправомерные действия при банкротстве имеют следующую распространенность в России.

Годы	Количество зарегистрированных преступлений	В % ко всем зарегистрированным преступлениям в сфере экономической деятельности	В % к 1997 г.	Количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности	В % к 1997 г.
1997	18	0,03	-	6	-
1998	71	0,08	394,4	19	316,7
1999	120	0,01	666,7	38	633,3
2000	249	0,16	1383,3	107	1783,3
2001	301	0,18	1672,2	155	2583,3
2002	374	0,26	2077,8	176	2933,3
2003	244	0,20	1355,6	145	2416,7
2004	368	0,63	2044,4	160	2666,7
2005	463	0,54	2572,2	270	4500
2006	603	0,08	3353,8	410	6833,3

Таким образом, рост преступности, связанной с неправомерными действиями при банкротстве, очевиден.

Для уяснения диспозиции ст. 195 Уголовного кодекса РФ необходимо обращение к законодательству, регулиющему вопросы несостоятельности (банкротства), в частности, Федеральному закону от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О

несостоятельности (банкротстве)»³, Гражданскому кодексу РФ, другим нормативным правовым актам.

Под несостоятельностью (банкротством) организации понимается признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей (ст. 2 Закона). Законодательством регламентированы признаки банкротства:

гражданин считается не способным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанность не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены, и если сумма его обязательств превышает стоимость принадлежащего ему имущества;

юридическое лицо считается не способным удовлетворить требования кредиторов по денеж-

¹ Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону. Волтерс Клувер, 2007.

² По материалам интернет-сайта МВД РФ // <http://www.mvd.ru/>

³ Российская газета. 2002. 2 нояб.

ным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанность не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены.

При этом необходимо учитывать, что для возбуждения процедуры банкротства в суде требования к должнику-юридическому лицу в совокупности должны составлять не менее 100 000 рублей, к должнику-гражданину – не менее 10 000 рублей.

Интересно исследование вопроса о моменте наступления уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве. Установлено, что преступление совершается при наличии признаков банкротства. Изменения, внесенные Федеральным законом от 19 декабря 2005 г. № 161-ФЗ, исключили из исследуемой статьи фразу «при банкротстве или в предвидении банкротства». Понятие «предвидение банкротства» вызывало существенные затруднения при его толковании, поскольку ранее действовавшие законы о несостоятельности, содержащие это понятие, утратили силу.

Впрочем, и в настоящее время в судебной практике вопрос о моменте наступления уголовной ответственности решается неоднозначно. Теоретически самого факта наличия признаков банкротства достаточно для того, чтобы действия лица по сокрытию имущества, его отчуждению, уничтожению и т.д. были признаны преступными. Для признания деяния преступным не требуется, например, возбуждения процедуры банкротства или фактического признания лица банкротом арбитражным судом¹. В то же время в следственной практике, как правило, уголовные дела по ст. 195 УК РФ возбуждаются, если преступные деяния совершены при наличии факта несостоятельности организации, подтвержденного определением или решением Арбитражного суда. Такая позиция правоохранительных органов вызвана стремлением облегчить процесс доказывания, «подстраховаться» в случае направления обвинительного заключения в суд. Однако существуют единичные случаи, когда руководители организаций привлекались к ответственности по ст. 195 УК РФ, независимо от фактического наличия признаков банкротства, подтвержденных в арбитражном суде.

В частности, Вольский городской суд признал виновным директора МУП «Вольскдорстрой» по ч. 1 ст. 195 УК РФ (совершение неправомерных действия при банкротстве), которому за содеянное было назначено наказание в виде ли-

шения свободы сроком на 1,5 года условно с испытательным сроком в 6 месяцев со штрафом в размере 10 тыс. Приговор вступил в законную силу. Осенью 2004 г. в отношении руководителя было возбуждено дело по ч. 2 ст. 14.13 КоАП (неправомерные действия при банкротстве) за неисполнение обязанностей по подаче в арбитражный суд заявления о признании МУП «Вольскдорстрой» банкротом. «К тому времени предприятие отвечало всем признакам банкротства: не было имущества, обеспечивающего погашения требований кредиторов, финансовое состояние предприятия было неустойчивым, структура бухгалтерского баланса признана неудовлетворительной, налоговая задолженность к 1 ноября 2004 г. достигла 5 млн 964,9 тыс. рублей». Осенью 2004 г. Л... принял решение о безвозмездном отчуждении двух автомобилей КАМАЗ общей стоимостью 1 млн 994 тыс. рублей некоей организации. «В результате преступных действий, совершенных директором предприятия в предвидении банкротства, кредиторам МУП «Вольскдорстрой», в том числе государству и Вольскому муниципальному образованию Саратовской области причинен ущерб в размере 1 млн 994,2 тыс. рублей. «Таким образом, своими действиями Л... совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 195 УК РФ, и суд признал его виновным»².

Объективная сторона преступления по ч. 1 ст. 195 УК РФ включает в себя деяние, совершенное в следующих формах: 1) сокрытие имущества или имущественных обязательств, сведений об имуществе, его размере, местонахождении или иной информации, либо иной информации об имуществе или имущественных обязательствах; 2) передача имущества во владение иным лицам; 3) отчуждение или уничтожение имущества; 4) сокрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя, взятых в любом сочетании.

Предметом данного преступления могут быть имущество, имущественные обязательства, документы и иные материальные носители, отражающие сведения об имуществе, бухгалтерские и иные отчетные документы, содержащие информацию об экономической деятельности предприятия.

Понятие имущества применительно к рассматриваемому случаю вытекает из ст. 128 Гражданского кодекса РФ. Имущественные обязательства (п. 1 ст. 307 ГК РФ) могут быть предметом

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.М. Лебедева. М.: «Норма», 2007.

² По материалам официального интернет-сайта Саратовской ГТРК // <http://www.saratov.rfn.ru>

данного преступления в том случае, если они закреплены в документах или в иных материальных носителях (например, отражены на магнитном диске ЭВМ). Бухгалтерские и иные отчетные документы, в которых отражена экономическая деятельность, могут являться предметом данного преступления при условии, что они скрыты или уничтожены, или в них внесены сведения, не соответствующие действительности, либо из них исключены сведения, соответствующие действительности.

Обязательным элементом объективной стороны неправомерных действий является крупный ущерб, т.е. ущерб в сумме, превышающей 250 000 рублей.

Субъективная сторона преступления по ч. 1 ст. 195 УК РФ характеризуется прямым или косвенным умыслом. Мотивы и цели преступления не указаны в числе обязательных признаков состава. Однако если лицо, скрывая имущество, преследует цель его присвоения, его действия должны квалифицироваться как хищение.

Часть 1 ст. 195 УК РФ в ранее действовавшей редакции предусматривала специального субъекта: неправомерные действия как в предвидении банкротства, так и при нем могли быть совершены руководителем или собственником организации-должника либо индивидуальным предпринимателем. Сопоставление положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и положений ч. 1 ст. 195 УК РФ привело к выводу об их противоречии друг другу: руководитель организации-должника не имел фактической возможности совершить неправомерные действия при банкротстве. Он перестает быть руководителем одновременно с принятием решения о признании должника несостоятельным (банкротом) и переходит в ранг частных, по отношению к должнику, лиц. Соответственно, он не мог быть привлечен к ответственности по ч. 1 ст. 195 УК, поскольку уже не являлся ее субъектом. Федеральный закон от 19 декабря 2005 г. № 161-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» исправил указанную ситуацию. В ныне действующей редакции ч. 1 ст. 195 УК РФ вообще нет указаний о специальном субъекте преступления. Данное изложение нормы представляется правильным, поскольку на практике зачастую незаконные действия совершают бывшие руководители организации или индивидуальные предприниматели, в отношении которых уже открыто конкурсное производство. То есть, возможность привлечения к уголовной ответственности

руководителя или индивидуального предпринимателя в ранее действовавшей редакции ч. 1 ст. 195 УК РФ была поставлена в зависимость от того, в какой процедуре банкротства совершаются незаконные действия. В настоящее время субъектом преступления по ч. 1 ст. 195 УК РФ является вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, как правило, учредитель или руководитель организации-должника, индивидуальный предприниматель, арбитражный управляющий. Не могут быть субъектами данного преступления руководители казенного предприятия и учреждения, также руководители политической партии и религиозной организации (объединений). Все указанные юридические лица, согласно ст. 65 ГК РФ, не относятся к юридическим лицам, которые могут быть признаны несостоятельными.

Часть 2 ст. 195 УК РФ устанавливает уголовно-правовой запрет и санкцию за нарушение выполнения определенного законодательством (ст. 134 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)») порядка очередности удовлетворения требований кредиторов при банкротстве граждан и юридических лиц. Речь идет о неправомерном удовлетворении требований отдельных кредиторов виновным – должником в ущерб другим кредиторам.

Неправомерность такого удовлетворения состоит в нарушении очередности, установленной Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» для удовлетворения требований кредиторов. Закон предусматривает, что удовлетворение требований кредиторов должно производиться в строгой очередности. Так, в соответствии со ст. 134 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» требования кредиторов удовлетворяются в следующей очередности:

в первую очередь, производятся расчеты по требованию граждан, перед которыми должник-организация или индивидуальный предприниматель несет ответственность за причинение вреда жизни и здоровью, а также компенсация морального вреда;

во вторую очередь, производятся расчеты по выплате выходных пособий и оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и по выплате вознаграждений по авторским договорам;

в третью очередь, производятся расчеты с другими кредиторами.

Требования каждой очереди удовлетворяются после полного удовлетворения требований предыдущей очереди. Отметим, что удовлетво-

рение требований кредиторов по текущим денежным обязательствам производится в порядке очередности, установленной ст. 855 ГК РФ.

Таким образом, рассматриваемая норма Уголовного кодекса РФ предполагает совершение должником-банкротом действий, нарушающих указанные требования Гражданского Кодекса РФ и Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и причиняющих ущерб интересам других кредиторов. Действия, образующие объективную сторону деяния, могут состоять также в удовлетворении требований отдельных кредиторов, произведенном с нарушением установленных пропорций, т.е. в сумме, превышающей установленную для данных кредиторов долю.

Неправомерное удовлетворение имущественных требований отдельных кредиторов предполагает в качестве обязательного признака обстановку совершения деяния – наличие признаков банкротства должника. Иными словами, здесь речь идет о наличии признаков банкротства, предусмотренных ст. 3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». Следует отметить, что речь идет о фактической, а не юридической (признанной в установленном законом порядке) несостоятельности. Н.А. Лопашенко указывает, что если производство по делу о несостоятельности еще не возбуждено, но признаки банкротства уже имеются, преступными при наличии других признаков состава являются: 1) нарушение очередности удовлетворения требований кредиторов; 2) нарушение пропорциональности удовлетворения требований кредиторов одной очереди; 3) нарушение законодательного положения об удовлетворении требований кредиторов следующей очереди после полного погашения требований предыдущей очереди¹.

Таким образом, для признания действий преступными не имеет значения, возбуждена процедура банкротства или нет. Вместе с тем, как представляется, рассматриваемая уголовно-правовая норма сформулирована законодателем некорректно. Если следовать вышесказанному, то в случае если руководитель организации, у которой имеются признаки банкротства, но не возбуждена данная процедура, заведомо выплачивает задолженность по налогам и сборам вместо погашения задолженности по заработной плате, он совершает преступные действия. Однако, на наш взгляд, в данном случае руководитель организации ведет обычную хозяйственную деятельность, нормы законодательства о несостоятельности не ограничивают его действия. Положения закона «О несостоятельности (банкрот-

стве)» и Гражданского кодекса РФ об очередности удовлетворения требований кредиторов применяются только лишь в случае возбуждения одной из процедур несостоятельности. Так, например, при введении процедуры наблюдения руководитель должника должен четко осознавать, что требования кредиторов по ряду обязательств (так называемых «реестровых») подлежат судом включению в реестр требований кредиторов в установленную очередь, погашение указанных требований в процедуре наблюдения недопустимо. В связи с этим считаем целесообразным законодательно изменить обстановку совершения деяния относительно случаев, когда возбуждена процедура несостоятельности (банкротства).

Неправомерное удовлетворение имущественных требований отдельных кредиторов влечет уголовную ответственность, если действиями виновного причинен крупный ущерб и есть причинная связь между действиями субъекта и ущербом.

Субъективная сторона преступления характеризуется умышленной виной в форме прямого умысла. На совершение деяния с прямым умыслом прямо указано в тексте закона: действия совершаются заведомо в ущерб другим кредитрам. При совершении данного деяния должник осознает не только неправомерность и общественную опасность своих действий, но и свою фактическую несостоятельность. Кроме того, виновный при совершении своих действий предвидит, что они неизбежно приведут к причинению крупного ущерба интересам других кредиторов, и желает причинения такого ущерба. Сказанное означает, что лицо можно привлечь к ответственности по ч. 2 ст. 195 УК РФ только в том случае, если причиняемый им ущерб был желателен. Если же руководитель, учредитель, либо индивидуальный предприниматель категорически отрицают желание причинить ущерб, настаивая на безразличном к нему (ущербу) отношении, то в этом случае следователь и прокурор оценивают объективные обстоятельства, и если на основании такого анализа они делают вывод о том, что какие бы версии обвиняемый ни выдвигал, он просто не мог не понимать очевидного следствия своих действий – причинения ущерба другим кредитрам, лицу предъявляется обвинение в совершении преступления с прямым умыслом. Иначе говоря, исходя из содержания форм умысла заключается, что если причинение ущерба вследствие действий лица неизбежно, то причинитель ущерба, безусловно, его желает, а не допускает.

Часть 2 ст. 195 УК предусматривает специ-

¹ См.: Лопашенко Н.А. Указ. соч.

альный субъект: руководитель юридического лица, учредитель (участник) и индивидуальный предприниматель. До настоящего времени, несмотря на принятый Федеральный закон от 19 декабря 2005 г. № 161-ФЗ, законодателем и судом не разъяснено, может ли арбитражный управляющий, совершающий неправомерные действия при банкротстве, быть субъектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 195 УК РФ. Для уяснения данного вопроса следует исходить из понятия руководителя юридического лица. Так, согласно ст. 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», под руководителем должника понимается единоличный исполнительный орган юридического лица или руководитель коллегиального исполнительного органа, а также иное лицо, осуществляющее в соответствии с федеральными законами деятельность от имени юридического лица без доверенности. Так, внешний и конкурсный управляющий должника действуют от имени организации без доверенности, к ним переходят все полномочия руководителя организации с ограничениями, предусмотренными законодательством о несостоятельности. Сведения о внешнем и конкурсном управляющем как о лицах, действующих от имени общества без доверенности, в обязательном порядке подлежат внесению в Единый государственный реестр юридических лиц. С учетом изложенного, внешний и конкурсный управляющий организации должны признаваться субъектами рассматриваемого состава преступления. Подчеркнем, что никакие иные критерии отнесения к руководителям организации-должника, включая цели их деятельности, в Федеральном законе не обозначены.

Считаем необходимым для единообразия правоприменительной практики предусмотреть в ч. 2 ст. 195 УК РФ уголовную ответственность для указанной категории лиц, учитывая специфику возможных неправомерных действий при руководстве конкурсным производством или в процедуре внешнего управления.

Вступивший в силу с 1 января 2006 г. Федеральный закон от 19 декабря 2005 г. № 161-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» дополнил Уголовный кодекс Российской Федерации новым составом преступления. Так, ч. 3 ст. 195 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за незаконное воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего либо временной администрации кредитной организации в случаях, когда функции руководителя юри-

дического лица либо кредитной организации возложены соответственно на арбитражного управляющего или руководителя временной администрации кредитной организации.

В качестве примера, характеризующего объективную сторону рассматриваемого состава, Уголовный кодекс называет уклонение или отказ от передачи арбитражному управляющему либо временной администрации кредитной организации документов, необходимых для исполнения возложенных на них обязанностей, или имущества, принадлежащего юридическому лицу либо кредитной организации.

Безусловно, введение законодателем нового состава преступления является позитивным сдвигом в борьбе с криминальными банкротствами, служит гарантией от воспрепятствования осуществлению функций арбитражного управляющего и руководителя временной администрации кредитной организации.

Однако непонятно стремление законодателя ограничить случаи применения данного состава преступления. Как следует из анализа рассматриваемой уголовно-правовой нормы, уголовная ответственность за незаконное воспрепятствование наступает только лишь в случаях, когда функции руководителя юридического лица либо кредитной организации возложены соответственно на арбитражного управляющего или руководителя временной администрации кредитной организации. На наш взгляд, привлечь к уголовной ответственности лиц, незаконно препятствующих деятельности арбитражного управляющего в процедурах наблюдения и финансового оздоровления, невозможно, поскольку данные процедуры банкротства не предполагают возложение функции руководителя юридического лица либо кредитной организации соответственно на арбитражного управляющего или руководителя временной администрации кредитной организации. Однако в соответствии с Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» в процедуре наблюдения органы управления должника обязаны предоставлять временному управляющему по его требованию любую информацию, касающуюся деятельности должника (ст. 66). На практике, невыполнение органами управления должника указанной обязанности влечет невозможность проведения временным управляющим анализа финансового состояния и, как следствие, окончания процедуры наблюдения в установленный срок. В связи с этим считаем необходимым изложить ч. 3 ст. 195 УК РФ в иной редакции, предусматривающей возможность привлечения виновных лиц к ответственности в процедурах на-

блюдения и финансового оздоровления.

Уголовная ответственность по ч. 3 ст. 195 УК РФ наступает, если действиями виновного причинен крупный ущерб и есть причинная связь между действиями субъекта и ущербом.

Субъективная сторона характеризуется умышленной виной в форме прямого и косвенного умысла. Предвидим возможность появления в научной литературе мнений, характеризующих преступление с субъективной стороны как совершаемое только с прямым умыслом.

Круг лиц, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности за совершение данного преступления, законодательно не ограничен, т.е. им может быть любое лицо, достигшее возраста 16 лет. Следовательно, теоретически к ответственности может быть привлечено любое вменяемое физическое лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста. Разумеется, на практике в качестве субъектов данного преступления будут фигурировать лица, имеющие реальную возможность и заинтересованность препятствовать дея-

тельности арбитражного управляющего либо временной администрации кредитной организации, например, руководители, учредители (участники) должника, индивидуальные предприниматели.

Отметим, что достаточно сложно отграничить неправомерные действия при банкротстве и преднамеренное банкротство в тех случаях, когда руководитель юридического лица при наличии признаков банкротства совершает действия, состоящие в отчуждении имущества, и эти действия заведомо влекут неспособность организации в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Как справедливо отмечает П.С. Яни, действия виновного квалифицируются по ст. 196 УК РФ лишь в том случае, когда виновный ставил целью банкротство организации. Если установлено, что, несмотря на наличие признаков банкротства, такая цель не преследовалась, содеянное должно квалифицироваться при наличии к тому и иных оснований по ч. 1 ст. 195 УК РФ¹.

¹ Яни П.С. Сложности квалификации преступлений, связанных с банкротством // Законодательство. 2007. № 8.

Чернышева Юлия Андреевна

старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

Легализация эвтаназии в России

К о второй половине XX в. в мире вновь развернулась дискуссия вокруг легализации эвтаназии. Считалось и считается, что действия врача в отношении пациента рассчитаны только на благо пациента. Если процесс умирания затягивается на долгие месяцы и даже годы, по меньшей мере, для врача это не гуманно, а для пациента мучительно и болезненно. Более того, возникает новая проблема – проблема по поводу понимания действительного блага пациента. Долг врача – облегчить страдания пациента, и если пациент болен безнадежно и при этом медицине неизвестны другие способы облегчения страданий, то почему врач не может прибегнуть к такому крайнему способу, как эвтаназия?¹

Проблема эвтаназии на современном этапе стала наиболее актуальной в нашем здравоохранении. С развитием общества меняются взгляды на ее применение. Все чаще возникает вопрос о замене такого принципа, как гуманизм, на избавление от страданий человека с помощью эвтаназии.

Отсутствие законодательного закрепления эвтаназии фактически привело к тому, что право на жизнь обернулось для многих страдающих смертельным недугом людей в обязанность жить или, более того, быть «человеком-овощем». Жизнь не должна превращаться в бессмысленное, сопровождающееся мучительными страданиями существование. Правовые запреты на эвтаназию приводят к тому, что человек, для которого сохранность жизни не имеет значения, лишен возможности реализовать свою волю.

Из-за отсутствия правового регулирования отношений по осуществлению эвтаназии возникает спорный вопрос об уголовно-правовой оценке убийства по просьбе неизлечимо больного человека с целью избавления его от неимоверных мучений. В связи с этим нами был разработан проект ФЗ «Об эвтаназии», который поможет решить различные проблемы в области права человека на смерть.

Проект.

Закон РФ «Об эвтаназии».

Раздел I.

Общие положения.

Статья 1. Основные понятия.

Эвтаназия – это акт медицинского вмешательства, производимый по просьбе безнадежно больного пациента с целью избавления его от физических и моральных страданий легким ускорением смерти какими-либо действиями или средствами.

Активная эвтаназия осуществляется врачом путем применения активных медико-социальных действий, в результате чего наступает смерть человека (применение к пациенту лекарственных препаратов или в их передозировке).

Пассивная эвтаназия – отказ от искусственного поддержания жизни.

Безнадежно больной человек – это больной, который умрет в ближайшие часы, дни или недели, независимо от наличия или отсутствия искусственной поддержки жизненно важных функций.

Инкурабельный больной – это больной, который умрет от имеющейся у него болезни из-за несовершенства медицины при этой болезни, но время наступления его смерти неизвестно и может измеряться месяцами и годами.

Экспертный совет – орган, осуществляет надзор за правильностью принятия решения консилиума врачей о достоверности постановки диагноза пациента, а также контролирует правовые вопросы.

Специализированное отделение – отделение, в котором находятся неизлечимо больные или инкурабельные пациенты, готовящиеся к осуществлению акта эвтаназии.

Статья 2. Учреждения здравоохранения, осуществляющие акт эвтаназии.

Проведение акта эвтаназии (активной и пассивной эвтаназии) разрешается только в государственных учреждениях здравоохранения, на базе специализированных отделений. Право на осуществление эвтаназии предоставлено врачам особой категории – «эвтаназиологам» или ане-

¹ Тангиева Н. Право на смерть // Skola. 2003. М., 2004. С. 48.

стезиологам и реаниматологам.

Статья 3. Права и обязанности неизлечимо больного пациента.

Неизлечимо больной или инкурабельный пациент имеет право на:

- самостоятельное решение об эвтаназии;
- осуществление акта эвтаназии;
- полностью быть информированным о состоянии своего здоровья;
- аннулирование своего решения об эвтаназии.

Неизлечимо больной или инкурабельный пациент обязан:

- соблюдать все требования и условия закона по осуществлению акта эвтаназии;
- нотариально оформить заявление на проведение эвтаназии;

Статья 4. Права и обязанности медицинского работника (врача).

Врач при условиях, указанных в законе, имеет право осуществлять эвтаназию:

если пациент является совершеннолетним и находится в здравом уме и трезвой памяти в момент высказывания своей просьбы об эвтаназии;

просьба должна быть добровольной, обдуманной;

если пациент испытывает непереносимые психические и физические страдания, а медицинские средства не в силах смягчить их;

врач обязан убедиться в том, что желание уйти из жизни неизлечимо больного или инкурабельного человека является добровольным, и он обсудил свое желание со своими родственниками;

просьба пациента должна быть документально оформлена.

Врач имеет право отказаться от проведения эвтаназии в силу своих религиозных и нравственных побуждений.

Врач обязан:

полностью информировать пациента о его состоянии;

обсудить с ним все терапевтические возможности и их последствия;

должен быть уверен, что иного выхода, как эвтаназия, нет, чтобы облегчить страдания неизлечимо больного или инкурабельного пациента;

должен провести несколько бесед с пациентом, чтобы убедиться в добровольности его желания;

должен передать заявление и личную медицинскую карту пациента со своим заключением в специальную медицинскую комиссию.

Статья 5. Лица, имеющие право на осуществление эвтаназии.

Право на осуществление эвтаназии принадлежит совершеннолетним неизлечимо больным или инкурабельным пациентам, находящимся в здравом уме и трезвой памяти в момент высказывания своей просьбы об эвтаназии.

Статья 6. Ограничение круга лиц, имеющих право на эвтаназию.

Не допускается проведение эвтаназии несовершеннолетним неизлечимо больным или инкурабельным пациентам либо признанным в установленном порядке недееспособными.

Раздел II. Условия и порядок осуществления эвтаназии.

Статья 7. Условия осуществления эвтаназии

Основными условиями, дающими право на эвтаназию, являются:

1. Больной должен испытывать сильные физические страдания, обезболить которые медицинскими средствами не удастся;

2. Прогнозируемый срок жизни больного составляет 6 месяцев или менее;

3. Пациент не должен находиться в депрессивном состоянии, о чем должно свидетельствовать заключение психиатра и психолога;

4. Добровольное нотариальное волеизъявление неизлечимо больного или инкурабельного пациента.

Статья 8. Заявление пациента на осуществление эвтаназии.

Решение пациента должно быть оформлено письменно в виде заявления в присутствии нотариуса. Оформление решения может происходить как в нотариальной конторе, так и в специальном отделении медицинского учреждения.

Заявление не может быть подписано другим человеком, например, близким родственником или законным представителем.

Если человек в силу своего заболевания не может собственноручно подписать заявление, то тогда подписание такого документа должно происходить в присутствии нотариуса и сотрудника прокуратуры или органов внутренних дел, которые входили бы в Экспертный Совет.

В заявлении должны быть указаны причины, по которым лицо не смогло собственноручно его подписать. В конце данного заявления ставятся подписи лиц, присутствующих при его подписании.

После этого лечащий врач передает данное заявление и личную медицинскую карту пациента со своим заключением в специальную медицинскую комиссию.

Статья 9. Прижизненное заявление об эвтаназии.

Прижизненное заявление об эвтаназии сви-

детельствует о том, что лицо отказывается от поддержания жизнедеятельности с помощью жизнеобеспечивающей аппаратуры в случае неизлечимого заболевания или в случае несчастного случая.

Данное заявление нотариально удостоверяется и приобщается к личной медицинской карте пациента.

Статья 10. Условия осуществления эвтаназии на основании прижизненного заявления об эвтаназии.

При заранее составленном заявлении врач должен констатировать, что пациент:

пребывает в бессознательном состоянии;

неизлечимо болен;

исчерпаны все медицинские средства, но данная ситуация необратима;

стал жертвой несчастного случая.

Статья 11. Медицинская комиссия.

Комиссия изучает и исследует поставленный лечащим врачом диагноз и необходимые условия, при которых возможно применение эвтаназии. В состав комиссии входят не менее 3-х независимых врачей-консультантов и лечащий врач.

Медицинской комиссии принадлежит право повторного независимого обследования пациента. Повторное обследование проводится и с привлечением других специалистов, не входящих в состав комиссии.

Диагноз и прогноз заболевания должен быть подтвержден единогласно всеми членами комиссии. Комиссия направляет свое заключение со всеми необходимыми документами в Экспертный Совет.

Статья 12. Экспертный совет.

Экспертный совет осуществляет надзор за правильностью принятия решения консилиума врачей о достоверности постановки диагноза пациенту, а также контролирует правовые вопросы.

Статья 13. Структура Экспертного Совета.

В совет должны входить представители различных структур:

медицинские работники (врачи с высшей категорией и имеющие большой стаж работы) – 3 человека;

юрист – 1 человек;

сотрудник прокуратуры или сотрудник органов внутренних дел – 1 человек;

психолог – 1 человек;

психиатр – 1 человек.

Статья 14. Разрешение экспертного Совета на проведение акта эвтаназии.

После проведения необходимой проверки в течение 2-3-х недель экспертный Совет удостоверяется, что все необходимые условия соблю-

дены, выдает Специальное разрешение на проведение эвтаназии. Если после получения разрешения Экспертного совета пациент решит отказаться от него, то его просьба немедленно удовлетворяется.

Статья 15. Пассивная эвтаназия.

Пассивная эвтаназия – отказ от искусственного поддержания жизни.

Отказ от искусственного поддержания жизни неизлечимо больного или инкурабельного пациента, находящегося в полном вегетативном состоянии (бессознательном), принадлежит его близким родственникам при установлении определенных временных границ, когда возможно наступление смерти.

Статья 16. Отказ в эвтаназии.

Право на отказ в эвтаназии принадлежит Экспертному Совету. Если в ходе проверки будет установлено, что лицо приняло такое решение под давлением, либо достоверность неизлечимого заболевания не подтвердилась, то в эвтаназии будет отказано.

Статья 17. Определение момента смерти.

Акт эвтаназии проводится в государственных учреждениях здравоохранения, на базе специализированных отделений. После проведения эвтаназии медицинским учреждением выдается заключение о смерти пациента.

Заключение о смерти дается на основе констатации необратимой гибели всего головного мозга (смерти мозга), установленной в соответствии с процедурой, утвержденной Министерством здравоохранения Российской Федерации.

Статья 18. Ответственность учреждения здравоохранения.

Врач, осуществляющий эвтаназию, с нарушением требований настоящего закона несет уголовную ответственность в соответствии с нормами УК РФ.

Если закон «Об эвтаназии» будет принят, то, соответственно, необходимо предусмотреть ответственность медицинского персонала за осуществление эвтаназии с нарушением требований настоящего Закона.

В редакции УК РФ:

Незаконное осуществление эвтаназии.

Осуществление акта эвтаназии врачом вследствие нарушений требований, установленных законом, – наказывается ограничением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет.

Шадян Шаген Артемович

адъюнкт кафедры криминологии
Краснодарского университета МВД России

Генезис научных взглядов о понятии «рецидив преступлений»

Понятие рецидива преступлений в рамках уголовно-правовой науки разрабатывалось как до революции 1917 г., так и после нее¹. Указания на повышенную опасность рецидива и о необходимости более строгого наказания рецидивистов встречаются в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1922 г., в УК РСФСР 1922 г., в Основных началах уголовного законодательства СССР 1924 г.² Однако в дальнейшем рецидиву стали уделять недостаточное внимание. В условиях культа личности проблемы борьбы с рецидивом преступлений фактически не рассматривались. В это время наблюдалась тенденция подмены настоящей и реальной борьбы с рецидивной преступностью общими формулировками об отсутствии в нашей стране этого вида преступности. Обосновывая такой подход, некоторые исследователи утверждали, что «ставить момент большей социальной опасности в зависимости от момента формальной судимости за ранее совершенное преступление или с момента отбытия наказания за него значило бы вступление на путь формальной оценки социальной опасности субъекта, что противоречит принципам советского уголовного права»³.

Из Основных начал уголовного законодательства в 30-х гг. было исключено само понятие рецидивиста. Вместе с тем, сказанное выше не означает, что борьбе с таким видом преступности не уделялось никакого внимания. В УК РСФСР 1926 г., например, предусматривалась повышенная уголовная ответственность за умышленное убийство лицом, ранее привлекавшимся за умышленное убийство или телесное повреждение и отбывшим назначенную судом меру социальной

защиты (п. «б» ст. 136). По этому же УК отягчающим обстоятельством получения взятки (ч. 2 ст. 117) признавалось наличие прежней судимости за взятку.

Вопрос о понятии рецидива преступлений и его видах разрабатывается в правовой теории много лет, но среди исследователей-правоведов нет единого мнения в оценке и толковании этого понятия. Конкретные предложения по выбору признаков, позволяющих отнести лицо, совершившее повторное преступление, к категории рецидивистов, а рассматриваемое явление - к рецидиву, обнаруживают существенные расхождения, которые в определенной мере носят объективный характер, так как понятие «рецидив преступлений» используется представителями разных наук: уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права. Соответственно различают легальный, криминологический, пенитенциарный рецидив.

Кроме того, среди ученых, признающих уголовно-правовой рецидив, нет единого мнения о существенных признаках этого явления. Проявляя единодушие в том, что уголовно-правовой рецидив имеет место лишь в случае совершения одним и тем же лицом повторного преступления после его осуждения за предыдущее, но в пределах срока погашения судимости (если судимость не снята) ученые данной группы расходятся в оценке различных обстоятельств, относящихся к повторению преступлений. М.А. Ефимов, М.Д. Шаргородский, В.А. Шкурко полагали, что рецидив будет лишь в случае, когда лицо совершает повторное преступление после осуждения и полного или частичного отбытия наказания за первое (или предыдущее) преступление⁴.

Вместе с тем и в рамках одной отрасли

¹ См.: Таганцев Н.С. Повторение преступлений. СПб., 1867. С. 234; Сергиевский Н.Д. Наказание в русском праве 17 века. СПб., 1987. С. 211.

² См.: Познышев С.В. Учебник уголовного права. Общая часть. М., 1923. С. 185.

³ См.: Энциклопедия государства и права. Т. 3. М., 1930. С. 540.

⁴ См.: Шаргородский М.Д. Наказание по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 43; Яковлев А.М. Борьба с рецидивной преступностью. М., 1964. С. 8-9; Ефимов М.А., Шкурко В.А. Рецидивная преступность и ее предупреждение. Минск, 1977. С. 8.

науки расхождения в определении рецидива весьма значительны. Поэтому необходимо более подробно рассмотреть признаки, предлагаемые разными авторами для характеристики рецидива преступлений. Именно такой анализ дает возможность решить те задачи, которые нами поставлены. Начнем с понятия легального рецидива.

Например, П.Ф. Гришанин относил к числу правовых признаков, характеризующих рецидив и рецидивистов, следующие: 1) совершение виновным двух или более преступлений; 2) наличие у виновного судимости за прошлое преступление перед совершением повторного преступления; 3) умышленный характер преступлений, совершенных виновным до и после осуждения¹. Часть теоретиков – исследователей рецидива – считали, что если осужденный совершил повторное преступление сразу после вступления приговора в законную силу, то согласно изложенной точке зрения он рецидивистом не признается; но преступление, совершенное им в колонии десятью днями позже, превращает его в рецидивиста. Согласиться с этим трудно. Нам представляется правильной позиция В.И. Попова, который писал по этому поводу следующее: «... неэффективность срочного наказания не может быть констатирована до истечения всего срока, определенного судом. Требование же полного отбытия наказания, как условие признания повторного преступления рецидивом, противоречит закону и практике борьбы с рецидивной преступностью»².

Таким образом, решающее значение должен иметь не факт отбытия наказания (т.е. пенитенциарное воздействие на осужденного), а факт отрицательной оценки его деяния органом государства (судом).

В части 1 ст. 18 УК РФ содержится законодательное определение рецидива преступлений: «Рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление». Уже из законодательной трактовки можно выделить два основных признака рецидива: во-первых, это совершение лицом в разное время двух и более преступлений; во-вторых, необходимо наличие судимости за предшествующее преступление. Причем неважно, отбывало

ли лицо наказание по предшествующему приговору или нет. Факт отбытия учитывается лишь при избрании вида исправительного учреждения в случае осуждения рецидивиста к лишению свободы.

Часть ученых оспаривала один из вышеуказанных признаков рецидива преступлений – признак умышленности ранее совершенных преступлений и вновь совершенного преступления³. Действительно, закон, определяя понятие преступления, признает таковым не только деяние, совершенное умышленно, но и по неосторожности. Значит, по закону, общество нуждается в уголовно-правовой защите от неосторожных посягательств не менее, чем от умышленных. На основании чего Т.М. Кафаров считал, что тезис об обязательной умышленности преступления в рецидиве «истекает из недооценки преступлений, совершенных по неосторожности»⁴. Напротив, Ю.И. Шутов утверждал, что «... рецидив – понятие не только юридическое, но и социологическое, выражающее повышенную опасность субъекта, поэтому для признания рецидива следует учитывать только умышленные преступления, совершенные лицом после достижения восемнадцати лет, поскольку именно эти моменты, в первую очередь, свидетельствуют о повышенной опасности». Такого же мнения придерживался и Ю.М. Ткачевский⁵.

На наш взгляд, личность может обладать повышенной общественной опасностью и до восемнадцатилетнего возраста, так как человек и в более раннем возрасте способен осознавать противоправность своих действий и уголовно-правовые последствия, связанные с ними. Кроме того, излишние, если можно так выразиться, поправки способны увеличить и без того высокий уровень подростковой преступности. Приведем некоторые цифры из статистического исследования М.А. Ефимова, проведенного в 1997 г. По данным опроса обследованных рецидивистов, 34% совершили первое преступление в возрасте именно до 18 лет⁶. Однако в ч. 4 ст. 18 УК РФ установлено, что «судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до восемнадцати лет... не учитываются при признании рецидива преступлений». Мы согласны с мнением П.Н. Кобеца и

¹ См.: Гришанин П.Ф. Ответственность преступников-рецидивистов по советскому уголовному праву: Учебное пособие. М.: Академия МВД СССР, 1974. С. 58-59.

² Попов В.И. Возникновение и развитие понятия рецидива преступлений по русскому дореволюционному уголовному праву // Труды Киевской ВШ МВД СССР. Вып. 5. Киев, 1971. С. 149.

³ См.: Кафаров Т.М. Проблема рецидива в советском уголовном праве. Баку, 1972. С. 26.

⁴ Кафаров Т.М. Указ. соч. С. 112.

⁵ См.: Ткачевский Ю.М. Освобождение от отбывания наказания. М., 1970. С. 37- 44.

⁶ См.: Ефимов М.А. Рецидивная преступность и ее предупреждение. Минск, 1997. С. 12.

Д.В. Власова, с точки зрения которых представляется разумным, что возраст, указанный в ч. 4 ст. 18 УК РФ, необходимо привести в соответствие с возрастом, указанным в ч. 1 ст. 20 УК РФ, т.е. при рецидиве преступлений не учитывать судимости за преступления, совершенные в возрасте до 16 лет¹.

Также существенным юридическим признаком рецидива является наличие судимости за ранее совершенное преступление. Судимость в качестве обязательного юридического признака признавалась и русскими дореволюционными юристами. Так, Н.Д. Сергиевский писал в 1910 г., что «рецидив есть совершение одним и тем же лицом преступного деяния во второй, третий и т.д. раз после суда и наказания за первое»². Судимость в качестве уголовно-правового понятия означает, что лицо было признано судом виновным в совершении преступления и приговорено к какой-либо мере наказания, что и породило определенные правовые последствия. М.А. Ефимов и В.А. Шкурко считали, что рецидив, как уголовно-правовое явление, будет иметь место безотносительно к тому, были ли назначены судом виновному в первый раз лишение свободы, исправительные работы или штраф³. Во всех этих случаях речь идет о лице, которое уже подвергалось уголовно-правовому воздействию, но вновь совершило преступление, т.е. оно уже было наказано государством и, следовательно, должно было для себя извлечь урок из этого факта. Если же лицо, совершившее несколько преступлений, ни разу не было осуждено, то никто не может предвидеть, какова будет его реакция на применение к нему уголовного наказания. Возможно, что в результате первого же такого воздействия оно навсегда избавится от антиобщественной установки и никогда больше не совершит преступления. Вряд ли будет справедливым заранее выражать ему недоверие лишь по той причине, что оно виновно в совершении последовательно нескольких преступлений, и считать его рецидивистом. Так, например, Б.С. Утевский рассматривал рецидив как «повторное совершение виновным преступления независимо от того, был ли виновный ранее осужден и отбыл наказание или не отбыл...»⁴. Однако ч. 1 ст. 18 действующего УК прямо говорит о необходимости предыдущего

осуждения.

Итак, перечислим признаки рецидива преступлений в соответствии со ст. 18 УК РФ.

Первый признак - это умышленная форма вины предыдущего и последующего преступлений, т.е. рецидив не должен образовываться как сочетание неосторожных преступлений, так и сочетание неосторожных преступлений с умышленными.

Второй признак - судимость за предыдущее умышленное преступление, которая, как известно, является порождением факта осуждения преступника и назначения ему наказания.

Третий признак - возраст преступника на момент совершения предыдущего и последующего преступления (ч. 4 ст. 18 УК РФ).

Сравнительный анализ УК РФ и Основ 1991 г. показывает, что наряду с понятием рецидива преступлений Основы 1991 г. давали и понятие особо опасного рецидивиста. В качестве его существенных признаков назывались те же обстоятельства, что и в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г.: умышленный характер преступлений, судимость за эти преступления, совершение их в совершеннолетнем возрасте. В то же время по Основам 1991 г. круг лиц, которые могли быть признаны особо опасными рецидивистами, существенно ограничивался в связи с тем, что требовалось за повторное умышленное преступление назначение наказания не менее пяти лет лишения свободы. При этом перечня умышленных преступлений, сочетание которых было достаточным для признания преступника особо опасным рецидивистом, Основы 1991 г. не давали, отнеся это к компетенции республиканского законодателя.

Формулирование в Основах 1991 г. понятия особо опасного рецидивиста и признание в качестве одного из его существенных признаков умышленной формы вины преступлений явилось несомненным шагом вперед. Вместе с тем законодатель не реализовал до конца идею классификации рецидивистов по критерию степени их общественной опасности, поскольку игнорировал предложение многих ученых о выделении и опасного рецидива⁵.

Кроме того, Основы 1991 г. не содержали

¹ См.: Кобец П.Н., Власов Д.В. Криминологическая характеристика и предупреждение рецидива насильственных преступлений против собственности на региональном уровне: Монография. М.: ВНИИ МВД России, 2006. С. 27.

² Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекции. СПб., 1911. С. 217.

³ См.: Ефимов М.А., Шкурко В.А. Указ. соч. С. 119.

⁴ См.: Утевский Б.С. Преступность и рецидив // Современная преступность (преступление, пол, репрессия, рецидив). М., 1927. С. 32.

⁵ См.: Кобец П.Н., Власов Д.В. Предупреждение рецидивной преступности в России: Монография / Под ред. д-ра юрид. наук, профессора, академика РАЕН С.М. Кочои. М.: ВНИИ МВД России, 2006. С. 9.

весьма важной оговорки по поводу того, что признание преступника особо опасным рецидивистом является факультативным правом, но не обязанностью суда, как и указания на то, что при признании лица особо опасным рецидивистом следует учитывать и общественную опасность личности, мотивы совершенных преступлений, степень осуществления преступных намерений, степень и характер участия в совершении преступления и другие важные обстоятельства. Таким образом, Основы 1991 г. игнорировали выработанную теорией и судебной практикой идею, сформулированную в известном постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. № 8, с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 18 марта 1970 г. № 3 «О судебной практике по признанию лиц особо опасными рецидивистами», которая нашла отражение в Законе от 11 июля 1969 г. «О внесении дополнений и изменений в Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»¹. В современной законодательной трактовке данные недостатки устранены соответственно в ч. 2, 3 ст. 18 УК РФ.

Весьма важными с точки зрения охраны прав и свобод человека в УК РФ применительно к понятию рецидива являются следующие положения. В отличие от предшествующего уголовного законодательства, УК РФ не содержит понятия «особо опасный рецидивист», а употребляет лишь понятия «рецидив», «опасный рецидив» и «особо опасный рецидив» преступлений. Таким образом, УК РФ не содержит положения предшествующего Уголовного кодекса об особо опасной личности, как не содержит в Особой части ни одной нормы, в которой бы устанавливалась повышенная ответственность за особые качества личности преступника, как это предусматривалось, например, ч. 4 ст. 144, п. «л» ст. 102, ч. 4 ст. 117 и другими статьями УК РСФСР 1960 г.

Не менее важно и то, что в УК не предусматривается повышенная ответственность за разновидности рецидива - опасный и особо опасный, как и решение законодателем вопроса назначения наказания любого вида, в том числе смертной казни и пожизненного лишения свободы, применения условно-досрочного освобождения от наказания, погашения и снятия судимости не ставится в зависимость от особых качеств личности преступника, но связывается, главным образом,

с опасностью совершенных преступлений, в которой, безусловно, эти качества личности проявляются.

В статье 18 УК РФ называются существенные признаки рецидива и его видов. Для того чтобы точнее определить суть понятия рецидива преступлений, необходимо выяснить, как оно соотносится со смежными понятиями, сформулированными в УК РФ с совокупностью. В уголовно-правовой литературе это явление, обозначаемое этими понятиями, принято называть множественностью преступлений.

Сходство между совокупностью и рецидивом заключается в том, что в любом из этих случаев речь идет о одновременном совершении одним лицом нескольких преступлений (за исключением так называемой идеальной совокупности преступлений - ч. 2 ст. 17 УК РФ). По другим признакам совокупность и рецидив существенно различаются, причем различие между совокупностью и рецидивом более очевидно.

Совокупность, как явствует из ст. 17 УК РФ, имеет место тогда, когда лицо совершает два или более преступлений, предусмотренных различными статьями или частями одной статьи УК РФ, не будучи осужденным ни за одно из них. Этот вид множественности принято называть реальной совокупностью преступлений². Совершение одного деяния, содержащего признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями УК РФ, называется идеальной совокупностью преступлений³. Совокупность отличается от рецидива, во-первых, тем, что рецидив могут образовывать только одновременно совершенные умышленные преступления, а совокупность - и умышленные, и неосторожные в любой их последовательности. Во-вторых, существенным признаком рецидива является наличие у преступника судимости за предыдущее преступление на момент совершения последующего преступления. Совокупность же, наоборот, предполагает совершение двух и более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено. Совокупность имеет лишь одно уголовно-правовое последствие - специальный порядок назначения наказания преступнику, установленный в ст. 69 УК РФ.

Традиционное для отечественной теории и законодательства отношение к повышенной наказуемости рецидива как к радикальному средству его предупреждения не только остается не-

¹ См.: Ведомости Верховного Суда СССР. 1969. № 29. С. 249.

² См.: Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Отв. ред. д-р юрид. наук Б.В. Здравомыслов. М.: Юрист, 1996. С. 293.

³ См.: Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Отв. ред. д-р юрид. наук Б.В. Здравомыслов. М.: Юрист, 1996. С. 294 - 296.

зыблемым в УК РФ, но и получает дальнейшее развитие. Как отмечалось выше, в ч. 2 ст. 68 УК РФ установлены минимально возможные размеры наказания, назначаемого при рецидиве.

Говоря об уголовно-правовой значимости рецидива преступлений, следует также заметить, что в соответствии с п. «а» ст. 63 УК РФ он является обстоятельством, отягчающим наказание. Давно известно, что система Уголовного кодекса Российской Федерации является достаточно упорядоченной и все, что включено в закон, располагается по градации, по степени важности для государства и общества. Так и в случае с рецидивом преступлений: в списке отягчающих наказание обстоятельств он находится на первом месте. Тем самым законодатель подчеркивает, что при назначении наказания правоприменитель в первую очередь должен рассмотреть вопрос о том, совершено преступление впервые или же в действиях виновного усматриваются признаки рецидива преступлений. Это один из ключевых моментов в реализации принципа индивидуализации наказания. Справедливость того, что рецидив преступлений по своей правовой природе является обстоятельством, отягчающим наказание, не вызывает сомнений. Присутствие этого признака в п. «а» ст. 63 УК РФ не является бесспорным.

Квалификация судом рецидива преступлений влечет следующие правовые последствия по УК РФ:

рецидив преступлений признается обстоятельством, отягчающим наказание (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ);

рецидив преступлений влечет особый порядок назначения наказания, связанный с при-

менением к виновному более строгого наказания (ст. 68 УК РФ);

рецидив преступлений может повлечь особые правила отбывания виновным наказания в виде лишения свободы (п. «в», «г» ч. 1, 2 ст. 58 УК РФ);

в соответствии со ст. 68 УК РФ суд обязан усилить наказание при рецидиве. Вместе с тем здесь содержатся две весьма существенные оговорки, исключающие формальный подход суда при решении этого важного вопроса.

Первая оговорка состоит в том, чтобы учитывать при рецидиве число, характер и степень общественной опасности ранее совершенных преступлений, обстоятельства, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным. То же относится и к характеру и степени общественной опасности вновь совершенных преступлений (ч. 1 ст. 68 УК РФ). Таким образом, нижний предел наказания, которое может быть назначено при рецидиве, установлен законом (ч. 2 ст. 68 УК РФ). Верхний же его предел определяется санкцией статьи Особенной части УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за совершенное данным лицом преступление.

Вторая оговорка сформулирована в ч. 3 ст. 68 УК РФ: суд может назначить наказание при рецидиве и ниже тех минимальных пределов, которые названы в ч. 2 ст. 68 УК РФ, но лишь при наличии исключительных смягчающих обстоятельств, перечисленных в ст. 64 УК РФ. Здесь четко прослеживается мысль о максимальной индивидуализации наказания с учетом многих обстоятельств с тем, чтобы оно не стало мстью за сам факт рецидива.

Кобец Петр Николаевичдоктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник ВНИИ МВД России

Совершенствование предупреждения преступлений, совершаемых незаконными мигрантами из числа иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, на основе взаимодействия государственных органов и представителей национальных диаспор

В современной России члены национальных диаспор, состоящие из иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих в Российской Федерации, вправе требовать от государства обеспечения личной безопасности – защиты жизни, здоровья, достоинства и имущества. В настоящее время на территории Российской Федерации ряд проблем, возникающих с участием представителей национальных диаспор, во многом связанных с проблемой урбанизации и социальной адаптации. Поэтому решать вопросы, связанные с уменьшением негативного влияния национальных диаспор из числа иностранных граждан и лиц без гражданства, и их интеграции в российское общество необходимо усилиями широкого воздействия различных министерств и ведомств.

Чтобы эффективно решать эти задачи, необходимо, чтобы работа с представителями национальных диаспор имела приоритетное значение и соответствующую правовую базу, обеспечивающую правовую поддержку данной деятельности.

Возникновение и активизация миграционных потоков, направленных на территорию России, является объективной реакцией значительных социально-этнических слоев населения на происходящие в мире, на территории бывшего СССР и современной России социально-политические, экономические, демографические, информационные и иные процессы. Миграция представляет собой перемещение лиц через государ-

ственные границы в целях поиска убежища на территории России либо получения здесь источника заработка. Сохранение и обострение таких процессов будет и в дальнейшем способствовать проявлениям миграции, в том числе и ее незаконных форм. Этому в немалой степени способствует и геополитическое положение России. Россия граничит с целым рядом государств Азии, с которых и через территории которых проходит мощный поток беженцев.

Существенным отличительным признаком миграции является ее национально-этнический состав. В данном случае под словом «национальность» мы должны подразумевать не просто отметку в паспорте, а те этнонациональные особенности поведения и образа жизни мигрантов, реализация (проявление) которых может создавать конфликтные ситуации в иной этнонациональной среде. В частности, среди населения регионов России.

В связи с этим Министерству иностранных дел России необходимо:

разработать механизм взаимодействия в первую очередь со странами СНГ в области активизации деятельности по заключению международных договоров, по регулированию миграционных потоков;

подготовить и внести на рассмотрение Совета глав государств Содружества Независимых Государств и Совета глав правительства Содружества Независимых государств проекты следующих международных договоров:

«О возврате, приеме и транзите лиц, неза-

конно находящихся на территории государств-участников СНГ»;

«О единой системе учета граждан других государств и лиц без гражданства, въезжающих на территории государств-участников СНГ»;

осуществить внутригосударственные процедуры, необходимые для вступления в силу:

«Конвенции против транснациональной организованной преступности 2000 года»;

«Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года»;

«Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющего конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года»;

принять участие в разработке модельных законодательных актов:

«О миграции, правилах пребывания и регистрации граждан на территории государств-участников СНГ»;

«О противодействии организациям и лицам, деятельность которых имеет целью осуществление террористических актов на территории других государств»;

разработать предложения по проведению переговоров с уполномоченными органами власти сопредельных государств о пересмотре межправительственных соглашений о взаимных безвизовых поездках граждан;

разработать предложения по усилению консульских загранучреждений в миграционно-опасных странах миграционными сотрудниками для взаимодействия с местными правоохранительными органами, выявления поддельных документов, проведения собеседования с подозрительными лицами.

На территорию России обрушились мощные многонациональные потоки населения, которые существенно изменяют национальные характеристики, как в целом России, так и отдельных регионов.

Министерству образования и науки России необходимо выяснить:

по какому этническому принципу расселяются национальные диаспоры на территории России, есть ли закономерность?

существует ли взаимодействие между национальными диаспорами и Минобрнауки, есть ли обратная связь;

если в целом в масштабе России получить ответ на этот вопрос не представится возможным, можно сделать некоторые выводы на примере

городов Москвы, Владивостока, Новосибирска и др;

выработать критерии контроля за регистрацией религиозных общественных объединений, групп, а также усовершенствовать порядок контроля за деятельностью общественных объединений. При этом нужно исходить из необходимости выявления всех возможных форм их противозаконной деятельности, включая коммерческую и издательскую, а равно и противоправных деяний их руководителей и членов; подобный тщательный и всеобъемлющий контроль является необходимым условием пресечения скрытых проявлений экстремизма в деятельности национальных диаспор;

разработать мероприятия по подготовке кадров по работе с национальными диаспорами, для государственных органов специалистов по социальной психологии, по работе с молодежью, пенсионерами и другими категориями населения и иных специалистов. При этом может использоваться учебно-научный потенциал Российской Академии государственной службы, Академии народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации, учебных заведений и научно-исследовательских институтов заинтересованных органов исполнительной власти и органов прокуратуры, ФСБ России, МВД России, Минюста России;

разработать механизм, позволяющий создать в стране систему политического образования, предусматривающую развитие политического сознания и культуры граждан, воспитание на основе общечеловеческих идеалов подлинной демократии, формирование неприятия политического и религиозного экстремизма. Требуется внести необходимые дополнения в учебные планы и программы образовательных учреждений всех уровней, разработать учебные пособия, способствующие формированию отрицательного отношения к экстремизму;

в целях недопущения проникновения в образовательные учреждения идеологии религиозного экстремизма целесообразно рассмотреть вопрос о создании при Министерстве общего и профессионального образования Российской Федерации экспертного совета, без положительного заключения которого было бы невозможно введение курса или использование учебных материалов, связанных с религией, религиоведением, историей религий, смежными гуманитарными дисциплинами. Для работы в составе экспертного совета активнее привлекать самих религиозных лидеров и священнослужителей;

требует нормативно-правового закрепления

недопустимость конфессиональной анонимности или псевдоанонимности преподавателей религии, истории религии, религиоведения, смежных гуманитарных дисциплин, обязательность официального подтверждения от религиозных организаций о принадлежности к ним лиц, заявляющих о такой принадлежности.

Внешняя миграция является угрозой экономического, криминогенного, социального характера для России. Происходит бурное «размывание» коренного и постоянно проживающего населения России мигрантами. Мигранты как дешевая, а нередко еще и высококвалифицированная рабочая сила востребуются различными работодателями, что влечет рост безработицы для коренного населения России. В то же время внешние мигранты не несут таких государственно-правовых и организационных обязанностей, как постоянное население России. Через внешних мигрантов из России осуществляется постоянный отток финансов.

В чем заключается опасность внешних миграционных потоков и образования многочисленных национальных диаспор на территории России? Основная опасность многочисленных национальных диаспор заключается в комплексном негативном воздействии на многие стороны жизни России. В первую очередь, на изменение социальных характеристик регионов. Каждый регион России характеризуется определенными социальными характеристиками. В первую очередь – это состав населения, его половозрастные, вероисповедальные, образовательные, профессиональные и иные качества. Как правило, в ходе естественных процессов жизнедеятельности в регионах формируются определенные стабильные социальные характеристики. В частности, достаточно стабильное население.

Национальные диаспоры состоят из множества лиц, обладающих полом, возрастом, образованием, национальностью, профессиональными и криминальными навыками. «Вливаясь» в регионы, обладающие устоявшимися социальными характеристиками, национальные диаспоры взламывают национальную однородность; разрушают половозрастной состав; получают наиболее прибыльные рабочие места и, в конечном счете, разрушают социальную стабильность. А это порождает межнациональную напряженность; неприязнь постоянного населения к мигрантам; способствует росту преступности в отношении к мигрантам и преступности самих мигрантов.

Таким образом, в первую очередь Министерству регионального Развития необходимо:

проанализировать и определить, какие из национальных диаспор в большей степени оказывают влияние на изменение национально-этнических характеристик регионов;

выяснить, представители каких национальностей мигрируют на территории Российской Федерации;

необходимо выяснить, лица каких национальных диаспор стремятся осесть на постоянное жительство в регионах округа, и какие приезжают в нашу страну с целью заработка.

Основная часть мигрантов, направляющихся в Россию из республик Средней Азии и Закавказья – сельскохозяйственные жители. Между тем, в ряде регионов РФ сельское хозяйство находится на грани упадка из-за «вымирания» деревень. В «вымирающих» селах какое-то время сохраняются жилые дома, система сельского жизнеобеспечения. В связи с этим необходимо разработать комплекс мер под названием: «Национальные диаспоры – российское село». Из числа мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья подбирать людей, готовых осесть в России на постоянное жительство либо временную работу в сельском хозяйстве. Из числа мигрантов создавать отдельные фермерские и коллективные сельские хозяйства.

На основе проведенного анализа разработать мероприятия по заполнению мигрантами, прибывающими в Российскую Федерацию, сельскохозяйственных территорий;

разработать комплекс мер, направленных на усиление контроля за размещением национальных диаспор на территории РФ. Заменить самовыбор для размещения на рекомендуемый выбор. Направлять мигрантов, прежде всего в те районы, которые испытывают потребность в рабочей силе, где исчезают целые села.

Приоритетными задачами ведомства должны стать разработка мероприятий, связанных:

с расширением охвата и повышением устойчивости контроля за развитием национальных диаспор во всех субъектах РФ;

оптимизация числа и структуры национальных диаспор в интересах социально-экономического и демографического развития субъектов РФ с учетом индивидуального подхода к каждому;

обеспечение социально-бытовых условий пребывания и размещения членов национальных диаспор.

Есть и еще одна опасность: взаимоотношения между этническими диаспорами. Во многих городах наблюдается определенная коммерческая специализация на территории России. Вот

почему при определенном развитии событий на территории российских городов могут начаться межэтнические разборки между представителями ближнего зарубежья.

В этой связи Министерству информации и связи России необходимо:

подготовить предложения по совершенствованию деятельности, направленной на освещение в средствах массовой информации деятельности правоохранительных органов и общественных организаций по позитивному сотрудничеству с национальными диаспорами;

подготовить предложения о целесообразности издания информационных бюллетеней о проблемах национальных диаспор;

проанализировать опыт построения взаимоотношений между СМИ и национальными диаспорами за рубежом. Результаты исследований оформить в виде методических рекомендаций;

подготовить предложения об активизации информационного взаимодействия и сотрудничества с национальными диаспорами;

разработать план проведения межгосударственных научно-практических семинаров по актуальным проблемам национальных диаспор в России и за рубежом;

подготовить предложения, направленные на обеспечение обустройства пунктов пропуска через Государственную границу Российской Федерации и дооснащение их техническими средствами контроля;

внести предложения о внедрении автоматизированной системы оформления и контроля машиночитываемых паспортов и виз и автоматизированную систему оформления приглашений иностранными гражданами в Российскую Федерацию;

внести предложения о разработке и создании центрального банка данных по учету иностранных граждан, временно пребывающих, временно и постоянно проживающих в Российской Федерации в рамках реализации федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002–2010)»;

разработать механизм информационного влияния РФ на миграционные мотивации в целях приглашения европейского населения из стран ближнего зарубежья для переселения на территорию РФ;

учитывая значение, которое в современном мире приобрела информация, необходимо активно противодействовать проникновению идеологии политического и религиозного экстремизма в СМИ и в то же время требуется организовать, используя их уникальные возможности, плано-

мерную и постоянную пропагандистскую работу, ориентированную на активизацию нравственно-правового воспитания, на негативную морально-нравственную и правовую оценку экстремистских проявлений;

необходимо выработать рекомендации сотрудникам СМИ не создавать нездорового ажиотажа рекламного характера вокруг конкретных проявлений политического и религиозного экстремизма, освещать события полно и достоверно, всесторонне проанализировав факты и выяснив точку зрения компетентных государственных органов. В то же время представляются недопустимыми имеющие место в различных СМИ публикации, оскорбительные для национального и религиозного достоинства народов Российской Федерации, для отдельных социальных групп, для лиц, придерживающихся определенных политических убеждений, неприемлемые для общества и большинства граждан отзывы об истории и современном положении страны. Подобные материалы, время от времени появляющиеся в различных СМИ, способствуют распространению идей политического и религиозного экстремизма;

для формирования у населения антиэкстремистских взглядов необходимо предложить использовать возможности как федеральных, так и региональных и местных СМИ, на что следует обратить внимание органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления;

целесообразно проработать вопрос о создании на федеральных каналах специальных профилактических антиэкстремистских программ. Подобные мероприятия следовало бы провести также в субъектах Российской Федерации, на территории которых исповедуется ислам;

выработать стратегию широкого использования СМИ для придания гласности выявленных в ходе работы правоохранительных органов и спецслужб фактов контактирования экстремистки настроенных общественных и религиозных объединений с представителями преступных группировок, а также зарубежных экстремистских организаций. Необходимо обнародовать факты привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, являющиеся проявлениями политического экстремизма, ликвидации экстремистских общественных и религиозных объединений, прекращения деятельности средств массовой информации за пропаганду экстремизма.

На территории субъектов федерации иностранцы часто объединяются по национальному принципу. Происходит формирование моноэтни-

ческих автономных иностранных диаспор и землячеств. Диаспоры – землячества формируют свою систему управления; закрепляют за собой, нередко с применением криминальных форм и методов, какие-то направления деятельности, связанные с получением доходов; устанавливают контроль за своими членами и др. Часто такие диаспоры – землячества начинают функционировать в самостоятельном режиме.

Распространенность наркомании и интенсивность ее лечения носят резко выраженный региональный характер. Наиболее высокий уровень зарегистрирован в регионах, в которых произрастает растительное наркотическое сырье или проходят территории транзита, а также в приграничных и портовых городах.

Посягательства террористической и уголовно-экстремистской направленности, транснациональной и др. имеют непосредственную связь с криминальным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ. Современный наркобизнес представляет собой сформировавшуюся систему криминальной деятельности, включающую незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозку, пересылку, сбыт наркотических средств, их хищения, склонение к употреблению наркотических средств, незаконное культивирование запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества, а также организацию и содержание притонов для их потребления.

В этой связи ФСКН России необходимо: расширить сеть пользователей телекоммуникационной автоматизированной системы сбора, анализа и обобщения информации о лицах, участвующих в незаконном обороте наркотиков, а также данных, отражающих состояние борьбы с их распространением, путем подключения к ней подразделений по борьбе с незаконным оборотом наркотиков министерств внутренних дел государств-участников СНГ;

внести предложения о подготовке объединенного банка данных спецслужб-участников СНГ в целях активизации информационного взаимодействия и сотрудничества в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков и преступлениями транснационального характера.

Прибывшие на территорию России граждане ближнего и дальнего зарубежья все чаще объединяются в этнические национальные организации. Так, в Москве действует довольно разветвленное общественное объединение «Центр Конгресса Азербайджанцев Мира по СНГ». Выходцы из Китая создали «Союз китайцев и зарубежных соотечественников» и др. Создание по-

добных организаций не только повышает уровень контроля за членами диаспор, но и создает условия для решения национальных политико-экономических и иных вопросов. Такие организации также выполняют функции посредников, оказывая помощь лицам своей национальности в адаптации на территории России.

Одновременно деятельность этнических общественных объединений формирует различия в политических интересах различных групп населения. Зачастую, этнические объединения не стремятся решать общероссийские задачи укрепления экономики России, борьбы с преступностью, воспитания подрастающего населения и др. Они активно отстаивают узкие этнические интересы либо интересы своих государств гражданства. Все чаще представители национальных диаспор становятся объектами либо субъектами совершения различных видов преступлений.

В связи с изложенным МВД России необходимо:

подготовить предложения по организации иммиграционного контроля в пунктах пропуска через Государственную границу Российской Федерации, созданию в субъектах Российской Федерации мест временного содержания и центров временного размещения лиц, ходатайствующих о признании беженцами, а также для иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих депортации или административному выдворению, специально отведенных помещений органов внутренних дел, или пограничной службы, либо специальных учреждений, создаваемых в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации;

дать оценку эксперимента по созданию иммиграционных инспекций в составе подразделений по делам миграции, в ряде субъектов Российской Федерации, обобщенные результаты представить в виде методических рекомендаций;

организовать сбор и анализ имеющихся в федеральных органах исполнительной власти сведений о зарубежных источниках и каналах финансирования, связях преступных сообществ, занимающихся транзитом незаконных мигрантов через территорию Российской Федерации, в целях пресечения данного вида незаконной деятельности;

разработать комплекс мер по развитию сотрудничества с компетентными органами сопредельных государств по недопущению и пресечению незаконной миграции и связанных с ней контрабанды и другой противоправной деятельности;

проработать вопрос о введении определен-

ного денежного «ценза» для лиц, въезжающих на территорию Российской Федерации (иными словами, давать разрешение на въезд в Россию только тем гражданам, у которых имеются в наличии денежные средства, достаточные для проживания в течение всего заявленного срока и возвращения на постоянное место жительства);

разработать предложения с целью рекомендаций руководству объединений, созданных по национальному признаку, сформировать внутренние целевые финансовые фонды, предназначенные для обеспечения (в необходимых случаях) принудительной экстрадиции лиц, проживающих на территории Российской Федерации без соответствующих документов и разрешений;

разработать систему проверок (в том числе по местным и федеральным базам розыска) лиц из числа этнических национальностей, въезжающих на территорию Российской Федерации и выезжающих за ее пределы;

разработать процедуру предварительного уведомления соответствующих служб и ведомств гражданами СНГ, въезжающими в Россию, о месте своего предположительного проживания, и принимать меры по ограничению их передвижения только в пределах заявленного места пребывания.

В целях накопления и обработки оперативной информации на лиц, ранее попадавших в поле зрения правоохранительных органов России, проживающих и мигрирующих по регионам России, целесообразно разработать примерный перечень банка данных для каждого ГУВД, УВД субъекта Российской Федерации, а на основе его информации – центральный банк данных. Массив накопленной и обработанной в этих банках информации должен способствовать решению оперативных задач.

Банк данных должен содержать примерно следующую информацию: на членов незаконных вооруженных формирований; на лиц из числа мигрантов, как постоянно, так и временно зарегистрированных, а также находящихся без регистрации в данном населенном пункте, что будет способствовать постоянному контролю за их миграцией и передвижением по регионам России и позволит обозначить не только передвижение эмиссаров и каналы связи, но и определить круг лиц, действующих в той или иной экономической сфере как в отдельном регионе, так и на всей территории России; на зарегистрированные и незарегистрированные диаспоры и другие общественные объединения и организации, созданные ими, их финансовые счета и официально зарегистрированное имущество; на организации и предприятия всех форм собственности, руководящие

должности в которых занимают иностранные граждане, лица без гражданства, беженцы и др., либо подконтрольные им; на этнические организованные группы либо преступные сообщества; на организованные группы либо преступные сообщества, в составе которых имеются лица из числа мигрантов; на связи лиц, указанных в предыдущих пунктах, из числа чиновников государственных и муниципальных органов, банковских и коммерческих структур, предпринимателей и преступников.

Указанная информация должна быть сосредоточена в Центре криминальной информации Управления оперативно-розыскной информации СКМ МВД России, с целью выработки решений по ее реализации службами криминальной милиции, путем накопления, систематизации, анализа и обработки в совокупности с оперативной информацией.

Согласно оперативным данным, общественная опасность этнических группировок из числа иностранных граждан и лиц без гражданства, наиболее высокая по сравнению с другими организованными преступными формированиями. В связи с этим, на основании исследования необходимо проанализировать наиболее важные причины, затрудняющие их выявление и привлечение к ответственности, уровень латентности совершаемых ими преступлений и факторы, их обуславливающие. На основе анализа выяснить, из каких наиболее важных черт состоит «криминологический портрет» участников современных организованных этнических преступных формирований. Необходимо отразить взаимодействие подразделений МВД РФ с ФСИН МЮ РФ и ФСБ РФ. Разработать методику агентурного внедрения в этнические преступные группировки, методику использования оперативно-технических средств, конструктивного сотрудничества со средствами массовой информации. На основании проведенного исследования оформить методические рекомендации.

Для более эффективного осуществления взаимодействия между правоохранительными органами государств-участников СНГ по изобличению и привлечению к уголовной ответственности лидеров и активных членов организованных преступных групп необходимо:

определить приоритетным направлением развития и совершенствования правовой базы борьбы с транснациональными проявлениями организованной преступности;

выйти с предложением наряду с приведением нормативно-правовой базы каждого государства-участника Содружества Независимых Государств к единому международному стандар-

ту необходимо в части, касающейся борьбы с преступностью, особенно с ее организованными формами, провести ее унификацию;

разработать механизм с целью создания на базе БКБОП СНГ единый информационный банк данных о наличии организованных преступных формирований, действующих на территории России и государств Содружества, их лидерах и активных участниках, о направленности их противоправной деятельности, о мерах, принятых органами внутренних дел государств СНГ по их изобличению и привлечению к уголовной ответственности. Проработать вопрос о системе получения в БКБОП в рамках единого информационного банка данных информации о номерах заграничных паспортов, выданных лидерам и активным участникам организованных преступных формирований для проведения совместных мероприятий;

разработать механизм, позволяющий на постоянной основе организовывать проведение компетентными подразделениями правоохранительных органов государств-участников СНГ совместных оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении участников организованных преступных формирований;

разработать положение о межгосударственных подразделениях (действующих на постоянной либо периодической основе) для проведения совместных операций, создание которых требует заключение межгосударственного соглашения. Речь в данном случае идет, например, о создании межгосударственного подразделения по пресечению деятельности определенной транснациональной преступной группировки, либо определенного вида преступлений на конкретной межгосударственной территории;

разработать положения, позволяющие в случае получения информации о наличии дел оперативной разработки на ОПГ, совершающую преступления на территории нескольких государств СНГ – необходимо принятие решения об объединении этих дел и последующей совместной разработки;

учитывая, что все делопроизводство в органах внутренних дел стран СНГ ведется на национальном языке, при создании совместных штабов по расследованию преступлений, в его составе необходимо разработать приказ о введении сотрудников, в совершенстве владеющих языками тех стран, на территории которых будет проводиться операция, либо переводчиков. Имеет смысл также создавать региональные банки данных о лицах, владеющих языками народов, населяющих территорию стран СНГ и способных осуществлять функции переводчиков;

разработать примерный перечень научно-методических конференций, семинаров по обмену опытом и внедрению передовых достижений в работу органов внутренних дел стран СНГ, юридически организовать совместные стажировки сотрудников;

организовать разработку методической литературы, отражающей психологические особенности лиц различных национальностей, их традиции, обычаи, а также тактических разработок и обзорной тематической информации по вопросам борьбы с ОПГ на территории СНГ;

проанализировать и подготовить предложения по использованию в деятельности по работе с национальными диаспорами Российской Федерации опыт Германии, сочетающий политику приема и интеграции переселяющихся этнических немцев с политикой приема и временного обустройства беженцев, что актуально для правовой регламентации процедуры переселения в Российскую Федерацию русскоязычного населения из государств бывшего Союза ССР;

исследовать и обратить внимание на опыт США, Германии и Швеции, законодательство которых предусматривает достаточно суровые меры наказания (и не только экономического характера) к работодателям, нарушающим порядок привлечения к работе иностранных граждан и лиц без гражданства, а также опыт Японии по установлению премий за сообщение о совершении такого рода правонарушений;

изучить и сделать предложения использования технических мер раннего предупреждения незаконной миграции, применяемые как средства технической защиты Государственной границы на примере США, Германии и Польши.

Таким образом, в первом десятилетии XXI столетия жизненно важно создать в Российской Федерации такие условия, при которых национальные диаспоры из числа иностранных граждан и лиц без гражданства будут привлекать к себе меньше внимания со стороны правоохранительных органов и органов исполнительной власти. С экономической и социальной точки зрения это будет выгоднее, чем привлекать членов национальных диаспор к различным видам юридической ответственности.

Для того чтобы понять, опасны ли национальные диаспоры для государства, надо выяснить, что они представляет собой и каким образом оказывают воздействие на государство? Изучить зарубежный опыт и проработать вопросы, в частности, какие негативные последствия несут национальные диаспоры для принимающего государства.

Муσειбов Абдула Гелиевичдоктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник ВНИИ МВД России

Взаимосвязи теории предупреждения преступлений с психологией и педагогикой

Теория предупреждения преступлений как раздел криминологии имеет достаточно тесные взаимосвязи с различными отраслями психологии и педагогики. Научные основы этих взаимосвязей в литературе раскрыты недостаточно, что и обусловило необходимость обращения к ним в рамках настоящей статьи.

Изучение психологических механизмов формирования и принятия решения на совершение тех или иных видов преступлений является, как известно, одной из важнейших задач теории предупреждения преступлений.

Исследование особенностей познавательных (ощущения, восприятие, память, мышление, воображение), волевых (постановка цели, мотивация поведения, решение, исполнение) и эмоциональных (эмоции и аффекты) психических процессов, а также свойств (направленность, темперамент, способности, характер и др.) и состояний (возбужденность, уравновешенность и т.д.) того или иного типа личности преступника – необходимое условие выявления непосредственных причин и условий совершения преступлений и разработки эффективной системы тактических приемов индивидуально предупредительного воздействия.

Положения психологической науки о социальной сущности и изменчивости личности, о личности нормотипической и атипичной, о закономерностях формирования отклоняющегося поведения, о методах воздействия на психологию человека составляют научную основу криминологических исследований, направленных на познание механизма индивидуального преступного поведения и выработку средств нейтрализации криминогенных влияний на личность и исправления личности.

Теория предупреждения преступлений для решения своих задач опирается на изучение не только психологии различных типов личности преступников. Ее интересует и вопрос о

психологии лиц, осуществляющих предупредительную деятельность. Связано это со специфичностью предупредительной деятельности, в особенности осуществляемой на индивидуальном уровне.

Необходимость использования данных психологии для оптимизации деятельности субъектов предупреждения преступлений определяется, в частности, следующими специфическими особенностями предупредительной деятельности:

1) предупреждение преступлений, как правило, носит характер конфликтного взаимодействия, осуществляется в условиях явного или потенциального противодействия ей со стороны отдельных лиц и групп - носителей криминогенных свойств, не заинтересованных в перестройке своего поведения, а в ряде случаев и со стороны лиц из их ближайшего окружения.

Конфликтный характер предупредительной деятельности определяется и тем, что в ряде случаев она связана с вынужденным и в допустимых законом пределах вмешательством в сферу личной жизни граждан.

Конфликтность взаимодействия в сфере предупреждения преступлений обусловлена и возможностью применения мер государственного принуждения в отношении лиц, не подчиняющихся предъявляемым к ним требованиям, возможностью ограничения их прав при наступлении определенных юридических фактов. Это могут быть, в частности, лица, не соблюдающие установленные государством правила, направленные на обеспечение безопасности и нормального функционирования отдельных административных, производственных, культурных объектов, безопасности граждан, на обеспечение экономической, демографической и иной политики государства (таможенный, пограничный, паспортный, пропускной, карантинный и иные виды режимов) и одновременно – на предупреждение преступлений;

2) предупреждение преступлений осуществляется на основе прогнозов, связано с определенным риском из-за недостатка исчерпывающей информации о криминогенных объектах, явлениях и процессах, степени их криминогенности, о лицах, замышляющих, подготавливающих преступление или приступивших к реализации своего преступного замысла;

3) предупредительная деятельность, особенно на индивидуальном уровне, является рефлексивной, т.е. строится с учетом возможных реакций лиц, в отношении которых она проводится, на те или иные предупредительные меры и мероприятия, а следовательно, осуществляется в условиях постоянной психологической напряженности;

4) предупреждение преступлений осуществляется на нормативно-правовой основе, на основе норм права и морали, которые предъявляют достаточно жесткие требования к морально-психологическому облику лиц, осуществляющих предупредительную деятельность;

5) предупреждение преступлений носит комплексный характер, связано с привлечением многообразных сил, средств и методов, отличается высоким динамизмом из-за постоянного изменения среды функционирования, криминогенных объектов и поведения профилактируемых лиц, всегда согласуется с криминогенной обстановкой и конкретной тактической ситуацией, отличается разнообразием организационных форм и тактических приемов, постоянным дефицитом времени, наличием профессионального риска и, в ряде случаев, физической опасности.

Все эти факторы придают предупредительной деятельности экстремальный, стрессовый характер.

Теория предупреждения преступлений, руководствуясь данными психологии, разрабатывает требования к морально-психологическому облику лиц, осуществляющих деятельность по предупреждению тех или иных видов преступлений.

Для решения своих задач теория предупреждения преступлений использует достижения как общей психологии, так и различных ее отраслей: социальной, правовой, юридической и др.

Социальная психология изучает закономерности поведения и деятельности людей, обусловленные включением их в социальные группы, а также психологических характеристик самих этих

групп¹. В криминологии данные социальной психологии используются для познания психологических закономерностей формирования и функционирования предкриминальных и преступных групп и для выработки рекомендаций по их разобщению или переориентации.

Криминология для выявления причин отдельных видов преступлений и разработки мер их устранения использует данные правовой психологии, которая раскрывает состояние и роль правовой культуры и правосознания в преступном поведении².

Данные психологии используются теорией предупреждения преступлений и для выработки рекомендаций по определению субъектами предупреждения преступлений наиболее целесообразной линии своего поведения в тех или иных ситуациях, возникающих в процессе предупредительной работы. Подобные рекомендации могут быть эффективными, если они опираются и на данные юридической психологии, поскольку предупреждение преступлений осуществляется в рамках права, в экстремальных, часто конфликтных ситуациях и в отношении «наиболее социально запущенных лиц, перестроить поведение которых в соответствии с ожиданиями и требованиями общества особенно трудно»³.

Для познания причин и условий совершения отдельных видов преступлений и разработки мер их устранения (блокирования, нейтрализации) теория предупреждения преступлений заимствует и широко использует положения и выводы педагогики.

Все компоненты предмета криминологии: преступность, личность преступника, причины и условия преступности, предупреждение преступности – включают в себя в большей или меньшей степени педагогические компоненты⁴.

Преступность вся антипедагогична, имеет антипедагогические черты и свойства. Это относится, прежде всего, к преступности несовершеннолетних и молодежи, преступности в отношении несовершеннолетних, преступности в сфере семейно-бытовых отношений и др. Дефекты, диспропорции, недостатки, просчеты в воспитательной работе являются существенными слагаемыми причинного комплекса преступности. Одну из существенных характеристик личности преступника составляет ее нравственно-педагогическая запущенность⁵.

¹ См.: Андреева Г.М. Социальная психология. М., 2001. С. 10.

² См.: Ратинов А.В., Ефремова Г.Х. Правовая психология и преступное поведение. Красноярск, 1988. С. 25.

³ Блувштейн Ю.Д., Зырин М.И., Романов В.В. Профилактика преступлений. Минск, 1986. С. 10.

⁴ См.: Алексеев А.И. Педагогические основы предупреждения преступлений органами внутренних дел. М., 1984. С. 9.

⁵ См.: Там же. С. 10-11.

Значение педагогических средств и методов решения задач предупреждения преступлений столь велико, что дает основание ряду авторов выделять в качестве относительно самостоятельных педагогические¹ или культурно-воспитательные² меры предупреждения преступности.

Воспитательная функция в наибольшей степени присуща такому элементу предупреждения преступности, как профилактика. Г.А. Аванесов в этой связи отмечает, что «воспитание и профилактику нельзя отделять друг от друга. Воспитанию присуща профилактическая функция, а профилактике – функция воспитания»³.

Учитывая исключительную важность использования педагогических познаний в деятельности по предупреждению преступлений А.И. Алексеев впервые в литературе предпринял удачную попытку выделения и раскрытия содержания такой частной криминологической теории, как криминологическая педагогика, которая призвана изучать закономерности и специфику проявления педагогических факторов преступности и разрабатывать педагогические проблемы криминологической профилактики⁴.

Однако, как отмечено в литературе, связь

теории предупреждения преступлений с педагогикой и психологией состоит не в том, чтобы создать «собственную» профилактическую психологию или педагогику, а в максимальном использовании достижений этих наук в развитии теории и совершенствовании практики профилактики преступлений⁵.

Разработанные в теории предупреждения преступлений приемы, средства и методы воспитательного воздействия на криминогенную личность основаны преимущественно на положениях педагогики и психологии. К ним, в частности, относятся убеждение, принуждение, поощрение, упражнение, внушение, разъяснение, опровержение, обращение к чувствам, просьба, проявление огорчения, доброты, внимания, моральная поддержка, укрепление веры в свои силы и др. Эти приемы и методы воздействия на интеллектуальную и эмоциональную сферу личности не имеют юридической природы. Они позаимствованы теорией предупреждения преступлений из педагогики и психологии и приспособлены для решения задач индивидуального предупреждения преступлений.

¹ См.: Харшак Е.А. Меры раннего предупреждения преступлений (понятие, виды, основания применения). Караганда, 1976. С. 13.

² См.: Теоретические основы предупреждения преступности / Под ред. В.К. Звирбуль. М., 1977. С. 187-188.

³ Аванесов Г.А. Указ. соч. С. 460.

⁴ См.: Алексеев А.И. Указ. соч. С. 13.

⁵ Блувштейн Ю.Д., Зырин М.И., Романов В.В. Указ. соч. С. 10.

Сокол Валерий Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Кубани, помощник начальника Краснодарского университета МВД России по международным связям

Останин Владимир Викторович

соискатель кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России

Особенности структуры террористических формирований

Террористические формирования представляют собой самоорганизующиеся и самовоспроизводящиеся объединения граждан, имеющие различные организационные формы структурирования, максимально приспособленные для реализации стоящих перед ними стратегических и тактических задач, воспроизводства террористической деятельности как основного способа их достижения.

Важная задача в борьбе с терроризмом состоит не только в выявлении и пресечении конкретных террористических преступлений, но и в своевременном выявлении и пресечении структур террористических формирований, сохранение которых и дает им возможность воспроизводить свою деятельность. Под структурой террористического формирования следует понимать особенности организации ее материального носителя (субъекта) террористической деятельности, специфика которой определяется теми взаимосвязанными компонентами, из которых оно образовано и управляется, и функционирование которых напрямую влияет на особенности реализации целей (стратегии и тактики) указанного формирования.

Анализ практики правоохранительных органов свидетельствует, что в настоящее время к ответственности привлекаются далеко не все участники террористических формирований, в лучшем случае лишь те из них, которые принимали непосредственное участие в совершении конкретных террористических акций.

Практические работники не всегда четко различают две взаимосвязанные, но относительно самостоятельные системы признаков: 1) создания и существования террористического фор-

мирования, его структуры и обеспечения жизнедеятельности; 2) совершения террористическими формированиями (их членами, или по их поручению другими лицами) конкретных преступлений.

Своевременное выявление террористических формирований может выступить основанием проведения различного рода предупредительно-профилактических мероприятий в отношении их членов до начала совершения ими террористических и иных преступлений. Существующий в России судебный механизм признания тех или иных общественных или религиозных объединений террористическими организациями¹, помимо прочего, призван пресечь легальную деятельность их структур.

В настоящее время в мире действует порядка 1000 террористических формирований, имеющих различные структуры. Среди них различаются террористические группы и террористические организации. Террористические группы, как правило, создаются на короткий период времени для проведения одной или нескольких террористических акций и состоят из относительно небольшого числа участников.

В отличие от них террористические организации представляют собой достаточно крупные, самоорганизующиеся формирования, действующие значительный период времени, имеющие сложную структуру, предусматривающую разделение организационно-исполнительских функций и наличие структурных подразделений. Под структурным подразделением понимается конструктивный элемент такой организации, как единого целого, осуществляющий отдельные его функции: оперативного планирования, связей с властью, снабжения, разведки, внутренней безопасности, финансовой, пропагандистской и др.²

¹ В России существует официальный список семнадцати организаций, которые по представлению Генеральной Прокуратуры Российской Федерации были признаны Верховным судом Российской Федерации террористическими и их деятельность запрещена на территории России.

² См.: Фридинский С.Н. Борьба с экстремизмом (уголовно-правовой и криминологический аспекты): Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 78.

Выбор конкретной структуры террористической организации зависит от множества факторов, определяемых особенностями стратегии и тактики ее деятельности, географического положения, климата, национальных традиций и т.д. При формировании своей структуры террористы используют опыт как российских революционеров, так и шпионских резидентур¹. В любом случае, структура террористического формирования, по мнению ее организаторов, должна способствовать решению стоящих перед такой организацией задач, приспособливаться к изменяющимся внешним и внутренним условиям функционирования, обеспечивать эффективное управление организацией, безопасность ее функционирования, материально-техническое, финансовое и людское воспроизводство и т.д.

Разнообразие совершаемых членами террористических организаций преступлений является признаком ее организованности, устойчивости и управляемости. По мере становления и развития террористических формирований содержание их преступной деятельности может изменяться в сторону усложнения и увеличения разнообразия совершаемых преступлений.

В структуре любого террористического формирования можно выделить руководство (ядро) и рядовых членов, а также тесно связанных с ними сочувствующих («потенциал поддержки»).

Член террористической организации занимает определенное место в структуре террористической организации, выполняет в ней определенные функции в интересах организации: обеспечения идейного и организационного единства или ее эффективной деятельности.

Признаками членства в организации являются: прохождение ритуала вступления в организацию; выполнение правил поведения, существующих в этой организации; исполнение распоряжений вышестоящих членов или руководителей организации; уплата членских взносов или иное участие в деятельности организации от ее имени или в ее интересах.

Террористические формирования могут иметь радиальную, пирамидальную (или иерархическую) или смешанную (радиально-пирамидальную) структуру.

В радиальной структуре имеется лидер, а все остальные члены расположены по «концентрическим кругам».

Самая простая пирамидальная структура террористической организации может быть представлена в виде двухуровневой пирамиды, где

вершина – это лидер группы, а основание – ее рядовые члены. При такой структуре рядовые члены группы, как правило, знают своего руководителя и имеют возможность непосредственного контакта с ним, минуя вышестоящих по рангу руководителей.

Сложная пирамидальная структура также имеет вид пирамиды, но с большим количеством уровней. При простой структуре рядовые члены группы, как правило, знают своего руководителя, а тот, в свою очередь, принимает участие не только в подготовке, но и в осуществлении конкретных преступлений, прежде всего, террористических. При сложной структуре рядовые члены могут быть не осведомлены о деятельности других структурных подразделений организации и деятельности ее руководящего звена.

Террористические формирования могут иметь различные комбинации иерархической и радиальной структуры.

Важно отметить, что значительная часть террористических организаций с момента своего возникновения имела так называемое «легальное» («политическое» и т.п.) и «боевое» крыло. Следуя классической ленинской формуле о необходимости сочетания легальной и нелегальной работы, «политическое» крыло чаще всего действует легально (или полулегально), под прикрытием лозунгов финансовой или гуманитарной помощи верующим, национальным меньшинствам и т.п. и даже может публично осуждать террористическую деятельность, если этого требует политическая конъюнктура. В состав легального крыла входят базы обучения и пропагандистского обеспечения, подконтрольные коммерческие, финансовые и иные предприятия, обеспечивающие материально-технические, финансовые, медицинские и т.д. потребности террористической организации.

Так, изъятый российскими правоохранительными органами у чеченских боевиков проект положения о работе «первого управления джамаата» предписывал работникам «легальной» части управления максимально отдалиться от всей «криминальной» деятельности джамаата, быть формально законопослушными и в состоянии выполнять такие задачи, как «создание дошкольных и учебных заведений с исламским уклоном», «издание просветительских газет», «регистрация общественных организаций и благотворительных фондов», «собственная правозащитная деятельность», «установление контактов с исламскими организациями в Москве, по России

¹ См.: Террористическую сеть на Кавказе начали создавать в 1980-х годах. Интервью с заместителем генерального прокурора РФ Н.И. Шепелем. Газета «Соьлжа». 2006. 20 февр. С. 6.

и за рубежом»¹.

«Боевое крыло» представляет собой структуру боевиков террористической организации, непосредственно организующих и исполняющих террористические акции. Чаще всего они действуют конспиративно, обладают высоким боевым профессионализмом, скрывая (маскируя) наличие организационных связей с политическим крылом.

Практически все террористические формирования занимаются вовлечением в свою деятельность новых членов или, выражаясь специальной терминологией, вербовкой членов. В зависимости от особенностей пополнения рядов своих членов можно различать террористические формирования открытого и закрытого типа. Последние представляют собой глубоко законспирированные, но значительно меньшие по численности структуры, поскольку не делают ставку на существенное увеличение количества своих членов. Тогда как открытые организации стремятся максимально увеличить число своих сторонников.

Указанная классификация имеет важное практическое значение, поскольку от особенностей способов пополнения членов террористических формирований зависит их дальнейшая тактика и, соответственно, антитеррористическая деятельность. Так, формирования закрытого типа стремятся проводить главным образом террористические акты, которые могут значительно дестабилизировать социально-политическую обстановку в регионе и таким образом стимулировать достижение поставленных террористами целей. Тогда как открытые организации, увеличивая свой численный состав, стремятся использовать свое возрастающее влияние (массовость) для последующей дестабилизации обстановки в целях захвата власти. Возможна следующая тактика действий открытой террористической организации: внедрение идей в сознание сторонников, подбор и увеличение численности членов, расширение своей социальной базы – подчинение себе средств массовой информации, местных религиозных и общественных авторитетов – создание лобби в органах власти и управления, внедрение своих представителей на руководящие посты – формирование сильной финансовой и кадровой базы, подготовка боевиков, заявление о себе, как

о мощной политической силе – дискредитация органов власти, дестабилизация обстановки, в том числе посредством совершения различных протестных акций и совершения преступлений террористического характера – захват власти. Так, террористическая организация «Хизб ут-Тахрир» относится к числу открытых террористических организаций, относящих вербовку сторонников к одному из основных направлений своей деятельности, от реализации которой зависит успешность стратегических целей этой организации.

По территориальному принципу террористические формирования могут подразделяться на региональные, действующие на территории одного региона; межрегиональные, действующие на территории нескольких регионов либо осуществляющие террористическую деятельность на территории всей страны; международные, т.е. совершающие террористические действия на территориях двух и более государств².

Как правило, международные террористические организации возникают преимущественно на этно-национальной и религиозно-политической основе (чаще всего, исламистской), имеют значительный центральный аппарат с подразделениями по различным направлениям деятельности, а также разветвленную сеть периферийных структур (филиалов), в том числе за рубежом³.

Вместе с тем, как отмечают специалисты, террористические организации в последние годы уходят от жесткой структуры организаций 1960-70-х гг. прошлого столетия. Террористические организации наряду с жесткими структурами боевиков все чаще используют так называемые децентрализованные структуры с функциональной специализацией внешне не связанных легальных, полулегальных и нелегальных элементов. В настоящее время, в условиях ослабления формальных связей между звеньями террористической организации, все большее распространение приобретает так называемый сетевой принцип структурирования.

При наличии единого «духовного» руководства (некоего ядра), отдельные ячейки (структурные элементы) действуют во многом самостоятельно. Можно сказать, что в определенной степени происходит рассредоточение управления и контроля в такой организации. Однако, эта разоб-

¹ Террористическую сеть на Кавказе начали создавать в 1980-х годах. Интервью с заместителем генерального прокурора РФ Н.И. Шепелем. Газета «Сольжа». 2006. 20 февр. С. 6.

² См.: Преступления террористической направленности: уголовное преследование на досудебных стадиях / Под научн. ред. О.Н. Коршуновой. СПб.: Юридический Центр Пресс, 2003. С. 145.

³ См.: Авдеев Ю.И., Гуськов А.Я. Проблемы организованности современного терроризма // Организованный терроризм и организованная преступность / Под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2002. С. 27.

ценность имеет лишь внешне видимый характер. Современные средства связи (например, Интернет) позволяют безлично общаться, запрашивать зашифрованные инструкции из «центра», находясь в любой стране мира, поддерживать надежную и анонимную связь со своим руководящим ядром. Так, террористическая организация «Хамас» создала обширную инфраструктуру Интернета, включающую в себя около 20 сайтов на восьми языках (арабском, английском, французском, русском, фарси, урду, малайском и индонезийском), которую активно использует для распространения подстрекательства к террору и насилию против Израиля и стран Запада¹.

По мнению экспертов Национального совета по разведке США, глобальная борьба с террором и развитие информационных технологий вынудят террористов существенно изменить организационные формы своей деятельности: к 2020 г. мировой терроризм будет представлять собой эклектичное множество группировок, ячеек и индивидуальных боевиков, необходимость в централизованном планировании и руководстве террористическими акциями отпадет. Боевики террористических групп будут получать учебные материалы, руководящие указания, технологии изготовления и финансовые средства для проведения акций через Интернет и через другие самые совершенные электронные системы будущего².

До 2001 г. «Аль-Кайда» имела центральный орган, включавший военный, религиозный, финансовый и информационный комитеты, а также периферийные подразделения более чем в 50 странах³. В настоящее время «Аль-Кайда» использует сетевой характер организационной структуры, что позволяет ей действовать через многочисленные децентрализованные террористические сети и группы. «Аль-Кайда» представляет собой не централизованную организацию, а своего рода союз террористических организаций, преследующих собственные тактические цели, но использующих для этого общие идеи, имя и ресурсы.

Многочисленные террористические организации и группы входят в возглавляемое «Аль-Кайдой» движение «Исламский интернационал против иудеев и крестоносцев». Можно проводить некую аналогию «Аль-Кайды» с Коминтерном, у

которого первая позаимствовала организационную структуру и тактику деятельности. Каждая из структур сохраняет автономность в своей деятельности, но действует в интересах реализации единой программы.

В этой связи важное практическое значение имеет формирование четкой позиции по отношению к получившим широкое распространение на Северном Кавказе так называемым общинам ваххабитов – джамаатам. Террористы использовали термин «джамаат», которым на Кавказе традиционно называли одну из форм местного самоуправления – народную общину, народное собрание или просто взрослое население общины, для названия подпольной общины сторонников «чистого ислама» или территориальных, жестко структурированных военизированных формирований.

До августа 1999 г. (до начала контртеррористической операции) джамааты представляли собой подобие средневековых монашеских орденов – полулегальные общины во главе с имамом мечети и амиром⁴. Формировались джамааты по принципу компактного проживания их членов, а взаимоотношения в них строились в соответствии с нормами шариата, за соблюдением которых наблюдал шариатский суд. Указанные структуры действовали параллельно с государственными органами, фактически подменяя их и выступая прообразом структур будущего исламского государства.

Наряду с ними формировались так называемые «боевые джамааты», представляющие собой террористическую сеть, раскинувшуюся по всему Северному Кавказу. Эта сеть стала формироваться Хоттабом, создавшим на территории Чечни так называемый институт «Кавказ», где изучались основы ваххабизма, приобретались навыки минно-взрывного дела и ведения террористической деятельности. Первичную ячейку боевого джамаата составлял небольшой отряд – от 3 до 10 человек, не осведомленных в полной мере о деятельности других отрядов. Отряды объединялись в более крупные формирования.

Нынешние боевые ваххабитские джамааты – это подпольные террористические организации, осуществляющие террористическую деятельность не только на Северном Кавказе, но и в других субъектах Российской Федерации. По сути

¹ По данным Информационного центра изучения терроризма, действующего при Израильском центре специальных исследований, 2006 г.

² См.: <http://www.nationalsecurity.ru/library/00016/00016future.htm> // Отчет Национального совета по разведке США: на смену «Аль-Каиде» идут профессионалы террора.

³ См.: Авдеев Ю.И., Гуськов А.Я. Указ. соч. С. 27.

⁴ См.: Гаджиев Р.Г. Ваххабизм: Особенности его проявления на Северном Кавказе. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 2002. С. 125, 152-153 и др.

они являются преступными сообществами, созданными для совершения тяжких или особо тяжких преступлений.

В настоящее время главари указанных сообществ, зная, что правоохранительные органы уделяют пристальное внимание деятельности различного рода «джамаатов», стараются не использовать это слово, называя свои организации не «джамаатами», а «религиозными центрами», «институтами исламских исследований», «общинами поборников истинной веры» и т.п. Названия могут меняться, однако сущность остается прежней – создание террористических формирований, способных осуществлять террористическую деятельность.

Сотрудники правоохранительных органов в процессе выявления террористических формирований и их структурных элементов должны четко представлять систему их типичных признаков, описание этих признаков и способы их выявления, уметь распознавать их, быть в состоянии постоянной готовности к их поиску в процессе повседневной служебной деятельности.

Применительно к выявлению признаков террористических организаций следует говорить о тех из них, которые могут свидетельствовать о создании террористической организации, руководстве ею и участии в ней.

Под созданием террористической организации следует понимать различные действия, результатом которых стало возникновение террористической организации: разработка структуры организации, ее идеологии, стратегии и тактики деятельности, системы управления и подчиненности; вербовка участников организации; проведение организационно-воспитательной работы; создание системы материально-технического снабжения и иного обеспечения жизнедеятельности организации и т.п.

Руководство террористической организацией заключается в деятельности по управлению террористической организацией, т.е. в совершении таких действий, как планирование деятельности организации; разработка правил поведения, обязательных для членов организации; утверждение планов совершения конкретных преступлений; распоряжение материальными и иными средствами организации; принятие в организацию новых членов и их исключение; отдача обязательных для каждого члена организации распоряжений о совершении каких-либо действий в интере-

сах организации и т.п. Руководство террористической организацией может быть как единоличным, так и коллективным.

Под участием в террористической организации следует понимать вступление в нее, факт нахождения в ней, а также совершение действий, направленных на реализацию целей (задач) этой организации.

Поскольку законодатель в ряде случаев криминализировал организационную деятельность, от практических работников требуется адекватная уголовно-правовая оценка действий различных разновидностей террористических формирований.

Раскрывая в ст. 3 п. 2 Федерального закона № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» содержание понятия «террористическая деятельность», законодатель включил в нее «организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре». Можно предположить, что таким образом законодатель перечислил основные формы террористических структур: незаконное вооруженное формирование; преступное сообщество (преступная организация); организованная группа. Однако в этом перечне отсутствует упоминание террористической организации, поэтому остается неясным вопрос о ее соотношении с указанными в законе формами организованных преступных формирований.

Отсутствие четкого законодательного определения понятия «террористическая организация» на практике приводит к тому, что террористическим организациям дается разная уголовно-правовая оценка: как незаконным вооруженным формированиям, как бандам, гораздо реже – как преступным сообществам (преступным организациям)¹.

Знание особенностей организационной структуры террористических формирований позволит эффективно проводить профилактическую работу в потенциальной среде террористического движения, окончательно разрушать их кадровую систему, не позволяя ей воспроизводиться, выявлять как непосредственных участников совершаемых их членами конкретных преступлений, так и всех иных участников террористических формирований, давая им верную уголовно-правовую оценку.

¹ См.: Тенденции преступности, ее организованности, закон и опыт борьбы с терроризмом / Под общ. ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2006. С. 64.

Алехин Виталий Петровичпреподаватель кафедры уголовного права
Кубанского государственного аграрного университета**Медведев Сергей Сергеевич**преподаватель кафедры уголовного права
Кубанского государственного аграрного университета

Проблемы борьбы с финансированием террористической деятельности с помощью мошенничества в сфере высоких технологий

Терроризм стал серьезной угрозой международной безопасности. Важной проблемой в области борьбы с террористической деятельностью является совершенствование законодательной базы и международного сотрудничества в сфере перекрытия финансовых потоков, направляемых на поддержку террористов. Эффективность противодействия финансированию террористической деятельности напрямую зависит от того, насколько изучено данное явление, формы его проявления, основные отличительные признаки.

Понятие «финансирование терроризма» дается в ст. 3 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»¹: финансирование терроризма – предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. ст. 205, 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 Уголовного кодекса Российской Федерации, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования или преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из указанных преступлений. «Конвенция

о борьбе с финансированием терроризма»² в п. 1 ст. 2 дает следующее понятие: финансирование терроризма представляет собой преступление в том случае, когда любое лицо любыми методами, прямо или косвенно, незаконно и умышленно предоставляет средства или осуществляет их сбор с намерением, чтобы они использовались, или при осознании того, что они будут использованы, полностью или частично, для совершения деяний террористической направленности. Кроме того, п. 1 ст. 1 международной Конвенции о борьбе с финансированием терроризма раскрывает понятие средств, которые означают «активы любого рода, осязаемые или неосязаемые, движимые или недвижимые, независимо от способа их приобретения, а также юридические документы или акты в любой форме, в том числе электронной или цифровой, удостоверяющие право на такие активы или участие в них, включая банковские кредиты, дорожные чеки, банковские чеки, почтовые переводы, акции, ценные бумаги, облигации, векселя, аккредитивы, но не ограничиваясь ими».

Также под финансированием террористической деятельности необходимо понимать оказание, в том числе любой иной помощи, способствующей осуществлению и достижению целей указанной деятельности, а именно: обеспечение террористических групп и организаций продуктами питания, медикаментами, оргтехнологией, ины-

¹ Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ // Правовая Система ГАРАНТ.

² Конвенция о борьбе с финансированием терроризма // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 12.

ми материальными ресурсами. Традиционное проявление финансирования – это предоставление в распоряжение террористов финансовых средств.

Тесная взаимосвязь террористической деятельности и ее финансирования приводит к тому, что финансирование несет в себе ее некоторые отличительные черты. В частности, так как терроризм является одной из разновидностей девиантного поведения, представляющего угрозу безопасности отдельно взятой личности, общества и целого государства, то и финансирование террористических акций и организаций будет социальным явлением негативной окраски. Кроме того, усложнение процессов терроризма, их тесное взаимодействие и взаимообусловленность с другими отрицательными общественными явлениями, в том числе и с общеуголовной преступностью, рост числа террористических акций международного характера в конечном итоге приводят к тому, что финансирование террористической деятельности также выходит за рамки одного государства. Это проявляется, к примеру, в том, что в финансовой подпитке террора принимают участие не только конкретные физические лица, но и их группы, объединения, финансовые структуры отдельно взятой страны, международной организации, а иногда и целого государства. В свою очередь, усилия стран, направленные на противодействие международному терроризму, все более усложняются глобализацией экономических, политических, идеологических и культурных процессов в мире, сопровождающихся ликвидацией многих барьеров на пути торговли, валютного обмена, информационного взаимодействия¹.

Все многообразие способов оказания материальной, в том числе и финансовой, поддержки в подготовке, планировании и осуществлении террористической деятельности можно представить в нескольких формах.

Первой формой является финансирование конкретного, определенного преступления террористического характера. Действия лица, осуществляющего финансирование, и непосредственного исполнителя или исполнителей террористической акции должны быть согласованными по времени, месту и предполагаемым вредным последствиям.

Вторая форма финансирования заключается в том, что выделяемые денежные средства переходят в распоряжение организаций террористической направленности и расходуются в про-

цессе их деятельности либо передаются лицу или лицам на проведение террористических актов вообще. При этом не оговаривается, какие конкретно преступления террористического характера необходимо осуществить, в какой форме, место и время проведения. К тому же финансируемая деятельность помимо непосредственного участия в подготовке, планировании и совершении акций террористического характера может включать в себя чрезвычайно широкий спектр различных действий, причем как связанных, так и не связанных с проявлениями террора – террористическими преступлениями. Данными действиями могут быть вербовка и обучение новых членов организации, ведение информационной пропаганды своей идеологии, закупка необходимого технологического оснащения и прочих действий. Деньги могут тратиться не только на совершение террористических актов, но и на поддержание жизнедеятельности самой террористической организации.

Перечисленные формы являются очень важными, потому как могут быть по-разному оценены с позиций норм российского уголовного законодательства. Не вдаваясь при этом в глубокую уголовно-правовую оценку различий между указанными формами финансирования терроризма, отметим лишь тот факт, что для организации уголовного преследования «спонсоров» террористической деятельности – второй формы финансирования возникла необходимость принятия специальной нормы УК РФ. Такой нормой стала ст. 205.1 УК РФ, получившая название «Содействие террористической деятельности».

Источники получения средств, используемых для оказания финансовой помощи в проводимой террористической деятельности могут быть самыми различными.

Финансирование террористической деятельности признается содержащим в себе все признаки масштабного общественно опасного социального явления.

Это явление обладает неотъемлемым свойством общественной опасности и нуждается в криминализации. Оно является одним из видов преступности международного характера.

Необходимо обратить внимание на способы предоставления финансовых средств террористам. В практике противодействия финансированию террористической деятельности известны два основных способа – это передача средств в натуральном виде (деньги, ценные бумаги, векселя и т.п.) и путем использования современных

¹ Стешин А.Ю. Правовая характеристика финансирования терроризма – общественно опасного социального явления современности // Право в Вооруженных Силах. 2004. № 9.

научно-технических достижений в сфере высоких технологий (факсимильная связь, электронная почта, банковские переводы). Но это всего лишь инструмент передачи, нас же больше интересует преступность в сфере высоких технологий, как источник финансирования.

Сфера высоких технологий в настоящее время обширна, в нее входят: Интернет, сотовая связь, пластиковые банковские карты, сети ЭВМ. Наиболее развито в этой сфере мошенничество, так как специфика данного преступления заключается в информационном способе его совершения и личности мошенника.

Мошенничество в данной сфере практически сводит на нет все блага, предоставляемые цивилизацией. Связь мошенничества в сфере высоких технологий и финансирования терроризма можно обосновать тем, что в настоящее время является неоспоримым факт взаимодействия терроризма с другими формами преступности. Об этом говорят многие специалисты, например, Ю. Голик, А. Коробеев: «... террористы стали активнее интересоваться методами, используемыми в мире организованной преступности»¹.

Классификацию мошенничества в сфере высоких технологий можно провести по той области, в которой оно проявляется. Приведем наиболее типичные: во-первых, можно выделить мошенничество в сфере Интернет, которое имеет множество разновидностей: Интернет-аукционы, Интернет-магазины, службы Интернет-знакомства (брачные аферы), Интернет-мошенничества в банковской сфере (фишинг – использование сайтов двойников для получения доступа к конфиденциальной информации жертвы), благотворительные фонды и др.; во-вторых, сотовая связь: роуминговые аферы, sms с сообщением о выигрыше, мошенничество с коммерческим номером, клонирование sim-карт и др.; в-третьих, безналичная система оплаты платежей: подделка пластиковых карт, хищение электронных денежных счетов и др. Колоссальные денежные средства, по-

хищенные в результате мошенничества в сфере высоких технологий в определенной доле идут и на финансирование терроризма.

Опасность финансирования терроризма из такого источника заключается в том, что при совершении данной группы преступлений стираются государственные границы, обезличивается как террорист, так и лицо, его финансирующее, электронные денежные средства могут переводиться неограниченное количество раз на счета банков, расположенных в разных странах, в которых действуют различные правовые механизмы, не всегда способные противодействовать движению «нелегальных» денежных средств, что способствует повышенной латентности данных деяний.

Потенциальную высокую опасность, на наш взгляд, могут нести благотворительные фонды в Интернете, в которых выявить источник поступления средств практически невозможно, а проконтролировать реализацию полученных денежных средств затруднительно.

Террористические организации могут привлекать специалистов в сфере высоких технологий и с их помощью осуществлять кибертеррористические акции, ответственность за которые на законодательном уровне закреплена в США, проводить информационное воздействие, способствующее вербовке новых членов, привлечение дополнительных средств финансирования. Кроме этого, сфера высоких технологий позволяет вывести на качественно новый уровень взаимосвязь различных террористических организаций и, соответственно, их «эффективность» в совершении террористических актов.

Общеизвестно, что пресечение финансирования терроризма – это наиболее важная задача, стоящая перед правоохранительными органами по его предупреждению и пресечению. Немаловажную роль при этом необходимо отдавать и борьбе с мошенничеством в сфере высоких технологий как одной из форм финансирования терроризма.

¹ Голик Ю., Коробеев А. / Преступность планеты земля: глобальная угроза, поиски адекватных ответов // Уголовное право. 2005. № 3. С. 109.

Анищенко Кирилл Валерьевич
аспирант кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России

Причинный комплекс терроризма

Выяснение причинного комплекса терроризма является необходимым условием для разработки и осуществления мер по их предупреждению, поскольку нельзя предупредить какое-либо негативное явление, не зная его истоков и способствующих его развитию факторов.

А.И. Алексеев отмечает, что преступность связана со множеством явлений, состояний, процессов. Из них причинами являются лишь те, которые действуют генетически, т.е. порождают, воспроизводят преступность как свое следствие. Если причины порождают следствие (преступность, преступление), то условия как разновидность детерминации лишь способствуют этому, обеспечивая возможность действия причин. Именно взаимодействие причин и условий приводит к результату – преступлению¹. Разделение явлений и процессов на причины и условия условно, поскольку то, что в одном отношении является причиной, в другом – выступает как следствие и наоборот. Поэтому в криминологии и на практике широко используется понятие «криминогенные факторы», охватывающие причины и условия, а также некоторые другие детерминанты преступности – все явления и процессы, представляющие собой ее истоки, корни².

Проблема причин терроризма, как подчеркивается в литературе, всегда будет принадлежать к числу самых актуальных, поскольку сам терроризм – в тех или иных формах – вечен³. Ю.М. Антонян и В.В. Смирнов пишут: «Сложность терроризма определяется не только сегодняшними социально-политическими реалиями и противоречиями: он уходит своими корнями в глубь человеческой истории, в самые седые времена, в дорелигиозные и религиозные представления, определяется мироощущением человека, его

отношением к обществу и самому себе, его вечным и бесплодным поискам защиты и справедливости»⁴.

На возникновение и развитие терроризма в России влияет достаточно сложный комплекс политических, экономических, социальных, идеологических, этнонациональных и правовых факторов. В научной литературе имеется значительное количество точек зрения о причинном комплексе терроризма. Однако есть ряд наиболее универсальных объяснений факторов, обуславливающих существование терроризма. К ним относятся труды Ю.М. Антоняна, А.И. Долговой, С.А. Старостина и др.

Ю.М. Антонян очень удачно отметил, что терроризм приобретает острые формы, и к нему начинают чаще прибегать в предкризисные и кризисные периоды развития общества⁵. Этому самое наглядное свидетельство – терроризм в России на переходном этапе от советского государства к современному российскому.

С.У. Дикаев утверждает, что в основе многих случаев терроризма лежат конфликты, а террор и терроризм являются средствами отстаивания своих интересов противоборствующими сторонами конфликта⁶. Далее он делает вывод, что главным генератором межгосударственного, международного и религиозного терроризма являются вековые конфликты. Эффективное противодействие современному террористическому «наступлению» и окончательное искоренение терроризма может обеспечить только смягчение вековых конфликтов и последующее их разрешение. К вековым не относятся конфликты, не основывающиеся на исторической памяти народа, т.е. не имеющие глубоких корней в причинном комплексе массового террористического поведения. Терроризм является элементом внешней или внутренней политики в тех регионах, где наличеству-

¹ Алексеев А.И. Криминология. Курс лекций. М., 2005. С. 56.

² Алексеев А.И. Указ. соч. С. 56-57.

³ Этнорелигиозный терроризм / Под ред. Ю.М. Антоняна. М., 2006. С. 34.

⁴ Антонян Ю.М., Смирнов В.В. Терроризм сегодня. М., 2000. С. 40.

⁵ Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998. С. 182.

⁶ Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование): Монография. М., 2006. С. 212.

ют неразрешенные вековые конфликты, воспроизводимые каждым следующим поколением. Сохранение вековых конфликтов в «законсервированном виде» позволяет использовать их в политических целях даже спустя столетия. Терроризм активизируется тогда, когда он выгоден внутренним или внешним политическим силам, использующим его как средство расшатывания идеологических, экономических, правовых и иных основ государства, давления на политических противников или манипуляции большими массами людей в политических целях¹.

Ю.М. Антонян и В.В. Смирнов очень верно подчеркнули, что «причины терроризма необходимо исследовать в зависимости от его типологии. Соблюдение этого условия обеспечит конкретное и предметное знание. Вместе с тем должны быть сформулированы некоторые общие концепции, которые необходимы для объяснения терроризма в целом»².

В научной литературе различными авторами указывается различное количество детерминант терроризма.

Авторы монографии «Международный терроризм: борьба за геополитическое господство» (М.: Изд-во РАГС, 2005) пишут, что причинами, порождающими террористическую деятельность в современной России, служат:

- противоречия в экономической сфере;
- социальная дифференциация населения;
- слабая эффективность деятельности институтов государственной власти;
- борьба за власть политических партий и движений;
- снижение уровня духовности в обществе;
- рост тенденций к разрешению возникающих противоречий в корпоративных интересах силовым путем;
- усиление криминализации общества;
- рост влияния исламского фундаментализма в отдельных регионах России³.

А.И. Долгова в 3-м издании учебника «Криминология» (М.: Норма, 2005) указывает, что преступность террористического характера чаще всего порождается причинным комплексом, характеризующимся взаимодействием следующих обстоятельств:

очевидными противоречиями потребностей и интересов субъектов преступлений террористического характера и субъектов, к которым адресуются требования. Чаще всего при этом име-

ет место общественно опасный, запрещенный законом характер потребностей и интересов одной из сторон;

невозможностью непосредственного результативного воздействия на субъекта, от которого могло бы зависеть удовлетворение соответствующих потребностей и интересов террористов; в то же время – наличие у последних достаточных ресурсов для использования опосредованного способа воздействия на адресата требований, в том числе через лиц, на которых оказывается непосредственное психофизическое воздействие, создание иными способами состояния общественной паники;

готовностью части населения к использованию такого высокоопасного способа насилия, как терроризм, с его разрушительными последствиями;

серьезными недостатками в состоянии социального контроля, определяющими возможность обеспечения использования такого сложного способа криминального насилия, как терроризм⁴.

А.И. Долгова также отмечает, что «всплеск терроризма соответствует историческим периодам, характеризующимся крайним обострением многообразных социальных проблем и серьезными просчетами в их разрешении. В результате граждане, различные их общности и даже страны, не рассчитывая на эффективность правомерного, цивилизованного способа разрешения противоречий, прибегают к крайне опасным, но, с их точки зрения, эффективным в сложившейся ситуации криминальным средствам достижения преследуемых целей»⁵.

С.А. Старостин выделяет следующие группы факторов, способствующих распространению терроризма:

1. Политические факторы:
  - обострение политической борьбы партий, движений, объединений, отсутствие опыта цивилизованной политической борьбы;
  - обострение межнациональных отношений (проповедь национальной исключительности и превосходства, разжигание национальной и религиозной вражды);
  - требования национальной независимости;
  - противоречия между провозглашенными демократическими принципами и их реальной реализацией;
  - противоречия и разрыв связей между цен-

¹ Дикаев С.У. Указ. соч. С. 218.

² Антонян Ю.М., Смирнов В.В. Указ. соч. С. 44.

³ Международный терроризм: борьба за геополитическое господство. М., 2005. С. 19-20.

⁴ Криминология / Под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 613 - 614.

⁵ Там же. С. 614.

тром и регионами;
размежевание общества (формирование социальных слоев и групп с противоположными интересами);

отчужденность между властью и населением;

неэффективность политических реформ.

2. Экономические факторы:

расслоение населения по уровню жизни (результаты приватизации);

развал экономической структуры страны;

инфляционные процессы;

безработица;

криминализация экономики.

3. Социальные факторы:

отсутствие эффективной системы социальных гарантий населения;

резкое снижение социальной защищенности населения;

криминализация населения;

снижение духовных, нравственных, моральных, патриотических качеств и культурного уровня населения, а том числе и правового;

пропаганда средствами массовой информации культа жестокости и насилия¹.

Уважая точку зрения указанных ученых, следует отметить, что наиболее полно причинный комплекс терроризма в современных условиях раскрыт в книге «Основы противодействия терроризма» (авт.: Я.Д. Вишняков, Г.А. Бондаренко, С.Г. Васин, Е.В. Грацианский). В данной работе выделены следующие криминогенные факторы, вызывающие существование и развитие терроризма в России.

Политические факторы:

устремления зарубежных террористических организаций, направленные на нарушение целостности России и разрушение российской государственности:

обострение политической борьбы партий, движений, объединений, отсутствие опыта цивилизованной политической борьбы;

противоречия между провозглашенными демократическими принципами и их реализацией;

недостаточная эффективность противодействия правоохранительной системы террористическим угрозам;

отсутствие необходимого взаимодействия между органами власти на всех уровнях и населением по обеспечению бесконфликтного развития межнациональных и межэтнических отношений;

недостатки национально-государственного устройства страны, их несвоевременное исправление, затягивание разработки новых направлений и форм национальной политики;

неэффективность политических реформ;

давление на политическую систему России из-за рубежа с использованием террористических методов (гегемонистская политика США, направленная на достижение мирового господства, под ложными лозунгами развития демократии во всем мире).

Экономические факторы:

предельное расслоение населения по уровню жизни в результате приватизации и последующей государственной экономической политики; явная и скрытая безработица значительной части трудоспособного населения;

криминализация экономики;

активная финансовая подпитка террористических организаций как из-за рубежа, так и с использованием внутренних источников.

Социальные факторы:

размежевание общества (формирование социальных слоев и групп с противоположными интересами);

отсутствие эффективной системы социальных гарантий населению;

резкое снижение социальной защищенности населения, снижение продолжительности жизни, рост острых и хронических заболеваний; рост преступности;

снижение духовных, нравственных, моральных, патриотических качеств и культурного уровня населения, в том числе и правового;

пропаганда средствами массовой информации культа жестокости и насилия.

Этнонациональные факторы:

обострение межнациональных отношений (проповедь национальной исключительности и превосходства, разжигание национальной и религиозной вражды);

неравенство в экономическом, социально-политическом, культурном положении различных национальных групп;

запаздывание решений, принимаемых государственно-политическими структурами, острых экономических, социальных, политических и других проблем, затрагивающих существование и развитие нации;

деятельность радикальных, экстремистских националистических организаций, движений и лидеров, подталкивающих население на противоправные действия;

¹ Старостин С.А. Криминологическая характеристика современного терроризма // Преступность и общество. М., 2004. С. 9.

националистическая политика представителей руководящей элиты в борьбе за власть в условиях многонационального состава населения.

Правовые факторы:

низкая правовая грамотность населения, отдельных руководителей, лидеров политических партий, организаций, движений, которая не позволяет оценить меру своей ответственности за совершаемые действия и за их последствия;

отсутствие в государстве эффективного правового механизма по предупреждению и пресечению опасных проявлений, под которыми понимаются конкретные нормы конституционного, уголовного, административного и иного законодательства, которые должны являться правовой основой противодействия терроризму;

громоздкость и запутанность процессуального законодательства, отсутствие эффекта своевременного достаточно сурового наказания виновных создает не только у преступников, но и у простых граждан впечатление слабости правоохранительной системы, ее неспособности обеспечить безопасность населения;

недостаточно эффективное внутригосударственное регулирование деятельности общественных объединений, ослабление которого, несвоевременные действия властей по запрету или приостановлению деятельности организаций, несущих угрозу без опасности людей и государства, является также одной из причин быстрого распространения терроризма.

Идеологические факторы:

отсутствие единой последовательной политики государства в области идеологии гражданского общества;

насаждение идеологии нигилизма, антипатриотизма, неприятия национальных исторических и культурных ценностей;

националистическая пропаганда, проводимая в СМИ частью националистически настроенной политической элиты, направленная на разжигание вражды и недоверия к другим нациям;

отсутствие эффективной системы воспитания законопослушного поведения, в том числе среди молодежи и подростков.

В целях осуществления террористической деятельности идеологами терроризма созданы комплекс организационных структур, а также экстремистская идеология, оправдывающая и обуславливающая необходимость и законность террористических действий в интересах достижения поставленных экстремистами целей¹.

Одновременно в указанной работе проведена классификация факторов терроризма на внутренние и внешние.

К внутренним факторам относятся: кризисное состояние российского общества; большой объем накопившихся и еще не решенных экономических, политических и социальных проблем; острая борьба за политическую власть, передел собственности, изменение государственно-правового статуса отдельных регионов, нередко принимающая противоправные формы; недостатки и противоречия в ходе проведения демократических реформ; существование в ряде регионов страны высокого уровня социальной напряженности, наличие межэтнических и межконфессиональных противоречий и конфликтов: распространение экстремистской идеологии, национал-сепаратизма, исламского фундаментализма (ваххабитского толка); усиление социального экстремизма; идеологические противоречия в общественном сознании; криминализация общественных отношений; рост организованной преступности и коррупции; образование ряда очагов сепаратизма.

К внешним факторам относятся: появление или возрождение геополитических притязаний ряда зарубежных государств к России; негативные последствия процесса глобализации, нарастающий дисбаланс в социально-экономическом развитии мировых регионов, рост антиглобалистского движения, массовость которого в условиях политической незрелости и правового нигилизма участников создает возможности использования его потенциала в разрушительных целях; стремление влиятельных зарубежных кругов к вытеснению России из сфер ее традиционных стратегических интересов; активизация разведывательной и иной деятельности ряда иностранных государств против России; перенос на российскую территорию противостояния некоторых зарубежных политических сил (палестинских, курдских и др.) с их политическими противниками, усиление антироссийской направленности в деятельности ряда зарубежных национал-экстремистских (в том числе эмигрантских) и религиозных экстремистских кругов.

Росту терроризма в России способствуют: недостаточное правовое регулирование общественных отношений в ряде сфер, в том числе в области антитеррористической деятельности;

недостаточная эффективность государственного управления в сфере борьбы с терро-

¹ Вишняков Я.Д., Бондаренко Г.А., Васин С.Г., Грацианский Е.В. Основы противодействия терроризму. М., 2006. С. 38-41.

ризмом;

ослабление режима законности, широкое распространение правового нигилизма;

отсутствие должной эффективности правоохранительной деятельности, значительные масштабы коррупции в ее структурах;

снижение действенности административно-правовых режимов (пограничного, таможенного, паспортного и др.);

рост незаконного оборота оружия, наркотических и психотропных веществ;

необустроенность Государственной границы на большом ее протяжении;

слабо контролируемая внешняя и внутренняя миграция;

широкая пропаганда насилия и жестокости рядом средств массовой информации, в частности, телевидением¹.

Таким образом, причинный комплекс терроризма неразрывно связан с современными условиями жизни общества, произведен от общих причин и условий преступности и заключается во взаимодействии негативных факторов в социально-экономической, социально-культурной, политической, правовой, организационно-управленческой и др. сферах жизни общества.

¹ Вишняков Я.Д., Бондаренко Г.А., Васин С.Г., Грацианский Е.В. Указ. соч. С. 41- 42.

Людкевич Юрий Николаевич
адъюнкт кафедры криминологии
Краснодарского университета МВД России

Опыт и проблемы международного сотрудничества правоохранительных органов России в области предупреждения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ

Активное международное сотрудничество в области предупреждения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ призвано разрешить одно из главных противоречий, которое в настоящее время сводится к следующему: преступность становится с каждым годом интернациональней, а средства борьбы с ней преимущественно остаются национальными. В таких условиях, на наш взгляд, целью международного сотрудничества является стремление к достижению единства действий государств в лице национальных правоохранительных органов и международных организаций в предупреждении рассматриваемой преступности. Достижение обозначенной цели возможно лишь при согласовании не только основных направлений борьбы с преступностью, но и стратегии деятельности.

Международное сотрудничество в борьбе с преступностью прошло в своем становлении и развитии длительный и неоднозначный путь¹, который, в свою очередь, предопределил современное состояние и тенденции данной деятельности государств и международных сообществ. Оно стало объективной необходимостью, полу-

чив хорошую научную, правовую и организационную основу.

Научно-информационное направление международного сотрудничества в борьбе с преступностью, сложилось в конце XIX в. По инициативе немецкого криминалиста Франца Фон Листа создается международное криминалистическое общество (Международный союз криминалистов), которое провозглашает задачу изучения и подавления транснациональной преступности, призывает к проведению в этих целях научных исследований и международных мероприятий (конгрессов, конференций, семинаров и т.п.)².

Многие ученые, выступавшие в этот период за развитие научного сотрудничества в борьбе с преступностью, говорили о необходимости обмена сведениями, о нормах национального уголовного, пенитенциарного и иных отраслей права; информацией о практике применения этих норм и данных уголовной статистики; опытом подготовки и реализации международно-правовых (договорных) норм и обязательств в сфере борьбы с преступностью. В этот момент и возникла идея о создании международного уголовного права³. Комплексное исследование проблемы международного сотрудничества в борьбе с пре-

¹ Подробно генезис международного сотрудничества в борьбе с преступностью освещен в работах следующих авторов: Валеев Р.М. Выдача преступников в современном международном праве. Казань, 1976; Бородин С.В., Ляхов Е.Г. Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью. М., 1983; Беляева Л.И. Международный Союз криминалистов и его русская группа // Совершенствование правового регулирования исполнения уголовных наказаний в условиях реформы уголовно-исполнительной системы. Труды Академии МВД РФ. М., 1997; История дипломатии. М., 1959. Т. 1; Чирикин В.А. Международное сотрудничество правоохранительных органов России по борьбе с преступностью (1861-1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999; Цепелев В.Ф. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью: Монография. М., 2001; Люблинский П.И. Международные съезды по вопросам уголовного права за десять лет (1905-1915). Пг., 1915; Галенская Л.Н. Правовые проблемы сотрудничества государств в борьбе с преступностью. Л., 1978.

² См.: Радионов К.С. Интерпол: вчера, сегодня, завтра. М., 1990. С. 14.

³ См.: Карпец И.И. Преступления международного характера. М., 1979. С. 12.

ступностью – гораздо позднее – в XX в.

Автор целиком разделяет мнение В.Ф. Цепелева, который утверждает, что в настоящее время международное сотрудничество предполагает совместную работу, участие в общих делах, относящихся к отношениям между народами, государствами, к сфере внешней политики¹. По своему содержанию международное сотрудничество в борьбе с преступностью включает осуществляемые на основе действующих норм международного права и национального законодательства согласованные действия, взаимопомощь заинтересованных государств по предупреждению, выявлению, пресечению, расследованию и судебному рассмотрению преступлений, затрагивающих интересы нескольких государств либо всего мирового сообщества, а также по исполнению наказаний и обращению с правонарушителями. В более широком смысле в содержание международного сотрудничества в борьбе с преступностью входит помимо перечисленного, деятельность государственных органов и международных организаций по изучению проблем преступности и ее предупреждению, борьбы с ней. Обращения с правонарушителями как на мировой, так и на региональных уровнях. С одной стороны, международное сотрудничество государств рассматривается как самостоятельный вид деятельности, включающий совместную работу в экономической, социальной, культурной, гуманитарной и иных сферах, с другой – выступает в качестве общего принципа международного права.

Международное сотрудничество в борьбе с преступностью как деятельность является важной сферой международных отношений, обеспечивает международно-правовой и внутригосударственный порядок, способствует международной и национальной безопасности. Такое сотрудничество представляет собой специфическую деятельность государств и других субъектов международных отношений в сфере предупреждения преступности, борьбы с ней и обращения с правонарушителями².

По мнению В.Ф. Цепелева, интегрированной целью международного сотрудничества в рассматриваемой сфере является совместное,

объединенное противодействие преступности, затрагивающей интересы нескольких государств или всего международного сообщества³. Приведенная автором цель несколько отличается от ее формулировки в ряде изданий, где она зачастую обозначается как «борьба с преступностью». Однако мы солидарны с автором и полагаем, что термин «борьба» неточен, так как отражает не результат, а процесс, направленный на ограничение преступности. Данная цель реализуется через соответствующие задачи, которые включают в себя решение более частных, но взаимосвязанных вопросов.

Основные задачи:

организация предупреждения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ;

осуществление мер непосредственной борьбы с рассматриваемыми преступлениями;

обеспечение надлежащего обращения с правонарушителями в соответствии с международными стандартами.

Выполнение перечисленных задач и цели осуществляется международными организациями, созданными для этого и самими государствами по конкретным направлениям деятельности и в определенных формах. По мнению многих российских ученых в области уголовной политики⁴, международное сотрудничество в борьбе с преступностью осуществляется в основном государством в лице существующих органов государственной власти, то о международном сотрудничестве обоснованно можно говорить, как о направлении государственной политики в сфере борьбы с преступностью. Содержание международного сотрудничества государств как деятельности по предупреждению преступности, борьбе с ней и обращению с правонарушителями отражает суть уголовной политики, которая представляет собой целенаправленную активную деятельность государства по защите общества от преступности, разработку и реализацию целей и задач, определение средств, форм и методов такой деятельности, прежде всего правоохранительных органов⁵.

Следует отметить, что в широком плане

¹ См.: Цепелев В.Ф. Указ. соч. С. 17.

² Более детально рассматриваемые проблемы освещены в работах: Голубовский В.Ю. Межгосударственное сотрудничество в борьбе с преступностью (теоретико-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1995; Волженкина В.М. Международное сотрудничество в области борьбы с преступностью и охраны общественного порядка. СПб., 1993.

³ См.: Цепелев В.Ф. Указ. соч. М., 2001. С. 20.

⁴ См.: Гришанин П.Ф. Современные проблемы уголовной политики и уголовно-правовой практики. М., 1994. С. 18-19; Миньковский Г.М., Ревин В.П. Уголовная политика. М., 1996. С. 12-13; Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества. М., 1994. С. 28.

⁵ См.: Уголовная политика и ее реализация в деятельности органов внутренних дел. М., 1999. С. 29-30.

международное сотрудничество в борьбе с преступностью представляет собой сложную систему отношений, включающую согласованную политику, законодательство, правоприменительную и организационно-управленческую, информационную и научно-исследовательскую деятельность государств, государственных органов и должностных лиц, а также международные организации по предупреждению преступности. По мнению В.Ф. Цепелева, к настоящему времени сложился определенный механизм реализации международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Этот механизм включает договорно-правовой (конвенционный) и организационно-правовой (институционный) элементы осуществления совместной деятельности¹.

Конвенционный элемент механизма международного сотрудничества в борьбе с преступностью включает в себя комплекс межгосударственных соглашений, предусматривающих договорно-правовую координацию усилий государств в сфере борьбы с преступностью:

многосторонние универсальные конвенции (договоры, соглашения), в которых содержатся общие нормы и институты об ответственности за международные преступления и правонарушения;

многосторонние целевые конвенции (договоры, соглашения), в которых имеются нормы и институты об ответственности за отдельные преступления, затрагивающие интересы многих государств или всего мирового сообщества;

многосторонние региональные конвенции (договоры, соглашения), имеющие, как правило, целевой характер, т.е. предусматривающие нормы и институты об ответственности за отдельные преступления либо регламентирующие другие вопросы борьбы с преступностью в рамках определенного региона;

двусторонние договоры (соглашения) об оказании практической помощи по уголовным делам, о выдаче преступников, о борьбе с отдельными видами преступлений, затрагивающих интересы нескольких государств².

Организационно-правовой (институционный) элемент осуществления совместной деятельности характеризуется наличием организационно-структурного, организационно-управленческого, информационного, методического и ресур-

сных аспектов. Одним словом, создание организационных структур (межгосударственных, межправительственных и иных международных организаций) для реализации международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью.

Международное сотрудничество в борьбе с преступностью осуществляется в рамках определенных направлений, видов и форм деятельности. По мнению С.В. Бородин и Е.Г. Ляхова, к основным направлениям международного сотрудничества в борьбе с преступностью относят:

выдачу преступников и оказание правовой помощи по уголовным делам;

научно-информационное (обмен национальным научным и практическим опытом, обсуждение проблем и проведение совместных исследований);

оказание профессионально-технической помощи государствам в их борьбе с уголовной преступностью;

договорно-правовую координацию борьбы с преступлениями, затрагивающими несколько государств³.

По мнению А.Г. Богатырева, международное сотрудничество по борьбе с преступностью включает в себя следующие аспекты:

борьбу с общеуголовной преступностью;

борьбу с преступлениями международного характера;

борьбу с международными преступлениями⁴.

И.П. Блищенко и Р.А. Каламкарян полагают, что международное сотрудничество в рассматриваемой сфере осуществляется в следующих направлениях:

содействие заключению международных договоров и соглашений по борьбе с международной преступностью;

выработка общих международных стандартов предупреждения, преследования и наказания за совершение международных преступлений, преступлений международного характера;

выработка рекомендаций по борьбе с общеуголовными преступлениями и консультативная помощь государствам с учетом того, что каждое государство ведет эту борьбу в пределах своей территории в соответствии с собственными социальными и экономическими условиями⁵.

¹ См.: Цепелев В.Ф. Указ. соч. С. 24.

² См.: Международно-правовые акты государств-участников СНГ в области борьбы с преступностью. М., 1999; Сборник международных договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи. М., 1996; Защита прав человека и борьба с преступностью. Документы Совета Европы. М., 1997; Действующее международное право: В 3-х тт. М., 1997.

³ См.: Бородин С.В., Ляхов Е.Г. Указ. соч. С. 11.

⁴ См.: Богатырев А.Г. Международное сотрудничество государств по борьбе с преступностью. М., 1989. С. 5.

⁵ См.: Международное уголовное право / Под общ. ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Наука, 1999. С. 193.

По мнению И.Б. Осмаева, международное сотрудничество в борьбе с преступностью включает в себя следующие направления:

сотрудничество в сфере осуществления уголовного правосудия (получение свидетельских показаний; оказание помощи в проведении расследований; предоставление судебных документов; проведение розыска и ареста имущества; обследование объектов и участков местности; предоставление информации и вещественных доказательств и т.д.);

сотрудничество в сфере оперативно-розыскной деятельности (обмен информацией, сотрудничаями; проведение совместных операций и т.д.)¹.

Автор полностью солидарен с В.Ф. Цепелевым, который отмечает, что в большинстве из освещенных в отечественной юридической литературе направлений международного сотрудничества явно прослеживается не только смешение понятий «направление» и «вид» международного сотрудничества в борьбе с преступностью, но и необоснованное отнесение в ряде случаев к этим понятиям некоторых форм данной деятельности².

Рассматривая формы международного сотрудничества в борьбе с преступностью, отметим, что их понимание отличается многовариантностью.

По мнению С.В. Бородина и Е.Г. Ляхова, такое сотрудничество осуществляется в двух основных формах: в рамках международных органов и организаций и на основе международных соглашений³.

А.Г. Богатырев полагает, что международное сотрудничество государств по борьбе с уголовной преступностью осуществляется в таких международно-правовых формах, как:

заключение двусторонних договоров и соглашений;

заключение многосторонних соглашений и создание международных организаций⁴.

Е.Г. Моисеев относит к формам международного сотрудничества – многосторонне и двустороннее сотрудничество между государствами. Причем многостороннее, в свою очередь, подразделяется на универсальное, т.е. в рамках мирового сообщества, и региональное сотрудни-

чество⁵.

Очевидно, что приведенные точки зрения разных авторов свидетельствуют о различном понимании не только направлений и видов, но и форм международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Поэтому не согласиться с позицией В.Ф. Цепелева, утверждающего, что если понимать направления международного сотрудничества в борьбе с преступностью как пути развития, как определенные тенденции в этом развитии, то можно выделить:

побуждение государств и способствование им в заключении договоров и соглашений в сфере с международной преступностью;

выработку международных стандартов в области предупреждения преступности, уголовного преступления и отбывания наказания за совершение международных преступлений и преступлений международного характера;

разработку рекомендаций для борьбы национальных правоохранительных органов с общеуголовными преступлениями, информационную и консультативную помощь государствам с учетом того, что каждое государство ведет эту борьбу в рамках суверенитета. В пределах своей территории и в соответствии с собственными социальными и экономическими условиями, правовой системой.

Приоритет направления международного сотрудничества определяется международным сообществом или отдельными государствами. Приведенный перечень основывается на анализе транснациональной преступности, ее видов и проблем борьбы с ней⁶.

В зависимости от масштабности и комплексности международного сотрудничества в борьбе с преступностью могут быть выделены следующие формы: многостороннее, которое подразделяется на глобальное и региональное, и двустороннее сотрудничество. Каждая из названных форм может иметь как универсальный, так и целевой характер. Универсальный характер имеет сотрудничество стран-участниц СНГ по выполнению Соглашения о сотрудничестве в борьбе с преступностью. Целевой характер имеет большинство соглашений, посвященных сотрудничеству в борьбе с отдельными видами преступле-

¹ См.: Осмаев И.Б. Международные и национальные правовые средства борьбы с отмыванием преступных доходов. М., 1999. С. 109.

² См.: Цепелев В.Ф. Указ. соч. С. 29.

³ См.: Бородин С.В., Ляхов Е.Г. Указ. соч. С. 11.

⁴ См.: Богатырев А.Г. Указ. соч. С. 8-9.

⁵ См.: Моисеев Е.Г. Международно-правовые основы сотрудничества стран СНГ. М., 1997. С. 8-9.

⁶ См.: Лунеев В.В. Преступность 20 века. Мировые, региональные и российские тенденции. Мировой криминологический анализ. М., 1997. С. 309-320; Трунцевский Ю.В. Транснациональная преступность. Международный и уголовно-правовой аспект. М., 1999. С. 21-32; Криминогенная ситуация в России на рубеже 21 века. М., 2000 и др.

ний.

Каждая из форм международного сотрудничества в борьбе с преступностью наполняется своим конкретным субъектом, участвующим в таком сотрудничестве.

Система субъектов международного сотрудничества в борьбе с преступностью включает две большие группы: международные организации и национальные органы и учреждения. Субъекты каждой из этих подсистем характеризуются своим кругом полномочий, соответствующим структурным, особенностям деятельности, специфике взаимосвязей с другими субъектами. Важная роль в системе субъектов такого сотрудничества отводится правоохранительным органам Российской Федерации.

В настоящее время МВД России имеет своих представителей во многих государствах (Болгарии, Израиле, Польше, США, Финляндии, ФРГ, Боснии и др.). Эффективность международного сотрудничества в борьбе с преступностью зависит не только от правового, но и от организационного, методического, научно-информационного и ресурсного обеспечения этой деятельности. Поэтому МВД России старается уделять данным проблемам постоянное внимание, отдавая приоритет сотрудничеству в рамках СНГ.

Деятельность государств-участников СНГ по реализации сотрудничества в борьбе с преступностью с самого начала строилась на основе программирования. Первая Программа совместных мер по борьбе с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории Содружества Независимых Государств, подготовленная по поручению глав государств Содружества министерствами внутренних дел, была принята Советом глав правительств СНГ 12 марта 1993 г. и рассчитана на 1993-1995 гг. Важной организационной мерой по обеспечению сотрудничества правоохранительных органов государств-участников СНГ было решение Совета глав правительств стран Содружества от 24 сентября 1993 г. о создании межгосударственного органа – Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений. Позже, 9 октября 1997 г., Советом глав правительств Содружества было утверждено нынешнее Положение о Бюро как о постоянно действующем органе государств-участников СНГ.

МВД России в своей деятельности уделяет значительное внимание вопросам укрепления

международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Так, в целях развития этого сотрудничества, придания ему более целенаправленного и системного характера, повышения его эффективности решением коллегии МВД России от 1 июля 1998 г. была одобрена Концепция развития международных связей МВД России на период до 2005 г. Среди наиболее приоритетных направлений этой концепции определено развитие сотрудничества с партнерами из других государств-участников СНГ, особенно в сфере борьбы с преступностью¹.

Так как объем сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с преступностью достаточно обширен, оно осуществляется также на межправительственном и межведомственном уровнях. Это позволяет активно участвовать в данной деятельности широкому кругу государственных, прежде всего правоохранительных органов и специальных служб.

Среди межправительственных документов наибольшее значение имеют многостороннее Соглашение о сотрудничестве в борьбе с преступностью в сфере экономики (19 апреля 1996 г.) и Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступностью (25 ноября 1998 г.). Раскрывая содержание совместной деятельности по борьбе с преступностью, названное Соглашение фиксирует положение о том, что стороны сотрудничают в предупреждении, пресечении, выявлении, раскрытии и расследовании, прежде всего:

- преступные посягательства на жизнь и здоровье, свободу, честь и достоинство личности;
- незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых и отравляющих веществ и взрывных устройств, а также ядерных и радиоактивных материалов;

- незаконный оборот наркотических средств, прекурсоров и радиоактивных материалов;

- преступления в сфере экономической деятельности, в том числе в области налогообложения, легализация доходов от преступной деятельности, контрабанда, фальшивомонетничество и подделка ценных бумаг;

- преступления против собственности, в том числе хищения автотранспортных средств и связанные с этим незаконные операции;

- торговля людьми и эксплуатация проституции третьими лицами;

- незаконный оборот культурных и историчес-

¹ См.: Участие органов внутренних дел и внутренних войск МВД России в международном сотрудничестве. М., 1999. С. 14, 391-413.

ких ценностей;

незаконная миграция¹.

Для реализации названных направлений деятельности стороны осуществляют сотрудничество в таких формах, как:

исполнение запросов о проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий;

розыск лиц, скрывающихся от уголовного преследования или отбывания наказания, а также без вести пропавших;

розыск и возвращение в установленном порядке похищенных предметов, имеющих номера или специфические отличительные признаки, в том числе автотранспорта и огнестрельного оружия, а также номерных ценных бумаг и паспортов;

обмен информацией о готовящихся или совершенных преступлениях и причастных к ним физических и юридических лицах;

обмен информацией о новых видах наркотических средств и психотропных веществ, появившихся в незаконном обороте, технология их изготовления и используемых при этом веществах, а также новых методах исследования и идентификации наркотических средств, прекурсоров и психотропных веществ;

обмен информацией о юридических лицах и объектах собственности, используемых для легализации (отмывания) доходов от преступной деятельности;

обмен опытом работы, в том числе проведение стажировок, консультаций, семинаров и учебных курсов, а также информацией о новых способах и средствах совершения преступлений и опытом их расследования;

обмен законодательными и иными нормативно-правовыми актами сторон, содействие в приобретении учебной и методической литературы;

проведение совместных научных исследований по проблемам, представляющим взаимный интерес;

обмен на взаимовыгодной основе научно-технической информацией;

согласование действий по пресечению преступлений и деятельности лиц, совершивших преступления или готовящихся к их совершению.

В Соглашении оговаривается, что в целях наиболее эффективной реализации его положения заинтересованные компетентные органы сторон вправе заключать при необходимости согла-

шения межведомственного характера. Такая правовая возможность закрепила практику и дала дальнейшее заключение межведомственных соглашений правоохранительных органов СНГ. По своей природе подобные соглашения носят локальный характер.

Сотрудничество министерств внутренних дел стран-участниц СНГ в сфере борьбы с преступностью началось с момента создания Содружества. С 1992 г. было заключено 15 многосторонних межведомственных соглашений по различным вопросам правоохранительной деятельности. Кроме того, МВД России подписало 16 двусторонних соглашений с министерствами внутренних дел других государств-участников СНГ. Получившие широкое распространение локальные отношения органов внутренних дел соседних областей государств СНГ основываются на Типовом соглашении о сотрудничестве органов внутренних дел приграничных районов, утвержденном решением Совещания министров внутренних дел Содружества от 17 февраля 1995 г. При этом подготовка и заключение конкретного соглашения осуществляется только министерствами внутренних дел.

Ярким примером международного сотрудничества государств СНГ могут служить опубликованные материалы беседы с Рашидом Гумаровичем Нургалиевым². С его слов МВД Российской Федерации активно сотрудничает по многим актуальным вопросам, особенно по борьбе с преступлениями, связанными с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, в частности, по вопросам перекрытия каналов поставок фальшивых долларов США, наркотрафика из государств СНГ в Россию. Плодотворное сотрудничество ведется с МВД Узбекистана, Таджикистана, другими государствами СНГ. Но одно Министерство внутренних дел все проблемы связанные с преступностью иностранных граждан и лиц без гражданства решить не в состоянии. Для этого необходимо взаимодействие с ФСБ РФ, ФПС ФСБ РФ, ФСНК РФ, другими структурами. Работа ведется. Результаты ее не такие мгновенные, но они есть, и неплохие.

МВД России начало использовать получивший большое распространение в мире институт представителей правоохранительных органов, работающих на постоянной основе при дипломатических или консульских учреждениях в зарубежных государствах. В настоящее время МВД России имеет своих представителей более чем в

¹ См.: Международные правовые акты государств-участников СНГ в области борьбы с преступностью. Сборник документов. М.: ООО «Интел универсал», 1999. С. 615-640.

² Кузнецова Т. Фальшивые доллары для террористов. Аргументы и факты. 2003. № 24.

сорока государствах, прежде всего стран-участниц СНГ¹.

За последние годы Российская Федерация и ее зарубежные партнеры в области борьбы с преступностью стали лучше понимать друг друга. Уже одно это является хорошей предпосылкой успешного сотрудничества. Есть и другая точка зрения. Она состоит в том, что когда речь идет о противостоянии преступности, между странами цивилизованного мира, между правоохранительными системами различных государств не существует конкуренции целей. Потому, что нет и не может быть обособленных эгоистических национальных интересов там, где набирает силу транснациональная преступность, где ее мощно подкрепляют те криминальные процессы, которые пока не выходят за пределы одной страны.

Серьезные специалисты, чуждые политической ангажированности, хорошо понимают, что сегодня проблема национальной криминологической безопасности имеет существенную международную составляющую. Причем чем глубже становятся процессы глобальной интеграции на всех уровнях, тем в большей степени проблемы национальной криминологической безопасности превращаются и в межнациональные. Соответственно, должно углубляться понимание того, что помощь России со стороны зарубежных стран в решении ее внутренних проблем борьбы с преступностью есть для этих стран одновременно и забота о собственной криминологической безопасности. То же самое относится и к России, когда речь идет о ее усилиях содействовать более эффективной работе по борьбе с преступностью в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Автор целиком солидарен с позицией профессора М.М. Бабаева о том, что в советское время мы имели, например, систему предупреждения преступлений, которая (при всех ее недостатках и слабостях) во многих компонентах признавалась в мире достойной подражания и повторения². Препятствия нет. Но остался опыт, который не устарел, есть готовые к воплощению идеи. Их ни в коем случае нельзя предать забвению. Тщательно их следует отобрать, осмыслить, каким образом они могут быть реализованы в новых условиях. Это будет полезно не только для российского общества. Нужна добрая воля, непредвзятость и уважительное отношение к опыту и знаниям зарубежных коллег.

Участие органов внутренних дел России в процессе международного сотрудничества вносит определенный вклад в борьбу с наркопреступностью. Но совершенствование деятельности на данном направлении требует принятия ряда правовых и организационных мер, например, присоединения Российской Федерации к таким европейским конвенциям как «О выдаче правонарушителей», от 13 января 1957 г. «О взаимной правовой помощи по уголовным делам», от 12 июля 1962 г., ратификации двусторонних соглашений со странами СНГ, создания эффективного пограничного и таможенного режима на границах, жесткой системы контроля за соблюдением правил пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации. Они должны осуществляться на концептуальной основе, исходя из принципов приоритетности интересов России и неизбежности ее суверенитета.

¹ См.: Зимин В.П. Вступительная статья // Участие органов внутренних дел и внутренних войск МВД России в международном сотрудничестве. М., 1999. Вып. 1. С. 22.

² См.: Бабаев М.М. Борьба с преступностью как международная проблема. Преступность и общество: Сборник научных трудов. М.: ВНИИ МВД России, 2001. С. 23.

Окс Людмила Евгеньевна

аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин
Московского открытого социального университета

Криминологическая и виктимологическая характеристика грабежа как корыстно- насильственного преступления против собственности

Исторический анализ преступности убедительно свидетельствует, что она возрастает тогда, когда общество длительное время находится в ситуации социально-экономического и политического преобразования. Многочисленные социально-экономические проблемы в современной России, резкое снижение жизненного уровня большинства населения, его имущественное расслоение привели к значительному росту корыстно-насильственной преступности, которая охватывает совершение разбоев, грабежей и вымогательств.

Особое место среди корыстно-насильственных преступлений против собственности занимает грабеж – открытое хищение чужого имущества. Количество грабежей за последние годы (2001-2006 гг.) увеличилось почти в два с половиной раза (с 148,8 до 357,3 тыс. преступлений, совершаемых в течение года).

По количеству совершенных преступлений грабеж в настоящее время занимает одно из ведущих мест в структуре как всей преступности в стране (9,27%), так и преступлений против собственности (14,1%). Весьма велики (от 12 до 30%) и ежегодные темпы прироста этого преступления.

Постоянно возрастает и количество выявленных лиц, совершивших грабеж (от 70,2 тыс. в 2001 г. до 110,7 тыс. – в 2006 г.). При этом достаточно высок и постоянно растет (от 122,1 в 2001 г. до 278,5 – в 2005 г.) коэффициент данного преступления, т.е. преступлений, совершенных на

100 тыс. человек населения в возрасте 14 лет и старше¹.

Среди корыстных преступлений против собственности грабежи занимают второе (после краж) место в их общем количестве деяний и характеризуются следующими криминологическими особенностями:

- определенной стабильностью, сопровождаемой некоторым ростом;
- дерзостью, изощренностью и спланированностью при совершении;
- всевозрастающей латентностью;
- групповым характером совершения.

Являясь корыстно-насильственным преступлением, грабеж характеризуется также такими признаками, как корысть и насилие. Корысть в широком смысле слова – это не что иное, как выгода, польза, стремление к личной наживе². В уголовном праве категория корысти используется в более узком значении – как осознанное стремление к противоправному получению безвозмездной имущественной выгоды. Иными словами, корысть представляет собой мотив и цель совершения любого как корыстного, так и корыстно-насильственного преступления.

Насилие – второй особо важный признак корыстно-насильственных преступлений – в русском языке определяется как «применение физической силы к кому-нибудь», «принудительное воздействие на кого или что-нибудь», «принуждение, действие стеснительное, обидное, незаконное и своевольное»³. Тем самым, по форме

¹ См.: Состояния преступности в России за 2001-2006 гг. М.: ГИАЦ МВД России, 2007.

² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 2. С. 171.

³ Словарь современного русского литературного языка. Т. 7. Изд. АН СССР, 1958. С. 490; Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 3. С. 64.

проявления, насилие может быть как физическим, так и психическим.

В российском уголовном праве понятие насилия и его признаков, к сожалению, отсутствует, что свидетельствует об определенной неизученности данного явления и о недооценке важности его правового урегулирования. Незнание насилия служит препятствием для отражения его признаков и правовой оценки, ведет к непродуманной уголовной политике в сфере борьбы с насилием, ее конъюнктурной изменчивости, судебному произволу, приносит вред человеку и обществу, усугубляя существующие противоречия.

Вместе с тем определение понятия насилия в теории и в правосознании практических работников существует. Так, в частности, Л.Д. Гаухман считает, что под «насилием в уголовном законодательстве понимается только физическое насилие, а ответственность за угрозу насилием (т.е. психическое насилие – Л.О.) должна оговариваться в диспозиции закона»¹.

Как отмечает В.В. Лунев, о совершении насилия в основном судят по его результатам в виде причинения смерти, телесных повреждений или психического вреда². В правоприменительной практике, как правило, не существует особых препятствий для правильной квалификации физического проявления насилия. При этом речь идет о действиях, сопряженных с лишением жизни человека, причинением вреда его физическому (повреждения различной тяжести) и соматическому статусу³. Таким образом, под физическим насилием понимается воздействие на тело человека путем причинения ему физической боли, включая вред здоровью либо смерть.

Сложнее обстоит дело с пониманием психического насилия. Как показали результаты одного из социологических исследований, только 98% опрошенных судей любую угрозу считают психическим насилием. Среди других респондентов (сотрудники правоохранительных органов, юристы, персонал администрации уголовно-ис-

полнительных учреждений, осужденные) такого единообразия в подобной оценке угрозы не наблюдалось⁴.

Рассматривая существо насилия, на наш взгляд, следует обратить внимание на его способность воздействовать на все, что в окружающем нас мире имеет пространственную и временную структуру и отражается на человеке через органы слуха, зрения, обоняния, осязания и вкуса. Последствия насилия не всегда выражаются только в прямом физическом проявлении преступного деяния. Так, например, при шантаже⁵, угрозе применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, осуществляемой при совершении вымогательства сущность насилия проявляется в словах, жестах, в иных способах или формах информационного воздействия на психику человека⁶.

Не случайно в криминологии различают два вида психического воздействия на человека: информационный и внеинформационный. При этом основным элементом психического насилия является нематериальное воздействие, которое состоит в передаче сигнальной и значимой для адресатов (потерпевших) информации, способной повлиять на их психическое состояние или психические процессы.

Внеинформационный способ означает воздействие на психику в результате применения наркотических средств, психотропных веществ и сильнодействующих лекарств. Однако, на наш взгляд, этот способ вряд ли можно рассматривать как психическое насилие, так как при его использовании различные предметы материального мира или их физической контакт с определенными участками мозга (например, путем принуждения принятия данных средств, опаявания или отравления) являются лишь опосредованным элементом насилия.

Кроме этого, следует отметить и такие признаки психического насилия, как запугивание потерпевшего возможным применением физического насилия (включая побои⁷, истязания, демон-

¹ Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. М.: Изд-во «Юридическая литература», 1969. С. 4-6.

² Лунев В.В. Насильственные преступления в сфере новых рыночных отношений: Проблемы борьбы с организованной преступностью. Саратов, 1999. С. 54.

³ Симонов В.И. Уголовно-правовая характеристика физического насилия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1996. С. 6.

⁴ Российское законодательство: проблемы и перспективы // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ / Под ред. Л.А. Огульнова. М.: Изд-во «Бек», 2005. С. 339.

⁵ «Шантаж – это неблагоприятные действия, угроза разоблачения, разглашение позорящих, компрометирующих сведений с целью вымогательства, из стремления добиться каких-нибудь выгод, а также вообще угроза, запугивание чем-нибудь с целью создать для себя выгодную обстановку» / Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 1989. С. 986.

⁶ Чернявский А.Д. Психическое насилие при совершении корыстных преступлений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. С. 27.

⁷ Побои – это нанесение многократных ударов по телу потерпевшего, его избивание. Практический комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. Аликперова Х.Д. и Побегайло Э.Ф. М.: Изд-во «Норма», 2001. С. 299.

страцию оружия¹ и т.п.); действительность, реальность угрозы его применения².

Психическое насилие и его признаки проявляются не только и даже не столько в поведении преступника, сколько в степени реагирования на него самого потерпевшего, который такое насилие может расценивать как реальную угрозу его жизни. Неслучайно в литературе отмечается, что как при первоначальном восприятии жизненных ситуаций, так и в последующем, значимость происходящих событий для индивида определяется не только их объективным характером, но и психологическими особенностями и ценностными ориентациями личности³.

Завершая анализ психического насилия при совершении грабежа как корыстно-насильственного преступления, отметим, что таковым являются действия, которые влекут за собой любую психическую травму, либо могут привести к состоянию стресса, подавленности, чувству сильного испуга и т.п.

Отличительной чертой при совершении грабежа является то, что хищение преступником «совершается в присутствии собственника или иного владельца этого имущества либо на виду у посторонних, когда лицо, совершающее это преступление, осознает, что присутствующие при этом лица понимают противоправный характер его действий, независимо от того, принимали ли они меры к пресечению этих действий или нет»⁴. Открытый способ хищения значительно повышает общественную опасность совершаемых действий и свидетельствует о дерзости преступника, пренебрегающего опасностью изобличения и сознательно идущего на риск задержания с полицией. При этом грабитель не исключает и того, что ему, возможно, придется прибегнуть к применению насилия для завладения вещами, чтобы преодолеть сопротивление кого-либо из присутствующих, т.е. совершить насильственный грабеж, предполагающий применение насилия физического (не опасного для жизни или здоровья потерпевших), либо психического (угрозы применения такого насилия).

При этом насилием, не опасным для жизни и здоровья потерпевшего, являются действия, которые не создали угрозу для жизни и не причинили реального вреда здоровью потерпевшего, не вызвали стойкую, хотя бы и кратковременную,

утрату трудоспособности, но были сопряжены с причинением физической боли с нанесением побоев или с ограничением свободы потерпевшего. Легкий вред здоровью может быть выражен в поверхностных повреждениях в виде небольших ран, кровоподтеков, ссадин и т.д.

Психическое же насилие при совершении насильственного грабежа проявляется в запугивании потерпевшего побоями, нанесением ударов, связыванием и другими подобными действиями. Однако чаще всего угроза применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, звучит неопределенно («будет плохо», «хуже», т.е. преступник лишь «грозит» потерпевшему всякого рода неприятностями).

Важно отметить, что при насильственном грабеже физическое или психическое насилие является средством завладения имуществом или удержания уже похищенного имущества. Это значит, что похищение имущества или удержание похищенного находятся в причинной связи с применением насилия к потерпевшему. Именно насилие призвано сломить волю лица, вынудить к бездействию, пассивности или же, наоборот, к совершению определенных действий, например, передаче имущества преступнику. С другой стороны, даже ненасильственное открытое хищение таит в себе потенциальную угрозу насилия. Именно поэтому мы предлагаем рассматривать корыстно-насильственным преступлением и ненасильственный грабеж, при совершении которого жертва подвергается так называемому скрытому, опосредованному насилию, представляющему собой разновидность психического насилия, включающему ряд действий, направленных на нарушение душевного состояния жертвы, ее гармоничного существования. Такие угрозы негативным образом воздействуют на психику человека и могут привести к деструктивным разрушениям его личности, психическим и физическим заболеваниям.

Практика убедительно свидетельствует, что ненасильственный грабеж, квалифицируемый по ч. 1 ст. 161 УК РФ, в ситуациях, когда грабитель сталкивается с сопротивлением потерпевшего или с иным противодействием хищению со стороны других лиц, в 4 из 10 случаев перерастает в насильственный. Открыто захватывая чужое имущество, грабитель самым способом и харак-

¹ При этом оружие может быть настоящим (например, пистолет) либо муляжом, макетом оружия.

² Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. М.: Изд-во «Юридическая литература», 1969. С. 32-34.

³ Березина Т.Н. Многомерная психика. Внутренний мир личности. М.: Изд-во «Ориентис», 1999. С. 96.

⁴ Пункт Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое».

тером действий дает понять, что попытки сопротивления или иного вмешательства могут повлечь применение к его владельцу физического или психического насилия¹. Ведь то пренебрежение и цинизм, с которым он действует, совершая преступление на глазах потерпевшего и других лиц, четко указывают на то, что он, осознавая высокую потенциальность применения насилия для достижения своей цели, сознательно идет на значительный и заведомый риск².

Но наиболее явно влияние опосредованного насилия на потерпевшего при совершении грабежа мы можем проследить при рассмотрении психологических особенностей личности жертвы. Психика, отражая объективную реальность, создает в сознании человека некие идеальные образы объективно существующих явлений. У различных людей эти образы не являются равнозначными, так как их содержание зависит от прошлого опыта человека, уровня его развития и самосознания. Иными словами, у каждого потерпевшего существует субъективное отражение совершаемых против него действий³. Следовательно, в той или иной форме, реализация опосредованного насилия при совершении грабежа становится возможной вследствие деятельности сознания и подсознания потерпевшего. В данном случае для понимания механизма опосредованного насилия не имеет значения, в какой форме происходит его проявление, так как для каждого человека оно может быть различным.

Так, при хищении имущества открытым, дерзким способом (например, при «рывке»⁴) у потерпевшего, как результат действия скрытого насилия, могут наблюдаться реакции испуга, вызванного осознанием реальной опасности, а также неподготовленностью самой жертвы к ее отражению; страха, как логического развития испуга за свое психофизическое состояние; осознания близости к действительной опасности, связанной с возможностью применения грабителем насилия; тревожности, которая может проявляться как ощущение беспомощности, неуверенности в себе или бессилия перед внешними факторами, т.е. в неспособности сделать что-то и по-

влиять на ситуацию (вернуть имущество, поймать преступника, подготовиться к его противоправным действиям и т.д.)⁵.

Такие реакции у потерпевших подтверждаются результатами проведенных в 2003 г. исследований. Так, 58% потерпевших от грабежа спустя год после совершения против них этого преступления боятся повторения происшедшего и отсутствия возможности противостоять этому; 14% жертв при воспоминании о случившемся до сих пор испытывают страх; 11% уверены, что они лишь чудом избежали применения против них физического насилия; оставшиеся 17% утверждают, что всерьез стали опасаться за свою безопасность⁶.

Таким образом, опосредованное насилие теснейшим образом связано с эмоциями потерпевшего, регулирующими его активность через соответствующие психические состояния, вызываемые возникновением в реальности значимых для самой жертвы предметов посягательств или ситуаций. Например, при вырывании у потерпевшего сотового телефона возникают чувства обиды, горечи, страха или испуга.

Кроме этого, при подобном психическом насилии возможны нарушения работы головного мозга жертвы, изменения биоритмов его различных участков⁷.

Виктимологическая характеристика жертвы грабежа рассматривается нами как система следующих черт ее личности:

социально-демографической (социальное происхождение, семейное и должностное положение, уровень материальной обеспеченности, национальная принадлежность, пол, возраст и т.д.);

культурно-образовательной (знания, умения, уровень образования, профессиональные навыки);

нравственной (взгляды, потребности, мировоззрение, интересы);

психологической (воля, эмоции, темперамент).

Конечно, сами по себе отмеченные выше характеристики, присущие всякой личности, а не

¹ Алауханов Е.А. Криминологические проблемы предупреждения корыстно-насильственных преступлений: Монография. Оренбург: ОГАУ, 2003. С. 72.

² Например, преступник может столкнуться с активным сопротивлением со стороны потерпевшего или других лиц, данные лица могут его задержать на месте преступления или впоследствии изобличить, выступая в качестве свидетелей и т.д.

³ Антонян Ю.М. Психология преступника и расследования преступлений. М., 1996. С. 75.

⁴ «Рывок», являющийся одним из самых распространенных способов совершения грабежа, заключается в срывании головных уборов, шарфов, вырывании сумок, портфелей, сотовых телефонов и других вещей из рук потерпевшего.

⁵ Петин И.А. Механизм преступного насилия: Монография. СПб: Изд-во «Юридический центр», 2004. С. 227.

⁶ Рыклина В. Как страшно жить! // Версия. 2004. № 57(415). С. 8.

⁷ Испуг и воздействие на ЦНС приводят к ускорению циркуляции крови в клетках головного мозга.

только жертве преступления, виктимологического значения не имеют. Но в зависимости от конкретного содержания соответствующих признаков личности существующие между ними взаимосвязи могут способствовать или, наоборот, воспрепятствовать преступному посягательству.

Особый виктимологический интерес представляют некоторые социально-демографические особенности личности жертвы. Так, с возрастом изменяются условия, в которых находится, живет, трудится человек, изменяются его социальные функции в обществе, привычки, характер, способы реагирования на конфликтные ситуации. Согласно анализу восьмисот расследованных уголовных дел о грабежах, 40% всех жертв грабежа – это молодые люди в возрасте 18-24 лет (как наиболее активная часть населения); 31,2% – лица в возрасте 25-29 лет; около 20% потерпевших находились в возрастной группе от 30 до 39 лет, и, наконец, наименьший процент жертв грабежа зафиксирован у лиц моложе 18 лет – всего 4,7%¹. Последнее, на наш взгляд, связано с отсутствием у большинства тинейджеров материальных ценностей, особого социального положения и т.д. Некоторый спад в количестве совершенных грабежей был отмечен среди жертв, возраст которых превышает 40 лет, т.е. лиц, обладающих достаточным жизненным опытом, средствами и возможностями для принятия дополнительных мер по охране себя и своей собственности.

По половому признаку жертвами грабежа чаще всего (в шести из десяти случаев совершения данного преступления) становятся женщины.

По социальному положению потерпевшие от грабежей распределены следующим образом: служащие – 24,6%; представители частного бизнеса – 21,7%; наемные рабочие – 19,3%; студенты – 17,4%; безработные – 11,2%; пенсионеры – 5,8%.

Семейное положение жертвы грабежа характеризуется следующим: около 48% всех потерпевших состояли в браке; 35% – были разведены; 10,6% – собственной семьи не имели, а 8,1% – находились в гражданском браке².

Говоря о культурно-образовательных характеристиках личности жертвы, следует отметить, что около 43% всех пострадавших имели высшее или незаконченное высшее образование;

40% из них имело среднее специальное; 12,5% – среднее общее и 1,8% – неполное среднее образование³.

Уголовно-правовая характеристика личности жертвы грабежа свидетельствует о том, что подавляющее большинство потерпевших (76,5%) ранее не были судимы и не привлекались к административной ответственности.

Особое значение для проявления виктимности жертвы имеют ее взаимоотношения с преступником, которые могут быть способствующими, сдерживающими или препятствующими совершению преступления. Грабеж, как правило, совершается в отношении лиц, незнакомых преступнику (64,6% всех жертв на момент совершения против них такого корыстно-насильственного преступления не были знакомы с преступником), с использованием незначительного повода и при сложившейся неблагоприятной ситуации, способствующей преступному посягательству. Поведение жертвы, предшествующее совершению грабежа, становилось виктимным в ситуациях, когда потерпевший высказывал различного рода обиды будущему преступнику (17,0%); оскорблял его (10,0%); угрожал и провоцировал грабителя (7%).

Анализ психологической характеристики жертв свидетельствует о том, что лишь 62,8% потерпевших от грабежа были психически здоровы; 9,3% – страдали алкоголизмом либо наркоманией – 7,6%, а 8,6% обладали выраженной психической патологией (дебилизмом, олигофренией).

Изучение личности жертв грабежа позволяет выделить ряд их общих типов, дифференцированно подходить к ним при проведении виктимологической профилактики. Так, как показывают исследования, подавляющее число потерпевших от грабежа (75,6%) – пассивные жертвы, поведение которых определяется сложившейся криминальной ситуацией и страхом перед преступниками, опасения мести с их стороны в случае обращения в правоохранительные органы. Пассивные жертвы, как правило, не оказывают должного сопротивления, небрежно относятся к своей собственности, не принимают никаких защитных мер по охране имущества из-за лени, малодушия, безынициативности и т.д.

На втором месте среди потерпевших от этого преступления (29,3%) находятся инициа-

¹ Севрюков А.П. Хищение имущества. Криминологические и уголовно-правовые аспекты. М.: Изд-во «Экзмен», 2004. С. 42-43.

² Кивич Ю.В. Криминологическая характеристика и предупреждение уличной преступности в условиях города: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 10.

³ Задорожный В.И. Виктимологическая характеристика корыстно и корыстно-насильственных преступлений и их профилактика. Уфа: ОН и РИО УЮИ МВД РФ, 2002. С. 48.

тивные жертвы. Как правило, это положительно ориентированные в социальном плане люди, готовые прийти на помощь другим, защитить их, выручить в беде.

Весьма незначительную часть (17,1%) составляют активные жертвы, поведение которых указывало на заблаговременное принятие ими мер по защите личности, своего имущества (ус-

тановка сигнализации, охранных систем, укрепление окон, дверей и т.д.).

Предложенная нами классификация жертв грабежа позволит достаточно обосновано разрабатывать и последовательно реализовать комплекс мер виктимологической профилактики, реализация которого, на наш взгляд, будет способствовать предупреждению такого корыстно-насильственного преступления, как грабеж.

Хумаров Марат Сослановичадъюнкт кафедры теории и истории государства и права
Краснодарского университета МВД России

Социально-правовая характеристика терроризма в России в 1990-х гг. и формирование государственной концепции по его предупреждению

Терроризм во всех его формах и проявлениях по своим масштабам и интенсивности, по своей бесчеловечности и жестокости является одной из самых острых и злободневных проблем глобальной значимости. Террористические акты приносят массовые человеческие жертвы, оказывают сильное психологическое давление на большие массы людей, влекут разрушение материальных и духовных ценностей, не поддающихся порой восстановлению, сеют вражду между государствами, провоцируют войны, недоверие и ненависть между социальными и национальными группами, которые иногда невозможно преодолеть в течение жизни целого поколения.

В конце XX в. терроризм как социально-опасное явление приобрел столь большие и международные масштабы, что появилась необходимость с значительным усилением мер по борьбе с этим видом одной из самых жестоких видов преступности, поскольку его жертвами могут стать и становятся невинные люди, зачастую не имеющие никакого отношения к конфликту, ставшим причиной терроризма.

Россия вплотную столкнулась с проблемой терроризма после распада СССР в 1991 г. (до этого в советском государстве имели место лишь отдельные проявления этого вида преступности). Причем практически сразу были определены два направления терроризма: криминальный и националистический. Первый был связан с последствиями первоначального накопления капитала в России, перешедшей на рыночные отношения в

экономике, и в последовавшем переделе собственности и сфер влияния стали применяться акты терроризма. Второе направление было связано главным образом с межнациональными раздорами на Северном Кавказе и развившимся там сепаратистским движением.

В 1995 – 1996 г. самыми крупными террористическими актами в России были: набеги на г. Буденовск и г. Кизляр чеченских боевиков, взрыв мощной бомбы на Котляровском кладбище в г. Москве, когда 13 человек погибло и 80 человек получили ранения, мощный взрыв в жилом доме в дагестанском городе Каспийске, когда погибло 68 человек. Всего было зафиксировано за два года 33 факта¹.

Следующая полоса терроризма приходится на 1999 г. Так, 4 сентября был взорван дом на территории военного городка в дагестанском городе Буйнаксе, и тогда погибло 68 человек. 9 сентября был взорван жилой дом в Москве, погибло 90 человек. 13 сентября там же, в Москве, был взорван еще один жилой дом, и тогда число смертей достигло 120 человек. А 16 сентября был взорван жилой дом в г. Волгодонске Ростовской области (погибло 19 человек). Еще через год, 8 августа 2000 г., прогремел взрыв в переходе на Пушкинской площади в Москве (погибло 13 человек)².

В качестве причин терроризма 1990-х гг. необходимо, прежде всего, назвать ломку сложившихся отношений в области политики, экономики, права, социальной и иных важных сферах жизни государства и общества, утрату прежних, десятками лет вырабатывавшихся механизмов

¹ Сегодня (федеральная газета). 1996. 31 окт.

² Требин М.П. Терроризм в XXI веке. Минск: Харвест, 2003. С. 332.

упорядочения и конституционного регулирования отношений, прямо или косвенно влияющих на основы государственного и общественного устройства. Особенно пострадала идейно-политическая сфера, так как прежняя коммунистическая идеология была предана анафеме, а новой обществу, потерявшему ориентиры, не предложено. Были девальвированы и утрачены такие дисциплинирующие и цементирующие общественную жизнь начала, как патриотизм, чувство долга, нравственность, интернационализм. Произошло социальное расслоение общества, усилилась политическая борьба, стали расти безработица и социальная незащищенность граждан, распространился правовой нигилизм, обострились межнациональные отношения, возникли и усилились сепаратистские тенденции. Значительно ослабили профилактические усилия правоохранительных органов и общественных организаций. Многие из этих факторов, имевшие место в жизни российского общества 1990-х гг., можно считать общесоциальными предпосылками терроризма.

По мнению Д.В. Чухвичева, в числе причин терроризма следует назвать изменение господствующего в мире мировоззрения. Мир устал от войн, революций и прочих потрясений, сопровождающихся кровопролитием. Главной ценностью во всех развитых странах Запада была объявлена человеческая жизнь. И экстремисты быстро поняли, что лучший способ оказать давление на правительство – показать, что они способны поставить человеческую жизнь в опасность. Возможность совершения террористического акта неизменно вызывает тревогу в народных массах, и властные структуры обязаны немедленно восстановить спокойствие в обществе, даже идя на уступки. Именно потому странам с тоталитарным режимом массовый терроризм несвойственен: там социальные связи между обществом и государственным аппаратом слабее, террористу гораздо сложнее вызвать панику в тоталитарных нежелях в демократических странах¹.

В первой половине 1990-х гг. в России довольно часто проходили забастовки как протест против существовавших тогда экономических отношений. До определенного момента их требования носили экономический характер, но нельзя было исключить возможность, что какая-то группа либо из числа этих людей, либо сторонняя может воспользоваться такой ситуацией и провести террористический акт, чтобы вызвать непри-

язнь к данной социальной группе, вызвать новую волну социального недовольства и достичь своих политических или экономических целей. В том и другом случае возможно ухудшение социально-политического климата в обществе. И в этой связи Е.Т. Ляхов полагал, что экономические условия жизни людей могут спровоцировать террористические действия и таким путем, когда кто-то – один человек или группа – захочет сразу разбогатеть. Для этого может быть захвачена группа заложников, за освобождение которых потребуют значительный выкуп². Однако, как показала социальная практика, чисто экономические трудности, взятые сами по себе, не стали причиной актов терроризма.

В дополнение общих причин терроризма могут быть названы некоторые предпосылки развития общественных отношений, которые определяют развитие терроризма в России: рассогласование всех ветвей власти, вызванное появлением новой структуры отношений к собственности, теневых лидеров, обладающих реальной властью и любыми способами расширяющих сферы своего влияния; усиление влияния неформальных норм, криминализирующих общественные отношения, при которых закон перестает обеспечивать необходимый уровень социальной защиты значительной части населения; изменение понятий о порядке и справедливости, возрождение принципов поведения, в рамках которых насилие становится «законным» средством достижения политических и иных целей; обращение к духовному наследию политических, религиозных и других организаций экстремистского толка, в которых культ силы и оружия является обязательным элементом быта и образа жизни; осознание некоторыми национальными и религиозными общностями себя как угнетенных, притесняемых, лишенных прав и свобод, ощущение ими необходимости защиты любыми средствами³.

Как отмечал Г.С. Котанджян, неравномерное протекание модернизации в этнонациональных ареалах может обусловить конфликты между притязаниями этнических групп, с одной стороны, и реальными возможностями государства гарантировать обеспечение прав своих граждан – с другой. Попытки политического государства противостоять требованиям входящих в его состав этнических групп приводят к взаимным претензиям и конфликтам. В процессе взаимодействия модернизирующихся этнических групп с политическими институтами многонационального

¹ Российская газета. 1997. 10 июня. С. 7.

² Ляхов Е.Т. Политика терроризма. М., 1997. С. 36-37.

³ Российская газета. 1997. 10 июня. С. 8.

государства происходит неравномерное формирование политического и правового сознания названных групп¹. Данная схема может быть использована для объяснения межнациональных конфликтов в самых разных российских регионах.

Как бы то ни было, уже первая серия актов терроризма в России в 1995 – 1996 гг. заставила российское государство принять ряд довольно жестких мер по борьбе с этим социально опасным явлением. Так, в принятый УК РФ 1996 г. была включена ст. 205, где давалось понятие терроризма – это совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях.

В дальнейшем законодатель принял еще ряд актов. Среди них важнейшее место занимает ФЗ «О борьбе с терроризмом» от 25 июля 1998 г.² Здесь законодатель определяет правовые и организационные основы борьбы с терроризмом в Российской Федерации, порядок координации деятельности осуществляющих борьбу с терроризмом федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, общественных объединений и организаций независимо от форм собственности, должностных лиц и отдельных граждан, а также права, обязанности и гарантии граждан в связи с осуществлением борьбы с терроризмом.

В статье 1 указывается, что правовую основу борьбы с терроризмом составляют Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, настоящий Федеральный закон, другие федеральные законы, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, указы и распоряжения Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, а также принимаемые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти.

В числе основных принципов борьбы с терроризмом были определены: 1) законность; 2) приоритет мер предупреждения терроризма; 3) неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности; 4) сочетание

гласных и негласных методов борьбы с терроризмом; 5) комплексное использование профилактических правовых, политических, социально-экономических, пропагандистских мер; 6) приоритет защиты прав лиц, подвергающихся опасности в результате террористической акции; 7) минимальные уступки террористу; 8) единоначалие в руководстве привлекаемыми силами и средствами при проведении контртеррористических операций; 9) минимальная огласка технических приемов и тактики проведения контртеррористических операций, а также состава участников указанных операций.

В целом в Федеральном законе «О борьбе с терроризмом» понятие этого явления представлено в более широком смысле (ст. 3). Так, к преступлению террористического характера, помимо собственно терроризма, закон относит захват заложника (ст. 206 УК РФ), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ), организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК РФ), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ) и нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360 УК РФ). Сравнительно недавно (середина 2006 г.) законодатель прибавил к этому перечню еще два состава: содействие террористической деятельности (ст. 205-1 УК РФ), публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205-2 УК РФ).

С принятием УК РФ 1996 г. и ФЗ «О борьбе с терроризмом» 1998 г. была, таким образом, определена государственная концепция борьбы с этим социально-опасным явлением. Суть ее заключается в том, что необходимо принятие комплекса мер по созданию общегосударственной системы противодействия терроризму, включающей в себя укрепление государственных органов, участвующих в предупреждении и пресечении его проявлений; улучшение материально-технической оснащенности и вооружения, введение дополнительных социальных льгот сотрудникам и членам их семей, усиление гарантий правовой защищенности и личной безопасности участников антитеррористических операций, включая свидетелей и потерпевших, особенно на стадии расследования и судебного рассмотрения. Такой подход свидетельствовал о том, что российские власти угрозу терроризма считали очень серьезной, и, как показали последующие события уже в начале 2000-х гг., в этом ошибки не произошло.

¹ Известия. 1999. 21 мая. С. 3.

² ФЗ «О борьбе с терроризмом» от 25 июля 1998 г. // Российская газета. 1998. 8 авг.

Хатуаева Виктория Владимировна
доктор юридических наук, профессор
Центрального филиала Российской академии правосудия

Соотношение публичного и частного (диспозитивного) начал в современном уголовном судопроизводстве

Рассматривая диспозитивность в качестве одного из основных начал, входящих в общую систему, необходимо проанализировать и возникающие при этом системные связи. Следуя статической структуре системы принципов уголовного судопроизводства, рассмотрим взаимозависимость и информационную обусловленность публичного и диспозитивного начал, составляющих «линейную цепь». Эти элементы системы основополагающих начал уголовного процесса отражают расстановку законодателем акцентов на соотношении частных и государственных (общественных) интересов.

Принцип публичности в уголовном судопроизводстве традиционно рассматривался через призму взаимоотношений государства и личности и являлся основополагающим началом, определяющим смысл и содержание уголовно-процессуальных норм. Существовавшая до недавнего времени трактовка рассматриваемого принципа в концентрированном виде содержалась в ст. 2 УПК РСФСР, закреплявшей задачи уголовного судопроизводства, основными среди которых являлись: «быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных», способствование «предупреждению и пресечению преступлений». Понятие принципа публичности ввиду наличия легальной его формулировки в УПК РСФСР существенных противоречий в доктрине дореформенного уголовного процесса не вызывало. Единственным вопросом, являющимся предметом дискуссии, был и остается вопрос о соотношении публичности и официальности. Некоторые авторы считают, что приведенные принципы соотносятся как общее и частное. Публичность с этих позиций представляет собой закон-

ность, с одной стороны, и официальность как свободу выбора того или иного решения – с другой. При этом подчеркивается подчиненный характер официальности по отношению к законности в рамках единого принципа – публичности¹. Представляется, что нет необходимости в выделении указанных составляющих принципа публичности, поскольку законность – самостоятельный общеправовой принцип, реализующийся в том числе и в уголовном судопроизводстве, что предполагает соответствие всех иных принципов данному руководящему положению, не исключая и принцип публичности. Некоторые процессуалисты считают понятия «публичность» и «официальность» тождественными, справедливо полагая, что официальность предполагает действие должностных лиц в уголовном процессе *ex officio*, т.е. от имени государства. Думается, что публичный характер прав-полномочий соответствующих должностных лиц является содержательной стороной рассматриваемого принципа и предопределяет тот факт, что руководитель следственного органа, следователь, руководитель подразделения дознания, дознаватель, прокурор и суд не обладают в уголовном судопроизводстве диспозитивными правами именно в силу официального характера своей деятельности.

В соответствии с названными выше задачами уголовного судопроизводства содержание публичности определялось следующим правилом: «суд, прокурор, следователь и орган дознания обязаны в пределах своей компетенции возбудить уголовное преследование в каждом случае обнаружения признаков преступления, принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию»

¹ См.: Юсубов А.М. Принцип публичности в советском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1988. С. 10.

(ст. 3 УПК РСФСР). Следовательно, публичность рассматривалась как обязанность компетентных должностных лиц принимать все предусмотренные законом меры и производить все предусмотренные законом действия для раскрытия преступлений, изобличения и наказания лиц, виновных в их совершении, охраны прав и законных интересов участников уголовного процесса, не ставя совершение этих действий в зависимость от усмотрения заинтересованных лиц и организаций¹. Приведенная трактовка публичного начала сводится к признанию того, что уголовный процесс является сферой исключительно государственных интересов, отрицания инициативы частных лиц и возможности их влияния на ход и результат производства по уголовному делу. Такая гипертрофированная публичность предполагает подмену интересов гражданского общества исключительным интересом государства, минимизирует задачу охраны прав личности. Опасность приведенного подхода к пониманию цели и задач уголовного процесса достаточно давно отмечена учеными процессуалистами. Так, И.Я. Фойницкий справедливо отмечал, что «общественное или публичное начало ... состоит в том, что уголовно-судебное разбирательство происходит в общегосударственных интересах, требующих не осуждения обвиняемого во что бы то ни стало, а правильного применения уголовного закона ... наказание невинных вредит государству еще более, чем оправдание виновных. Чем более уголовный процесс становится делом общественным, тем более в нем развивается публичное начало, поглощая все другие: права личности отрицаются в обвиняемом, который становится предметом исследования...; отрицаются они и в обвинителе, которого заменяет безличная воля закона, наперед стремящегося определить движение процесса; понятие сторон изгоняется из процесса; последний перестает быть живым судебным спором и превращается в безличное исследование...»².

Содержание и место принципа публичности в правовом государстве, к построению которого мы стремимся, в том числе реформируя законодательство, должно соответствовать охранительному типу уголовного судопроизводства, для которого главенствующим является стремление избежать риска осуждения невинного и ущем-

ления прав человека. Изменение назначения уголовного судопроизводства с неизбежностью повлекло за собой и изменение содержательной стороны публичного начала. В качестве одной из задач уголовного судопроизводства рассматривается уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания, равно как и отказ от уголовного преследования невинных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто несправедливо подвергся уголовному преследованию (ч. 2 ст. 6 УПК РФ), что декларируется как публичный интерес. Позволим себе не согласиться с утверждением о том, что приведенная норма уголовно-процессуального закона имеет «ярко выраженный частный характер» вследствие закрепления в ч. 1 ст. 6 УПК РФ в качестве одной из основных задач уголовного процесса защиту прав и законных интересов как потерпевших от преступлений, так и лиц, подвергшихся уголовному преследованию³. Думается, что защита частных интересов в той же мере соответствует интересам государства, в какой и уголовное преследование, и назначение виновным справедливого наказания. Таким образом, рассматриваемая норма уголовно-процессуального закона сочетает в себе и диспозитивные, и публичные начала. Обязанность осуществления прокурором, следователем и дознавателем уголовного преследования закреплена в ст. 21 УПК РФ, которая в определенной степени воспроизводит рассмотренную нами ранее ст. 3 УПК РСФСР, регламентировавшую содержание принципа публичности. К сожалению, законодатель не закрепляет рассматриваемое руководящее начало в качестве самостоятельной нормы, что дает основание для появившихся утверждений об отсутствии в уголовном процессе принципа публичности и его полной замене принципом диспозитивности⁴. Думается, что для такого суждения нет веских причин. Уголовно-процессуальное право остается публичной отраслью, хотя имеет комбинированный метод регулирования соответствующих отношений, основой которого является смешанный следственно-состязательный тип современного уголовного судопроизводства.

С этих позиций в существенном изменении, на наш взгляд, нуждается понимание содержательной стороны принципа публичности. Его нельзя более рассматривать как «... пронизыва-

¹ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 136; Добровольская Т.Н. Принципы уголовного процесса. С. 69; Уголовно-процессуальное право РФ / Под ред. П.А. Лупинской. М., 1997. С. 97.

² Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., С. 11.

³ См.: Багаутдинов Ф. Отражение публичных и личных интересов в принципах уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2002. № 4. С. 55.

⁴ См.: Александров А.С. Принципы уголовного судопроизводства // Правоведение. 2003. № 5. С. 34.

ющее весь уголовный процесс требование неотвратимости уголовной ответственности»¹. Принцип публичности в современной его трактовке включает в себя два аспекта.

Во-первых, осуществление одной из функций государственной власти – правосудия является суверенным правом суда, освобожденно от состязательных функций обвинения и защиты. Публичное начало в данном случае проявляется в том, что государство в целях обеспечения справедливого разрешения уголовно-правовых конфликтов наделяет соответствующими дискреционными полномочиями суд, который действует от его имени в защиту интересов как государства и общества в целом, так и конкретной личности, попавшей в орбиту уголовного судопроизводства.

Во-вторых, прокурор и орган предварительного расследования приводят в действие уголовно-процессуальный механизм привлечения к уголовной ответственности, осуществляя уголовное преследование от имени государства. Указанная деятельность по делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляется в форме своевременного возбуждения уголовного дела в каждом случае обнаружения признаков преступления, принятия мер по установлению события преступления, изобличения виновных в его совершении лиц, а также принятия мер процессуального принуждения к тому или иному лицу в случаях и на основании, предусмотренных законом. При осуществлении уголовного преследования прокурор, руководитель следственного органа, следователь, начальник подразделения дознания и дознаватель вправе учитывать волеизъявление участников уголовного судопроизводства, имеющих частный интерес в исходе дела, а также обязаны гарантировать им возможность реализации предоставленных законодателем материальных и процессуальных прав.

Считаем необходимым восстановление признака нормативности публичного начала уголовного судопроизводства путем его закрепления в уголовно-процессуальном законе не в качестве нормы, определяющей обязанность осуществления уголовного преследования, как это предусмотрено ст. 21 УПК РФ, а в качестве са-

мостоятельной статьи в гл. 2, посвященной именно системе принципов уголовного судопроизводства.

В связи с изложенным особую актуальность приобретает проблема соотношения принципов публичности и диспозитивности. Традиционным в уголовно-процессуальной науке является взгляд на рассматриваемые руководящие положения как на взаимоисключающие начала². Следственно-состязательный характер уголовного процесса предполагает корректировку не только содержания принципа публичности, но и подхода к его соотношению с принципом диспозитивности.

Суммируя имеющиеся в теории уголовного процесса взгляды на рассматриваемую проблему, можно выделить три взаимоисключающие точки зрения. Первая – методом регламентации уголовно-процессуальных отношений является императивный, соответственно, публичность – это единственный принцип уголовного судопроизводства, наличие которого исключает диспозитивное начало³. Вторая точка зрения диаметрально противоположна и заключается в полном отрицании наличия публичного начала в состязательном уголовном процессе⁴. Третья из рассматриваемых точек зрения наиболее, на наш взгляд, близка к истине, хотя и характеризуется некоторой противоречивостью. Заключается она в попытках ученых-процессуалистов соотнести публичное и диспозитивное начало как два принципа, регламентирующие одну отрасль права. Так, в частности, А.И. Маркин предлагает не сопоставлять и не противопоставлять их в силу того, что «они представляют собой категории разного уровня абстракции»⁵. Думается, что это попытка уйти от разрешения имеющейся на сегодняшний день проблемы соотношения частного и публичного интереса в уголовном судопроизводстве. Два метода правового регулирования, два руководящих начала, определяющих смешанный тип судопроизводства, по своей сущности не могут быть различны в уровне абстракции, их необходимо соотносить друг с другом хотя бы в силу того, что они регламентируют одни и те же общественные отношения. Наиболее нам импонирует позиция Л.Н. Масленниковой, по утверждению которой

¹ Шадрин В.С. Обеспечение прав личности и принцип публичности в уголовном процессе // Государство и право. 1994. № 4. С. 97.

² См.: Головки Л.В. Принципы неотвратимости ответственности и публичности в современном российском уголовном праве и процессе // Государство и право. 1999. № 3. С. 66; Петрухин И. Публичность и диспозитивность в уголовном процессе // Российская юстиция. 1999. № 3. С. 24-25.

³ См.: Головки Л.В. Указ. соч. С. 63; Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова. М., 1987. С. 64-66.

⁴ См.: Александров А.С. Указ. соч. С. 15.

⁵ Макаркин А.И. Состязательность в современном уголовном судопроизводстве. СПб., 2004. С. 23.

«диспозитивное начало как часть входит составляющей в публичное начало, и само его существование возможно лишь под эгидой (обеспечением) публичного начала, но при этом оно не утрачивает своей автономии»¹. Полагаем, однако, что диспозитивность существует не в рамках публичности, а как самостоятельное начало, тесно с ним взаимосвязанное. Сказанное подтверждается и приведенными нами ранее доводами о содержательной самостоятельности диспозитивного начала, его общепроцессуальном характере и интегрированности в систему принципов уголовного судопроизводства. Вместе с тем, публичность и диспозитивность находятся в отношениях «бинарности», устанавливая взаимные пределы реализации в уголовно-процессуальных отношениях. Степень и способы взаимодействия рассматриваемых принципов определены уголовно-процессуальным законом применительно к конкретным стадиям уголовного судопроизводства и формам уголовного преследования.

Так, например, возбуждение уголовного дела исключительно по заявлению потерпевшего по делам частного-публичного и частного обвинения является проявлением диспозитивного начала. Однако законодатель предусматривает случаи, когда названные категории уголовных дел могут быть возбуждены следователем, а также с согласия прокурора дознавателем, ввиду беспомощного состояния потерпевшего или невозможности по иным причинам самостоятельно защищать свои права и законные интересы (ч. 4 ст. 20 УПК РФ). Такое ограничение диспозитивного начала направлено на защиту личного интереса потерпевшего и является способом гарантировать ему реализацию предусмотренных уголовно-процессуальным законом субъективных прав, что является содержательной составляющей принципа публичности в его современном толковании.

Своеобразным «переплетением» публичного и диспозитивного начал являются отношения обвиняемого и защитника. Проявлением принципа диспозитивности мы считаем наличие у обвиняемого права отказаться от защитника даже в тех случаях, когда в соответствии с уголовно-процессуальным законом участие последнего в деле обязательно (ст. 52 УПК РФ). Но в случаях, когда обвиняемый – несовершеннолетний, страдает психическими или физическими недостатками, препятствующими реализации права на защиту, не владеет языком судопроизводства, обвиняется в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание на срок свыше 15

лет, пожизненное лишение свободы или смертная казнь, либо дело подсудно суду присяжных, либо применяется особый порядок судебного разбирательства, прокурор, следователь и дознаватель могут своим решением назначить защитника вопреки воле обвиняемого (ч. 2 ст. 52 УПК РФ). Налицо ограничение субъективного усмотрения частного лица, проявляющееся в принудительном гарантировании ему государством права на защиту.

Необходимо заметить, что законодатель достаточно часто прибегает к ограничению свободы усмотрения сторон при реализации предоставленных им диспозитивных прав публичными методами, т.е., предоставляя право, допускает отступления в его реализации по усмотрению соответствующего должностного лица. Приведем некоторые примеры, иллюстрирующие указанный способ ограничения действия принципа диспозитивности.

Так, предоставляя сторонам право заявления ходатайств о производстве следственных действий, законодатель оставляет окончательное решение этого вопроса на усмотрение должностного лица органа предварительного расследования, предусмотрев лишь его обязанность рассмотреть ходатайство (ст. 159 УПК РФ). Аналогичным образом решается вопрос о приобщении к уголовному делу в качестве доказательств предметов и документов, представленных участниками процесса, имеющими частный интерес в исходе дела (ч. 2 ст. 86 УПК РФ). Решения о соединении и выделении уголовных дел принимаются руководителем следственного органа, следователем, дознавателем, и законодатель вообще не предусматривает уведомления о нем заинтересованных лиц (ст. ст. 153, 154 УПК РФ). Данные ограничения связаны, прежде всего, со следственным характером стадии предварительного расследования, который предусматривает свободу дискреционного усмотрения должностного лица при определении хода производства по делу и всего лишь его право учитывать (или не учитывать) волеизъявление сторон.

Некоторые ограничения реализации принципа диспозитивности в судебных стадиях уголовного процесса не зависят от усмотрения должностного лица, поскольку прямо предусмотрены законодателем в качестве императивных норм, что, на наш взгляд, является проявлением публично-правового способа регулирования уголовно-процессуальных отношений в условиях состязательного судопроизводства. Так, предус-

¹ Масленникова Л.Н. Методология познания публичного и частного (диспозитивного) начал в уголовном судопроизводстве. М., 2000. С. 24.

матривая право сторон ходатайствовать о проведении предварительного слушания уголовного дела, уголовно-процессуальный закон вместе с тем содержит «ограничительную» норму, запрещающую заявлять подобные ходатайства после назначения судебного заседания (ч. 5 ст. 231 УПК РФ). Согласно Федеральному закону от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ внесено дополнение в ст. 236 УПК РФ, ограничивающее свободу реализации права сторон на обжалование действий и решений компетентных должностных лиц, в частности, постановлений судьи, вынесенных по результатам производства предварительного слушания уголовного дела. Рассматриваемая норма уголовно-процессуального закона запрещает обжалование всех судебных решений, принятых по результатам предварительного слушания, за исключением решений о прекращении дела и (или) назначении судебного заседания в части разрешения вопроса о мере пресечения. Указанное ограничение оснований обжалования судебных решений может, на наш взгляд, привести к существенному нарушению прав участников уголовного судопроизводства, в особенности в тех случаях, когда в соответствии с ч. ч. 3, 4 ст. 234 УПК РФ предварительное слушание проводится без участия сторон.

Сочетание публичных и диспозитивных начал характерно и для производства в суде второй инстанции. С одной стороны, законодатель предусматривает определенные гарантии для сторон в уголовном судопроизводстве, закрепив возможность немедленного реагирования на допущенные судом первой инстанции ошибки путем обжалования определения или постановления, вынесенного в процессе разбирательства без приостановления производства по делу (ч. 6 ст. 355 УПК РФ). С другой стороны, ограничением реализации рассматриваемого субъективного права является запрет обжалования целого ряда судебных решений: определяющих порядок исследования доказательств, связанных с разрешением ходатайств участников судебного процесса; о мерах по обеспечению порядка в зале судебного заседания (ч. 5 ст. 355 УПК РФ).

Реализация материального диспозитивно-

го права на определение предмета рассмотрения дела в суде второй инстанции путем подачи стороной соответствующей жалобы и возможностью ее последующего изменения и дополнения ограничивается недопустимостью постановки вопроса об ухудшении положения осужденного, если такого требования не содержалось в первоначальной жалобе (ч. 4 ст. 359 УПК РФ).

УПК РФ сохранил ревизионный порядок проверки уголовного дела в порядке надзора, т.е. возможность суда выйти за пределы ходатайств, заявленных сторонами в надзорной жалобе или представлении, в том числе отменить или изменить судебные решения в отношении осужденных, которые их не обжаловали (ч. 1 ст. 410 УПК РФ). Указанный порядок пересмотра судебных решений, вступивших в законную силу, является проявлением публичного начала в уголовном судопроизводстве. Однако по сравнению с ранее действовавшим уголовно-процессуальным законом дискреционное усмотрение суда в рассматриваемом случае расширено, что можно объяснить влиянием диспозитивного метода регламентации соответствующих отношений. Так, суд более не обязан проверять дела в полном объеме и в отношении всех осужденных подобная «ревизия» уголовного дела ныне является правом и зависит от усмотрения суда.

Ограничением свободы обжалования судебных решений в рассматриваемой стадии уголовного судопроизводства является запрет внесения повторных надзорных жалоб или представлений в случае, если они ранее были оставлены без удовлетворения (ч. 1 ст. 412 УПК РФ).

Думается, что приведенные примеры достаточно ярко демонстрируют взаимоограничение принципов публичности и диспозитивности. Полагаем, что современное уголовное судопроизводство имеет четко выраженную тенденцию к расширению сферы действия частного начала, что характерно для взаимоотношений человека с властью в условиях, когда ценность человеческой личности возрастает, становясь главным объектом правового регулирования как на конституционном уровне, так и на уровне отраслевого законодательства.

Варданян Андраник Владимирович

аспирант кафедры криминологии Волгоградской академии МВД России

Обыск и проблемы участия понятых в его производстве

Одним из процессуальных условий законности обыска является присутствие при его производстве понятых. Понятой – «по праву РФ лицо, приглашаемое для участия в производстве осмотра, обыска... и других следственных действий в случаях, предусмотренных УПК РФ»¹. Задачей понятых согласно ст. 60 УПК РФ является удостоверение факта производства следственного действия, а также содержания, хода и его результатов.

Многие авторы подчеркивают эффективность привлечения понятых к участию в следственных действиях². Однако существует и иное мнение по этому вопросу. Некоторые авторы полагают, что институт понятых должен быть факультативным, так как он не является средством контроля над деятельностью лица, производящего следственное действие. Роль понятых заключается в том, чтобы удостоверить законные действия следователя при оказании противодействия расследованию со стороны заинтересованных лиц, а, следовательно, решение о привлечении понятых должно приниматься следователем по его усмотрению³.

Действительно, на наш взгляд, институт понятых, в том виде, в каком он существует в российском процессуальном законодательстве, не справляется с выполнением возложенной на него удостоверительной функции. На практике нередки случаи, когда участие понятых в следственном действии сводится лишь к подписанию протокола того или иного следственного действия. К тому же неполное и нечеткое разъяснение понятым их прав и обязанностей в совокупности с их юридической неосведомленностью не позволяет им эффективно осуществлять возложенные

на них законом задачи. Данное обстоятельство подтверждается материалами изученных уголовных дел, согласно которым ни в одном протоколе обыска не было зафиксировано ни одного заявления или замечания со стороны понятых.

Также отдельные авторы обоснованно заключают, что сотрудники правоохранительных органов испытывают трудности, связанные с нежеланием граждан участвовать в производстве следственных действий (в качестве понятых)⁴. При этом правоприменители не убеждают последних в неправильности занятой ими позиции, а проводят обыск «с участием не необходимого, а минимального количества понятых»⁵. Данное обстоятельство приводит к тому, что на большом по площади объекте понятые не в состоянии удостоверить все действия обыскивающих, однако «протокол обыска они подписывают так, как будто присутствовали одновременно при обследовании всех помещений и при изъятии всех объектов»⁶.

К тому же отдельные авторы подчеркивают, что при производстве следственного действия сложно определить заинтересованность понятого в его результате, что нередко приводит к потере доказательственной силы обнаруженных объектов. Так, при производстве обыска в доме Л., подозреваемого в организации банды, был обнаружен автомат с патронами. Один из понятых был их числа работников магазина, принадлежащего матери подозреваемого. В ходе расследования подозреваемый заявил, что оружие ему было подкинута оперативными работниками. Эту же версию подтвердил допрошенный в качестве свидетеля понятой, в результате чего доказательственное значение результатов обыска было утрачено⁷.

¹ Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М., 1998. С. 504.

² См., напр.: Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 1981. С. 76-77.

³ См.: Калугин А. Понятой в уголовном процессе // Российская юстиция. 1998. № 10. С. 11-12; Михайлов А. Институт понятых – архаизм российского уголовного судопроизводства // Законность. 2003. № 4. С. 31.

⁴ См.: Ретунская Т.П. Проблемы собирания и оценки доказательств. Участие в следственных действиях понятых как гарантия надежности фиксации доказательств // Закон и право. 2007. № 9. С. 27.

⁵ Россинский С.Б. Производство обыска в форме специальной операции: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 85-86.

⁶ Там же.

⁷ См.: Селезнев М. Понятой или свидетель? // Законность. 1998. № 1. С. 35-36.

Указанные обстоятельства заставляют усомниться в том, что «присутствие понятых побуждает следователя неукоснительно соблюдать требования уголовно-процессуального закона»¹, и тем более создает препятствия незаконным действиям «плохого» следователя, обеспечивает соблюдение им закона, повышает качественный уровень составленного по итогам следственного действия протокола².

Представляется, что при производстве обыска «плохой» следователь при желании сможет нарушить закон («найти» интересующие его предметы), несмотря на участие понятых. При этом последние будут думать, что следователь действительно обнаружил объекты, уличающие обыскиваемого. В этом контексте мы не можем согласиться с тем, что присутствие понятых обеспечивает соблюдение следователем закона и тем более повышает качественный уровень протокола обыска.

С другой стороны, внимание научной мысли справедливо обращается на тот факт, что допрос понятого в ходе судебного заседания (при рассмотрении уголовного дела) позволяет выявить некоторые нарушения при проведении того или иного следственного действия, что нередко приводит к признанию полученных доказательств недопустимыми³. Следственная практика знает немало подобных случаев, однако, как правило, с момента производства следственного действия до судебного рассмотрения уголовного дела проходит значительное количество времени, в связи с чем лица, привлекавшиеся в качестве понятых, не могут вспомнить детали производства следственного действия, и их допрос в судебном заседании является бесполезным.

Взгляд на понятых как на «беспристрастных свидетелей законности действий следователя...», если возникает необходимость применить процессуальное принуждение, существенно ограничивающие права граждан»⁴ нам кажется не вполне оправданным. Для того, чтобы быть свидетелем правильности чьих-либо действий, их необходимо оценить, в нашем случае, с точки зрения их соответствия букве закона. Авторы,

предлагающие возложить на понятых подобную функцию, сами указывают на их правовую безграмотность⁵. В этой связи возникает вопрос: каким образом понятые будут оценивать законность действий должностного лица, если они не обладают необходимыми для этого правовыми знаниями?

В силу изложенных обстоятельств мы разделяем позицию отдельных авторов относительно возможности отказа от участия понятых в некоторых следственных действиях (в том числе и обыска) при применении видеозаписи⁶.

Некоторые ученые критикуют указанное мнение, ссылаясь на то, что «... применение технических средств фиксации хода и результатов следственных действий, если в них не участвуют понятые, никаких проблем фиксации доказательств не решают, так как эти средства будут применяться всецело по усмотрению лиц, проводящих соответствующие следственное действие»⁷. Также названные криминалисты предлагают обязательное участие понятых при производстве любых следственных действий без всяких исключений (в том числе и положений ч. 3 ст. 170 УПК РФ) и считают эффективным создание института дежурных понятых в каждом органе дознания и следственном аппарате⁸. Отдельные авторы даже предлагают предусмотреть ответственность граждан в случае отказа от участия в следственном действии в качестве понятых⁹.

Представляется, что применение видеозаписи (технического средства фиксации) позволит гораздо эффективнее осуществлять функции удостоверения факта, хода и результатов следственного действия. При этом существует ряд правил и рекомендаций, разработанных криминалистикой с целью квалифицированного применения видеозаписи, соблюдение которых, а, следовательно, и допустимость полученных при производстве следственного действия доказательств, оценивается судом при рассмотрении уголовного дела.

Создание института дежурных понятых, помимо указанных нами выше негативных явлений, вызывает немало организационных трудно-

¹ Шейфер С.А. Указ. соч. С. 76.

² См.: Черкашин С.Н. Обеспечение прав и законных интересов личности при производстве обыска и выемки: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 32.

³ См., например: Валиев Р.Ш. Личный обыск в системе способов и средств обеспечения процесса доказывания по уголовным делам: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 176.

⁴ Калугин А. Указ. соч. С. 11-12.

⁵ См.: Калугин А. Указ. соч. С. 30.

⁶ См.: Хитрова О.В. Участие понятых в российском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996, С. 13-14.

⁷ Быков В.М. Институт понятых в уголовном процессе России // Уголовный процесс. 2002. № 3. С. 74.

⁸ См.: Там же.

⁹ См.: Селезнев М. Указ. соч. С. 53.

стей, в частности, большое количество людей и, соответственно, существенные затраты на их содержание. К тому же исполнение обязанностей понятых на постоянной основе длительное время может еще больше усугубить практику производства некоторых следственных действий без их участия, но с последующим составлением формально правильного протокола. К таким же последствиям, по нашему мнению, может привести и введение ответственности граждан за отказ от участия в следственном действии в качестве понятых.

Подводя итог изложенным рассуждениям, полагаем, что производство обыска (всех его видов, за исключением личного обыска, сопровождающегося обнажением лица, а также личного обыска, проведенного в ходе задержания) требует обязательного применения видеозаписи. В этом случае удостоверение факта производства обыска, его хода и результатов реализуется благодаря использованию указанного средства технической фиксации. Реализация данного положения на законодательном уровне позволит, по нашему мнению:

во-первых, устранить указанные выше негативные моменты участия понятых при производстве обыска;

во-вторых, существенно повысит уровень

защиты прав и законных интересов обыскиваемого, в частности, при обжаловании действий следователя при производстве обыска;

в-третьих, позволит суду провести всестороннюю правовую оценку действий следователя при производстве обыска;

в-четвертых, позволит следователю оценить собственные действия при производстве обыска для выявления допущенных ошибок, что способствует их устранению в ходе расследования других уголовных дел.

Также, как уже было отмечено выше, обыск зачастую проводится в условиях конфликтной ситуации, а, следовательно, обыскиваемый оказывает следователю противодействие при производстве поисков, в частности, пытается вывести следователя из психологического равновесия, уничтожить или спрятать подлежащие изъятию предметы. При этом следователь должен принимать меры по устранению подобного поведения обыскиваемого (вплоть до его удаления с места обыска¹), что нередко влечет за собой жалобы со стороны последнего на неправомерные действия обыскивающего. В этом смысле применение видеозаписи в определенной степени является гарантией защиты следователя от подобного рода провокаций со стороны обыскиваемого.

¹ Мы разделяем точку зрения В.И. Комиссарова, который полагает, что «в необходимых случаях, когда обыскиваемый своим поведением активно препятствует обыску, правомерным и нравственно допустимым будет его удаление из помещения». См.: Комиссаров В.И. Нравственно-психологические вопросы в тактических задачах обыска // Актуальные вопросы советской юридической науки: Сб. статей. Саратов, 1978. Ч. 2. С. 138-139.

Волосевич Галина Ильинична
 адъюнкт кафедры уголовного процесса
 Краснодарского университета МВД России

Федеральный закон РФ от 05 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно- процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»

В связи с переходом в новые условия уголовного судопроизводства, установленные Федеральным законом от 05 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», в целях обеспечения единого подхода к осуществлению прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного расследования, незамедлительного реагирования на выявленные нарушения законов на всех этапах процессуальной деятельности с момента сообщения о преступлении до принятия окончательного решения по уголовному делу, считать важнейшей обязанностью прокуроров защиту прав и законных интересов участников судопроизводства, а также иных лиц, чьи права и законные интересы были нарушены, принимать все необходимые меры к восстановлению нарушенных прав, возмещению причиненного вреда.

В этой связи были внесены изменения в полномочия органов прокуратуры, которые изложены в следующей редакции:

Прокурор (ст. 37 УПК РФ).

1. Прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной Уголовно-процессуальным Кодексом РФ, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

2. В ходе досудебного производства по уголовному делу прокурор уполномочен:

1) проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях; в связи с изменением уголовно-процессуального законодательства в целях обеспечения единого подхода к осуществлению прокурорского надзора за соблюдением законности при приеме, регистрации, разрешения сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия, особое внимание уделено незамедлительному реагированию на выявленные нарушения закона, руководствуясь п. 1 ст. 17 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и Приказом № 140 от 10 сентября 2007 г. «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при регистрации, разрешения сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия»;

2) выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства;

3) требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенные в ходе дознания или предварительного следствия;

4) давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий;

5) давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайств об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного ре-

шения;

6) отменять незаконные или необоснованные постановления нижестоящего прокурора, а также незаконные и необоснованные постановления дознавателя в порядке, установленном УПК РФ;

7) рассматривать представленную руководителем следственного органа информацию следователя о несогласии с требованиями прокурора и принимать по ней решения;

8) участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении в ходе досудебного производства вопросов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, о продлении срока содержания под стражей либо об отмене или изменении данной меры пресечения, а также при рассмотрении ходатайств о производстве иных процессуальных действий, которые допускаются на основании судебного решения, и при рассмотрении жалоб в порядке, установленном ст. 125 УПК РФ;

9) разрешать отводы, заявленные дознавателем, а также его самоотводы;

10) отстранять дознавателя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований УПК РФ;

11) изымать уголовное дело у органа дознания и передавать его следователю с обязательным указанием оснований такой передачи;

12) передавать уголовное дело от одного органа предварительного расследования другому в соответствии с правилами, установленными ст. 151 УПК РФ (подследственность), изымать любое уголовное дело у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и передавать его следователю Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации с обязательным указанием оснований такой передачи;

13) утверждать постановления дознавателя о прекращении производства по уголовному делу;

14) утверждать обвинительное заключение или обвинительный акт по уголовному делу;

15) возвращать уголовное дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного акта и устранения выявленных недостатков;

16) осуществлять иные полномочия, предоставленные прокурору УПК РФ.

3. В ходе судебного производства по уго-

ловному делу прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность.

Принцип состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе находит свое проявление в требовании закона (ч. ч. 1, 2 ст. 246 УПК РФ) об обязательном участии государственного обвинителя в судебном разбирательстве по уголовным делам публичного и частно-публично-го обвинения. Выполнение этого требования возложено на прокурора: согласно ч. 4 ст. 37 УПК именно он поддерживает государственное обвинение в суде, обеспечивая его законность и обоснованность.

В порядке, установленном законом, прокурор мог поручить, т.е. делегировать, выполнение своих обвинительных полномочий в суде должностному лицу органа дознания — дознавателю (п. 6 ст. 5 УПК), но с принятием Федерального Закона № 87 от 05 июня 2007 г. данная статья изменена, поддерживает обвинение от имени государства в суде по уголовному делу должностное лицо органа прокуратуры.

4. Прокурор вправе и по основаниям, которые установлены УПК РФ, отказаться от осуществления уголовного преследования с обязательным указанием мотивов своего решения.

5. Полномочия прокурора, предусмотренные настоящей статьей, осуществляются прокурорами района, города, их заместителями. Приравненными к ним прокурорами и вышестоящими прокурорами.

6. В случае несогласия руководителя следственного органа либо следователя с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, прокурор вправе обратиться с требованиями об устранении указанных нарушений к руководителю вышестоящего следственного органа. В случае несогласия руководителя вышестоящего следственного органа с указанными требованиями прокурора прокурор вправе обратиться к Председателю Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации или руководителю следственного органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти). В случае несогласия Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации или руководителя следственного органа федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, прокурор вправе обра-

таться к Генеральному прокурору Российской Федерации, решение которого является окончательным.

Статья 25 УПК РФ.

Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон.

До принятия ФЗ №-87 уголовные дела прекращались судом, прокурором, а также следователем и дознавателем с согласия прокурора. В новой редакции это трактуется так: суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой и средней степени тяжести, в случаях, предусмотренных ст. 76 Уголовного кодекса Российской Федерации (освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим), если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред.

Статья 28 УПК РФ. Прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием.

В старой редакции ч. 1 данной статьи (судом, прокурором, а также следователем и дознавателем с согласия прокурора), в новой редакции суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе прекратить уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления небольшой и средней тяжести, в случаях, предусмотренных ст. 75 Уголовного кодекса РФ (Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием).

1) Лицо, впервые совершившее преступление небольшой тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию преступления, возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления. Основание прекращения уголовного преследования, предусмотренного данной статьей не относится к числу реабилитирующих оснований в соответствии с ч. 2 ст. 133 УПК РФ.

Часть 2 данной статьи в старой редакции: прекращение уголовного преследования лица по уголовному делу иной категории по основаниям, указанным в ч. 2 данной статьи, возможны только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части Уго-

ловного кодекса Российской Федерации.

Новая редакция: прекращение уголовного преследования по уголовному делу о преступлении иной категории при деятельном раскаянии лица в совершенном преступлении осуществляется судом, а также следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателя с согласия прокурора только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Хочу остановиться подробнее на особом порядке проведения судебного заседания и постановлении приговора при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Предусмотренный гл. 40 УПК РФ особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением не является «делкой» о признании вины, поскольку между прокурором и обвиняемым не заключается соглашение ни об объеме обвинения, ни о правовой оценке содеянного, ни о наказании. Вместе с тем особый порядок судебного разбирательства стал важнейшей новеллой уголовного процесса.

Согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением при особом порядке судебного разбирательства не требует обязательного признания вины обвиняемым и означает, что он не оспаривает предъявленное ему обвинение. Это положение закона имеет важное значение, поскольку в случае прекращения особого порядка судебного разбирательства и назначения рассмотрения уголовного дела в общем порядке у участников судебного разбирательства не должно быть каких-либо предубеждений о виновности подсудимого.

Применение особого порядка судебного разбирательства возможно по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые не превышает 10 лет лишения свободы. Первоначально закон ограничивал возможность применения этой процедуры только по делам о преступлениях, наказание за которые не превышает пяти лет лишения свободы.

Условиями применения особого порядка судебного разбирательства также являются: наличие ходатайства обвиняемого о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства и согласие на это государственного или частного обвинения и потерпевшего. При этом суд должен удостовериться в том, что ходатайство заявлено обвиняемым после консультации с защитником, консультации были достаточными, ходатайство обвиняемого является добровольным и обвиняемый осознает, что в случае поста-

новления приговора в особом порядке судебного разбирательства он не вправе обжаловать его в апелляционном и кассационном порядке по основаниям несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела. Стимулом для такого ходатайства является безусловное сокращение срока наказания при постановлении обвинительного приговора на одну треть.

В соответствии с ч. 2 ст. 315 УПК РФ обвиняемый вправе заявить ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в момент окончания предварительного расследования либо на предварительном слушании, когда оно является обязательным.

Впервые в новом Кодексе закреплён принцип, которому никогда не находилось места в советском уголовно-процессуальном законодательстве, но без которого нельзя рассчитывать

всерьез на справедливое и гуманное правосудие. Этот основополагающий правовой принцип – презумпция невиновности. В соответствии с этим принципом подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения лежит на стороне обвинения.

Существенно поменялись роль и процессуальные положения прокурора. Из органа надзора за законностью, в том числе и в деятельности суда, прокурор становится стороной государственного обвинения, отвечающим за качественное, обоснованное уголовное преследование. По новому Кодексу – прокурор своеобразный «адвокат» для потерпевшего, ибо от него (насколько законным и обоснованным будет выдвинутое им обвинение) зависит, будет ли восстановлена справедливость и возмещен ущерб потерпевшему.

Павлов Антон Васильевич
преподаватель кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России

Теоретико-правовые основы задержания обвиняемого

В соответствии с ч. 3 ст. 210 УПК РФ при обнаружении разыскиваемого обвиняемого он может быть задержан в порядке, установленном гл. 12 УПК РФ¹. Данное предписание закона дает основания полагать, что система мер процессуального принуждения дополнена новым элементом – задержанием обвиняемого.

Эффективность применения государственного принуждения напрямую зависит от полного и всестороннего правового регулирования, в связи с чем особый интерес вызывает нормативная основа новой меры процессуального принуждения. При урегулировании задержания обвиняемого законодатель применил технику отсылочной нормы, предусматривающую в случае обнаружения обвиняемого задержать его в порядке, предусмотренном для подозреваемого. Глава 12 УПК РФ регулирует отношения, возникающие при ограничении свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления. Содержание правоотношений, возникающих при обнаружении разысканного обвиняемого, имеет свою специфику. В частности, задержание применяется в отношении иного участника (обвиняемого), обусловлено иными обстоятельствами и др. Нормативная основа задержания подозреваемого сама по себе не адаптирована для ограничения свободы разыскиваемого обвиняемого. Системный анализ ч. 3 ст. 210 УПК и гл. 12 УПК позволя-

ет говорить об образовании определенной юридической конструкции².

Неопределенность способа правового регулирования порождает споры в научной среде. Высказана позиция, согласно которой при необходимости задержания обвиняемого правоприменитель обрекается на применение аналогии³. Мы же полагаем, что при определении оснований и порядка задержания обвиняемого следует обращаться к одному из способов толкования. Обоснованию нашей позиции будет способствовать анализ соотношения таких категорий, как аналогия и толкование.

В юридической литературе существуют разные подходы к определению понятия аналогия, но все они исходят из того, что потребность в ней возникает тогда, когда отсутствуют нормы права, предусматривающие данный случай⁴. Имеется лишь правовая норма, которая регулирует сходные ситуации, но гипотеза этой нормы не охватывает конкретные обстоятельства дела, поскольку законодатель не предвидел их⁵.

В результате же толкования выясняется действительное содержание правовой нормы, которое по тем или иным причинам недостаточно ясно, четко или точно выражено. Если толкование не достигает поставленной цели, то возможно использование аналогии. Это – два близких института, различие заключается в том, что при толковании выводится правило, заложенное в правовой норме, но по каким-то причинам недо-

¹ См.: Федеральный закон от 04 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 27. Ст. 2706.

² Юридическая конструкция представляет собой способ построения нормативного материала; задающую модель; типовую регламентацию для определенных правовых явлений (состояний, группы отношений). Дюрягин И.Я. Нормативный правовой акт. В книге: Проблемы теории государства и права / Под ред. проф. С.С. Алексеева. М., 1987. С. 348.

³ См.: Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к УПК РФ. СПб., 2004. С. 260; Пурс А.Г., Зайцева Л.Л. Задержание обвиняемого – новая мера уголовно-процессуального принуждения: проблемы законодательного регулирования и практики применения // Адвокатская практика. 2006. № 5. С. 26.

⁴ См.: Элькин П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М., 1976. С. 184; Громов Н.А., Белоносов В.О. Критерии допустимости аналогии в уголовном процессе // Государство и право. 2001. № 7. С. 65; Сопнева Е.В. Аналогия в уголовном процессе // Российский следователь. 2006. № 3. С. 11.

⁵ См.: Громов Н.А. Толкование и аналогия в уголовном судопроизводстве // Журнал Российского права. 2000. № 5/6. С. 119.

статочно ярко выраженное. При аналогии правоприменитель использует норму, не предусмотренную для данного случая¹.

Так, до внесения дополнения в ст. 210 УПК РФ сотрудники правоохранительных органов не имели права воспользоваться данной мерой принуждения в отношении обвиняемого. Для иллюстрации можно привести следующий пример. В судебное заседание в наручниках и под конвоем был доставлен К., обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ. Им была нарушена подписка о невыезде, и он был объявлен в розыск. Фактически свобода передвижения обвиняемого была ограничена сотрудниками милиции в 21 час 21 июня 2003 г. Обвиняемый был доставлен в отделение милиции, содержался там в заключении, откуда и был конвоирован к 14 часам 22 июня 2003 г. в зал суда. При рассмотрении ходатайства следователя об избрании в отношении К. меры пресечения в виде заключения под стражу в суде выяснилось, что процессуального решения о задержании К. следователем не выносилось и обвиняемый содержался под стражей без процессуального оформления его задержания. Создавшуюся ситуацию следователь и прокурор аргументировали тем, что нормы УПК РФ в тот период не регулировали данный вопрос, а процессуальная аналогия по задержанию, по их мнению, в этом случае не могла быть применена².

При разрешении вопроса об ограничении свободы разысканного обвиняемого в соответствии с ч. 3 ст. 210 УПК потребуется воспользоваться одним из способов толкования – системным³. Это обусловлено существованием одной из предпосылок использования системного толкования – наличием отсылки к другой норме права⁴.

По мнению С.С. Алексеева, данный способ толкования основывается на взаимосвязи и взаимодействии норм права в процессе регулирования и заключается в том, что при толковании одной нормы используются знания о других нормах, взаимосвязанных с толкуемой. Эти связи

норм должны быть существенными, функциональными, отражающими отношения зависимости, дополнения, исключения, взаимодействия между ними. Норма, к которой делается отсылка, используется для конструирования другой, не полностью выраженной нормы.

Б.В. Шейдлин трактует системность как такую связь правовых норм, при которой одни нормы определяют условия существования других правовых норм, нарушение которых, в свою очередь, должно повлечь применение норм, определяющих соответствующие меры принуждения⁶.

Применяя и толкуя каждую норму, должностное лицо должно учитывать все действующие нормы, так или иначе связанные с вводимой нормой⁷.

Законодатель при урегулировании новой меры принуждения в виде задержания обвиняемого применил технику отсылочной нормы. Способ формулирования отсылочных статей таков, что норма, которая лишь частично очерчена в этой статье, не может быть уяснена без привлечения статей, к которым адресуется отсылочная норма. Интерпретируемая норма может быть сконструирована, а все необходимые элементы установлены только на основе совокупности отсылочной статьи и тех статей, к которым она адресуется⁸.

При задержании, в случае, предусмотренном ч. 3 ст. 210 УПК, нормы п. 12 следует интерпретировать с учетом того, что они применяются в отношении разысканного обвиняемого. Это обуславливает наличие иных целей, условий и оснований данной меры принуждения, которые должны выводиться из системного анализа уголовно-процессуального закона.

Сложная конструкция правового регулирования задержания обвиняемого существенно снижает эффективность его применения. Более того, системное толкование ч. 3 ст. 210 УПК РФ не приводит к единообразному пониманию целей, оснований, а также процессуального порядка задержания обвиняемого. Неоднозначная интерпретация обусловлена допущенными недостатками юридико-технического характера правового

¹ См.: Громов Н.А., Белоносов В.О. Указ. соч. С. 69.

² См.: Савченко А. Применение норм уголовно-процессуального закона при рассмотрении ходатайств об избрании меры пресечения // Российский судья. 2005. № 10. С. 17-18.

³ Системный способ толкования норм права – совокупность приемов, использование которых базируется на сопоставлении двух или более юридических норм, позволяющих раскрыть смысл толкуемой нормы // Дворников Н.Л. Системное толкование норм права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007. С. 7.

⁴ См.: Дворников Н. Л. Там же. С. 12.

⁵ См.: Проблемы теории государства и права / Под ред. проф. С.С. Алексеева. М., 1987. С. 398-399.

⁶ См.: Шейдлин Б.В. Сущность советского права. Л., 1959. С. 7. Цит. по: Дворников Н.Л. Системность права как основа системного способа толкования норм права // Российский Судья. 2006. № 12. С. 36.

⁷ См.: Дворников Н.Л. Системность права как основа системного способа толкования норм права // Российский судья. 2006. № 12. С. 36.

⁸ См.: Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. М., 2003. С. 169-170.

го регулирования отношений, связанных с применением данной меры процессуального принуждения, проявившихся в неоправданном использовании отсылочной нормы. Подобный способ правового регулирования не решает проблемы по существу в силу своей отсылочной ограниченности, создает определенные трудности, так как требует учитывать всю совокупность уголовно-процессуальных норм.

В ходе исследования вопроса об отсылочных статьях Е.В. Колесников и В.О. Белоносов выявили, что их число, по сравнению с прежним УПК РСФСР, значительно увеличилось. Если в УПК РСФСР из 482 статей в 178 (36,9%) содержались ссылки, то в действующем Кодексе их уже 267 (56,4%) из 473 статей. В итоге они пришли к выводу, что полностью обойтись без отсылочных статей невозможно ввиду многогранности и многоаспектности уголовно-процессуальных отношений, но и доводить их количество почти до 60% неоправданно. Первичный регулятор общественных отношений, по их мнению, (которым является УПК) не должен содержать много отсылочных и бланкетных норм, иначе под угрозой окажется качество закона, его эффективность. Это следует рассматривать как недостаток законодательской деятельности, который способствует созданию потенциальной неопределенности и произвола в правовом регулировании¹.

Аналогичной позиции придерживается Д.А. Керимов и полагает, что неоправданное использование отсылок неизбежно может доставить значительные неудобства в уяснении содержания соответствующих статей, поэтому следует ограничиваться действительно целесообразным минимумом отсылок, дающим существенный эффект в сокращении объема нормативных актов и не затрудняющим пользование ими².

Предполагается, что отсылочные предписания используются в целях законодательной экономии, они придают определенность правовому регулированию, чем достигается логическая связь и последовательность изложения, лучшая обозримость и доступность правовых норм, стабильность законодательства; этот прием законодательной техники облегчает пользование законодательством³.

В разумных пределах такой метод изложения норм права в статьях нормативных актов до-

пустим. В ряде случаев он может способствовать освобождению нормативных актов от повторений, значительно сокращать их объем, не усложняя существенно образом удобство пользования этими актами. Любая отсылочная статья может быть превращена в определенную путем включения в ее текст содержания тех частей других статей, к которым делается отсылка⁴. Представим, что в главе «Приостановление и возобновление предварительного следствия» мы разместим все нормы, содержащиеся в гл. 12 УПК РФ. В этом случае мы наглядно убедимся в том, что правовое регулирование, направленное на ограничение свободы лица, подозреваемого в совершении преступления, требует индивидуализации при применении его в отношении обвиняемого. Нормативное закрепление специфических оснований, условий и порядка применения задержания обвиняемого будет являться необходимым условием обеспечения гарантий законности и эффективности применения данной меры процессуального принуждения.

Представляет интерес и теоретическую значимость вопрос об элементе системы права, направленного на регулирование задержания обвиняемого. Кроме того, следует установить возможное место норм, регулирующих эту меру принуждения в системе уголовно-процессуального права. Образуют ли эти нормы самостоятельный институт или же входят в институт задержания подозреваемого? На наш взгляд, произошло усложнение структуры института задержания за счет введения норм, направленных на урегулирование отношений иного вида (ограничения свободы разысканного обвиняемого путем его задержания). Вместе с тем, этих дополнений явно недостаточно для выделения самостоятельного института. Нормы, регулирующие задержание обвиняемого, не обособлены в системе законодательства. Однако в них четко прослеживается интеллектуально-волевое содержание, которое выражено в специфической группе понятий, отличающихся от задержания подозреваемого. Так, содержание норм, регулирующих задержание обвиняемого, выражено в таких понятиях, как уклонение, розыск, обнаружение обвиняемого.

Имеются основания для разграничения общности внутри самого института задержания. На возможность выделения самостоятельных

¹ См.: Белоносов В.О., Колесников Е.В. Критерии истинности результатов толкования уголовно-процессуальных норм // Журнал российского права. 2003. № 5. С. 61-62.

² См.: Керимов Д.А. Законодательная техника. Л., 1965. С. 36.

³ См.: Белоносов В.О., Колесников Е.В. Указ. соч. С. 62.

⁴ См.: Керимов Д.А. Указ. соч. Л., 1965. С. 36.

органических образований внутри институтов обращал внимание О.С. Иоффе¹, которые он именовал субинститутами. Субинститут – это органическое образование относительно самостоятельного характера, формирующееся внутри института². По мнению Е.А. Керимовой, субинститут представляет собой четко выраженную совокупность правовых норм внутри крупного правового института, регулирующих определенные особенности, специфику видовых общественных отношений³.

Комплекс норм, регулирующих отношения по задержанию, представляет собой единый и цельный институт, вместе с тем, с выделением второго вида задержания в нем произошло качественное увеличение нормативного материала, позволяющего урегулировать задержания иного вида. Из всей массы однородного нормативного материала можно выделить два субинститута, один из которых посвящен задержанию подозреваемого, а другой – задержанию обвиняемого. Правовые институты, в составе которых относительно обособляются субинституты, по мнению С.С. Алексеева, могут быть названы сложными⁴. Именно таким видится нам институт задержания.

На основании изложенного следует признать, что в системе права произошли изменения. Эти преобразования обусловлены совершенствованием общественных отношений, в частности, с перераспределением контрольных полномочий между судом и прокурором при ограничении конституционных прав граждан⁵. Поскольку система права отражает объективные потребности общества, она не лишена разумного динамизма, который выражается в изменении и дополнении ее новыми правовыми институтами, подотраслями, отраслями⁶. Следует согласиться с Е.А. Керимовой в том, что оптимальным вариантом можно считать положение, когда система законодательства будет находиться в точном соответствии с системой права⁷. В целях полного всестороннего регулирования отдельного вида за-

держание востребовано обособлением нормативного материала в системе законодательства. Это позволит точно определить место и роль норм, регулирующих задержание обвиняемого.

В связи с изложенным возникает вопрос о месторасположении норм, регулирующих задержание обвиняемого. Наиболее целесообразно их видеть в гл. 12 УПК. В этом случае в главе «Задержание» можно сосредоточить нормы, которые будут направлены на регулирование как задержания подозреваемого, так и обвиняемого. В частности, правовые предписания, регулирующие сроки, порядок задержания, основания освобождения. Такой подход конструирования главы позволит исключить дублирование общих норм.

Имеются предпосылки для размещения норм, регулирующих задержание обвиняемого в других в главах УПК РФ: «Приостановление и возобновление предварительного следствия», «Меры пресечения». Однако в главе «Приостановление и возобновление предварительного следствия» можно будет урегулировать задержание лишь разыскиваемого обвиняемого, тогда как имеется надобность применения рассматриваемой меры принуждения и в отношении обвиняемых, не объявленных в розыск. В главе «Меры пресечения» также нецелесообразно, по той причине, что потребность в задержании обвиняемого обусловлена не только обеспечением судебной процедуры заключения под стражу, но и в целях доставления к месту расследования и предъявления обвинения.

Таким образом, имеется назревшая потребность в совершенствовании правового регулирования задержания обвиняемого. С этой целью целесообразно ввести в гл. 12 УПК РФ нормы, направленные на урегулирование оснований, условий, особенностей процессуального порядка применения данной меры процессуального принуждения. Реализация указанных положений в законе будет благотворно влиять на правоприменительную практику.

¹ См.: Иоффе О.С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИ СЗ. М., 1968. Вып. 14. С. 51.

² См.: Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С. 151.

³ См.: Керимова Е.А. Правовой институт: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 13.

⁴ См.: Алексеев С.С. Указ. соч. М., 1975. С. 151.

⁵ С вступлением в действие УПК РФ решение вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу отнесено к компетенции суда.

⁶ См.: Дворников Н.Л. Системность права как основа системного способа толкования норм права // Российский судья. 2006. № 12. С. 37.

⁷ См.: Керимова Е.А. Указ. соч. С. 10.

Солонникова Нина Валерьевна
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России

Несовершеннолетний участник проверки сообщения о преступлении: его права и обязанности

Согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ дознаватель, орган дознания, следователь обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении, в срок не позднее 3 суток со дня поступления сообщения, принять по нему решение. При проверке сообщения о преступлении вышеуказанные лица вправе требовать производства документальных проверок, ревизий и привлекать к их участию специалистов. Действующий уголовно-процессуальный закон не содержит норм, отражающих содержание проверки сообщения о преступлении, ее участники не имеют процессуального статуса, прав и обязанностей. Данное положение в равной степени относится к совершеннолетним и несовершеннолетним участникам. Необходимо обратить внимание на данную проблему, особенно в отношении несовершеннолетних, которые в силу своего развития могут быть вовлечены в действия, нарушающие их конституционные права, например, право на присутствие родителей или опекуна.

Несовершеннолетний при проверке сообщения о преступлении может привлекаться для дачи объяснения. Действующий уголовно-процессуальный закон в ч. 4 ст. 198 УПК РФ отражает порядок вызова на допрос несовершеннолетнего, а ст. 424 УПК РФ – несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Особенности допроса несовершеннолетних потерпевшего, свидетеля указаны в ст. 191 УПК РФ, несовершеннолетних подозреваемого, обвиняемого – в ст. 425 УПК РФ. О вызове для объяснений уголовно-процессуальный закон умалчивает.

О.Х. Галимов полагает, что вызов несовершеннолетних для дачи объяснений должен проводиться через законных представителей или через

орган опеки и попечительства. Такая мера позволит оградить подростка от необоснованного вовлечения в процессуальное производство, своевременно оказать несовершеннолетнему помощь в защите прав и законных интересов. Тем более что несовершеннолетний, обладающий информацией, необходимой для правильного разрешения заявления и сообщения о преступлении, не обязан являться в государственные органы для дачи объяснений. Решение по этому поводу за малолетнего вправе принять законный представитель¹. Вероятно, данное мнение О.Х. Галимова обосновано нормами ч. 6 ст. 113 УПК РФ – не подлежат приводу несовершеннолетние в возрасте до четырнадцати лет. Следует заметить, что норма ч. 6 ст. 113 УПК РФ относится к субъектам уголовного судопроизводства, но на момент вызова лица для дачи объяснения он не является таковым, в связи с чем нормы ч. 6 ст. 113 УПК РФ на него и на уполномоченных сотрудников не действуют.

Рассмотрим две типичные ситуации, которые могут предшествовать отобранию объяснения. Ситуация первая. Имеются анкетные данные несовершеннолетнего лица, от которого необходимо получить объяснение. Следовательно, есть возможность вызвать несовершеннолетнего для дачи объяснения либо прибыть по месту его нахождения и получить объяснение. Возможно ли, пообщавшись с несовершеннолетним, лично пригласить его для дачи объяснения или необходимо уведомить его законных представителей, или приглашать несовершеннолетнего через законных представителей? Конечно, законные представители или лица, их заменяющие, вправе знать, с какой целью их ребенка вызывают в милицию для дачи объяснения. Далее может возникнуть ситуация: либо законный представитель разрешит несовершеннолетнему дать объяснения, либо запре-

¹ Галимов О.Х. Малолетние в уголовном судопроизводстве. СПб., 2001. С. 89.

тит, может потребовать своего присутствия. Для обеспечения прав несовершеннолетних считаем целесообразным вызывать его через законных представителей или лиц, их заменяющих. В случаях, не терпящих отлагательства, при временном отсутствии законных представителей или лиц, их заменяющих, осуществлять вызов несовершеннолетнего через близких родственников, администрацию учебного или дошкольного учреждения. При этом разъяснять право присутствия законного представителя или лиц, их заменяющих, при отобрании объяснения у несовершеннолетнего, также разъяснить суть вызова и возможность воспользоваться услугами защитника, переводчика. На наш взгляд, важно разъяснять суть вызова, так как вызываемые на момент предварительной проверки имеют право на защиту своих прав, тем более если несовершеннолетнего фактически подготавливают в совершении преступления. В случае отказа несовершеннолетнего прибыть для дачи объяснения необходимо выяснить причину отказа и разъяснить, что в случае возбуждения уголовного дела и установления необходимости получения от несовершеннолетнего показаний он будет вызван повесткой, в соответствии с требованиями ст. 188 УПК РФ.

Вторая ситуация – следственно-оперативная группа выехала на место происшествия, установили круг лиц, которые владеют информацией о преступлении или преступнике, в числе которых – несовершеннолетний. Могут ли сотрудники правоохранительных органов при раскрытии преступления «по горячим следам» доставить несовершеннолетнего в отдел милиции для показа фото-, видеотеки, опросить его, если законные представители или близкие родственники временно отсутствуют? Мы считаем, что в таких случаях необходимо уведомить родственников несовершеннолетнего, особенно малолетнего, при отсутствии родственников уведомить соседей или администрацию учреждения, где обучается несовершеннолетний. В свою очередь, сотрудник милиции должен написать рапорт, в котором изложить причины, обстоятельства доставления в отдел милиции несовершеннолетнего, время доставления и указать лиц, которые были уведомлены о доставлении несовершеннолетнего в отдел милиции или иное учреждение.

Уголовно-процессуальный закон не отражает требований к получению объяснений. Какова необходимая процедура получения объяснения от

несовершеннолетнего, должен ли участвовать законный представитель, педагог, психолог при отобрании объяснения у несовершеннолетнего?

Согласно п. 7.1 Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинских правил»), право на присутствие родителей или опекуна должно быть гарантировано несовершеннолетнему на всех этапах уголовного судопроизводства¹.

Согласно п. 1 ст. 64 СК РФ, родители, а также лица, заменяющие их, будучи законными представителями своих несовершеннолетних подопечных, выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, а следовательно, и с должностными лицами процессуальных органов на стадии возбуждения уголовного дела. Таким образом, возможно привлечение законных представителей несовершеннолетних к участию в расследовании и на стадии возбуждения уголовного дела, хотя уголовно-процессуальный закон не регламентирует данный вопрос.

Профессор В.В. Николюк считает, что поскольку закон специально не регламентирует эти вопросы, постольку органы расследования не обязаны приглашать при получении объяснений законных представителей несовершеннолетнего или педагога (психолога). Однако, по его мнению, не должна исключаться принципиальная возможность участия названных лиц при получении объяснений. В случае их допуска или приглашения для участия при отобрании объяснения необходимо руководствоваться, по аналогии закона, положениями ст. 191 УПК РФ². Мы поддерживаем мнение В.В. Николюка и полагаем, что законные представители вправе присутствовать при отобрании объяснения у несовершеннолетнего, что не противоречит действующему уголовно-процессуальному закону. Но в случаях, не терпящих отлагательств или при временном отсутствии законных представителей опросить несовершеннолетнего вправе сотрудник подразделения по делам несовершеннолетних, но с последующим уведомлением законных представителей или лиц, их заменяющих.

Участие педагога (психолога) при отобрании объяснения возможно, если несовершеннолетний, по своему желанию, прибыл с ним для дачи объяснения. В случае, если отобрание объяснения происходит при раскрытии преступления «по горячим следам», то приглашать и ожидать педагога или

¹ Международные соглашения и рекомендации Организации Объединенных Наций в области защиты прав человека и борьбы с преступностью // Сборник международных документов. Вып. 1. М., 1989. С. 122.

² Николюк В.В. Уголовный процесс по делам о преступлениях несовершеннолетних: Лекция. Омск: Юридический институт МВД России, 1998. С. 26.

психолога представляется нецелесообразным в связи с ограниченностью времени.

Участие «иных лиц» при получении объяснения от несовершеннолетнего должно отражаться в объяснении, в виде указания анкетных данных присутствующего лица и подписи, удостоверяющей этот факт.

Другой позиции придерживается В.Д. Адаменко, который полагает, что на стадии возбуждения уголовного дела законный представитель может вообще заменить представляемого, совершая от его имени такие действия, как явка с повинной, предоставление необходимых материалов и дача объяснений¹. Данное мнение В.Д. Адаменко представляется ошибочным. Несовершеннолетний, на стадии возбуждения уголовного дела является гражданином, который, возможно, обладает информацией, имеющей значение для дальнейшего расследования, впоследствии он может стать самостоятельным субъектом уголовного судопроизводства, которому законодательством определен свой объем прав и обязанностей. Законный представитель вправе содействовать, помогать несовершеннолетнему при реализации его прав и несении соответствующих обязанностей. Но в уголовном судопроизводстве существует ряд прав, возникающих и реализуемых вне зависимости от возраста и гражданской дееспособности субъекта. Например, право быть заявителем, право дать показания. Следовательно, законный представитель вправе заменить несовершеннолетнего только в определенных случаях, когда несовершеннолетний не способен реализовать некоторые полномочия. Ими являются – ознакомление с информацией, изложенной в объяснении, удостоверение факта ознакомления подписью, внесение замечаний.

Проверка сообщения о преступлении с участием несовершеннолетнего – важный этап в принятии законного решения по заявлению о преступлении. Считаю целесообразным в действующий уголовно-процессуальный закон внести следующие дополнения, аналогичные положениям ст. 109 УПК РСФСР. Часть 1 ст. 144 УПК РФ дополнить – при проверке сообщения о преступлении орган дознания, дознаватель, следователь вправе получать объяснения.

Полагаем, что в уголовно-процессуальном

законе необходимо выделить отдельную главу «Производство по уголовным делам с участием несовершеннолетних». Где предусмотреть статью «Порядок вызова несовершеннолетних для участия в действиях, проводимых в стадии возбуждения уголовного дела»:

«1. Вызов несовершеннолетнего для участия в проверке заявления о преступлении осуществлять через его законных представителей или лиц, их заменяющих. В случаях, не терпящих отлагательства, при временном отсутствии вышеуказанных лиц, несовершеннолетний вызывается через близких родственников, администрацию учебного или дошкольного учреждения.

2. О доставлении несовершеннолетнего в орган предварительного расследования для получения объяснений уведомляются законные представители или лица, их заменяющие.

3. О доставлении несовершеннолетних для дачи объяснений дознаватель, следователь составляет рапорт с изложением причин и обстоятельств доставления в орган предварительного расследования несовершеннолетнего, времени доставления и лиц, которые были уведомлены о доставлении несовершеннолетнего».

Целесообразно предусмотреть статью «Права несовершеннолетних участников проверки сообщения о преступлении»:

«Несовершеннолетний при проверке сообщения о преступлении:

1. Вправе знать причину вызова в орган, осуществляющий предварительное расследование;

2. Имеет право на присутствие законных представителей или лиц, их заменяющих, при получении объяснения. В случаях, не терпящих отлагательства, или при временном отсутствии законных представителей или лиц, их заменяющих, сотрудник органа предварительного расследования вправе опросить несовершеннолетнего без их участия, с последующим уведомлением законных представителей несовершеннолетнего или лиц, их заменяющих, и предоставлением им возможности ознакомления с содержанием объяснения;

3. Вправе воспользоваться услугами защитника, педагога, переводчика. Должностное лицо обязано предоставить несовершеннолетнему переводчика, иные лица приглашаются несовершеннолетним или его представителем».

¹ Адаменко В.Д. Советское уголовно-процессуальное представительство. Томск, 1978. С. 117.

Темираев Олег Тамерланович

заместитель начальника криминальной милиции
ОВД Ирафского района Республики Северная Осетия - Алания

К вопросу о толковании термина «уголовное преследование» в международном и российском уголовно-процессуальном законодательстве

Для любого научного исследования правильное, точное определение содержания используемых или разрабатываемых понятий является вопросом исключительной важности. Определение содержания дефиниции «уголовное преследование» имеет, на наш взгляд, не только теоретическое, но и прикладное значение, поскольку от этого в значительной степени зависят формы его реализации при производстве по уголовному делу.

В существующих толковых словарях термин «преследовать» определяется как «следовать, гнаться за кем-нибудь с целью поимки, уничтожения; неотступно следовать за кем-нибудь; не оставлять в покое, мучить; подвергать чему-нибудь неприятному, донимать кем-нибудь; угнетать, притеснять, подвергать гонениям; стремиться к чему-нибудь»¹. Полагаем, что суть всех приведенных общеупотребительных значений слова «преследовать» сводится к пониманию его как активной деятельности одного субъекта в отношении другого, с целью ограничения прав или интересов последнего. Отталкиваясь от приведенного смыслового значения необходимо подвергнуть анализу легальные трактовки термина «уголовное преследование».

В международном законодательстве рассматриваемая дефиниция используется для обозначения производства по уголовному делу в отношении конкретного лица. В частности, ч. 3

ст. 14 Европейской конвенции о выдаче содержит правило, согласно которому при изменении обвинения «возбуждение уголовного преследования в отношении выдаваемого лица или вынесение ему приговора возможно лишь постольку, поскольку новое описание преступления образует элементы преступления, позволяющего осуществить выдачу»². Аналогичным образом трактуется значение термина «уголовное преследование» Римский статут Международного уголовного суда³, определяя, что в случае, если дело расследовано государством, которое обладает юрисдикцией в отношении него и это государство решило не возбуждать в отношении лица, которого это касается, уголовного преследования, дело не может быть принято к производству Международного уголовного суда (ч. 1 ст. 17). В заключительных замечаниях 79 сессии Комитета по правам человека по докладу Российской Федерации также отмечено, что «государство-участник должно обеспечить уголовное преследование сотрудников правоохранительных органов за действия, противоречащие ст. 7 Международного Пакта о гражданских и политических правах, причем предъявляемые им обвинения должны соответствовать тяжести совершенных деяний»⁴.

В некоторых международных документах термин «преследование» используется в нескольких значениях. Так, в частности, в процедурных правилах Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1986. С. 505.

² Европейская конвенция о выдаче ETS № 24 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 23. Ст. 2348.

³ Doc.: A/55/12, 23 October. 2000.

⁴ Цит. по: Международная защита прав человека. Научно-практическое исследование Центра содействия международной защите под руководством К.А. Москаленко. М., 2004. С. 223.

серьезные нарушения международного гуманитарного права (МГП) на территории бывшей Югославии с 1991 г. и Международного уголовного трибунала для преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения МГП, совершенные на территории Руанды и соседних государств в период с 1 января по 31 декабря 1994 г. используются два термина «уголовное преследование» и «судебное преследование» применительно к деятельности по изобличению лица, совершившего преступление, в различных стадиях производства по делу¹.

Именно в результате активной интеграции России в мировое сообщество терминология международного права стала активно использоваться в отечественном законодательстве. Термин «уголовное преследование» в рассмотренном выше значении появился в лексиконе законодателя только в 2001 г. в результате реформирования отдельных положений УПК РСФСР, в связи с ратификацией Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод². До этого его можно было встретить в других нормативно-правовых актах, регламентирующих уголовно-процессуальные отношения. В частности, в соответствии с Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»³ осуществление уголовного преследования является одной из функций органов прокуратуры, которая реализуется посредством поддержания прокурором государственно обвиняемого в суде (ст. 35).

Действующий УПК РФ определяет уголовное преследование как процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5). Полагаем, что приведенная формулировка законодателя вызывает некоторые вопросы.

Во-первых, некорректно, на наш взгляд, определен субъект указанной деятельности – «сторона обвинения». В данном случае, для определения субъектного состава правоотношений, возникающих при реализации уголовного преследования, необходимо обращаться к п. 47 ст. 5 УПК РФ. Сторону обвинения, согласно приведенной норме представляют: прокурор, а также следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, частный обвинитель, потерпевший, его законный представитель, гражданский истец и его представитель. В то же время, в соответ-

ствии с ч. 1 ст. 21 УПК РФ уголовное преследование от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляют только прокурор, следователь и дознаватель. Логично предположить, что руководитель следственного органа не является субъектом рассматриваемой деятельности, в то же время ч. 2 ст. 39 УПК РФ содержит обратное правило, согласно которому руководитель следственного органа обладает всеми полномочиями следователя при принятии уголовного дела к своему производству. Вызывает недоумение и отсутствие в перечне, приведенном в п. 47 ст. 5 УПК и такой процессуальной фигуры как начальник подразделения дознания, который в соответствии с ч. 2 ст. 40.1 вправе возбудить уголовное дело, принять его к своему производству и произвести дознание в полном объеме, обладая при этом полномочиями дознавателя. Приведенные коллизии процессуальных норм позволяют выдвинуть несколько предположений: либо перечень лиц, представляющих сторону обвинения, не является исчерпывающим; либо приведенные противоречия являются следствием погрешностей законодательной техники, либо руководитель следственного органа и начальник подразделения дознания намеренно не наделены законодателем полномочиями по осуществлению уголовного преследования. Полагаем, что последнее утверждение не соответствует действительности, поскольку указанные субъекты все-таки признаны стороной обвинения, поскольку их статус закреплен в гл. 6 УПК РФ, содержащей перечень участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Следовательно, отсутствие указанных лиц в перечне п. 47 ст. 5 УПК РФ, а также в ч. 1 ст. 21 УПК РФ является законодательной погрешностью, которая может быть устранена посредством внесения в УПК РФ соответствующих изменений.

Полагаем также, что отсутствие в ч. 1 ст. 22 УПК РФ гражданского истца как лица, обладающего правом на участие в уголовном преследовании, не соответствует закрепленному в ч. 4 ст. 44 УПК РФ его праву поддерживать гражданский иск. Думается, что указанная деятельность истца является частью процессуальной деятельности, осуществляемой в рамках уголовного преследования, что подтверждается наличием соответствующего субъекта в перечне, предусмотренном п. 47 ст. 5 УПК РФ.

¹ Doc.: A/55/12, 23 October. 2000.

² См.: Федеральный закон от 20 марта 2001 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 13. Ст. 1140.

³ Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

Во-вторых, легальная дефиниция «уголовное преследование» не достаточно ясно, на наш взгляд, определяет содержание и цель процессуальной деятельности стороны обвинения. Как справедливо отметил В.С. Джатиев, «по данному определению не понятно, в чем собственно заключается деятельность по изобличению подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления. Можно лишь сделать вывод о том, что эта деятельность осуществляется во временных рамках существования в уголовном процессе подозреваемого и обвиняемого»¹.

Лексикон УПК РФ оперирует категорией «изобличение», которая в справочной и специальной юридической литературе трактуется как «обличать, уличать, доказывать или обвинять уликой»², а также «доказывать виновность, обвинять доказательствами обвинительного свойства»³. Полагаем, что виновность подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, должна быть доказана в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, и только после этого он может считаться изобличенным. Думается, что термины «доказывание» и «изобличение» не являются идентичными, поскольку несут разную смысловую нагрузку. Как справедливо указывает Н.Н. Китаев, «понятие «доказывание и его производные (доказательность, доказательство и др.) и в логике – науке о законах правильного мышления, и в доказательственном праве имеют логически выверенные и научно обоснованные содержание и объем, то «изобличение» – термин в значительной степени беллетризированный; на уровне логических определений и строгих научных дефиниций у него нет эквивалента»⁴. Полагаем, что в качестве цели уголовного преследования целесообразно было бы определить именно установление виновности определенного лица в совершении преступления. Думается, что такая формулировка не противоречит принципу презумпции невиновности, поскольку виновность лица в совершении преступления устанавливается вступившим в законную силу приговором суда (ч. 1 ст. 14 УПК РФ) в том случае, если сторона обвинения в процессе уголовного преследования достигла его цели,

т.е. доказала обвинение и опровергла доводы защиты подозреваемого или обвиняемого (ч. 2 ст. 14 УПК РФ).

«Установление виновности» как содержание процессуальной деятельности стороны обвинения, на наш взгляд, в равной мере может быть отнесена как к подозреваемому, так и к обвиняемому. Под виновностью в данном случае мы понимаем не материально-правовую, а уголовно-процессуальную категорию, которая может быть определена в процессе познавательной деятельности, т.е. доказывания. Доказывание виновности означает установление «обстоятельств, определяющих лицо, совершившее преступление (субъект), и субъективную сторону преступления»⁵. Результатом такой деятельности является наличие достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления (ч. 1 ст. 171 УПК РФ), а также получение достаточных данных, дающих основания подозревать лицо в совершении преступления (ч. 1 ст. 223.1). Аналогичной позиции придерживается Верховный Суд РФ, который в своих постановлениях оперирует словосочетанием «виновность подозреваемого»⁶.

Определение уголовного преследования, предлагаемое законодателем, не содержит в качестве цели процессуальной деятельности стороны обвинения – назначение виновному справедливому наказанию. Полагаем, что само по себе изобличение преступника не является целью уголовного процесса. Интересы общества и государства требуют, чтобы виновное в совершении преступления лицо понесло заслуженное наказание, что вполне соответствует ч. 2 ст. 6 УПК РФ. Вместе с тем, результатом уголовного преследования не всегда является назначение наказания. Так, в соответствии с п.п. 2, 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ итогом процессуальной деятельности стороны обвинения может быть обвинительный приговор без назначения наказания или с освобождением лица от отбывания наказания. Полагаем, что в указанных случаях цель уголовного преследования достигнута – доказана виновность лица в совершении преступления, вместе с тем государ-

¹ Джатиев В.С. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: шаг вперед или два шага назад? // *Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений*. М., 2005. С. 16.

² Ожегов С.И. Указ. соч. С. 210.

³ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. М., 2003. С. 56.

⁴ Китаев Н.Н. Вопросы теории и практики изобличения лиц, совершивших умышленное убийство: Дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 1993. С. 27-28.

⁵ Даев В.Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л., 1982. С. 57.

⁶ См.: О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 1996. № 2. С. 1-5.

ство по определенным причинам считает возможным не назначать ему наказание (либо освободить от отбывания наказания). Следовательно, в качестве результата процессуальной деятельности, обозначенной как «уголовное преследование» является постановление обвинительного приговора, а назначение наказания является одним из возможных последствий такового. Вместе с тем, уголовное преследование может и вовсе не завершиться постановлением обвинительного приговора (например, в случае прекращения уголовного дела, постановления оправдательного приговора), но при этом обвинительному приговору и наказанию всегда предшествует уголовное преследование. Следовательно, «наказание без уголовного преследования невозможно, тогда как уголовное преследование без наказания вполне возможно»¹.

Точное законодательное определение цели уголовного преследования имеет весьма существенное значение, поскольку рассматриваемой процессуальной деятельностью не исчерпывается содержание функции обвинения, осуществляемой соответствующей стороной. В соответствии со ст. 73 УПК РФ должностное лицо, ведущее производство по уголовному делу обязано уста-

навливать обстоятельства, исключаящие преступность и наказуемость деяния; обстоятельства, смягчающие наказание; обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания. Совершенно очевидно, что указанная деятельность не относится к уголовному преследованию, однако осуществляется в рамках реализации такого назначения уголовного судопроизводства, как защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Считаем вполне обоснованным вывод, сделанный Р.В. Мазюком о том, что данная деятельность может быть определена как «иная процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях обеспечения назначения уголовного судопроизводства в отношении подозреваемого, обвиняемого»².

На основании всего вышеизложенного предлагаем определить уголовное преследование как процессуальную деятельность стороны обвинения по установлению события преступления и виновности лица, его совершившего, осуществляемую в целях применения к этому лицу норм уголовного закона.

¹ Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 326.

² Мазюк Р.В. Возбуждение уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве. Иркутск, 2005. С. 112-113.

Ким Дмитрий Владимирович

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника Барнаульского юридического института
МВД России по учебной работе

Оперативно-розыскные ситуации как объект криминалистического исследования

В процессе расследования преступлений вся информация, имеющая значение для дела, может быть получена при производстве процессуальных, розыскных и оперативно-розыскных действий. Различные источники криминалистически значимой информации порождают не только ее отличающийся правовой режим, но и имеют неодинаковое методическое и тактическое значение.

Кроме того, следует заметить, что оперативные работники осуществляют свою деятельность не только в складывающихся криминалистических ситуациях, характерных для предварительного следствия (например, проводят следственные действия, принимают участие в составе следственно-оперативной группы и т.д.), но и в так называемых оперативно-розыскных ситуациях¹, для которых характерны, в первую очередь, методы негласной работы.

Понятие «оперативно-розыскная ситуация» не стало еще предметом широкого обсуждения среди ученых, однако появившиеся в последнее время отдельные работы (в основном ограниченного пользования) свидетельствуют о том, что это достаточно перспективное направление, которое требует дальнейшего изучения².

Большое влияние на оперативно-розыскную ситуацию как научную категорию, используемую

в литературе, оказало уже устоявшееся в криминалистике понятие «следственная ситуация». Поэтому, не случайно, рассматривая те или иные вопросы, связанные с анализируемыми понятиями, специалисты преломляют их именно через второе.

Так, исследовав природу оперативно-розыскной ситуации, В.Г. Самойлов (1984) определил, что: «изучение и оценка оперативно-розыскной ситуации является первоначальным элементом структуры оперативно-розыскной тактики;

основное назначение данного элемента оперативно-розыскной тактики – создание условий для принятия правильного тактического решения;

оперативно-розыскная ситуация включает в себя совокупность данных о криминальном событии и условиях, в которых необходимо принять решение на осуществление оперативно-розыскного мероприятия и обеспечить его реализацию;

элементами оперативно-розыскной ситуации являются: оперативно-тактическая характеристика на данный момент определенного криминального или криминогенного события; характеристика условий, в которых проявляется это событие; характеристика реальных возможностей оперативного работника принять необходимые меры для решения стоящей задачи»³.

На основании этого им же, а позднее С.С. Овчинским, одним из авторов открытого учебника по теории оперативно-розыскной деятельности

¹ В теории оперативно-розыскной деятельности встречаются и другие термины – «оперативно-тактическая ситуация», «сыскная ситуация» и др. См., напр.: Теория оперативно-розыскной деятельности: Учебник / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М.: ИНФРА-М, 2006. С. 709-711; Четин А.Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий: Монография. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2006. С. 54; Давыдов С.И. Оперативно-розыскные ситуации: понятие, структура, виды: Учебное пособие. Барнаул: БЮИ МВД России, 2006. С. 6 и др.

² См., напр.: Гребельский Д.В. О соотношении криминалистических и оперативно-розыскных характеристик преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984. С. 70; Шумилов А.Ю. Новый оперативно-розыскной закон России. М.: Издатель И.И. Шумилова, 1998; Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном производстве. Барнаул: АлтГУ, 2000. С. 86-128; Букаев Н.М., Малышев В.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений. Томск: Печатная мануфактура, 2001. С. 16-65 и др.

³ См.: Давыдов С.И. Указ. соч. С. 6.

ти было дано определение оперативно-розыскной ситуации (С.С. Овчинский назвал ее оперативно-тактической). По их мнению, это «реально существующее на данный момент состояние определенного криминального события (или связанного с ним факта) либо угрозы наступления такого события, по поводу которого осуществляются оперативно-розыскные мероприятия, условия, в которых предстоит действовать оперативнику, его возможности принять необходимые меры, формулируемые в виде конкретной задачи»¹.

Несложно заметить в этом подходе влияние позиции Р.С. Белкина относительно понятия «следственная ситуация», критический анализ которого давался нами ранее в работах², кроме того, в приведенном выше определении имеется некоторая неопределенность (неточность) терминологии. Оперативно-розыскная ситуация, понимаемая как «состояние определенного криминального события (или связанного с ним факта) либо угрозы наступления такого события...», относится больше к криминальной или посткриминальной ситуации, но никак не к ситуации для субъекта, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность.

Во-первых, криминальное событие (или угроза его наступления) относится к системе «преступление», которому присущи определенные пространственно-временные характеристики и свои ситуации. Что же касается оперативно-розыскной ситуации, то очевидно, что она (как ситуация для субъекта ОРД) возникает только после того, как соответствующему субъекту становится известно о совершаемом или подготавливаемом преступлении, в связи с чем он осуществляет свои действия.

Во-вторых, не совсем понятно, что имеет в виду автор, говоря об оперативнике, которому предстоит действовать в определенных условиях³. Это могут быть субъекты оперативных подразделений соответствующих государственных органов, ука-

занных в законе (ч. 1 ст. 13 Закона об ОРД)⁴, сами органы, уполномоченные на осуществление оперативно-розыскной деятельности, руководители этих органов (оперативных и других их подразделений)⁵. Кроме того, нельзя однозначно сделать вывод из текста Закона и о том, являются ли специалисты, а также отдельные граждане субъектами оперативно-розыскной деятельности или нет (ч. 5 ст. 6 Закона об ОРД).

Учитывая такую непоследовательность (в первую очередь, законодательную), следует согласиться с авторами, полагающими, что к субъектам оперативно-розыскной ситуации следует отнести всех участников оперативно-розыскной деятельности, в том числе и лиц, содействующих оперативно-розыскным органам⁶.

В-третьих, действия субъектов в определении ограничиваются только лишь оперативно-розыскными мероприятиями (ОРМ). В то же время известно, что оперативно-розыскные мероприятия являются одним из элементов оперативно-розыскной деятельности. Однако ими не исчерпывается все многообразие ОРД. Для решения поставленных задач соответствующие органы проводят другие действия, не включенные в перечень оперативно-розыскных мероприятий, такие как: облава, засада, прочесывание местности и др.

Помимо этого, в содержание ОРД входят также «меры организационно-управленческого и организационно-тактического характера (ее информационное обеспечение, аналитическая работа, прогнозирование, планирование в сфере ОРД, организация взаимодействия и т.д.)»⁷.

В самом общем виде оперативно-розыскную ситуацию определил С.И. Давыдов «как совокупность сложившихся на определенный момент времени обстоятельств, в которых действуют участники оперативно-розыскной деятельности»⁸. Оценивая приведенную позицию, в качестве положи-

¹ Теория оперативно-розыскной деятельности: Учебник / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М.: ИНФРА-М, 2006. С. 709.

² См.: Ким Д.В. Следственная ситуация как информационно-познавательная система в деятельности по расследованию преступлений (по материалам корыстно-насильственных преступлений): Дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 1999. С. 18-19; Гавло В.К., Клочко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: Монография / Под ред. проф. В.К. Гавло. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 20-30.

³ У Самойлова В.Г. – «оперативный работник (или аппарат)».

⁴ Здесь и далее имеется в виду Федеральный закон Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ с последующими изменениями и дополнениями.

⁵ По этому поводу в литературе нет однозначного ответа. См. подробнее: Аتماжитов В.М., Бобров В.Г. Об основных направлениях дальнейшего развития теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Труды Академии управления МВД России. М.: Академия управления МВД России, 2001. С. 16-18; Они же. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности: Научный доклад. М.: Издатель Шумилова И.И., 2003. С. 9-10 и др.

⁶ См., например: Давыдов С.И. Указ. соч. С. 7.

⁷ См.: Аتماжитов В.М., Бобров В.Г. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности: Научный доклад. М.: Издатель Шумилова И.И., 2003. С. 9; Токалов Т.Б. Теоретические, правовые и организационно-управленческие проблемы оперативно-розыскной деятельности ОВД Республики Казахстан в борьбе с преступностью: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007 и др.

⁸ Давыдов С.И. Указ. соч. С. 7.

тельного момента следует отметить широкую трактовку субъектов оперативно-розыскной деятельности. Неслучайно, на наш взгляд, автор их называет участниками, тем самым, отождествляет два понятия и подчеркивает, что любой участник, вовлеченный в орбиту правоотношений в сфере ОРД, есть субъект этих правоотношений. В то же время, это определение, по сути, не отличается от определения следственной ситуации, предложенного Р.С. Белкиным, за исключением того, что в одном случае говорится о расследовании, а в другом об оперативно-розыскной деятельности.

Иным смысловым содержанием наполнено определение С.Э. Воронина. Рассматривая оперативно-розыскную ситуацию в качестве проблемно-поисковой ситуации, автор определил ее как «тип следственной ситуации, возникающий в процессе мыслительной деятельности оперативного работника, познающего механизм преступления и разрешающего эту ситуацию с помощью гласных и негласных методов получения информации, составляющих специфическое содержание ОРД»¹.

Представляется, что совершенно справедливо и правильно сделан акцент в сторону мыслительной деятельности субъекта ОРД, познания им механизма преступления. Такой подход, по мнению самого автора, «позволяет в структуре криминалистической характеристики расследования (КХР) выделить оперативно-розыскную характеристику, содержание которой будут составлять проблемно-поисковые ситуации ОРД на различных этапах расследования преступлений. Выделение в КХР оперативно-розыскной характеристики расследования еще в большей степени будет способствовать интеграции криминалистики и теории ОРД, тесно связанных друг с другом общей целью – установлением истины по уголовному делу»². В то же время, Сергей Эдуардович не совсем прав, ограничивая субъект ОРД только оперативным работником.

При анализе понятия оперативно-розыскной ситуации возникает вопрос о ее структуре. Следует отметить, что в теории ОРД этому вопросу не уделялось должного внимания, и в литературе он практически не рассматривался. В основном авторы, при рассмотрении затронутых проблем, ссылались на позиции криминалистов, либо преломляли их позиции на поле ОРД.

Например, С.С. Овчинский, не ограничивая элементный состав оперативно-розыскной ситуации, указывает на повторяемость некоторых из них. В связи с чем полагает, что в первую очередь оценке подлежат следующие элементы ситуации:

«конкретные криминальные события и иные связанные с ними факты либо угроза наступления таких событий;

силы, действия (поведение) противоборствующей стороны, в том числе характеристики проверяемых, разрабатываемых, разыскиваемых и профилируемых лиц;

источники информации, условия ее получения и возможности использования; состояние имеющихся данных, характеризующих криминальное событие и другие факты, возможности получения новых сведений и рационального их использования;

тактико-технические возможности средств оперативной техники; возможность и эффективность избираемых методов ОРД, приоритетный их выбор для данной ситуации и др.

Кроме того, оценка ситуации предполагает необходимость предвидения (прогнозирования) изменений поведения и решений лиц или групп, относимых к противоборствующей стороне, осмысление последствий их вероятностного поведения, разработку программы дальнейших действий и их последовательности»³.

Нам представляется, что в этом перечне допущено смешение факторов (элементов), влияющих на формирование оперативно-розыскной ситуации и не входящих в ее содержание. Кроме того, оценка ситуации вынесена за ее структуру, что предполагает объективность ситуации, а это, на наш взгляд, неверно.

Достаточно широко представлен элементный состав оперативно-розыскной ситуации у С.И. Давыдова⁴.

Полагаем, чтобы уйти от бессмысленного перечисления элементов, структуру оперативно-розыскной ситуации по аналогии с криминалистической можно представить в виде двух подструктур (характеристик) – логико-формальной и неформальной, (ценностно-смысловой), тесно взаимосвязанных между собой⁵. В то же время следует заметить, что, учитывая специфику ОРД, элементный состав этих подструктур существенно отлича-

¹ Воронин С.Э. Указ. соч. С. 108.

² Там же.

³ Теория оперативно-розыскной деятельности: Учебник / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова. М.: ИНФРА-М, 2006. С. 710.

⁴ См.: Давыдов С.И. Указ. соч. С. 10-11.

⁵ См. подробнее: Ким Д.В. Следственная ситуация как системное явление // Следователь. 2003. № 9. С. 33-36; Ким Д.В. Криминалистические ситуации и их разрешение в уголовном судопроизводстве: Монография / Под ред. проф. В.К. Гавло. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 53-67.

ется от элементного состава подструктур криминалистической ситуации.

Таким образом, сущность оперативно-розыскных ситуаций во многом схожа со следственными ситуациями.

В рамках отстаиваемой концепции сходство может проявляться в следующем:

1. С точки зрения криминалистического познания действительности, все ситуации, изучаемые криминалистикой, могут именоваться криминалистическими ситуациями (как следственные, так и оперативно-розыскные, экспертные и т.д.);

2. Структура обоих видов ситуаций одна и та же, состоящая из двух тесно взаимосвязанных подструктур (характеристик) – логико-формальной и неформальной (ценностно-смысловой);

3. Оба вида ситуаций возникают в процессе деятельности, объединенной общей целью – установление истины по конкретному уголовному делу и общей социальной целью – борьба с преступностью;

4. С учетом отмеченных целей, оба вида ситуаций относятся к криминалистической характеристике раскрытия, предварительного расследования и предупреждения преступлений;

5. Возникая как результат правоприменительной деятельности, ситуации одновременно являются ее новообразованием, определяющим дальнейшую организацию этой деятельности;

6. Имеют сложную информационную природу и динамический характер своего развития.

С учетом вышеизложенного, под оперативно-розыскной ситуацией мы понимаем сложную динамическую систему информационного характера, возникающую в деятельности субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и влияющую на дальнейшую организацию этой деятельности в целях решения задач, стоящих перед оперативными аппаратами путем применения ими специальных средств, приемов и методов.

При всей схожести с криминалистическими (следственными) ситуациями оперативно-розыскные ситуации имеют и существенные отличия.

Во-первых, они возникают в деятельности специальных субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, во многом отличающуюся от уголовно-процессуальной деятельности субъектов доказывания.

Во-вторых, в отличие от субъектов доказывания, которые свою деятельность осуществляют в соответствии с уголовно-процессуальным законом гласно, субъекты оперативно-розыскной деятельности руководствуются Законом об ОРД, ведомственными нормативными актами и применя-

ют в своей работе как гласные, так и негласные средства, приемы и методы.

В-третьих, в отличие от целей, стоящих перед субъектами доказывания в рамках уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), основной целью субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, является непосредственное выявление и использование фактических данных, необходимых для решения задач, указанных в ст. 2 Закона об ОРД.

В-четвертых, с учетом указанных выше отличий восприятие окружающей действительности субъектами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, отличается от восприятия этой же действительности субъектами доказывания. В связи с чем, полагаем, можно говорить о совершенно иной природе возникновения и развития оперативно-розыскной ситуации в отличие от криминалистической (следственной) и, как следствие, об ином характере криминалистически значимой информации.

Учитывая это, по критерию значимости для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, вся криминалистическая информация может быть разделена на:

1) информацию об обстоятельствах расследуемого преступления, входящих в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ). Например, о месте преступления (квартира, подъезд, открытая местность); каким способом совершено преступление; каков характер и размер вреда, причиненного преступлением и т.д.;

2) информацию о доказательственных фактах;

3) ориентирующую информацию (например, известно, что в преступлении принимали участие мужчина и женщина, высокого и низкого роста; преступники скрылись с места происшествия на легковом автомобиле иностранного производства, зеленого цвета).

Данные, полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий, не являются доказательствами, они содержат лишь вспомогательную информацию. Однако эта информация имеет огромное практическое значение для оптимизации расследования. Посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий можно получить данные, интересующие следствие и необходимые для раскрытия преступления. Получив эту информацию, следователь может более целенаправленно проводить расследование и получать доказательства. Поэтому для успешного решения задач предварительного расследования необходимо объединение усилий следователя и органа дознания на всех его этапах.

Однако для успешной реализации данного положения необходима соответствующая нормативно-правовая база. В то же время анализ нормативно-правовых актов, регулирующих этот вид деятельности, показывает, что на сегодняшний день существует ряд проблем, требующих дальнейшего законодательного регулирования.

Прежде всего, это касается оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий. Так, ст. 7 Закона об ОРД исключает возможность оперативного наблюдения за криминальной средой, если нет возбужденного уголовного дела или сведений о подготавливаемом или уже совершенном тяжком преступлении. Но организованную преступность как раз и отличает то, что ее руководство («воры в законе», уголовно-преступные авторитеты) действует внешне в рамках закона, лишь в редких случаях среднее, а чаще всего низшее, звено совершает преступления.

Перед оперативными работниками встает вопрос: можно ли начинать и вести разработку преступных групп либо отдельных ее участников, пока еще с их стороны нет очевидных криминальных действий, тем более проводить оперативно-розыскные мероприятия, связанные с ограничением конституционных прав граждан.

Оперативная разработка серьезных организованных преступных групп (банд) требует, как правило, длительного времени. Сроки таких разработок по различным причинам затягиваются, вместе с тем не сохраняются следы преступной деятельности, которые могли бы иметь доказательственное значение. Все это серьезно затрудняет процесс доказывания. Поэтому, полагаем, возникла необходимость в законодательном порядке закрепить положение, согласно которому оперативно-розыскные мероприятия в отношении лиц, заподозренных в связях с организованной преступностью, можно проводить и до возбуждения уголовного дела.

Не нашло отражение в Законе положение, связанное с процессом формирования, проверкой, оценкой и дальнейшим использованием оператив-

но-розыскной информации в процессе доказывания. Иначе говоря, речь идет о процессе оперативного доказывания, представляющего частный случай для решения задач и достижения целей, сформулированных в Законе об ОРД.

В настоящий момент среди ученых-юристов нет принципиальных разногласий о возможности ввода информации, полученной в результате оперативно-розыскных мероприятий в процесс доказывания. Однако, следует заметить, что неурегулированность в законе (и прежде всего в УПК РФ) открытых способов введения этой информации, неразработанность практических рекомендаций создает ряд проблем, до настоящего времени не получивших однозначного решения и в науке, и в правоприменительной практике¹.

Завершая рассмотрение вопроса об оперативно-розыскных ситуациях нельзя не затронуть их типологию, выделив основные классификационные основания. В немногочисленных работах специалистов в области ОРД встречаются чаще всего классификации, заимствованные из криминалистики², анализ которых давался в литературе, поэтому оставим их без комментария. Остановимся лишь на нетрадиционных, интересных позициях авторов, занимающихся этой проблемой.

Так, например, в зависимости от этапов расследования С.Э. Воронин выделяет доследственные, ситуации оперативного сопровождения следствия и оперативно-розыскные проблемно-поисковые следственные ситуации по приостановленным уголовным делам³. Значение такой классификации «позволяет исследовать специфику поисково-познавательной деятельности оперработника в зависимости от складывающейся обстановки на различных этапах расследования»⁴.

В рассматриваемой классификации есть еще два звена. В зависимости от решаемых задач деление ситуаций на розыскные и оперативно-розыскные. Действительно, понятия «розыскная деятельность» и «оперативно-розыскная деятельность», «оперативно-розыскные мероприятия» и «розыскные мероприятия» не совпадают по объе-

¹ См.: Птицын А.Г. Использование оперативно-розыскной информации на предварительном следствии. Киев, 1977; Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М., 1991. С. 115-117; Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 1996. С. 4; Белкин А.Р. Теория доказывания: Научно-методическое пособие. М.: НОРМА, 1999. С. 85-139; Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография / Под ред. проф. В.Т. Томина. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001 и др.

² См., напр.: Давыдов С.И. Оперативно-розыскные ситуации: понятие, структура, виды: Учебное пособие. Барнаул: БЮИ МВД России, 2006. С. 13-17; Теория оперативно-розыскной деятельности: Учебник / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова. М.: ИНФРА-М, 2006. С. 710-711.

³ Воронин С.Э. Указ. соч. С. 125.

⁴ Там же.

му и содержанию, что не раз отмечалось в литературе¹. Поэтому можно с уверенностью сказать о различиях в динамике и по направлениям развития указанных ситуаций, что, несомненно, нужно использовать в практической деятельности.

Интересную классификацию оперативно-розыскных ситуаций, возникающих в процессе раскрытия преступлений, предложил В.П. Шиенко (1995), выделив следующие виды:

«ситуация места происшествия. Характерной чертой ее является высокая степень информационной неопределенности, что наиболее характерно для начального этапа проведения поисковых мероприятий по неочевидным преступлениям, когда в содержании первичной информации отсутствуют указания на конкретных лиц, совершивших противоправные деяния;

ситуация, складывающаяся в ходе поиска преступника в определенной среде, характеризуется наличием информации, позволяющей ограничить круг возможных подозреваемых определенным контингентом лиц по тому или иному признаку, присущему им общему признаку. В качестве такого признака могут выступать самые различные сведения о профессии, состоянии здоровья, принадлежности к определенной социальной группе, трудовых навыках, знакомстве с потерпевшим и т.д.;

ситуация, складывающаяся в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении конкретных подозреваемых, обусловлена наличием информации, дающей основание предполагать о возможности совершения преступления данным лицом (группой лиц). Во временном аспекте ситуация этого типа охватывает процесс раскрытия преступления с момента получения указанной информации в отношении конкретного лица до ее полной реализации. Эта ситуация носит ярко выраженные черты оперативной разработки;

ситуация, складывающаяся в ходе проведения общепроисковых мероприятий. Она характеризует процесс раскрытия с позиций комплексного использования разведывательных возможностей оперативных аппаратов, а также информационного потенциала, которым располагают другие службы и подразделения органов внутренних дел»².

Преимущество этой классификационной системы, на наш взгляд, заключается в нацелива-

нии субъекта ОРД на комплексное использование достижений криминалистики и теории ОРД, накопленных ими в рамках тактики и методики раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Для решения оперативно-тактических задач в процессе осуществления ОРД большое значение имеет классификация оперативно-розыскных ситуаций, подразделяющихся на естественно сложившиеся и искусственно созданные. «С помощью искусственно созданных ситуаций оперативный работник вводит в заблуждение разрабатываемых лиц, притупляет их осторожность, побуждает совершать действия, способствующие их же разоблачению. Создание таких ситуаций необходимо в силу самой сущности оперативно-розыскной деятельности, а также имеющихся препятствий в выявлении, фиксации и использовании оперативно-розыскной информации. Пределы использования в оперативно-розыскной деятельности искусственно созданных ситуаций ограничены правовыми и морально-этическими нормами»³.

В зависимости от принятия правильного решения оперативно-розыскные ситуации подразделяют на три вида: 1) ситуация, требующая немедленного реагирования; 2) ситуация, дающая возможность продумать решение, подготовиться к проведению оперативно-розыскных мероприятий; 3) ситуация, требующая тщательной, порой длительной разработки решения, подготовки к проведению оперативно-розыскных мероприятий или их совокупности⁴.

Действительно, между оперативно-розыскными ситуациями, складывающимися на различных этапах деятельности субъекта ОРД, могут быть различия, определяемые факторами времени, внезапности принятия решения, совокупностью средств и методов и др. Но эти различия носят субъективный характер, а принятие конкретного решения зависит от опыта и профессиональной компетенции субъекта ОРД. По нашему мнению, в основе указанной классификации лежит субъективный критерий, предполагающий множество вариантов ситуаций. Исходя из этого, выделение указанных ситуаций вряд ли целесообразно.

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод, что классификационные основания оперативно-розыскных ситуаций могут быть те же, что и для

¹ См., например: Лукашов В.А. Розыск скрывшихся преступников (по материалам органов охраны общественного порядка): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1963. С. 3; Белкин Р.С. Курс криминалистики: В 3-х тт. Т. 2: Частные криминалистические теории. М.: Юристъ, 1997. С. 203-243; Основы оперативно-розыскной деятельности: Учебное пособие. 3-е изд., доп. и перераб. / Под ред. А.Е. Чечетина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2007. С. 196-197 и др.

² См.: Давыдов С.И. Указ. соч. С. 17.

³ Там же. С. 18.

⁴ Теория оперативно-розыскной деятельности: Учебник / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М.: ИНФРА-М, 2006. С. 711; Давыдов С.И. Указ. соч. С. 17.

РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

криминалистических ситуаций, правда, с учетом специфики ОРД (например, для криминалистических ситуаций будут ситуации, характеризующие ход и состояние при производстве следственного действия, а для оперативно-розыскных – ход и состояние при производстве оперативно-розыскного мероприятия и т.д.). В то же время, именно специ-

фика ОРД создает предпосылки для разработки новых оснований классификации, создания алгоритмов их разрешения в целях оптимизации полноструктурного процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, а также их судебного разбирательства.

Капица Вячеслав Станиславович
аспирант кафедры криминалистики и правовой информатики
Кубанского государственного университета

Некоторые аспекты следственных ситуаций начала расследования преступлений против жизни и здоровья, совершенных по мотивам национальной, расовой и религиозной ненависти или вражды

Первоначальный этап расследования преступлений против жизни и здоровья, совершенных по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды, характеризуется значительным объемом работы, которую надлежит провести следователю. Наиболее важное значение здесь имеет определение типичных следственных ситуаций и оценка состояния процесса расследования, которые сложились после производства неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Выявленные в процессе изучения практики расследования рассматриваемой группы преступлений типичные следственные ситуации являются необходимыми элементами методики расследования, ибо являются своего рода исходными положениями в формировании рекомендаций и принципов расследования конкретной категории дел и «представляют собой совокупность условий (факторов, обстоятельств), влияющих на расследование по конкретному уголовному делу»¹.

Как таковая «следственная ситуация» — категория объективная, ибо отражает сложившееся в действительности фактическое положение. Но, тем не менее, неверное либо неполное ее толкование участниками расследования может привести «к ошибочному определению направлений расследования, ненадлежащему выбору комплекса следственных и иных действий и т.д.»².

В процессе расследования следователь руководствуется теми моделями следственных

ситуаций, которые уже сложились в следственной практике, но под влиянием определенных обстоятельств следственные ситуации постоянно изменяются.

На формирование следственных ситуаций влияет множество факторов, к числу которых можно отнести следующие:

1) условия, возникающие непосредственно в связи с расследованием конкретного преступления. Это, прежде всего, наличие доказательств, а также ориентирующей информации по расследуемому уголовному делу; данные о личности участвующих в деле лиц, а также имеющие значение для дела сведения, которыми они обладают, и непосредственно их отношение к совершенному преступлению и проводимому расследованию; имеющиеся указания, поручения руководителя следственной группы, следователя, прокурора, суда и т.д.;

2) условия, возникающие независимо от расследования конкретного преступления. Сюда относятся общие положения уголовно-процессуального законодательства, следственной практики, непосредственный практический опыт субъектов расследования, уровень технической оснащенности правоохранительных органов, природные условия и т.п.

Перечисленные условия и их сочетание отражают положение расследования, существующее на тот или иной промежуток времени, а значит, предопределяют индивидуальность возникающих следственных ситуаций, исходными элементами которых всегда выступают:

¹ Шоров М.П. Проблемы методики расследования убийств, совершенных по найму: Автореф. .... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 16.

² Шурухнов Н.Г. Криминалистика: Учебное пособие. М.: Юристъ, 2005. С. 217.

полученная от потерпевшего и очевидцев информация о самом событии, содержащем признаки преступления, а также о лицах, причастных к его совершению;

условия получения такой информации в процессе проведения осмотра места происшествия и иных первоначальных следственных действий;

имеющиеся средства получения необходимой исходной информации и, соответственно, разрешения следственной ситуации;

факторы, способствующие либо препятствующие раскрытию и расследованию преступления;

позиция подозреваемого, потерпевшего, свидетелей при получении первоначальной исходной информации.

Исходя из перечисленных составляющих, отметим, что весьма характерным для следственных ситуаций первоначального этапа расследования является распределение объема информации следующим образом:

отсутствие информации как о личности потерпевшего, так и о личности преступника, мотив преступления не прослеживается достаточно четко. В подобных случаях в качестве исходной информации фигурируют лишь данные осмотра места происшествия, позволяющие выдвинуть наиболее общие следственные версии, опирающиеся на сведения, характеризующие расположение места происшествия относительно известных ориентиров; физические и прочие особенности лиц, так или иначе участвовавших в происшествии; характер их действий и оставленных следов и т.п. Сформированная посредством анализа подобной информации модель дает представление о самом событии преступления и обстановке места происшествия непосредственно после него, а анализ произошедших изменений в обстановке служит средством формирования уже частной версии, например, о количестве преступников;

наличие частичной информации, т.е. имеется информация о личности потерпевшего, но отсутствуют данные о личности преступника и мотиве преступления. Согласно данным опроса сотрудников правоохранительных органов региона КМВ и города Москвы, данная следственная ситуация наиболее характерна для первоначального этапа расследования рассматриваемой категории дел и является достаточно проблемной, так как характеризуется минимальным объемом информации, складывающейся в основном из показаний потерпевших, свидетелей, очевидцев, работников медицинских учреждений и т.п. В подобной следственной ситуации, как правило, выд-

вигаются версии относительно события преступления, потенциального круга виновных, возможных мотивах преступного посягательства. Для проверки указанных версий наиболее перспективной, по мнению автора, является проработка линии «преступник-потерпевший», позволяющая получить достаточную информацию о субъекте преступления и, что особенно важно для рассматриваемой категории дел, о мотиве совершения преступления. С этой позиции, учитывая анализ следственной практики правоохранительных органов города Москвы, а также городов Кавказских Минеральных Вод, автор считает целесообразным предложить следующую схему производства расследования на первоначальном этапе расследования указанных преступлений:

1. Осмотр места происшествия, а также параллельная организация преследования по «горячим следам», выявления возможных свидетелей и очевидцев, организация охраны места происшествия;

2. Осмотр трупа и/или освидетельствование потерпевшего;

3. Осмотр обнаруженных следов и предметов;

4. Допрос потерпевшего об обстоятельствах совершенного посягательства;

5. Установление очевидцев и свидетелей, а также их допрос на предмет выяснения имеющих значение для дела обстоятельств совершения преступления;

6. Установление и допрос близких потерпевшего (трупа), предъявление трупа для опознания;

7. Назначение судебно-медицинской экспертизы потерпевшего (трупа), а также соответствующих судебных экспертиз изъятых с места происшествия предметов и следов;

8. Посредством использования данных криминалистических учетов и оперативной информации установление наличия неформальных объединений, действующих в районе, где совершено преступное посягательство;

наличие полной информации о личности потерпевшего, мотиве преступления и лице, его совершившем. Указанная информация может быть получена из сообщений очевидцев, свидетелей, потерпевшего, сотрудников правоохранительных органов, задержавших виновного на месте преступления в момент или непосредственно после его совершения и т.д. Подобная следственная ситуация является наиболее благоприятной с точки зрения раскрытия преступления и установления истины по делу, в связи с тем, что следователь обладает полной информационной

базой, включающей необходимые для дела данные о личности потерпевшего и преступника, событии преступления. Здесь, по мнению автора, уместна следующая схема расследования:

1. Осмотр места происшествия;
2. Осмотр трупа;
3. Допрос потерпевшего, а также его освидетельствование;
4. Назначение судебных экспертиз;
5. При наличии информации о личности виновного (виновных) – его задержание, личный обыск, допрос, освидетельствование, а в случае если местоположение подозреваемого неизвестно – организация его розыска;
6. Предъявление подозреваемого для опознания;
7. Установление очевидцев и свидетелей, а также их допрос;
8. Производство необходимых оперативно-розыскных мероприятий, в частности: обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности, наблюдение, исследование предметов и документов, наведение справок, опрос и т.д.

Кроме того, каждую из указанных следственных ситуаций следует рассматривать и в разрезе того временного промежутка, который имел место между совершением преступления и его обнаружением. С этой позиции возможны следующие следственные ситуации:

1. Следственная группа прибыла на место происшествия незамедлительно после получения сообщения о преступлении. Как правило, труп жертвы или потерпевший находятся на месте происшествия. В подобных ситуациях возможно раскрыть преступление по «горячим следам».

Характерной чертой данной ситуации является то, что обстановка места происшествия и, соответственно, следовая картина остаются практически неизменными, а потому от следователей и оперативных работников требуются особая быстрота и слаженность действий. Определенные и вполне существенные результаты может дать использование служебно-розыскной собаки, данных криминалистических учетов и следственной практики, осуществление заградительных мер, опрос очевидцев и др. Как справедливо отмечает Н.П. Яблоков, «успех следственной и оперативно-розыскной деятельности в указанных ситуациях во многом связан с максимально широким использованием помощи специалистов, экспресс методов криминалистического исследования с целью быстрого и максимально полного

извлечения криминалистически значимой информации из выявленных следов преступления»¹.

В подобных следственных ситуациях уже на момент возбуждения уголовного дела следователь может выдвинуть версии о совершенном преступлении, основываясь на имеющемся информационном массиве, включающем данные о мотиве, способе совершения преступления, личности потерпевшего, наличии на месте происшествия предметов, указывающих на специальный мотив преступления, а также о круге потенциальных преступников.

2. Временной интервал между совершением преступления и фактом его обнаружения не позволяет раскрыть преступление по «горячим следам». Здесь основной задачей выступает установление личности потерпевшего, для чего субъектам расследования следует получить максимально возможную информацию о лице, в отношении которого совершено посягательство.

В целях же установления личности преступников следователю необходимо сосредоточиться на тщательном изучении механизма следообразования и фиксации элементов места происшествия, локализации выявленных доказательств и окружающей обстановки.

Так, в 2004 г. в Воронеже совершено убийство Амару Антониу Лима. В целях установления лиц, причастных к совершению преступления были проведены необходимые следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, как то: произведен тщательный осмотр места происшествия, допрошены очевидцы, выявлен круг лиц, которые могли быть причастны к совершению преступления, проведена проверка условий жизни и воспитания последних, их интересы и принадлежность к неформальным объединениям².

Расширение границ осмотра места происшествия в апреле 2006 г. в Санкт-Петербурге позволило обнаружить в 70 метрах от места преступления помповое ружье с нацарапанной на нем свастикой, из которого был застрелен африканский студент Ламзар Самба³.

3. Правоохранительными органами задержан преступник. Здесь могут возникнуть следующие следственные ситуации:

подозреваемый отказывается от дачи показаний;

подозреваемый частично признает свою вину, возможно мотивируя совершение преступления неосторожным причинением смерти жертве, состоянием необходимой обороны и т.д.;

¹ Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н.П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2001.

² Архив Воронежского областного суда. 2004. Дело № 2-58\2004.

³ «Интернационал» осудил фашизм // Взгляд. 2006. 7 апр.

подозреваемый полностью признает свою вину и дает правдивые показания.

В конфликтной ситуации подозреваемый либо отрицает вину, либо отказывается давать показания, либо дает заведомо ложные показания. В таких случаях следователю следует, во-первых, наладить психологический контакт с допрашиваемым, для чего нелишними могут оказаться консультации специалистов в области межнациональных, межконфессиональных отношений (психологов, лингвистов, драматургов, религиоведов и т.д.). Для опровержения ложных показаний подозреваемого целесообразно предъявление имеющихся доказательств. Здесь определяющее значение имеют не только показания свидетелей и потерпевшего, но и документы, и предметы, обнаруженные при осмотре места происшествия и производстве обыска по месту жительства подозреваемого.

Так, существенную роль в уточнении показаний Павлюка И., обвиняемого в убийстве Анхелеса Уртадо Энрике Артуро, сыграли обнаруженные в квартире первого аудиокассета с музыкальными записями националистического характера, рисунки с фашистской символикой и сценами избиения человека, имеющего смуглый цвет кожи¹.

При бесконфликтной ситуации, которая, несомненно, является идеальной, подозреваемый оказывает посильную помощь следователю в расследовании и раскрытии преступления. Здесь задачей следователя является детализация информации, имеющей значение для дела, изучение алиби. Кроме того, следует выяснить, какую роль играл допрашиваемый в совершении преступления; в том случае, если он не при-

мал непосредственного участия в совершении преступного посягательства, необходимо выяснить откуда ему известно о преступлении и какой информацией он располагает. После чего принимаются необходимые меры по проверке полученных показаний.

Складывающиеся на первоначальном этапе расследования следственные ситуации весьма многообразны, а потому требуют проведения в каждом конкретном случае не только перечисленных следственных действий, но и некоторых иных, направленных на получение необходимой информации об обстоятельствах совершенного деяния. Поэтому выявление типичных следственных ситуаций позволяет выдвинуть ряд обоснованных версий, а также обозначить наиболее оптимальные пути их проверки. Более того, систематизация и уяснение следственных ситуаций направлены на своего рода конкретизацию процесса расследования и, соответственно, на определение наиболее оптимальных для каждой конкретной следственной ситуации тактических решений.

Другими словами, следственная ситуация, будучи весьма мобильной категорией, отражающей криминальное событие, выступает неотъемлемым элементом формирования частных методик расследования преступлений против жизни и здоровья граждан, совершаемых по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды, и является базисом для определения наиболее оптимального и полного комплекса следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установлении истины по уголовному делу.

¹ Архив Воронежского областного суда. 2006. Дело № 2-29\2006.

Кружилин Владимир Сергеевич
начальник кафедры административного права и административной деятельности
ОВД Липецкого филиала Воронежского института МВД России

Оперативно-розыскное обеспечение борьбы с хищениями на металлургических предприятиях

В настоящее время в российской промышленности особое место занимают металлургические предприятия. От эффективной хозяйственной деятельности таких сложнейших производств зависит благосостояние не только муниципальных образований, на территории которых они расположены, но и регионов в целом. Например, в структуре промышленного производства по полному кругу всех предприятий Липецкой области 65% занимает металлопродукция. Чистая прибыль только такого предприятия, как ОАО НЛМК в 2007 г. составила 2 млрд. 100 тыс. долларов США. Налоговые отчисления компании «Новолипецкий металлургический комбинат» в консолидированный бюджет Липецкой области в 2006 г. составили 13,6 млрд. рублей (около 502 млн долларов США) или 55% от всех налоговых поступлений¹. Совершенно очевидно, что налоговые отчисления металлургических предприятий дают возможность развивать и другие отрасли промышленности, сельское хозяйство, строительство и социальную сферу.

В новых условиях хозяйствования собственники металлургических предприятий столкнулись с проблемой сохранности оборудования, сырья и, конечно же, продукции. В начале 90-х гг. XX в. вокруг предприятий металлургической отрасли сразу же сосредоточились крупные организованные преступные сообщества и разрозненные криминальные группировки. Всех их объединяет желание завладеть преступным путем собственностью металлургических предприятий. Предметом хищения, в данном случае, являются товарно-материальные ценности, которые в социалистических условиях хозяйствования

практически не интересовали преступников. Повторяем, что в первую очередь речь идет о сырье, которое используется для производства стали, а также о расходных материалах и деталях металлургического оборудования. В советский период все вышеперечисленное не похищалось по причине того, что сбыть это не представлялось возможным. По оперативным данным подразделений уголовного розыска и ОБЭП, в современной России действует разветвленная, хорошо организованная сеть торгово-закупочных фирм криминального характера, которые организуют хищения из металлургических предприятий, после чего легализуют похищенное имущество и затем осуществляют выгодную реализацию. В общей массе поставок, необходимых для производства стали и чугуна, огромную долю составляет сырье и компоненты, ранее похищенные из металлургических предприятий.

Совершенно очевидно, что государство при этом должно принимать адекватные меры, способствующие развитию градообразующих и бюджетонаполняющих предприятий. В нашем случае хотелось бы указать конкретно на необходимость активизации деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел в борьбе с хищениями продукции и сырья на металлургических предприятиях. В современной теории оперативно-розыскной деятельности разработано достаточно много рекомендаций по борьбе с преступностью в различных сферах экономики. Однако практически отсутствуют научные исследования, посвященные специфике организации оперативно-розыскной деятельности именно на объектах металлургии. Дело в том, что раскрытие и расследование рассматриваемых преступлений, как правило, осложнено рядом объективных факто-

¹ Материалы к заседанию совета администрации Липецкой области «Об итогах социально-экономического развития Липецкой области в 2006 г., задачах на 2007 г. и мерах по реализации приоритетных национальных проектов». Липецк, 2007. С. 144.

ров. Наиболее значимые из них: комплексность и структурная сложность современных металлургических предприятий; высокая степень концентрации многочисленного трудового персонала¹; крупномасштабность и высокая технологичность производства; круглосуточный непрерывный режим работы; высокая интенсивность труда; большое разнообразие способов совершения и сокрытия хищений; профессионализм преступников и др.

На наш взгляд, основная проблема недостаточного противодействия преступникам, посягающим на собственность металлургических предприятий, кроется в отсутствии надлежащей подготовки сотрудников криминальной милиции, занятых оперативным обслуживанием предприятий металлургии. Из опроса сотрудников уголовного розыска следует, что в большинстве случаев при раскрытии хищений, совершенных на рассматриваемых промышленных объектах, они действовали на основе общих рекомендаций и сложившейся практики. Все это свидетельствует о необходимости разработки адекватной уровню преступного профессионализма «системы использования наличных оперативно-розыскных сил, средств и методов решения поставленных задач»² в деле противодействия расхищению собственности металлургических предприятий.

Учитывая концепцию исследования и основываясь на работах Б.Е. Богданова, К.К. Горяинова, В.П. Жукова, А.Г. Лекаря, Б.П. Смагоринского, А.А. Фальченко и многих других известных ученых³, считаем возможным утверждать, что «оперативное обслуживание предприятий металлургии» — это организация поступления значимой специфической информации о состоянии оперативной обстановки на объекте металлургической отрасли и дальнейшие действия сотрудника милиции по предупреждению, выявлению и раскрытию хищений на предприятиях металлургии.

Оперативный работник должен очень хорошо разбираться в сложностях технологического процесса, в организации складского хозяйства и правилах бухгалтерского учета. Все это позво-

лит ему понять способы изъятия и транспортировки приготовленной для хищения собственности металлургического предприятия. В этой связи уместны слова С.Г. Еремина: «Поскольку в ходе экономической деятельности хозяйственные операции подлежат обязательному отражению в бухгалтерском учете, преступники для совершения злоупотреблений, хищений всегда выбирают наиболее доступные способы искажения данных учета»⁴.

Практический опыт свидетельствует о том, что очень актуальной при организации борьбы с рассматриваемыми хищениями является проблема профессионального риска. Ведь помимо того, что оперативный сотрудник, обслуживающий предприятие металлургии, сталкивается с преступниками, готовыми на все, вплоть до применения оружия, он также вынужден выполнять свои функциональные обязанности в условиях технически очень сложного и потому опасного производства. По данным статистики труд металлургов входит в категорию самых опасных видов деятельности, и большое количество случаев травматизма на таких производствах тому подтверждение⁵. Незнание элементарных правил техники безопасности и условий труда может привести к трагедии при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. В некоторых случаях сотрудник уголовного розыска вынужден рисковать собственным здоровьем, а порой и жизнью при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий на технологических площадках, расположенных на большой высоте, или напротив, в подвальных помещениях, порой в полной темноте и сильной загазованности, при этом не имея соответствующих навыков и специального защитного оборудования. А самое главное, без достаточных правовых оснований и гарантий такого рода деятельности. Ведь ни в одной инструкции сотруднику уголовного розыска не предписано осуществлять необходимые действия в условиях сложнейшего производства, и никакими приказами ему не положены средства защиты и даже простая спецодежда.

¹ Численность ИТР и рабочих ОАО Новоліпецкого металлургического комбината, расположенного в г. Липецк по состоянию на 2007 г. составляет 35 тыс. 981 человек. При этом 66% мужчин и 34% женщин, в свою очередь рабочих — 77,5% (27873 человек), специалистов — 11,8% (4241 человек), руководителей — 9,4% (3396 человек), служащих — 1,3% (471 чел.)

² Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел. Термины и определения. Киев, 1988. С. 41.

³ Например, см. Смагоринский Б.П. Теоретические и организационно-тактические основы ОРД ОВД по охране личной собственности от преступных посягательств: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990. С. 19-21; Организация и тактика деятельности аппаратов по борьбе с экономическими преступлениями: Учебник. М., 2000. С. 84 и др.

⁴ Еремин С.Г. Судебная бухгалтерия: Учебник. М., 2005. С. 3.

⁵ По данным службы по надзору за безопасностью труда на ОАО НЛМК количество несчастных случаев в 1990 г. составило 169, а в 2006 г. — уже 23 факта (причем один со смертельным исходом). Снижение травматизма в 6 раз обусловлено проведением целого комплекса мероприятий по охране труда.

Эффективность борьбы с хищениями на металлургических предприятиях во многом зависит от организации информационного обеспечения деятельности оперативных аппаратов уголовного розыска и отделов БЭП. По содержанию и источникам получения всю информацию, используемую в целях оперативного обслуживания системы объектов металлургии, можно разделить на два классических вида: официальную и оперативную.

Первый вид информации должен характеризовать особенности хозяйственной деятельности предприятия металлургии, степень защищенности от краж как самой конечной продукции в виде стали в различном виде, так и товарно-материальных ценностей, используемых при ее производстве.

Оперативная информация о готовящихся и совершенных преступлениях, фактах злоупотреблений на производственных участках предприятия металлургии поступает в ходе проведения различных оперативно-розыскных мероприятий. Среди структурных подразделений предприятий металлургии прежде всего необходимо выделить складское хозяйство, сырьевые участки, технологические цеха, отдел материально-технического снабжения и сбыта и др. Перечисленные объекты требуют к себе усиленного режима оперативного обслуживания.

Как показывает практика, крупные хищения, совершаемые на предприятиях металлургии, носят глубоко замаскированный характер и внешне могут не отличаться от законно осуществляемых хозяйственных операций. Однако, несмотря на это, действия преступников все же оставляют следы, о наличии которых свидетельствуют определенные признаки. На выявление таких признаков и должны быть направлены усилия оперативных работников с использованием всех возможностей оперативно-розыскной и криминалистической науки.

Из изложенного следует, что при подготовке оперативного сотрудника, задействованного на предприятии металлургии, крайне важно подробно изучить не только правовые основы оператив-

но-розыскной деятельности, но и уголовно-правовую, криминологическую, криминалистическую и социально-экономическую характеристики хищений на предприятиях металлургии.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод о том, что актуальные, на наш взгляд, теоретические и практические проблемы деятельности оперативных аппаратов ОВД в деле борьбы с хищениями на предприятиях черной металлургии требуют более детального и всестороннего изучения. Практически 80% опрошенных сотрудников оперативных аппаратов ОВД, обслуживающих предприятия черной металлургии в городах Центрально-черноземного региона РФ признали, что испытывают определенные трудности ввиду отсутствия четких, научно-обоснованных рекомендаций по организации работы по предупреждению, выявлению и раскрытию хищений на металлургических предприятиях. В большинстве случаев деятельность таких сотрудников основана на предположениях о допустимости и эффективности предпринимаемых ими действий в рамках ОРД, и, как мы уже отмечали ранее, все это сопряжено с порой неоправданным профессиональным риском.

Согласно инвестиционной стратегии, производство стали уже в 2011 г. должно увеличиться на 40% и составит около 18 млн тонн в год. Аналитики полагают, что в 2008 г. ведущее предприятие черной металлургии, компания «Новолипецкий металлургический комбинат», останется самым рентабельным в своем секторе не только в России, но и во всем мире. К 2020 г. Россия, по прогнозам, должна войти в пятерку самых индустриально развитых государств и будет реально конкурировать в мировой экономике. Чтобы эти планы осуществились задача теоретиков оперативно-розыскной деятельности, как нам представляется, состоит, помимо прочего, и в проведении углубленного комплексного анализа рассматриваемой ситуации, продолжении разработки научно-обоснованных рекомендаций по организации и тактике предупреждения, выявления и раскрытия преступлений, связанных с хищениями на предприятиях черной металлургии.

¹ Гребельский Д.В. О состоянии криминалистических и оперативно-розыскных характеристик преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984. С. 75.

Лобанов Степан Сергеевич

соискатель кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России,
следователь следственного управления при УВД Волгоградской области

Мошенничество при строительстве жилья: проблемы современности

Во всех регионах Российской Федерации в последние годы наметилась тенденция резкого увеличения объемов строительства объектов недвижимости жилого назначения. Создано большое количество строительных организаций, риелторских компаний, занимающихся оказанием услуг на первичном и вторичном рынке жилья, а также некоммерческих организаций – объединений граждан, желающих приобрести в собственность квартиры и жилые дома.

С целью охраны отношений и прав собственника в Российской Федерации создана специальная служба «Регистрационное управление», в которой ведется единый реестр всех объектов недвижимости, расположенных на территории России, а также проводятся правовые экспертизы по всем сделкам с недвижимостью.

В современных рыночных условиях доходы большинства граждан не позволяют им одновременно приобретать в собственность жилые помещения. Зачастую люди, чтобы улучшить условия проживания, вынуждены годами ограничивать себя в удовлетворении остальных жизненных потребностей. В этой ситуации совершение преступлений в отношении граждан – покупателей жилых помещений представляет высокую общественную опасность, поскольку мошенники причиняют значительный материальный ущерб, порождая в обществе атмосферу социальной напряженности.

Сделки купли-продажи объектов недвижимости жилого назначения условно можно разделить на две группы:

1. Приобретение квартир и домов, сделки с которыми ранее проходили процедуру государственной регистрации («вторичный рынок жилья»), а равно приобретение объектов недвижимости,

введенных в эксплуатацию, сведения о технических паспортах которых имеются в Бюро технической инвентаризации.

2. Приобретение объекта недвижимости в форме инвестирования денежных средств в строящееся здание, т.е. заключение договора на долевое строительство.

Действующее законодательство Российской Федерации позволяет защитить граждан от многих форм преступного посягательства, например, от имевших ранее широкое распространение принуждения заключения сделок и многократной перепродажи объектов недвижимости, в том числе и тех, которые имеют место при долевом строительстве жилья. Кроме того, потерпевшие во многих случаях с успехом применяют судебную форму защиты своих интересов, например, наложение ареста на спорные объекты недвижимости¹.

В Гражданско-процессуальном кодексе РФ предусмотрен судебный порядок защиты нарушенных прав и обязанностей граждан – участников договоров долевого строительства с различными коммерческими строительными организациями – подрядчиками строительства их жилья.

Однако, несмотря на все предусмотренные меры защиты интересов инвесторов, в последнее время участились случаи совершения мошеннических действий со стороны отдельных лже-строительных фирм, в отношении граждан, вложивших свои деньги в строительство недвижимости. Так, по материалам уголовного дела № 013760, возбужденного 23 марта 2007 г., установлено, что ООО «Юнивесткор» в 1998 г. заключило с рядом граждан договоры на долевое строительство шестнадцатиэтажного жилого здания в Центральном районе г. Волгограда. Впоследствии ООО «Юнивесткор» и его правопреемники своих обяза-

¹ См.: «О Государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». Федеральный закон. № 122-ФЗ от 21 июля 1997 г. // Сб. законодательства Российской Федерации. 1997. № 30. Ст. 3594.

тельств не выполнили¹. Директор последнего правопреемника ООО «Юнивесткор» – ООО «Никольское братство золотые врата» (НБЗВ) Горелов В.С. был привлечен к уголовной ответственности в 2005 г. (ч. 4 ст. 160 УК РФ) за присвоение вверенного ему имущества. По решению Арбитражного суда Волгоградской области в 2006 г. в отношении ООО «НБЗВ» была введена процедура банкротства и назначен конкурсный управляющий – Карпова Н.В. Она от имени ООО «НБЗВ» расторгла договоры долевого строительства и на протяжении 2006 г. все дольщики в судебном порядке были признаны инвесторами, после чего получили право собственности на квартиры в недостроенном доме. По состоянию на 01 января 2008 г. дом в эксплуатацию не введен, квартиры в нем не пригодны для проживания, хотя граждане осуществили все выплаты в соответствии со своими договорными обязательствами. В ходе расследования уголовного дела установлено, что строительство части квартир и нежилых помещений дома инвестировалось ООО «Юнивесткор» и на эти объекты недвижимости дольщики имели право наложить взыскание в судебном порядке, однако Карпова Н.В., воспользовавшись тем, что документация ООО «Юнивесткор» по прошествии 7 лет была уничтожена, совершила мошеннические действия по следующей схеме.

В 2005 – 2006 гг. в судебные инстанции г. Волгограда обратились 6 граждан, которые потребовали признать за ними право собственности на квартиры недостроенного дома, при этом они предъявили договоры на долевое строительство, заключенные с ООО «Юнивесткор», проверить эти документы было фактически невозможно. Все обратившиеся граждане были жителями других регионов и их интересы в суде представляла Карпова Н.В. Суд признал обоснованность исков этих граждан и обязал ООО «НБЗВ» предоставить им квартиры в недостроенном доме. Затем Карпова Н.В., действуя от имени истцов, реализовала квартиры третьим лицам. Материальный ущерб от действий Карповой Н.В. составил более 10 млн рублей. В настоящее время уголовное дело приостановлено. Это стало возможным главным образом потому, что Карпова Н.В., пользуясь пробелами в действующем законодательстве, скрыла следы своих преступных действий, придав им вид гражданско-правовых отношений, фактически Карпова Н.В. совершила «идеальное преступление» и доказать ее вину невозможно по объективным причинам.

Другим примером использования мошен-

никами несовершенства российского законодательства могут послужить материалы уголовного дела № 012326, возбужденного в СО при ОВД Ворошиловского района г. Волгограда 30 января 2007 г., согласно которым в с 2002 - 2005 гг. ООО «ИЦ Бинко» осуществляло строительство двух многоквартирных домов, расположенных в Центральном районе г. Волгограда. Заказчиком по договору подряда выступало ЗАО «Волгоград-проектстрой». Инвестором 80% стоимости проекта выступила некоммерческая организация ПО «Русское ипотечное общество» (РИО), которое заключило договоры долевого строительства с гражданами и аккумулировало их денежные средства для строительства вышеуказанных многоквартирных домов. Размер пая был рассчитан на основе сметной стоимости затрат по возведению здания и впоследствии пересчитывался с учетом удорожания работ и материалов. Однако по завершении строительства две квартиры рыночной стоимостью 3 млн. рублей не были предоставлены дольщикам ПО «РИО». Директор ООО «ИЦ Бинко» Акиншин С.И. реализовал их субподрядчику ЗАО «Консорциум Росмонолит» по стоимости 1,6 млн рублей, который обязался на указанную сумму поставить стройматериалы, однако условия договора не выполнил. По материалам уголовного дела установлено, что на момент передачи вышеуказанных квартир между ООО «ИЦ Бинко» и ЗАО «Консорциум Росмонолит» было нулевое сальдо по взаиморасчетам и фактически ООО ИЦ «Бинко» осуществило кредитование ЗАО «Консорциум Росмонолит». В то же время руководству ООО «ИЦ Бинко» должно было быть известно, что на момент передачи квартир в Арбитражном суде Волгоградской области рассматривался вопрос о введении в отношении ЗАО «Консорциум Росмонолит» процедуры банкротства, ввиду большой задолженности по налогам и сборам. ЗАО «Консорциум Росмонолит» изначально не могло исполнить свои обязательства, к тому моменту ООО «ИЦ Бинко» также не имело реальной возможности выполнить условия договора подряда перед ПО «РИО», поскольку у него была большая задолженность перед бюджетами различных уровней. ЗАО «Консорциум Росмонолит» передало право на полученные квартиры ООО «Прогресс – 96», с которым не имело никаких договорных отношений, предоставив в обоснование своих действий ряд договоров об уступке требования с участием фирм «однорневок». В конце всех операций одна из квартир оказалась в собственности родственника уч-

¹ См.: Материалы архивного уголовного дела № 013760 по обвинению Горелова В.С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ. Архив районного суда Центрального района г. Волгограда.

редителя ЗАО «Консорциум Росмонолит». Таким образом, общий ущерб пайщиков ПО «РИО» составил более 3 млн. рублей и выразился в уклонении ООО «ИЦ Бинко» и ЗАО «Консорциум Росмонолит» от выполнения своих обязательств. Вышеуказанные факты являются индикаторами, демонстрирующими несовершенство действующего законодательства Российской Федерации. Как показывает практика, лица, совершающие мошеннические действия при строительстве жилья, практически редко предпринимают попытки к сокрытию следов своей преступной деятельности. Более того, зная пробелы в российском законодательстве, они зачастую сами являются инициаторами гражданско-процессуальных и арбитражно-процессуальных разбирательств. Все это приводит к их безнаказанности, которая порождает произвол, что, безусловно, не может не вызывать недоверие граждан к государству, правоохранительным и судебным органам¹.

Разрешение целого ряда проблем в выявлении, раскрытии и расследовании мошеннических действий возможно путем комплексного их рассмотрения.

Во-первых, в целях раннего выявления мошенников на рынке жилья, необходимо усилить контроль за регистрацией и лицензированием строительных частных компаний, создаваемых для совершения преступлений в отношении граж-

дан, участвующих в долевом строительстве.

Во-вторых, для отслеживания лиц, ранее замеченных в совершении такого рода преступлений, создать соответствующий учет о их преступной деятельности на основе автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС).

В-третьих, разработать необходимые межведомственные нормативные документы для обеспечения тесного взаимодействия с территориальными государственными регистрационными управлениями.

В-четвертых, разработать комплекс мер профилактического характера, путем информирования широкого круга граждан, участников долевого строительства жилья. С этой целью правоохранительным органам необходимо подготовить рекомендации, в которых будут разъясняться действия инвесторов с целью исключения возможных случаев мошенничества.

В заключение вышеизложенного выражаем надежду, что законодатель примет все необходимые меры по противодействию мошенническим действиям при строительстве жилья путем обеспечения жесткого контроля со стороны государственных регистрационных органов за выполнением строительными компаниями взятых договорных обязательств.

¹ См.: Материалы архивного уголовного дела № 012326. Архив районного суда Ворошиловского района г. Волгограда.

Синкевич Вероника Викторовна
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров
Волгоградской академии МВД России

Расследование уголовных дел о мошенничестве, совершенном на вторичном рынке жилья

Расследование уголовных дел о мошенничестве в жилищной сфере – довольно трудоемкий и длительный процесс. Отсутствие достаточной правоприменительной и судебной практики по таким делам, малая разработанность методических рекомендаций по их расследованию вызывает определенные трудности у практических работников. Усугубляется это и тем, что еще несколько лет назад действия мошенников, в основном, направлялись на объекты вторичного рынка жилья, но в последние годы криминальная обстановка обострилась и на первичном рынке. С учетом сказанного, способы совершения мошенничества в жилищной сфере можно классифицировать следующим образом: а) мошенничества, совершаемые на рынке первичного жилья; б) мошенничества, совершаемые на рынке вторичного жилья.

Вторичный рынок жилья – рынок жилых помещений, которые уже имели владельцев, чье право собственности было зарегистрировано в государственном регистрационном управлении. Для этого способа совершения мошенничества характерна цепочка смен предыдущих владельцев. Можно выделить следующие более частные способы его совершения: 1) отчуждение жилой недвижимости без ведома законного владельца: а) путем подделки документов: судебных решений; генеральных доверенностей; завещаний; договоров дарения; постановлений органов опеки и попечительства (в случае, если в жилом помещении прописаны малолетние, несовершеннолетние, граждане, признанные судом недееспособными вследствие психического расстройства, граждане, ограниченные судом в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами); иных документов; б) путем использования подложных документов при помощи подставных лиц; в) путем использования подлинных документов; 2) отчуждение жилой недвижимости при осуще-

ствлении посреднических услуг по гражданско-правовым сделкам по просьбе собственника либо с его «добровольного» согласия: а) классическим примером совершения рассматриваемого мошенничества является завладение жилыми помещениями граждан под предлогом купли им другого жилья (обычно в другой местности) с предоставлением доплаты; б) под предлогом оказания посреднических услуг при осуществлении купли-продажи путем обмана или злоупотребления доверием мошенники получают от собственников жилья генеральную доверенность на право совершать любые сделки с жилым помещением, затем оформляют договор купли-продажи без участия владельца недвижимости; в) хищение денежных средств в результате признания сделки купли-продажи жилья (заведомо) недействительной и присвоение разницы между фактически выплаченной ценой и стоимостью, указанной в договоре, а также неоднократное получение задатка или аванса с последующей продажей квартиры; 3) завладение жилым недвижимым имуществом, собственники которого умерли; 4) мошеннические действия, не связанные с отчуждением права собственности: а) сдача внаем жилого помещения лицом, не являющимся его владельцем, без ведома собственника; б) оформление права собственности не на то жилое помещение, которое демонстрировалось покупателю.

На стадии принятия решения о возбуждении уголовных дел поводами и основаниями являются: 1) заявление о преступлении; 2) явка с повинной; 3) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников. Для их возбуждения необходимо наличие достаточных данных, указывающих на признаки мошенничества.

Говоря о третьем поводе возбуждения дел, важно отметить, что в соответствии с нормами ГК РФ права на недвижимость, их возникновение, ограничение, прекращение и переход подле-

жат регистрации в государственном реестре. Согласно абз. 3 п. 1 ст. 13 Федерального Закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» одним из этапов государственной регистрации прав является правовая экспертиза документов и проверка законности сделки¹. Пункт 32 гл. 3 Методических рекомендаций по порядку проведения государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, утвержденных приказом Минюста РФ от 01 июля 2002 г. № 184, гласит, что «при правовой экспертизе документов, проверке законности сделки, юридической силы правоустанавливающих документов устанавливается отсутствие противоречий между заявляемыми правами и уже зарегистрированными правами на объект недвижимого имущества, проверяется действительность поданных заявителем документов, наличие прав у подготовившего документ лица или органа власти, а также устанавливается отсутствие других оснований для приостановления или отказа в государственной регистрации прав...»². Это означает, что регистратор вправе и обязан проверять поданные на государственную регистрацию документы. Учитывая, что чаще всего следами мошенничества, связанного с жилой недвижимостью, являются предоставляемые на регистрацию документы, как подлинные, так и (в большинстве случаев) поддельные, именно на стадии проведения правовой экспертизы наиболее вероятно выявление фактов жилищного мошенничества. По этим соображениям считаем, что результаты такой экспертизы, оформленные в виде соответствующего сообщения должностного лица регистрационной службы; будут являться поводом к возбуждению уголовного дела о жилищном мошенничестве, а содержащиеся в них данные – основанием для его возбуждения. Вполне целесообразным, на наш взгляд, было бы дополнить ч. 1 ст. 140 УПК РФ (Поводы и основание для возбуждения уголовного дела) п. 4 – сообщение должностного лица организации или объединения.

Как правило, возбуждению дела предшествует предварительная проверка материалов, поступивших в правоохранительные органы. Отметим, что поступившие для принятия решения материалы, помимо иных документов, в обязательном порядке должны содержать копии правоустанавливающих документов на жилое помещение.

¹ Федеральный Закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ (с изм. и доп. от 23 ноября 2007 г.). М.: Омега-Л, 2007.

² Приказ Минюста РФ от 01 июля 2002 г. № 184 «Об утверждении методических рекомендаций по порядку проведения государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. 2002. № 11.

При расследовании мошенничества, совершенного на вторичном рынке жилья, на наш взгляд, следует выдвигать и проверять такие версии: 1) имела ли место гражданско-правовая сделка; 2) имело ли место мошенничество.

Для первоначального этапа расследования рассматриваемого мошенничества характерны следующие типичные следственные ситуации:

имеются сведения о признаках преступления, но круг лиц, его совершивших, не установлен;

известны лишь отдельные участники преступной деятельности, эпизоды преступлений и способы их совершения;

задержаны отдельные члены преступной группы, но установлены не все соучастники, эпизоды, способы преступления;

известны все участники деяния и способы их преступной деятельности.

В первых двух следственных ситуациях обычно планируют и осуществляют следующие первоначальные следственные действия, оперативно-розыскные и организационные мероприятия:

1) допросы заявителя (потерпевших граждан), бывших владельцев квартир, работников БТИ, ЖЭУ, администрации, регистрационных органов, других лиц, на которых указано в исходной информации как на возможных свидетелей;

2) составление композиционного портрета преступника (преступников), направление их фотокопий в подразделения уголовного розыска;

3) выемка и приобщение к материалам уголовного дела правоустанавливающих документов на собственность, иных документов и предметов, имеющих значение для расследования;

4) осмотр документов и предметов, имеющих значение для дела;

5) проведение оперативно-розыскных мероприятий с целью установления причин совершения преступления, выявления лиц, виновных в его совершении, обнаружения следов и других вещественных доказательств;

6) производство обысков (выемок) по месту работы, жительства подозреваемых, их родственников, а также других лиц, связанных с ними;

7) изучение порядка регистрации права собственности, нормативно-справочной литературы, а также иной документации, консультации с соответствующими специалистами;

8) назначение судебных почерковедчес-

ких, технических, иных экспертиз.

Для двух последующих следственных ситуаций характерными следственными действиями, оперативно-розыскными и иными мероприятиями на первоначальном этапе являются:

- 1) решение вопроса о возможности задержания подозреваемого;
- 2) личные обыски задержанных;
- 3) обыски рабочих мест, мест проживания, регистрации задержанных лиц;
- 4) оперативно-розыскные мероприятия с целью установления иных соучастников мошенничества;
- 5) выемки правоустанавливающей документации на собственность, иных документов, отражающих деятельность по отчуждению собственности;
- 6) осмотр истребованных документов и приобщение их к делу в качестве вещественных доказательств;
- 7) допросы потерпевших и свидетелей;
- 8) назначение соответствующих судебных экспертиз.

Заключая статью, отметим, что при совершении мошенничества на вторичном рынке жилья правонарушители, как правило, используют полноструктурный способ совершения преступления, т.е. содержащий подготовку, совершение и сокрытие преступного деяния; преступления всегда хорошо планируют, свои действия доско-

нально продумывают. При их подготовке мошенники осуществляют подбор жилого помещения и предварительное наблюдение за потерпевшими, налаживают связи с работниками паспортных столов, БТИ, ЖЭУ, подыскивают подставных лиц, приобретают подлинные либо изготавливают соответствующие поддельные документы. Непосредственное исполнение задуманного они начинают с подачи документов на государственную регистрацию в момент заключения гражданско-правовых сделок и хищения денежных средств. Способами сокрытия этого вида мошенничества часто являются изготовление фиктивных документов, скорейшее избавление от «нечистой» квартиры, уничтожение информации и (или) ее носителей, удаление потерпевшего от места совершения преступления (нередко свои жертвы они помещают в медицинские учреждения, психоневрологические и наркологические диспансеры).

Вышеперечисленные обстоятельства во многом осложняют расследование уголовных дел о мошенничестве в жилищной сфере, но точное восприятие следователем исходной информации, выделение и упорядочение типичных следственных ситуаций, избрание верной тактики и методики расследования, наряду с научно обоснованным и рационально организованным планированием, как правило, приводит к изобличению виновных лиц и установлению истины по делу.

Ильяшенко Алексей Николаевич

доктор юридических наук, доцент,

заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе

Арест как мера государственного принуждения: теоретический и исторический аспекты

Понятие «арест» в правовой литературе используется в разных значениях, при этом далеко не всегда они согласуются между собой. В этой связи необходимо уточнить данное понятие, учитывая, что оно связано с ограничением такого фундаментального права человека, как свобода. Так, в современном толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой понятие ареста представлено в следующем виде: «1. Заключение под стражу. Подвергнуть аресту. Взять под а. Домашний арест. (запрет выходить из дома как форма наказания, пресечения деятельности). 2. Запрещение распоряжаться имуществом, налагаемое судебными органами. Наложить арест на товары ...»¹. Соответственно, глагол «арестовать» понимается как «подвергнуть аресту, лишить свободы по решению суда или с санкции прокурора ... арестовать правонарушителя. 2. Наложить арест, запретить пользоваться чем-нибудь. (спец.). Например: Грузы арестованы по решению суда, арестовать счет в банке»². В другом современном толковом словаре дается аналогичная, хотя и более краткая, трактовка понятия ареста: «1. Заключение под стражу. 2. Запрещение распоряжаться имуществом, наложенное судебным органом»³.

Вместе с тем в современном законодательстве наблюдается более четкое определение ареста, и оно связывается, прежде всего, с имущественными правовыми отношениями. Так, в ст. 858 ГК РФ речь идет об аресте денежных средств, находящихся на банковском счете, в ст. 965 – об аресте застрахованного имущества. В различных аспектах регулируются вопросы, связанные с арестом имущества, в ст. ст. 30, 102, 122, 442 ГПК РФ, при этом в ГПК РФ в ст. 140

арест имущества определяется как одна из мер обеспечения иска. Наложение ареста на товары при проведении специальной таможенной ревизии предусматривается в ст. 376 ТК РФ. В статье 27.14 КоАП РФ регулируются административно-правовые отношения, связанные с арестом товаров, транспортных средств и иных вещей, явившихся орудиями совершения или предметами административного правонарушения. В статье 13 УПК РФ речь идет о наложении ареста на почтовые и телеграфные отправления и их выемке в учреждениях связи, контроле и записи телефонных и иных переговоров, который может производиться только на основании судебного решения. Основная часть арестов имущества производится судебными приставами.

Другая часть правовых норм, регулирующих арест, связана с воздействием на личность. Так, в ст. 3.2 КоАП РФ предусматривает административный арест как меру административного наказания за совершение административного правонарушения. В соответствии со ст. 3.9 и 32.8 КоАП РФ административный арест заключается в содержании нарушителя в условиях изоляции от общества и устанавливается в общем случае на срок до пятнадцати суток, а за нарушение требований режима чрезвычайного положения или режима в зоне проведения контртеррористической операции до тридцати суток. Административный арест назначается судьей. Административный арест устанавливается и назначается лишь в исключительных случаях за отдельные виды административных правонарушений и не может применяться к беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет, лицам, не достигшим возраста восемнадцати лет, инвалидам I и II групп, военнослужащим, гражданам, призванным на военные сборы, а так-

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 37.

² Там же. С. 37.

³ Толковый словарь русского языка. М., 2000. С. 17.

же к имеющим специальные звания сотрудникам органов внутренних дел, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и таможенных органов. Лицо, подвергнутое административному аресту, содержится под стражей в месте, определяемом органами внутренних дел. При исполнении постановления об административном аресте осуществляется личный досмотр лица, подвергнутого административному аресту.

Помимо административного ареста современное российское административное законодательство предусматривает также другие меры воздействия на личность, по объективным признакам и методам реализации схожие с арестом. Так, в ст. 27.1 КоАП РФ указывается, что в целях пресечения административного правонарушения, установления личности нарушителя, составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении и исполнения принятого по делу постановления уполномоченное лицо вправе в пределах своих полномочий применять: 1) доставление; 2) административное задержание; 3) привод.

Доставление заключается в принудительном препровождении физического лица в целях составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, если составление протокола является обязательным. Доставление должно быть осуществлено в возможно короткий срок. О доставлении составляется протокол либо делается соответствующая запись в протоколе об административном правонарушении или в протоколе об административном задержании. Копия протокола о доставлении вручается доставленному лицу по его просьбе (ст. 27.2 КоАП РФ).

Административное задержание представляет собой кратковременное ограничение свободы физического лица и может быть применено в исключительных случаях, если это необходимо для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении, исполнения постановления по делу об административном правонарушении. По просьбе задержанного лица о месте его нахождения в кратчайший срок уведомляются родствен-

ники, администрация по месту его работы (учебы), а также защитник. Об административном задержании несовершеннолетнего в обязательном порядке уведомляются его родители или иные законные представители. Задержанному лицу разъясняются его права и обязанности, предусмотренные КоАП, о чем делается соответствующая запись в протоколе об административном задержании. Об административном задержании составляется протокол, в котором указываются дата и место его составления, должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол, сведения о задержанном лице, время, место и мотивы задержания. Протокол об административном задержании подписывается должностным лицом, его составившим, и задержанным лицом. В случае, если задержанное лицо отказывается подписать протокол, в протоколе об административном задержании делается соответствующая запись. Копия протокола об административном задержании вручается задержанному лицу по его просьбе. Срок административного задержания не должен превышать три часа, за исключением нескольких случаев (в отношении нарушителей режима госграницы и таможенных правил, а также за административное правонарушение, за которое предусмотрен административный арест – до 48 часов). Задержанные лица содержатся в специально отведенных для этого помещениях, которые должны отвечать санитарным требованиям и исключать возможность их самовольного оставления. Несовершеннолетние, в отношении которых применено административное задержание, содержатся отдельно от взрослых лиц (ст. 27.3-27.5).

Что касается привода, то эта мера административно-правового принуждения законодателем не определяется – в ст. 27.15 КоАП РФ указывается лишь, что привод осуществляется органом внутренних дел (милицией) на основании определения судьи, органа, должностного лица, рассматривающих дело об административном правонарушении, в порядке, установленном федеральным органом исполнительной власти в области внутренних дел. Заметим, что содержание привода как принудительной меры не раскрывается не только в законе, но и в комментариях. Так, в комментарии КоАП РФ под редакцией А.Б. Агапова об этом не сказано ни слова¹, и в этом смысле правовая литература дореволюционного периода выглядит предпочтительнее. Ниже мы покажем это на примере того же привода как административно-принудительной меры.

¹ Постатейный комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / Под ред. А.Б. Агапова. М.: Статут, 2002. Комментарий к ст. 27.15.

Все указанные меры, как будет показано ниже, являются разновидностью полицейского ареста, поскольку предполагают личное задержание и осуществляются (за некоторым исключением) органами милиции (полиции, если иметь в виду монархический период российского государства). Важно заметить, что они регулируются нормами административного законодательства – основной отрасли для сферы деятельности милиции (полиции) и преследуют цель, в отличие от ареста имущества, прежде всего охрану общественного порядка и общественной безопасности. Кроме того, все эти меры имеют общий объективный признак – они предполагают физическое принуждение, связанное с относительно кратковременным лишением лица свободы передвижения. Это очень важный момент, к которому в дальнейшем мы будем неоднократно обращаться.

Однако еще три разновидности ареста регулируются уголовным и уголовно-процессуальным законодательством. Так, современное российское уголовное право предусматривает такой вид наказания, как арест. Согласно ст. 54 УК РФ арест заключается в содержании осужденного в условиях строгой изоляции от общества и устанавливается на срок от одного до шести месяцев. В случае замены обязательных работ или исправительных работ арестом он может быть назначен на срок менее одного месяца; арест не назначается лицам, не достигшим к моменту вынесения судом приговора шестнадцатилетнего возраста, а также беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет; военнослужащие отбывают арест на гауптвахте. К этому виду ареста, исполняемому органами Уголовно-исполнительной системы, милиция не имеет отношения, и сейчас его нельзя называть полицейским. Однако в период империи такого рода наказание, как правило, за незначительные преступления, исполнялось полицией, и тогда он был полицейским арестом.

И, наконец, современное уголовно-процессуальное законодательство предусматривает два вида ареста как меры пресечения: домашний арест и заключение под стражу (ст. 98 УПК РФ). Согласно ст. 107 УПК РФ домашний арест заключается в ограничениях, связанных со свободой передвижения подозреваемого, обвиняемого, а также в запрете: общаться с определенными лицами; получать и отправлять корреспонденцию; вести переговоры с использованием любых средств связи. Заключение под стражу регулируется ст. 108 УПК РФ. Однако суть его не раскрывается, а подробно регламентируется порядок применения. Указывается, в частности, что

заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в постановлении судьи должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых судья принял такое решение. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет, при наличии одного из следующих обстоятельств: подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации; его личность не установлена; им нарушена ранее избранная мера пресечения; он скрылся от органов предварительного расследования или от суда. При необходимости избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу прокурор, а также следователь и дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом соответствующее ходатайство.

Данные меры в части собственно личного задержания исполняются органами милиции (полиции), и в этом смысле их также можно отнести к разновидности полицейского ареста, если использовать дореволюционную терминологию. Однако назначение таких мер совершенно иное – они необходимы для обеспечения уголовного судопроизводства по конкретному уголовному делу, т.е. в данном случае милиция (полиция) действует не самостоятельно, а выполняет решение судебных органов.

Теперь обратимся к понятийным характеристикам полицейского ареста применительно к периоду Российской империи. Заметим, прежде всего, что осмысление ареста в указанных выше аспектах наблюдается со второй половины XIX в., и с того времени многие признаки полицейского ареста сохранили свое значение до настоящего времени. Представляет интерес в этой связи трактовка ареста двух признанных источников общего характера, которая дана с учетом анализа правовых аспектов данного понятия (что отличает их в выгодную сторону в сравнении с современными источниками общего характера, где правовая сторона, как правило, неоправданно упрощается).

Так, в известном толковом словаре живого

великорусского языка В.И. Даля, изданном еще до судебной реформы 1864 г., понятие арест раскрывается следующим образом: «Арест – задержание человека под стражей, взятие под караул, заключение; домашний арест – приказание не выходить из дому; арест с исправлением должности – о чиновнике, временное отобрание у него шпаги. Арест имения – запрет, запрещение с отдачи под надзор. Арестовать кого-либо – взять или отдать под караул, под стражу, или только отобрать у подчиненного на срок шпагу. Арестовать судно, товар – наложить эмбарго, запрет, задержать и отдать под надзор... Арестантская – место содержания заключенников, комната, отделение или особое для этого строение, казематка, мешок, каменный мешок, блошница»¹.

Еще детальнее определяется это понятие в знаменитом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (изд. 1896 г.)², что неудивительно, если учесть, что к толкованию ключевых правовых понятий привлекались ведущие ученые-юристы того времени. Здесь отдельно идет речь о разных видах ареста. Так, применительно к гражданскому процессу указывается, что арест – это «одна из форм обеспечения подлежащего денежной оценке иска или взыскания. Цель ареста – служить обеспечением иска или взыскания, т.е. гарантировать истцу возможность удовлетворения его со стороны ответчика в случае признания судом его требования и препятствовать ответчику уклониться от исполнения обязанностей, из судебного решения вытекающих... По существу А. является правом на денежный эквивалент принадлежащей ответчику вещи, осуществляемым посредством продажи вещи в случае неисполнения должником-ответчиком его обязанностей к истцу-кредитору. По отношению к движимым вещам А. имеет то же значение, как запрещение (см. это сл.), налагаемое на недвижимость, – он должен устранить возможность отчуждения ответчиком его имущества во вред истцу; но так как для достижения этой цели по отношению к движимостям запрещение совершения отчуждательных актов не может быть признано мерою достаточною, так как вещи эти могут быть отчуждаемы без письменных актов и без участия общественной власти, то и приходится ограничивать иногда для хозяина вещи не только право распоряжения ею, но и право владения и пользования; в этом и заключается отличие А. движимостей от запрещения на недвижимые имущества...».

По существу, энциклопедия излагает соответствующий раздел из учебника по граждан-

кому праву и гражданскому процессу (всего понятию ареста посвящено около 15 страниц современного стандартного машинописного текста). Помимо характеристики гражданско-процессуального ареста, дается подробное изложение процедуры наложения такого ареста и его исполнения с соответствующими ссылками на ст. ст. 126, 158, 591, 593, 594, 601, 607, 624–640, 962, 963, 966, 968–1019, 1041, 1082, 1084–1090 Устава гражданского судопроизводства; ст. ст. 304–305, 1681–1682 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных; ст. 177 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. В связи с арестом имущества в энциклопедии указывается также, что «кроме имущественного А., нашему законодательству известен и арест личный, по гражданским делам о несостоятельности (см. это сл.), заключающийся в личном задержании и содержании под стражей несостоятельного должника. Эта мера применялась у нас прежде одинаково в делах как о торговой, так и о неторговой несостоятельности. Высочайше утвержденные 7 марта 1869 г. мнением Государственного совета правила о личном задержании несостоятельного должника в смысле предупредительной меры, т.е. до определения свойств несостоятельности, оставлены в силе лишь в делах о несостоятельности торговой и не распространяются более на дела о несостоятельности неторговой, кроме того случая, когда должником нарушена подписка о неотлучке из города (см. Подписка о невыезде); банкрот (см. это сл.) же, признанный неосторожным, подвергается задержанию по усмотрению кредиторов, с соблюдением особо на то установленных правил (см. Несостоятельность)».

Представляет интерес трактовка понятия привода к следственно-судебным органам как разновидности принуждения, исполняемого при необходимости полицией, и который в известной мере можно отнести к разновидности полицейского ареста при широком толковании этого понятия: «Привод к следствию или суду – допускается в отношении обвиняемых, не явившихся в срок без законных причин по письменной повестке, а в отношении свидетелей – если они не явятся без законных причин после двукратного призыва повесткой. Без предварительного призыва повесткой могут быть подвергаемы П. в общих судебных установлениях только обвиняемые в преступлениях, за которые по закону положены наказания, соединенные с лишением всех прав состояния или всех особенных прав и преимуществ, а из обвиняемых в менее важных преступлениях – только не имеющие постоянного ме-

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2002 (переизд. 1862 г.).

² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. М., 2002 (перизд. 1896 г.).

стожительства, ремесла или промысла и те, которым не мог быть сделан вызов по укрывательству их. В мировом суде П. обвиняемого и свидетелей допускается только по делам о преступных деяниях, за которые в законе положено заключение в тюрьме или более строгое наказание, причем мировой судья может распорядиться о П. обвиняемого и без предварительного вызова. П. обвиняемого или свидетелей делается не иначе, как по предъявлении ему формальной о том повестки за подписью подлежащего органа судебной власти; обвиняемый или свидетель приглашается следовать за предъявителем повестки, а в случае неповиновения или сопротивления приводится к следствию или суду при содействии должностных или частных лиц. П. к следствию, кроме крайних, не терпящих отлагательства случаев, производится днем. До исполнения требования о П. обвиняемый содержится под домашним арестом или под стражей. В случае отсутствия обвиняемого повестка о П. передается полиции, волостному или сельскому начальству, которое и принимает меры для доставления обвиняемого к следствию». Как видно, автор этой статьи в энциклопедическом словаре, скрывшийся под псевдонимом «А.С.Л.», дал развернутую и всестороннюю характеристику приводу.

Арест в уголовном праве раскрывается энциклопедическим словарем Брокгауза и Ефрона следующим образом: «наказание, заключающееся в лишении свободы на непродолжительный срок времени. Наказание это назначается за мелкие нарушения полицейских постановлений (выделено нами; здесь подчеркивается относимость данной меры к сфере полицейских отношений – авт.) и предполагает лиц, обыкновенно ведущих законный образ жизни; вина их вызвана единственно небрежным отношением к закону и может быть искуплена легкой карой, поэтому к ним применяется система общего заключения (см. это сл.); работы необязательны, но государство имеет право требовать от них уплаты издержек, понесенных на их заключение».

И, наконец, арест в уголовном процессе дается в такой (в сокращенном виде) трактовке: «одна из мер пресечения обвиняемому способствовать уклониться от суда и применяется к обвиняемым в преступлениях или проступках общих, за которые подлежат содержанию в тюрьме или исправительных арестантских отделениях, или ссылке (см. это сл.) на житье в сибирские и другие отдаленные губернии, с лишением всех особенных

прав и преимуществ, или же наказаниям уголовным, как то: ссылке на поселение или в каторжные работы (см. это сл.) с лишением всех прав состояния. Мера эта применяется также против обвиняемых, оставленных на свободе до представления ими залога или поручительства, и может быть принимаема против обвиняемых, не имеющих оседлости, хотя бы они обвинялись в преступлениях менее важных, чем упомянутые выше. Подозреваемые же в проступках, подсудных мировым судебным учреждениям, за которые в законе положено заключение в тюрьме или наказание более строгое, могут быть подвергнуты мировым судьей личному задержанию. Закон наш знает два вида предварительного ареста, а именно: арест домашний и содержание под стражей (как видно, в этом отношении положение совпадает с современным положением в России)».

В юридической литературе второй половины XIX в. полицейский арест рассматривался с разных точек зрения. Более подробно об этом речь пойдет ниже. Здесь обратим внимание на некоторые положения, позволяющие определиться с понятием полицейского ареста. Так, М. Зейдель полагал, что полицейский арест предполагает в любом случае применение принуждения, причем принуждения следующего рода: «1) прямое принуждение неповинующегося к исполнению предписанного, например, отвод его за карантинную черту; 2) совершение полицейским чиновником действия, предписанного законом, но не исполняемого гражданином, за счет и ответственность последнего, например, умерщвление заболевшего чумой скота и 3) наложение наказания отчасти за совершенное уже незаконное действие, отчасти с целью устранения на будущее время»¹. По мнению профессора А. Трифонова, административно-полицейские принудительные меры делятся на две категории: «пропульсивное принуждение, или пресечение действия, и принуждение компульсивное, или понуждение к действию»².

Профессор И. Тарасов выделял три вида полицейского ареста: «1) предварительный, или судебный, арест, служащий исключительно целям юстиции; 2) предупредительный, или судебно-полицейский, арест, имеющий ближайшей целью безопасность и предпринимаемый по поводу определенного преступления или проступка, и 3) полицейский арест, имеющий целью устранение опасности или возможности совершить пре-

¹ Зейдель М. Полиция безопасности. СПб., 1891. С. 47.

² Трифонов А. О мерах полицейского принуждения по прусскому и нашему праву. СПб., 1886. С. 84.

³ Тарасов И. Полицейский арест в России // Журнал гражданского и уголовного права. 1885. № 7. С. 98.

ступление или проступок»³. Профессор А. Кистяковский отрицал право полиции на арест по поводу «возможности» совершить преступление и по поводу «опасности» неопределенной, субъективно понимаемой и полицией, ибо такой порядок, по его мнению, был бы возвращением к принципам XVIII столетия, и в этой связи допустим только полицейский привод¹. Однако такая точка зрения поддержки у специалистов полицейского права не получила. По мнению Б.Н. Чичерина, следует различать три формы ареста: полицейское задержание, предварительное и формальное (судебное) задержание². Профессор А.Д. Градовский считал полицейский арест придаточной формой предварительного ареста по распоряжению суда³.

Таковыми были основные точки зрения по поводу сущности и понятия полицейского ареста в юридической литературе второй половины XIX – начала XX вв. В современной российской административно-правовой литературе трудов о социально-правовой природе полицейского ареста очень мало. Однако, в любом случае, анализ современных теоретических воззрений на полицейский (милицейский) арест выходит за рамки предмета нашего исследования. Указанием на данные обстоятельства мы хотели лишь подчеркнуть необходимость обобщения опыта как науки, так

и практики в части теоретического обоснования и применения полицейского ареста.

Поскольку и ранее, и сейчас, арест как мера государственного принуждения реализуется, прежде всего, органами внутренних дел (милицией), мы полагаем возможным все указанные выше разновидности ареста объединить понятием «полицейский арест» и определить его как принудительную форму личного задержания, применяемую уполномоченными органами государства. При этом в данное понятие включить следующие основные элементы: 1) предупредительное задержание, связанное с необходимостью обеспечения общественной безопасности и спокойствия; 2) процессуальное задержание, необходимое для производства следственных действий; 3) наказательное задержание, предполагающее меру ответственности за совершенное правонарушение. Во всех случаях имеет место принуждение, связанное с относительно кратковременным лишением лица свободы передвижения. Кроме того, все виды ареста реализуют полицейские органы. Наконец, полицейский арест в рассматриваемых случаях связан только с воздействием на личность и в связи с реализацией государством функции охраны правопорядка, и, соответственно, из этого понятия следует исключить арест, связанный с решением имущественных вопросов.

¹ Кистяковский А. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. М., 1869. С. 22.

² Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. СПб., 1861. С. 92.

³ Градовский А.Д. Закон и административное распоряжение по русскому праву // Сборник государственных знаний. 1874. Т. 1. С. 164.

Гайтов Эльбрус Шамильевич
преподаватель Учебного центра МВД
Республики Северная Осетия - Алания

Проблемы правового регулирования освидетельствования на состояние опьянения как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях

Современное административное законодательство не дает понятия определению «освидетельствование на состояние опьянения». Само слово «освидетельствование» в русском языке означает «подтверждать, доказывать, осматривать с целью определения чего-нибудь»¹. Анализ нормативных правовых актов административного права² показал, что под таким определением следует понимать деятельность по установлению наличия опьянения у физического лица.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях³ предусматривает освидетельствование на состояние опьянения в качестве одной из мер обеспечения административно-деликтного производства⁴. Учитывая цели, которые она преследует, позволим дать следующее определение: освидетельствование на состояние опьянения как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях – это регламентированная законодательством деятельность уполномоченных на то должностных лиц, направленная на установление факта употребления физическим лицом алкоголя,

наркотических (иных одурманивающих) веществ, вызвавших опьянение, с целью привлечения его к административной ответственности.

Прежде чем рассмотреть вопрос о проблемах правового регулирования рассматриваемой меры, перечислим случаи, при которых нормы Кодекса требуют установления состояния опьянения.

1. При совершении административного правонарушения, связанного с управлением в состоянии опьянения транспортными средствами соответствующих видов – это водные суда, включая маломерные (ст. 11.9 Кодекса) и автомототранспортные средства (ст. 12.8 Кодекса). К водным судам законодатель относит плавучие средства, осуществляющие судоходство (плавание) как по морским, так и по внутренним водным путям в соответствии с Кодексом внутреннего водного транспорта РФ и Кодексом торгового мореплавания РФ. Определение понятию «маломерное судно» дается в примечании к ст. 11.7 Кодекса. Под автотранспортом понимаются транспортные средства с рабочим объемом двигателя более 50 куб. см. и максимальной конструктивной скоростью более 50 км/ч, а также тракторы, другие са-

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1981. С. 625.

² См., например: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 27.12) // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1; Закон РФ «О милиции» (п. 19 ст. 11) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 16. Ст. 503; Закон РФ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (ст. 44) // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 219; Закон РФ «О статусе военнослужащих» (п. 8 ст. 28.7) // СЗ РФ. 1988. № 22. Ст. 2331; приказ МВД РФ № 297 от 20 апреля 1999 г. «Об утверждении наставления по работе дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 1999. № 24; приказ МЧС РФ от 29 июня 2005 г. № 499 «Об утверждении Порядка пользования должностными лицами Государственной инспекции по маломерным судам правами, предусмотренными Положением о Государственной инспекции по маломерным судам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 32.

³ Далее по тексту – Кодекс.

⁴ Ст. 27.12.

моходные дорожно-строительные и иные машины, трамваи, троллейбусы (примечание к ст. 12.1 Кодекса¹).

Перечисленные транспортные средства можно образно назвать «подлежащими государственной регистрации», поскольку, имея определенные технические характеристики, они должны регистрироваться в соответствующих федеральных органах исполнительной власти.

2. При совершении административного правонарушения, связанного с управлением транспортными средствами в состоянии опьянения, не относящегося с вышеуказанным (не подлежащие государственной регистрации) – это мопеды, велосипеды, гужевого транспорт (ч. 3 ст. 12.29 Кодекса).

3. При совершении правонарушений, не связанных с управлением транспортными средствами: ст. 20.21 Кодекса – появление в общественных местах в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность; ст. 20.22 Кодекса – появление в общественных местах в состоянии опьянения несовершеннолетнего в возрасте до шестнадцати лет; ч. 1 ст. 8.37 Кодекса – нарушение правил охоты; ч. 2 ст. 20.8 Кодекса – нарушение правил ношения оружия и патронов к нему.

Последние две статьи имеют диспозиции ссылочного характера, и о состоянии опьянения как о противоправном факторе указывается в соответствующих нормативных правовых актах. В данном случае ими являются п. 23.3 Типовых Правил охоты, запрещающий участие в этом мероприятии (нахождение на нем) «с собранным оружием в состоянии алкогольного опьянения»², и п. 8 Приложения № 53 к «Инструкции о работе органов внутренних дел по контролю за оборотом гражданского и служебного оружия и патронов к нему»³, запрещающий осуществлять ношение, транспортирование и использование оружия в состоянии опьянения.

4. При совершении в состоянии опьянения иных правонарушений, когда состояние опьянения не является квалифицирующим признаком, однако может быть признано органом админист-

ративной юрисдикции в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность (п. 6 ч. 1 ст. 4.3 Кодекса). Это необходимо в случаях, когда имеется причинная связь между употреблением веществ, вызвавших опьянение, и последовавшим правонарушением.

5. При административном задержании лица, находящегося в состоянии опьянения, поскольку его срок исчисляется с момента вытрезвления задержанного (ч. 4 ст. 27.5 Кодекса).

Из перечисленного Кодекс предусматривает проведение освидетельствования только в отношении лиц, управляющих транспортными средствами, подлежащими государственной регистрации. В остальных случаях правовые основания для применения этой меры отсутствуют. Исходя из этого, обратимся к иным нормативным правовым актам, регулирующим применение освидетельствования.

Так, Закон РФ «О милиции» предоставляет право сотрудникам милиции проводить в установленном порядке освидетельствование на состояние опьянения лиц, в отношении которых имеется повод к возбуждению дела об административном правонарушении, либо направлять или доставлять их в медицинское учреждение, если результат освидетельствования необходим для подтверждения или опровержения факта правонарушения или объективного рассмотрения дела о правонарушении (п. 19 ст. 11). Соответственно, в случае совершения лицом правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 8.37, ст. ст. 20.8, 20.21, 20.22, ч. 3 ст. 12.29 Кодекса⁴, и отказе пройти освидетельствование его можно, на наш взгляд, привлечь к ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 19.3 Кодекса – неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника милиции в связи с исполнением им обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Следует добавить, что право составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.22 Кодекса, принадлежит также сотрудникам Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН)⁵.

¹ Согласно Кодексу, это примечание относится только к ст. 12.1, однако в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 октября 2006 г. № 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 12), разъясняется, что примечание распространяется на все транспортные средства, упоминаемые в гл. 12 Кодекса.

² Утв. приказом Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР от 4 января 1988 г. № 1.

³ Утв. приказом МВД РФ от 12 апреля 1999 г. № 288 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 1999. № 32.

⁴ Протоколы о таких правонарушениях вправе составлять сотрудники милиции (ст. 28.3 Кодекса).

⁵ Пункт 83 ст. 28.3 Кодекса.

Направлять на освидетельствование они вправе на основании ст. 44 Закона РФ «О наркотических средствах и психотропных веществах», поскольку относятся к органу, осуществляющему оперативно-разыскную деятельность. Невыполнение законных требований таких должностных лиц влечет ответственность, предусмотренную ч. 3 ст. 19.3 Кодекса. Однако правонарушение, предусмотренное ст. 20.22 Кодекса, совершается лицами, не достигшими шестнадцатилетнего возраста, а наказанию подлежат их родители или иные законные представители. Поэтому возникает вопрос, можно ли привлечь родителей к ответственности по ч. 3 ст. 19.3 Кодекса, если их ребенок отказался пройти освидетельствование?

Составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 8.37 Кодекса, также могут должностные лица органов, осуществляющих контрольно-охранные функции в сфере использования объектов животного мира. Однако законодатель не предоставляет им право направлять на освидетельствование лиц, участвующих в охоте в состоянии опьянения с собранным оружием.

Обращаясь к деятельности по установлению состояния опьянения, когда это необходимо в качестве обстоятельства, отягчающего административную ответственность или для исчисления срока административного задержания, отметим, что Кодекс устанавливает 67 органов (ст. 23), должностные лица которых уполномочены составлять протоколы об административных правонарушениях. Применять же административное задержание вправе сотрудники милиции, ведомственной охраны или вневедомственной охраны при органах внутренних дел, военнослужащие внутренних войск МВД РФ и пограничных органов, должностные лица, осуществляющие контртеррористическую операцию, таможенных органов, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, ФСКН, судебные приставы по обеспечению установленного порядка деятельности судов (ст. 27.3 Кодекса). И единственным нормативным правовым актом, регулирующим проведение освидетельствования, для таких случаев является «Временная инструкция о порядке медицинского освидетельствования для установления факта употребления алкоголя и состояния опьянения»¹. Этот документ был принят в целях реализации антиалкогольной политики еще в пе-

риод «перестройки» и предусматривает проведение освидетельствования по направлениям работников правоохранительных органов, когда состояние опьянения является основанием для привлечения лица к дисциплинарной или административной ответственности.

Однако остается неясным, кого именно считать сотрудниками правоохранительных органов. К тому же нормативные правовые акты, регламентирующие правовой статус перечисленных в Кодексе органов, не наделяют их должностных лиц правом направлять на освидетельствование, за исключением сотрудников милиции и отчасти – ФСКН.

Таким образом, законодатель, во-первых, устанавливая широкий перечень органов административной юрисдикции, должностные лица которых уполномочены составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание, не наделяет их правом проводить освидетельствование, когда это необходимо в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность, или для исчисления срока административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения. Во-вторых, для таких случаев отсутствует само определение понятия «состояние опьянения». Оно дается лишь в примечании к ст. 12.5 Кодекса², однако относится исключительно к освидетельствованию лиц, управляющих транспортными средствами. В-третьих, юридической ответственности в случае, если лицо не выполнит требование соответствующего должностного лица о прохождении освидетельствования, не существует. Получается, что освидетельствование на состояние опьянения как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях имеет надлежащее правовое регулирование только в части, касающейся управления в состоянии опьянения транспортными средствами, подлежащими государственной регистрации. Объясняется это тем, что для данных правонарушений дается определение самому понятию «состояние опьянения», установлен перечень должностных лиц, осуществляющих освидетельствование или направляющих на него в медицинские учреждения, предусмотрена ответственность в случае отказа от прохождения освидетельствования, приняты соответствующие нормативные правовые акты, касающиеся порядка его

¹ Утв. заместителем Министра здравоохранения СССР 1 сентября 1988 г. № 06-14/33-14.

² Это наличие абсолютного этилового спирта в концентрации 0,3 и более грамма на один литр крови или 0,15 и более миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха, наличие наркотических средств или психотропных веществ в организме человека, а равно совокупность нарушений физических или психических функций человека вследствие употребления вызывающих опьянение веществ (примечание к ст. 27.12 КоАП).

проведения¹.

Существующее положение обосновывает необходимость соответствующего изменения законодательства в целях надлежащего право-

вого обеспечения применения освидетельствования на состояние опьянения как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

---

¹ Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2002 г. № 930 «Об утверждении правил медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством, и оформления его результатов» и приказ Минздрава РФ от 14 июля 2003 г. № 308 «О медицинском освидетельствовании на состояние опьянения».

Дубровин Алексей Кириллович

соискатель Омской академии МВД России,
начальник факультета дополнительного профессионального образования
Восточно-Сибирского института МВД России

О разграничении форм противодействия сотруднику милиции

Сотрудники милиции имеют право применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, для пресечения преступлений и административных правонарушений, задержания лиц, их совершивших, преодоления противодействия законным требованиям, если ненасильственные способы не обеспечивают выполнение возложенных на милицию обязанностей¹.

В то же время административная ответственность за противодействие сотруднику милиции, представленная в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), и уголовная ответственность, предусмотренная Уголовным кодексом РФ (далее – УК РФ), представлены только в узких смыслах этого понятия, которые при этом не имеют теоретического и законодательного разграничения.

Обратимся к диспозициям норм КоАП РФ, которыми устанавливается административная ответственность за противодействие сотруднику милиции, которые отражены в ряде статей: «невыполнение требования о предоставлении транспортного средства сотрудникам милиции...» (ч. 1 ст. 12.25 КоАП РФ); «невыполнение законного требования сотрудника милиции об остановке транспортного средства...» (ч. 2 ст. 12.25 КоАП РФ); «невыполнение законного требования сотрудника милиции о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения...» (ст. 12.26 КоАП РФ); «умышленное невыполнение законных требований... дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонару-

шении» (ст. 17.7 КоАП РФ); «неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника милиции... а равно воспрепятствование исполнению ими служебных обязанностей...» (ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ); «мелкое хулиганство, сопряженное с неповиновением законному требованию представителя власти или иного лица, исполняющего обязанности по охране общественного порядка» (ч. 2 ст. 20.1 КоАП РФ).

Уголовная ответственность за противодействие сотруднику милиции представлена в ст. 318 УК РФ (применение насилия в отношении сотрудника милиции) и ст. 317 УК РФ (посягательство на жизнь сотрудника милиции).

Существующий подход к формулированию норм КоАП РФ и УК РФ об ответственности за противодействие сотруднику милиции неудачен по причине отсутствия официального толкования и разграничения правовых понятий «противодействие», «невыполнение», «неповиновение», «воспрепятствование», «вмешательство», «сопротивление». Для восполнения указанного пробела проведем их лексический анализ.

В русском языке противодействие означает «действие, препятствующее другому действию... Противодействовать – оказывать противодействие, препятствовать». «Воспрепятствовать – то же, что и препятствовать – создавать препятствие, служить препятствием, не допускать чего-нибудь». Вмешательство – это «самовольные насильственные действия в чужой стране, в чужих политических сферах. Вмешаться – стать участником чужого дела, ввязаться в спор, в разговор, в драку. Принять участие в каком-нибудь деле с целью изменения его хода»². Вмешательство означает также «вторжение в чьи-либо дела,

¹ Статья 13 Закона РФ «О милиции».

² Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. С. 624, 584, 87.

отношения, деятельное участие в них; действия, пресекающие, останавливающие что-либо»¹.

Из упомянутых терминов наиболее часто в уголовном законе и законодательстве об административных правонарушениях встречается «воспрепятствование». Воспрепятствование исполнению служебных обязанностей сотрудника милиции влечет административную ответственность по ч. 1 ст. 19.3 КоАП. В ряде случаев за воспрепятствование иной законной деятельности возможно наступление уголовной ответственности. Речь идет о таких составах преступления, как воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ), воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности (ст. 169 УК РФ), воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ст. 294 УК РФ).

В диспозиции норм УК РФ иногда наблюдается смешение форм противодействия. Так, в ст. 294 УК РФ законодатель использовал формулу «вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность... (соответствующего субъекта властных полномочий. – прим. авт.) в целях воспрепятствования...» нормальной служебной деятельности соответствующего субъекта полномочий.

Согласно одному из комментариев ст. 294 УК РФ вмешательство, если оно осуществляется частными лицами, – это активное поведение, действия, направленные на создание помех, срыв основанной на законе деятельности суда по осуществлению правосудия. Путем бездействия в деятельность, как правило, вмешаться нельзя, ибо бездействие – это по существу отказ от вмешательства, невмешательство².

В то же время законодатель в ст. 17.2 КоАП «Воспрепятствование деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» рассматривает понятия «вмешательство» и «воспрепятствование деятельности» как самостоятельные проявления объективной стороны соответствующего административного правонарушения.

Согласно ст. 403 Таможенного Кодекса Российской Федерации таможенные органы оказывают содействие в борьбе с международным терроризмом и пресечении незаконного вмешательства в аэропортах Российской Федерации в деятельность международной гражданской авиации. Следовательно, вмешательство может быть не

только незаконным, но и законным, например, вмешательство в деятельность сотрудников милиции в порядке контроля (со стороны руководителя подразделения или органа внутренних дел) и надзора (со стороны прокурора).

Вмешательство в деятельность субъектов властно-публичной административной деятельности государства с целью изменения принимаемого ими решения или мер со стороны иных субъектов права не может быть законным, и по сути своей оно является противоправным.

С учетом изложенного, понятие «незаконное вмешательство» можно определить как непосредственное противоправное постороннее воздействие на властно-публичную административную деятельность государственных органов и их должностных лиц с целью изменения принимаемого ими решения или нарушения их нормальной деятельности, получения результатов в интересах лиц, оказывающих воздействие.

Вернемся к понятию «воспрепятствование». Частью 1 ст. 19.3 КоАП ответственность за воспрепятствование исполнению сотрудником милиции служебных обязанностей предусмотрена наряду с ответственностью за неповиновение его законному распоряжению или требованию.

Воспрепятствование может осуществляться в форме действия (гражданин выходит на проезжую часть дороги перед транспортным средством милиции) либо бездействия (отказывается покинуть автомобиль, водитель которого задержан сотрудниками ГИБДД за управление в состоянии опьянения). Воспрепятствование в отличие от вмешательства является всегда только противоправным деянием. Предполагая, что воспрепятствование и противодействие имеют одни и те же цели, можно заключить, что воспрепятствование, а равно противодействие – это создание, путем действия или бездействия, препятствий для функционирования субъектов властно-публичной административной деятельности государства с целью нарушения их нормальной деятельности или изменения принимаемого ими решения.

Рассмотрим далее понятие «невыполнение требований». Оно является достаточно распространенным (ст. ст. 12.25, 12.26, 17.1, 17.7 КоАП, ст. ст. 11, 23 Закона РФ «О милиции»). Требования, предъявляемые субъектами властно-публичной административной деятельности государства к иным субъектам права, содержатся в соответствующих нормативных правовых актах – зако-

¹ Словарь русского языка. М., 1981. Т. 1. С. 187.

² См.: Мальцев В. Ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования // Законность. 1997. № 12.

нах, указах, постановлениях, приказах, инструкциях и др. Иными словами, они являются законными. Следовательно, невыполнение законных требований – действия или бездействие, направленные на противодействие субъектам властно-публичной административной деятельности государства, исполняющим возложенные на них нормативными правовыми актами обязанности.

Неоднозначно в теории и практике трактуется и понятие «неповиновение». Согласно постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 22 сентября 1989 г. № 9 «злостным неповиновением, предусмотренным ст. 165 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях и соответствующими статьями кодексов других союзных республик, следует считать отказ от исполнения настоячивых, неоднократно повторенных распоряжений или требований работника милиции, народного дружинника или военнослужащего либо неповиновение, выраженное в дерзкой форме, свидетельствующей о проявлении явного неуважения к органам, охраняющим общественный порядок».

Примечательно, что ст. 165.5 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях (была введена Законом РФ от 1 июля 1993 г. № 5304-1) разграничивала ответственность за неповиновение и злостное неповиновение: ч. 1 устанавливала ответственность за «неповиновение, то есть открытый отказ от исполнения либо иное умышленное неисполнение законного требования работника милиции, иного уполномоченного должностного лица...», а ч. 2 – за «злостное неповиновение, т.е. действия, предусмотренные частью первой настоящей статьи, если они выражены в циничной форме либо продолжаются после неоднократно повторенных законных требований работника милиции, иного уполномоченного должностного лица...».

Отметим, что в главе «Воинские преступления» прежнего Уголовного кодекса РСФСР (1960 г.) содержались нормы об ответственности за неповиновение, т.е. открытый отказ от исполнения приказа начальника, а равно иное умышленное неисполнение приказа; неповиновение, совершенное группой лиц либо повлекшее тяжкие последствия; неповиновение, совершенное в военное время или в боевой обстановке.

В Наставлении по физической подготовке сотрудников органов внутренних дел¹ выделены две формы неповиновения как физического противодействия сотрудникам милиции – «пассив-

ное» и «активное».

И.И. Веремеенко, Н.Г. Салищева, М.С. Студеникина считают, что «если в признаках неповиновения будут выявлены факты применения физического противодействия или оскорбления представителя власти при исполнении им его служебных обязанностей (например, циничные высказывания либо нецензурная брань, адресованные потерпевшему), то деяние следует квалифицировать как преступление, предусмотренное соответственно ст. 318 (применение насилия в отношении представителя власти) и ст. 319 (оскорбление представителя власти) УК РФ»².

Ряд авторов, комментирующих ст. 212 УК РФ (массовые беспорядки), отмечают, что «под призывами к активному неповиновению законным требованиям представителей власти следует понимать распространение таких призывов в письменной (листовки, плакаты, надписи на стенах и т.д.) или устной форме (выступление перед толпой по радио и т.д.). Для квалификации таких призывов требуется, чтобы призывы были направлены не на гражданское неповиновение, а на активные действия против представителей власти, чтобы требования представителей власти были законными»³.

Отметим, что Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях (ст. 355) разграничивает невыполнение требований и злостное неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудников внутренних дел (полиции), а Кодекс Украины об административных правонарушениях предусматривает административную ответственность за злостное неповиновение законному распоряжению или требованию работника милиции при выполнении им служебных обязанностей, публичные призывы в какой-нибудь форме к невыполнению распоряжений или требований работника милиции в связи с выполнением им обязанностей по охране общественного порядка и распространение заведомо неправдивых сведений с целью провокации неповиновения законному требованию работника милиции, если эти действия привели к нарушению общественного порядка.

Думается, изложенные размышления дают достаточные основания для четкого «разведения» понятий «неповиновение», «активное неповиновение», «пассивное неповиновение», «злостное неповиновение», «неповиновение, совершенное группой лиц», «публичные призывы к неповино-

¹ Утверждено приказом МВД России от 29 июля 1996 г. № 412.

² Комментарий к Кодексу РСФСР об административных правонарушениях / Под ред. И.И. Веремеенко, Н.Г. Салищевой, М.С. Студеникиной. Изд. 4-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2000. С. 558-560.

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. В.М. Лебедева. Изд. 3-е, доп. и испр. М.: Изд. Юрайт, 2004.

вению», «распространение заведомо неправдивых сведений с целью неповиновения законному требованию сотрудника милиции, если эти действия привели к нарушениям общественного порядка либо массовым беспорядкам».

Проводимое разграничение понятий форм

противодействия сотрудникам милиции (а также сотрудникам иных правоохранительных органов) позволит конкретизировать предписания правовых норм, осуществлять правотворческую деятельность в рамках законности, что усиливает гарантии законных прав и интересов граждан.

Долгополова Екатерина Александровна

преподаватель кафедры административного и финансового права
Кубанского государственного университета

Генезис системы финансового законодательства

Финансовое законодательство – один из инструментов государственного управления с наибольшей точностью отражающий изменения, происходящие в политическом и социально-экономическом строе государства. Безусловно знание основ финансового права, его основных принципов и источников позволяет более достоверно оценить происходящие изменения в финансовом законодательстве. Финансовая деятельность государства, правовые принципы регулирования денежных потоков, налоговая система, формирование доходной и расходной части бюджетов – все это подразумевает непосредственное участие в финансовом движении денежных средств как юридических лиц, так и доходов и расходов рядовых граждан.

Ввиду всестороннего значения, которое имеет финансовое законодательство для экономической, политической и культурной жизни страны – состоянием финансов в настоящее время измеряется могущество государства, финансы являются мерилем благосостояния страны и мерилем цивилизации. Как велико значение финансового состояния страны для ее культурного развития, видно из тщательного обсуждения, которому подвергаются сметы государственных доходов и расходов: они разбираются в законодательных собраниях и в литературе, и притом как нечто, указывающее на общее положение государства, на его сильные и слабые стороны. Финансовое законодательство и его система имеют громадное политическое значение, оказывая не только косвенное, но и прямое влияние на все государственное устройство и управление¹.

В древне греческом мире потребности государства были весьма ограниченны. Их политическая цель заключалась главным образом в сохранении внутреннего порядка и внешней защите страны, а специфические особенности их

устройства обеспечивали достижение этой цели при незначительных затратах государственных средств. Каждый гражданин в случае нужды был воином и сам, по мере своего достатка, обязан был заботиться о своем вооружении и содержании; во время войны содержание войска совершалось отчасти за счет военной добычи и поборов с покоренных народов. Управление государством ввиду крайней несложности устройства администрации и безвозмездного отправления правительственных обязанностей обходилось дешево; отправление правосудия совершалось за счет доходов, получаемых путем поборов с тяжущихся или обвиненных, так что и эта важная функция государства почти ничего ему не стоила. Тем не менее, были древнегреческом государстве и другие потребности, кроме поддержания внутреннего порядка и внешней безопасности: так, по воззрениям древних, ни один гражданин государства не должен был испытывать нужды, и потому беднейшим гражданам выдавались пособия как хлебом, так и деньгами; рядом с этим стояли расходы на увеселение граждан, на зрелища, бывшие для древнего человека не менее существенными, чем хлеб; людям выдающимся, поэтам и ученым выдавалось содержание за государственный счет, но все подобные потребности, по их сравнительной ничтожности и немногочисленности, не представляли большого значения. Поэтому большой потребности в средствах не было, и всякие поборы, налоги, подати носили случайный характер: назначались, когда события вызывали нужду в деньгах, и отменялись тотчас, как в них проходила необходимость. Государство черпало свои доходы из частноправовых источников: государственных земель, рудников, гаваней и проч².

Тот же ограниченный объем государственных потребностей и тот же частноправовой способ их удовлетворения, за исключением некоторых частных изменений, находим мы и в Древ-

¹ Янжул И.И. Основные начала финансовой науки: Учение о государственных доходах / Под ред. А.Н. Козыри-на. М., 2002. С. 35.

² Ходский Л.В. Основы государственного хозяйства. Пособие по финансовой науке. СПб., 1894. С. 47.

нем Риме: войны велись также частью за счет самих граждан, частью за счет покоренных народов, осуществление публичных обязанностей должностными лицами являлось почетной повинностью, сопряженной с расходами для должностных лиц, а не для государства; принцип снабжения народа хлебом и зрелищами как средство обеспечить внутреннее спокойствие и отвлечь внимание толпы от государственных дел хотя и господствовал в Риме, но тяготел не к государственной казне, а к частным достояниям императоров. Позднее появилась новая потребность – расход на содержание императорского двора, которая покрывалась частной собственностью императоров, разными даяниями, поборами и конфискациями¹.

Право как один из факторов, скреплявших гражданское общество и элементы его культуры, не сразу достигло в эпоху античности зрелости и совершенства. Сила частной собственности и построенного на ее основе товарного оборота ломала устаревшие правовые формы. Финансовые отношения строились, преследуя цель удовлетворить первостепенные жизненно необходимые потребности: содержание армии, обеспечение ежедневного быта, а соответственно, не существовало стройной системы финансовых актов, регулировавших взаимодействие государства и общества.

Средние века, совершенно изменившие формы государственной жизни, скорее сократили, чем расширили объем государственных потребностей. Содержание королевского двора производилось на те средства, которые доставлялись личными имениями монарха или коронными имениями. Средневековый монарх вроде Карла Великого видел в себе того же доброго помещика, как и всякий другой феодал, который мог жить только на то, что он получал со своего имения; самые государственные имущества считались его личной собственностью, а не принадлежащими ему лишь по праву главы государства. Содержание войска стоило весьма немного, так как в феодальный период каждый вассал должен был являться на войну со своим оружием, а если он был значителен, то и со своим войском; остальные же расходы на войну покрывались контрибуциями. Задачи внутренней политики были так несложны, что удовлетворялись без больших трудностей и часто даже вовсе не государством, а частными лицами или духовенством. Внутреннее управление сосредоточивалось в руках вас-

салов и обходилось без затрат со стороны государства. О народном просвещении пеклось не государство, а некоторые корпорации, частные лица, и опять-таки главным образом духовенство; потребность личной безопасности удовлетворялась собственными силами обывателей; правосудие отправлялось на счет тяжущихся. Таким образом, с одной стороны, средневековое государство совсем не ощущало массы разнообразных потребностей, с другой стороны, могло те потребности, которые теперь поглощают огромное количество денежных средств, удовлетворять незначительными издержками или даже прямо на счет тех частных лиц, которые входили в соприкосновение с государственным союзом по поводу удовлетворения этих потребностей².

Именно в средние века определяются контуры будущих крупных мировых правовых систем. В основу построения средневекового права легли правовые обычаи, которые долгое время оставались важнейшим источником права. За несколько веков происходит плавный переход от варварских правовых обычаев к правовым обычаям феодальным, имеющим уже не персональный, а территориальный принцип действия. Тем не менее, обычное право остается преобладающим в построении финансово-правовых отношений, которые возникают не системно, в зависимости от необходимости разрешения тех или иных проблем.

Зарождение системы финансового законодательства на Руси началось в XVII – XVIII вв. в силу ряда социально-экономических факторов. В данный период преобладала налоговая тематика, а финансовая политика государства была нацелена на совершенствование налогообложения в соответствии с растущими потребностями казны. Даже в самих правовых актах (например, в Новом торговом уставе 1667 г., Наказе Екатерины II Комиссии для составления проекта Нового уложения) содержались рассуждения о доходах казны в обобщенном виде. В этот период происходило активное накопление финансовых средств³.

При Петре I усиливается личное начало в управлении. Как никто другой, царь стремится вникать во все мелочи административной работы, вмешиваясь во все дела лично. Он хотел управлять государством через систему личных поручений, используя для этого созданный в 1704 г. специальный Кабинет – личную канцелярию царя, являвшуюся на протяжении всего его

¹ Тарасов И.Т. Очерк науки финансового права. Ярославль, 1883. С. 28.

² Янжул И.И. Указ. соч. С. 64.

³ Бржевский Н.Б. Государственные долги России. СПб., 1884. С. 165.

царствования своеобразным штабом по оперативному управлению государственными делами¹.

В 1802 г. в России появляется орган государственного управления финансами – Министерство финансов. До этого единого органа, управляющего финансами, не существовало. Традиционная система управления государством до Петра I предполагала закрепление за отдельными приказами своих доходных источников. Эта система не претерпела принципиальных изменений и при Петре I, уделявшем много внимания реорганизации государственного управления. Практически каждый налог предназначался для покрытия определенного расхода: подушное обложение было источником содержания армии, кабацкие сборы шли на нужды флота, соляные сборы – на дворцовые расходы. В XIX в. Россия шагнула, имея централизованный механизм управления финансами².

По мере продвижения нашего общества по пути рыночных реформ и создания экономических основ подлинно демократического общества возникает острая потребность в более тщательном осмыслении эволюционного развития основных финансовых институтов.

С первых дней Советской власти Коммунистическая партия постоянно уделяла большое внимание развитию финансового законодательства – правовой основы советского общества. На XXV съезде КПСС подчеркивалась необходимость дальнейшего совершенствования советского законодательства – был издан ряд нормативных актов по важнейшим проблемам, имеющим социально-политическое и экономическое значение. Конституция 1977 г. отразила новый этап в жизни страны, указав, что экономика СССР составляет единый народно-хозяйственный комплекс, охватывающий все звенья общественного производства, распределения и обмена на территории страны, а также явилась базой развития текущего законодательства. Совершенствование действовавшего в тот период финансового законодательства не сводилось только к принятию новых правовых норм, а также было связано с его систематизацией. Многие были сделаны по приведению советского финансового законодательства в соответствие с новым уровнем жизни общества, так как создавались благоприятные условия для развития экономических отношений и роста финансовых ресурсов государства, усиливалось значение финансово-кредитной системы в социалистическом строительстве, а финансы рассматривались как один из мощнейших

рычагов экономической политики советского государства³.

Концентрация огромных финансовых ресурсов в руках государства в государственном бюджете и соответствующая нормативная база позволили использовать эти ресурсы на финансирование тяжелой индустрии, на создание и реконструкцию ряда отраслей промышленности, увеличение производственных фондов в промышленности, на социалистическое переустройство сельского хозяйства, ускоренное развитие ранее отсталых районов, дальнейшее развитие социалистической культуры и повышение благосостояния народов Советского Союза.

Правовая регламентация финансовых отношений обеспечивала стабильность соответствующих требований и единство подхода к оценке работы предприятий, организаций, учреждений. С помощью финансово-правовых норм повышается уровень организации работы, вносятся четкость, формируются строгие измерители деятельности предприятий, организаций, учреждений.

В связи с возрастанием роли общенародного государства и права в развитии экономики на современном этапе большое значение имеет пропаганда советского законодательства, в том числе финансового законодательства, которое призвано обеспечить проведение в жизни экономической политики партии. Одним из таких способов являлось издание сборников действующих нормативных актов, что способствовало соблюдению социалистической законности.

Переход к рыночной экономике вызвал необходимость поэтапной трансформации финансового законодательства. Его основу составлял процесс приватизации, который коренным образом изменил финансовые отношения. Тем не менее, приватизация являлась лишь предпосылкой для дальнейшего развития финансов микроуровня, поэтому наиболее важное значение имела концепция реформирования финансов на базе многообразия форм собственности и реализации бюджетного федерализма⁴.

Основные направления реформирования, в соответствии со сложившейся социально-экономической и политической ситуацией, были разработаны в целях преодоления экономического кризиса, сложившегося в результате либерализации цен и понижения платежеспособности государственных учреждений предприятий и организаций.

Реформирование включало следующие направления:

¹ Омельченко Н.А., Казбан Е.П. История государственного управления в России. М., 2007. С. 129.

² У истоков финансового права / Под ред. А.Н. Козырина. М., 1998. С. 6.

³ Конюхова Т.В. Сборник по финансовому законодательству. М., 1980. С. 664.

⁴ Бабич А.М., Павлова Л.Н. Государственные и муниципальные финансы. М., 2002. С. 37.

1. Совершенствование налогового законодательства в направлении снижения налогового бремени, расширение на этой основе налогооблагаемой базы и улучшение налогового администрирования;

2. Осуществление бюджетной реформы на основе реализации Бюджетного кодекса и упорядочения бюджетного процесса;

3. Полномасштабное казначейское исполнение федерального бюджета, переход на этот вид исполнения бюджетов субъектов РФ, местных бюджетов. Государственных внебюджетных фондов;

4. Снижение уровня инфляции за счет жесткого регулирования денежно-кредитной политики и контроля за размером денежной эмиссии ЦБ¹.

Последствия кризиса 1998 г. не прошли бесследно для экономики России и прежде всего отразились на доходах населения, потребовав в 2000-2001 гг. принципиально новой финансовой политики, учитывавшей эффект девальвации рубля, способствующей развитию экспорта, сокращению импорта, созданию определенных условий для повышения конкурентоспособности и росту производства отечественных производителей.

Изменения, произошедшие в экономике государства, предопределили тенденции изменения финансового законодательства, которые состояли в следующем:

1. Формировании законодательных основ, обеспечивающих благоприятный инвестиционный климат, способствующий развитию предпринимательства;

2. Существенное снижение налогового бремени и повышение эффективности налоговой и таможенной системы;

3. Создание условий для развития финансовой инфраструктуры и достижения среднесрочной финансовой стабильности;

4. Достижения сбалансированности бюджетной системы и повышения эффективности ее функционирования;

5. Реформирование естественных монополий;

6. Внесение изменений в область валютно-регулируемого².

Все вышеуказанное предопределило такие черты финансовой политики, как предсказуемость и целенаправленность.

Необходимо отметить, что исторические корни системы финансового законодательства берут свое начало еще в античной истории, и

процесс развития и эволюции законодательной базы, регулирующей столь сложные отношения, неизбежно связан с политическим строем и системой управления, которая преобладала в тот или иной период развития государства. Постепенное структурирование системы финансового права и развитие самой науки «финансовое право» предопределило развитие финансового законодательства и постепенный процесс его совершенствования.

Анализируя исторический процесс развития системы финансового законодательства мы приходим к выводу, что существует два четко выраженных этапа эволюции данной системы:

1. Первый этап предполагает неразвитую форму финансов, которой был присущ непроизводительный характер, т.е. основная масса средств расходовалась на военные цели и практически не оказывала действия на экономику. Этому этапу свойственна узость финансовой системы, так как она состояла из одного звена – бюджетного, и количество финансовых отношений было ограничено, а соответственно, и финансовое законодательство, существовавшее в тот период, регулировало только процесс формирования и использования бюджета.

2. Второй этап, когда финансы становятся одним из важнейших орудий косвенного воздействия на общественное воспроизводство: воспроизводство материальных благ, рабочей силы и производственных отношений, стимулируя таким образом интенсивное развитие системы финансового законодательства, регулирующего намного более разнообразные финансовые отношения, связанные с налогообложением, бюджетными отчислениями, кредитованием и страхованием³.

Незнание законов, в частности, отсутствие знаний финансового законодательства, как известно, не может освободить человека от ответственности. Поэтому доскональное изучение теории финансовых правоотношений государства и гражданина, государства и юридического лица помогает избегать ошибок при проведении тех или иных финансовых мероприятий, а также помогает полноценно применять полученные знания на практике для реализации своих прав, гарантированных нормами Российского финансового законодательства. Финансовое законодательство России, как и законы других стран мира, далеко от совершенства, особенно в части практического применения, но знание законов подразумевает собой стремление к их совершенствованию на благо общества.

¹ Химичева Н.И. Финансовое право: Учебник. М., 1995. С. 49.

² Запольский С.В. Дискуссионные вопросы теории финансового права: Монография. М., 2008. С. 112.

³ Евдокимова Л.А. Финансы, денежное обращение. Кредит. М., 2006. С. 14.

Бобров Алексей Владимирович
преподаватель Академии ФСБ России

Новые информационные технологии: некоторые гуманитарные аспекты

В современной науке и повседневной жизни применяется большое количество терминов, связанных с вопросами информатизации общества. Некоторые из них носят сугубо теоретический характер, некоторые используются в обиходе, причем зачастую не всегда корректно. Уточнение определений в данной области – вопрос далеко не праздный. Именно наличие четких определений, в том числе закрепленных в нормативно-правовых актах, позволяет избежать ошибок в теории и правоприменительной практике, касающихся данной специфической темы.

Анализ понятия «новые информационные технологии» полагается целесообразным начать с рассмотрения основных связанных определений.

В результате рассмотрения нормативно-правовой базы и научных источников по различным аспектам информатизации, можно встретить большое число взаимосвязанных терминов: «компьютерные технологии», «новейшие компьютерные технологии», «новые технологии», «современные информационные технологии», «цифровые информационные технологии», «информационные технологии», «компьютеризация», «автоматизация», «информатизация» и некоторые другие. Несмотря на то, что они во многом синонимичны и связаны с решением схожих задач, практически все из них можно использовать в разных смыслах.

При этом отсутствие четких определений в нормативных актах, в том числе уровня федеральных законов, вызывает широкий разброс толкований указанных терминов.

Процесс создания и внедрения в повседневную жизнь новых информационных техноло-

гий стал объективной тенденцией современной действительности. Их основой является повсеместное распространение новейших средств вычислительной техники, глобальная компьютеризация и информатизация.

Термин «информатизация» до недавнего времени имел нормативное закрепление в законе «Об информации, информатизации и защите информации»¹ и рассматривался как «организованный социально-экономический и научно-технический процесс создания оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений на основе формирования и использования информационных ресурсов».

Некоторые исследователи рассматривают информатизацию как комплекс мер, направленных на обеспечение полного использования достоверного, исчерпывающего и своевременного знания во всех общественно значимых видах человеческой деятельности².

Существует также мнение, что информатизация – это социальный процесс повышения престижа информационных наук, распространение информационных методов в практической деятельности³.

В настоящее время учеными достаточно подробно обоснованы два основных теоретико-методологических подхода к информатизации: технократический и гуманитарный.

Первый, технократический, подразумевает, что информационные технологии считаются средством повышения производительности труда и их использование ограничивается, в основном, сферами производства и управления. В нашей стране этот подход получил наибольшее распростра-

¹ Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» (утратил силу) // Российская газета. 1995. 22 февр.

² См., например: Ершов А.П. Информатизация: от компьютерной грамотности учащихся к информационной культуре общества // Коммунист. 1988. № 2. С. 92-93.

³ Воробьев Г. Твоя информационная культура. М., 1988. С. 76.

нение в начале 90-х гг. XX в. и имел пагубное воздействие на развитие информатизации в России. Причины значительного распространения технократического подхода, при котором фактически происходит отождествление понятий «информатизация» и «компьютеризация», носят как объективный, так и субъективный характер. Объективно развитие новой техники вообще и вычислительной техники в частности идет стремительно, имеет «агрессивный» характер. Субъективно же существует весьма значительное число людей как незнакомых с проблемой, так и тех, кому внедрение в общественное мнение подобного отождествления приносит ощутимые финансовые и политические дивиденды.

Как отмечает В.Е. Лепский, «если нас устраивает общество потребления, общество, у которого нет будущего, тогда технократический подход к информатизации общества вполне адекватен. Если мы хотим общества, ориентированного на востребование интеллектуального и духовного потенциала нации, то необходимо посмотреть на процессы информатизации с позиций психосоциальных критериев»¹.

Современные исследователи справедливо обращают внимание на то, что «информационные технологии нельзя более рассматривать как нечто принадлежащее исключительно миру техники, ибо они настолько глубоко проникли в жизнь людей, вплелись в самую ткань ее повседневности, что вычленив их из общего мировоззренческого и культурологического контекста уже не представляется возможным»².

С учетом вышеизложенного, именно гуманитарный подход должен являться методологической основой изучения феномена новых информационных технологий.

Определение информационной технологии до последнего времени нормативно не закреплялось. Впервые оно появилось в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³, который пришел на смену уже упоминавшемуся закону «Об информации, информатизации и защите информации». Проект нового закона вносился в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации на основании Плана действий по выработке мер, необходимых для ратификации Конвенции Совета Европы о защите

физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 28 января 1981 г.

В указанном законе информационные технологии определяются как «процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов». Определения новых информационных технологий в нем нет. Кроме того, и приведенное выше определение не вполне соответствует современным научным интерпретациям этого явления.

Исследование других источников показало, что имеющиеся в научной литературе определения информационной технологии имеют существенные различия и, фактически, описывают лишь отдельные аспекты одного явления.

В связи с этим, автор полагает возможным согласиться с мнением исследователей, считающих, что понятие «информационные технологии» относится к числу первичных, фундаментальных. «Поэтому оно, – как утверждает, например, В.А. Перевертень, – также как и родственное ему понятие «информация», не имеет и, по-видимому, объективно не может иметь общепринятого, четкого и всеобъемлющего определения»⁴.

Следует также отметить, что между информационной технологией и новой информационной технологией имеются определенные различия. При подходе к информационным технологиям с точки зрения обработки информации ее необходимо рассматривать как процесс, состоящий из четко регламентированных правил выполнения операций, действий, этапов разной сложности над данными, хранящимися на различных носителях. Основная цель информационной технологии в этом случае – получение пользователем необходимой информации.

Новая информационная технология является человеко-машинным комплексом обработки информации определенной средой, состоящей из компьютеров, их сетей, программных продуктов, баз данных, людей, средств связи и т.д. Ее основная цель – качественное преобразование информации.

При определении новой информационной технологии следует также обратить внимание на то, что в настоящее время распространение получили и такие формулировки, как «новейшая информационная технология», «современная ин-

¹ Лепский В.Е. Технократический подход к информатизации общества – источник угроз национальной безопасности России / II Всероссийская научная конференция «Россия XXI век». М., 1999. С. 143-147.

² Емелин В.А. Новые информационные технологии в контексте постмодернистской философии: Дис. ... канд. филос. наук. М.: МГУ, 1999. С. 32.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. 31 июля (1 ч.). Ст. 3448.

⁴ Перевертень В.А. Историческое исследование в свете понятия и классификации информационных технологий // Информационный бюллетень Ассоциации «История и Компьютер». 1999. Июль. С. 121.

формационная технология» и т.д. По большому счету, они определяют одно и то же явление и предопределяют терминологическую путаницу, а не существенные отличия разных понятий. По мнению автора, введение в научный оборот именно понятия новой информационной технологии более целесообразно в связи с тем, что прилагательное «новая» подчеркивает новаторский, а не эволюционный характер этой технологии.

При этом следует иметь в виду, что многие трактовки технократического толка сводят информационную технологию, в первую очередь, к системам и процессам автоматизированной обработки информации и не учитывают того, что «демократизация общества, рост информационной активности и потребления вызвали к жизни новое определение информационных технологий как средств управления общественным сознанием»¹.

Таким образом, еще одним важным элементом новой информационной технологии является особый вид новых информационных технологий – психотехнологии.

По словам исследователей, «XXI век – это век информации и психологии, а значит еще большего объединения современных психотехнологий с информационными технологиями»².

Необходимость включения психотехнологий в группу новых информационных технологий обусловлена несколькими аспектами:

разработки в области современной психологии тесно связаны с техническими аспектами социальной сферы;

применение современных психотехнологий

предполагает наличие эффективных средств доведения информации до ее потребителя. Такими средствами выступают, в первую очередь, средства массовой коммуникации, имеющие в своей технической основе новые информационные технологии;

психотехнологии сегодня – не просто набор действий по оказанию влияния на психику человека, а научно обоснованная система, имеющая в своей основе специфические технологические схемы.

В последнем случае речь идет о специфическом виде новых информационных технологий – технологиях информационно-психологического воздействия.

Необходимо подчеркнуть и то, что технология информационного воздействия, как и иные виды новых информационных технологий, предполагает качественное преобразование информации – ее изменение в необходимом для субъекта воздействия ключе.

В рамках научной статьи, конечно же, невозможно отразить все стороны такого сложного явления, как новая информационная технология. Поэтому в основе данного исследования лежали задачи еще раз указать на наличие целого ряда гуманитарных аспектов рассматриваемой проблемы, сакцентировать внимание на тех элементах, которые зачастую не попадают в поле зрения ученых, подчеркнуть необходимость проведения комплексных научных исследований новых информационных технологий в контексте гуманитарного подхода.

¹ См.: Бритков В., Дубовский С. Информационные технологии в национальном мировом развитии // Общественные науки и современность. 2000. № 1 // <http://psyfactor.by.ru/infmanipulat.htm>

² Адилова Л.Ф. Политические технологии и их использование казахстанскими СМИ. Алма-Ата, 2000. С. 72.

Левченко Владимир Григорьевич
адъюнкт Академии ФСБ России,
заместитель руководителя аппарата оперативного штаба
в Краснодарском крае

Международно-правовые аспекты контроля информации, передаваемой по открытым телекоммуникационным сетям

Динамика развития мировой телекоммуникационной системы в последние годы создает массу проблем и неопределенностей в правовой области. Совершенствование законодательства не успевает за изменениями в информационной сфере, что, зачастую, приводит к применению по отношению к телекоммуникационным системам юридических положений, касающихся, в первую очередь, телефонной, почтовой и телеграфной связи, но не учитывающих специфику новых телекоммуникационных технологий.

Изложенное относится и к правовому регулированию доступа специальных служб и правоохранительных органов к частной информации, передаваемой по открытым телекоммуникационным сетям (ОТКС).

Принятие новых законодательных актов о контроле телекоммуникаций за рубежом лоббируют правоохранительные органы и спецслужбы. Последним нужны более широкие полномочия не только по проведению оперативно-технических мероприятий внутри страны, но и по контролю международного телекоммуникационного пространства.

Упрощение процедур контроля телекоммуникаций активно лоббируется также рядом международных организаций и частных лиц.

Известно, что США, являясь фактическим монополистом в вопросах контроля мирового телекоммуникационного пространства, не только отказываются передавать функции по контролю за Интернетом ООН¹, но и активно способствуют тому, чтобы во все телекоммуникационные технологии изначально закладывались возможнос-

ти доступа извне. Кроме того, Соединенные Штаты используют свое влияние в международных организациях (Организация по экономическому сотрудничеству и развитию, «Большая восьмерка», Совет Европы) в целях всяческого содействия упрощению использования систем контроля за телекоммуникациями².

Общепринятые нормы, обеспечивающие право человека на неприкосновенность частной жизни, допускают такие действия, как прослушивание телефонных переговоров и контроль телекоммуникационных каналов связи лишь в строго определенных случаях и, в первую очередь, в случае подозрения в совершении преступления. В большинстве демократических государств перехват передаваемой по ОТКС информации может производиться правоохранительными органами и спецслужбами только после получения санкции судьи или иного независимого должностного лица высокого уровня. При этом зачастую требуется подтвердить, что иные следственные методы были испробованы, но не дали результата³.

Неприкосновенность частной переписки была закреплена в международном праве с 1948 г. Всеобщая декларация ООН по правам человека и Европейская Конвенция по защите прав и основных свобод человека прямо указывают на конфиденциальность личной переписки. Статья 12 Всеобщей декларации гласит: «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право

¹ США не хотят уступать контроль над Всемирной сетью // <http://www.finansmag.ru/22541>

² Перехват электронных коммуникаций // http://www.hro.org/docs/rep/privacy/phr2002/phr2002_15.php

³ Там же.

на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств».

Многие международные соглашения по правам человека, в том числе Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция ООН о трудящихся-мигрантах, Конвенция ООН о правах ребенка ссылаются на конфиденциальность корреспонденции, как на право.

Статья 8(1) Европейской Конвенции о защите прав человека также устанавливает, что «каждый человек имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и тайны его корреспонденции».

Однако указанные документы не рассматривают это право как абсолютное. Так, ст. 12 Всеобщей декларации прав человека ООН защищает от так называемого «произвольного вмешательства», каковое, по-видимому, противопоставляется вмешательству согласно закону. Европейская Конвенция о защите прав человека определяет пределы такого права гораздо более четко. Статья 8(2) гласит: «Не допускается вмешательство государственных органов в осуществление этого права за исключением случаев, когда это предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах государственной безопасности, общественного порядка или экономического благосостояния страны, для поддержания порядка и предотвращения преступлений, защиты здоровья и морали, или защиты прав и свобод других лиц».

Несмотря на то, что первоначально положения Всеобщей Декларации распространялись лишь на телефонные переговоры, телеграфные отправления и почтовую переписку, в 1988 г. Верховный Комиссар ООН по правам человека подтвердил, что защита прав человека в области связи распространяется на все виды коммуникаций: «Соблюдение ст. 17 требует, чтобы целостность и конфиденциальность корреспонденции гарантировалась де-юре и де-факто. Корреспонденция должна быть доставлена адресату неперехваченной, невскрытой и не прочитанной каким-либо иным способом. Электронная или иная слежка, перехват телефонных, телеграфных и иных видов связи, прослушивание и запись на пленку разговоров должны быть запрещены»¹.

Дополнительные подтверждения права на неприкосновенность частной жизни относительно передачи информации посредством ОТКС устанавливает Конвенция Совета Европы «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» от 28 января 1981 г.

Данная конвенция была ратифицирована Российской Федерацией в 2005 г. В частности, она прямо указывает, что цель Конвенции «состоит в обеспечении ... уважения прав и основных свобод гражданина, и, в частности, его права на неприкосновенность частной жизни, в отношении автоматизированной обработки касающихся его персональных данных».

Важным документом международного права, регулирующим вопросы доступа спецслужб и правоохранительных органов к информации, передаваемой по ОТКС, является Европейская Конвенция по киберпреступлениям (данная конвенция не ратифицирована Российской Федерацией). Документ рекомендует унифицировать криминальное законодательство по вопросам компьютерных правонарушений и предусмотреть ответственность в том числе, в соответствии со ст.ст. 2-3 за такие преступления, как «незаконный доступ» (доступ к информации без соответствующей санкции либо с нарушением его правил) и «нелегальный перехват информации» (техническими средствами либо перехватом компьютерных излучений).

Помимо этого, Конвенция прямо предписывает странам «принять такие необходимые меры законодательного и иного характера в отношении ряда серьезных преступлений, определенных в соответствии с национальным законодательством, которые позволили бы компетентным органам собирать или записывать путем применения технических средств на территории этой Стороны и принуждать поставщика услуг в пределах имеющихся у него технических возможностей собирать или записывать ... в режиме реального времени данные содержания определенных передач информации на ее территории, осуществляемых посредством компьютерной системы». Важно, что в данном случае Конвенция подчеркивает правомерность осуществления таких мероприятий в пределах территории страны, что исключает из сферы действия данного нормативного акта получение информации из зарубежных ОТКС.

При этом, п. 3 ст. 21 Конвенции обязывает «поставщика услуг хранить в тайне факт исполнения любого из (вышеуказанных) полномочий». То есть провайдер, при осуществлении контроля за передачей информации какого-либо из его абонентов, не имеет права разглашать данный факт.

Таким образом, международным правом определены рамки легитимности мероприятий по контролю телекоммуникационных сетей.

¹ Прослушивание телефонов в международном праве и законодательстве одиннадцати европейских стран. Харьков: Фолио, 1999.

Существуют также двусторонние и многосторонние соглашения по данному вопросу.

В Европейском Союзе в разное время было принято несколько нормативных актов, регулирующих вопросы доступа правоохранительных органов к информации, передаваемой по ОТКС. Так, Директива 97/66/ЕС Совета Европейского Союза от 15 декабря 1997 г., касающаяся использования персональных данных и защиты неприкосновенности частной жизни в сфере телекоммуникаций, устанавливает в ст. 5, что «Страны-члены обязаны на основе национальных законов обеспечивать конфиденциальность коммуникаций... В частности, они должны налагать запрет на прослушивание, подслушивание, запись и иные виды перехватов или контроля над коммуникациями любыми иными лицами, кроме пользователей, без согласия последних, за исключением тех случаев, когда это юридически разрешено в соответствии со ст. 14(1)». С учетом этой статьи вопрос о механизме предоставления доступа к подобной информации должен решаться в соответствии с национальным законодательством.

Важнейшим документом, прямо регулирующим вопросы доступа правоохранительных

органов к ОТКС в государствах-членах ЕС, является Резолюция Совета ЕС «О законном перехвате телекоммуникаций»¹ (96/C 329/01) от 17 января 1995 г. В данном документе не оговаривается, в каких случаях может быть осуществлен перехват. Как указывается в ст. 1, Резолюция является «изложением потребностей компетентных органов для технической реализации санкционированного законом перехвата в современных телекоммуникационных системах». Фактически данный документ, принятие которого, по всей видимости, лоббировалось правоохранительными органами европейских стран, определяет требования к самой технологии перехвата информации и требует от операторов предоставления правоохранительным органам достаточно широких полномочий по контролю за телекоммуникациями, естественно, в случаях, предусмотренных национальным законодательством.

Несмотря на то, что документы Европейского Союза не распространяют свое действие на те страны, которые не являются его членами, практика свидетельствует о том, что для ряда государств опыт ЕС в данной области становится основой национального законодательства.

¹ Official Journal C 329, 04/11/1996 p.

Савельев Александр Евгеньевич
кандидат исторических наук,
Кубанский государственный университет

Концепция «бытия-в-мире» как основа экзистенциальных воззрений Л. Бинсвангера и М. Босса

Яркими представителями экзистенциального направления в психологии и психотерапии были швейцарские психиатры Людвиг Бинсвангер и Медард Босс, разработавшие свою концепцию в психологии на основе теории экзистенциализма немецкого философа Мартина Хайдеггера.

Экзистенциальная психология в изложении Бинсвангера и Босса отличается рядом характерных особенностей. Прежде всего, эти ученые возражали против переноса в психологию из естественных наук принципа причинности. По их мнению, в человеческом существовании нет никаких причинно-следственных отношений. В основном есть лишь последовательность поведенческих событий, но из этой последовательности невозможно вывести причинность. Таким образом, экзистенциальная психология в том виде, в котором ее разработали Бинсвангер и Босс, отвергая казуальность, отрицает также позитивизм, детерменизм и материализм. Эти ученые утверждали, что психология не похожа на другие науки и не должна строиться по той же модели, что они. Она требует собственного метода (феноменологии), собственных понятий (бытие-в-мире, модусы существования, свобода, ответственность, становление, трансценденция, пространственность, темпоральность и т.д.).

Одним из центральных понятий экзистенциальной психологии Бинсвангера-Босса является мотивация, которая всегда предполагает понимание (верное или неверное) отношений между причиной и следствием. Одно и то же событие может происходить в силу различных причин, в том числе и естественных, но лишь человек будет мотивирован на совершение данного действия, чтобы достичь той или иной цели,

причем разные индивиды могут совершать одинаковые действия для достижения различных целей. При этом, достижение человеком той или иной цели может состоять из нескольких этапов, каждый из которых будет иметь свое следствие. В целом, понимание мотивации человека в данном случае будет основным принципом анализа поведения человека.

Концепция Бинсвангера-Босса отрицательно относится к теории дуализма субъекта (духа) и объекта (тела, среды, материи). Впервые такое предположение высказал Декарт, после чего оно нашло широкое применение в объяснении человеческих переживаний и поведения в терминах стимулов среды или телесных состояний. Экзистенциальная психология утверждает единство индивида-в-мире и считает, что любой взгляд, разрушающий это единство, является фальсификацией и попыткой разбить единый поток человеческого бытия на отдельные фрагменты, что недопустимо. По словам Босса, цель экзистенциальной психологии – проявить связную структуру человеческого существа. Он писал: «Связность возможна лишь в контексте целого, не подвергавшегося повреждению; связность как таковая происходит из цельности»¹.

Данное направление экзистенциальной психологии отрицает также, что за феноменами стоит нечто, что может их объяснить или определить их первопричину. Оно не признает традиционные объяснения человеческого поведения через такие термины, как «Я-концепция», бессознательное, психическая и физическая энергия, инстинкты, электрические процессы мозга, архетипы и т.д. Бинсвангер и Босс не объясняют сущности феноменов, они лишь констатируют факт их существования и полагают, что главной задачей психологии является как можно более

¹ Boss M. *Psychoanalysis and Daseinanalysis*. New York, 1963. P. 285.

тщательное описание феноменов, а не их объяснение или доказательство. Эти исследователи отрицательно относились к психологическим теориям, так как в основе любой теории лежит то или иное предположение, в то время как эти ученые настаивали на истинности лишь того, что человеком прожито и осознано. По мнению сторонников этого направления, изучать – это значит видеть без каких-либо гипотез и предвзятости. Бинсвангер писал по этому поводу: «... Хайдеггер вручает психиатру ключ, при помощи которого он может, не будучи связанным предубеждениями какой-либо научной теории, установить и описать исследуемые им феномены в полном их феноменальном содержании и соответствующем контексте»¹.

Бинсвангер и Босс выступали против взглядов на индивида как на вещь. По их мнению, такой взгляд на человека не только не позволяет психологу понять людей с позиции их существования-в-мире, но и воплощается в конечной дегуманизации личности. Они говорили об отчуждении, отстранении и разрушении людей техницизмом, бюрократизмом, механизацией. По словам этих ученых, когда с людьми обращаются как с вещами, то они и начинают считать себя вещами, которыми можно владеть, которых можно контролировать, придавать им форму, использовать; в результате такие люди оказываются неспособными жить настоящей человеческой жизнью. Человек свободен и ответственен за свое поведение. Босс говорил, что свобода не есть нечто, чем люди обладают; она есть нечто, что они есть.

Очень большое внимание в экзистенциальной философии Бинсвангера-Босса уделялось проблеме смерти человека. В трудах этих исследователей страх перед смертью рассматривался не менее подробно, чем проблема жизни.

Фундаментальным понятием концепции Бинсвангера-Босса является «бытие-в-мире» (Dasein). Это не принадлежность человека, не часть бытия, как можно определить понятие «Я» Фрейда или «аниму» Юнга; это все человеческое существование в целом. Его можно также определить как фон, на котором формируется «Я». Кроме того, Босс широко употреблял термин «Daseinanalysis», под которым имел в виду всестороннее рассмотрение специфической природы человеческого существования или бытия-в-мире. Последний термин можно определить как открытость миру, состояние бытия в мире, где

все существование индивида может быть явлено, стать настоящим и быть настоящим.

Это означает, что люди не могут существовать отдельно от мира, который также не имеет отдельного существования от человека. Босс говорил, что «человек раскрывает мир». Он писал, что люди – это «просвет, в котором все, что должно быть, действительно высвечивается, возникает, появляется как феномен, т.е. как то, что является». По мнению сторонников концепции Бинсвангера-Босса, феномены представляют собой суть реальности, за ними ничего не стоит, и они не относятся к внешним проявлениям конечной реальности. Человек не придает смысл объектам: они открывают свои смыслы человеку, когда он открыт для их принятия. Таким образом, основная характеристика существования человека – его открытость, готовность к восприятию всего, что есть в настоящем. Следует уточнить, что в данном случае вовсе не имеется в виду, что люди связаны с миром или взаимодействуют с ним, люди являются составной частью окружающего их бытия. Мир человеческого существования имеет три уровня: 1) биологическое или физическое окружение (ландшафт); 2) человеческую среду; 3) самого человека, включая его тело.

Что касается сущности человеческого существования, то Бинсвангер и Босс полагали, что люди суть в мире, у них есть мир, но они стремятся выйти за его пределы. В данном случае, говоря о бытии-за-пределами-мира, эти исследователи вовсе не имели в виду существование в ином мире, но говорили о разнообразных возможностях человека по трансцендированию из мира пребывания и выход в новый мир. Люди могут реализовать все возможности своего бытия и стремятся к этому, так как лишь реализовав весь свой потенциал, они могут жить аутентичной жизнью. Ограничивая возможности своего существования либо вовсе отказываясь от них, позволяя другим (или среде) управлять собой, люди ведут неаутентичный образ жизни. Экзистенциальные психологи подчеркивают, что человек вправе выбрать любую жизнь. По этому поводу Босс писал: «В реальности человек существует всегда – и единственно – как мириады возможностей отношения и раскрытия живых существ и предметов, с которыми встречается»². Он также говорил, что «человек должен ответственно принять все свои возможности раскрывающих мир отношений так, чтобы все, высвечивающееся этими отношениями, вошло в его

¹ Binswanger L. Being-in-the-world: selected papers of Ludwig Binswanger. New York. 1963. P. 206.

² Boss M. Psychoanalysis and Daseinanalysis. New York, 1963. P. 183.

бытие наилучшим образом; человек должен принять свои жизненные возможности, он должен сделать их своими, собрать в собственном аутентичном Я, не задерживая в зауженном менталитете анонимного, неаутентичного «каждого». Свобода человека – в готовности принять все это и в том, чтобы позволить этому быть...»¹

Человек, впрочем, имеет некоторые ограничения в отношении своего свободного становления. Одним из них выступает основание существования, в котором пребывает человек. То, как оказываются люди в мире, который есть их основание, составляет судьбу. Они вынуждены проживать эту судьбу, чтобы достичь аутентичной жизни. Впрочем, человек может отвергнуть предоставляемые ему возможности и попытаться изменить условия своей жизни, но это будет, по мнению Бинсвангера и Босса, неаутентичное существование, наказание за которое – чувство вины. Аутентичное существование определяется распознаванием основы своего существования. Неаутентичное же существование представляет собой самоизоляцию человека от этой основы. Бинсвангер писал: «Чем упорнее человек сопротивляется своей заброшенности в свое существование... тем большее влияние обретает заброшенность»². В результате человек теряет свою автономность и самостоятельность, так как, по словам исследователей, «человек не автономен в мире, он отгораживается от основы своего существования, что он не принимает существование на себя, а доверяется чужим силам, делая их, а не себя, ответственными за свою судьбу»³.

Понятие «заброшенность» используется Бинсвангером и Боссом также в смысле обманутости миром настолько, что люди становятся отчуждены от самих себя. Они полностью уступают чужой силе. Крайний случай в такой ситуации – это человек, чье состояние определяется теми или иными навязчивыми увлечениями: наркотиками, алкоголем, азартными играми, сексом и т.д. Однако, несмотря на все ограничения, накладываемые на человека его заброшенностью и основанием, у него существует много возможностей для выбора.

Бинсвангер ввел также специальный термин «миро-проект» для обозначения особой «программы», которая определяет, как будет человек действовать в определенной ситуации и какие у него характерные черты и симптомы. Каж-

дый человек обладает своим собственным миро-проектом, границы проекта могут быть узкими и сжатыми, а могут быть широкими и экспансивными. Бинсвангер отмечал, что когда миро-проект определяется незначительным числом категорий, угроза сильнее, чем тогда, когда он более разнообразен. В последнем случае, при наличии угрозы в одном пространстве, может возникнуть другое и предоставить безопасную опору. Во многих случаях человек имеет больше одного миро-проекта. Босс не говорил о существовании миро-проектов, но описывал существование человека в терминах открытости или закрытости, откровенного и сокровенного, светлого и темного, широкого и узкого. Психологическое или соматическое состояние может быть фактором, который будет влиять на «воплощение того или иного возможного отношения с миром, из которых состоит человеческое существование»⁴.

Бинсвангер ввел специальный термин «модус бытия в мире», обозначающий способ самопонимания, самоинтерпретации и самовыражения человека в бытии-в-мире. Наиболее аутентичным является дуальный модус, достигаемый двумя людьми в отношениях, построенных на любви, когда «Я» и «Ты» образуют «Мы». Еще один модус бытия-в-мире – это множественный модус, представляющий собой мир формальных отношений, соревнований и борьбы. Существует еще и сингулярный модус, присущий человеку, который живет только для себя, а тот, кто отказывается от своей индивидуальности и предпочитает спрятаться в толпе, выбирает модус анонимности.

Босс не упоминает термина «модус бытия-в-мире», но применяет другой термин – «экзистенциалы», под которыми понимает особые характеристики, присущие любому человеческому существованию. Он выделил следующие экзистенциалы:

Пространственность существования. Пространственность в экзистенциальной философии не имеет ничего общего с физическим пространством. В человеческом мире истинную природу пространственности определяют скрытность и ясность, поэтому для человека его друг, находящийся в соседнем городе, может быть ближе, чем сосед по лестничной площадке.

Темпоральность существования. Экзистенциальная темпоральность также существенно отличается от обыденного и физического поня-

¹ Boss M. Psychoanalysis and Daseinanalysis. New York, 1963. P. 48.

² Binswanger L. The case of Ellen West // May R., Angel E., Ellenberger H. F. Existence. New York. 1958. P. 340.

³ Binswanger L. Being-in-the-world: selected papers of Ludwig Binswanger. New York. 1963. P. 290.

⁴ Boss M. Psychoanalysis and Daseinanalysis. New York, 1963. P. 228.

тий времени. Согласно Боссу, время в мире существует для того, чтобы быть использованным человеком. Время – это нечто, которое необходимо для того, чтобы сделать что-то. Его может быть достаточно, а может быть и недостаточно. Такое время является важнейшим атрибутом человеческого существования. В сознании индивида время может быть расширено, а может быть сокращено. Кроме того, человеческое время поддается датированию, и в любом языке существуют специальные термины для обозначения дат и их положения во времени по отношению к данному моменту.

Телесность. Телесность определяется Боссом как телесная сфера исполнения человеческого существования. Телесность не ограничена собственно телом человека; она распространена, как и отношения к миру. Босс говорит о продолжении телесности способов бытия-в-мире. Границы телесности человека совпадают с границами его открытости миру.

Человеческое существование в разделенном мире. Многие психологи часто обвиняют экзистенциальную психологию в солипсизме, т.е. в том, что она видит каждого человека живущим в собственном частном мире и не знающим ничего о мире, в котором живет другой. Босс отвергает это обвинение. Он считает, что души всегда сосуществуют или пребывают с другими в том же мире. Их общая открытость миру позволяет феноменам отражаться с помощью одних и тех же осмысленных способов в сознании всех людей. Человек никогда не существует сам по себе, кроме патологических случаев, которые всегда представляют разделение миров людей друг с другом.

Настроение или настроенность. Босс считал этот экзистенциал очень важным, так как он объяснял, почему открытость миру индивида расширяется и сужается и почему время от времени она обнаруживает различные феномены. То, на что индивид реагирует, зависит от его настроения в данный момент. Если человек встревожен, его «бытие-в-мире» созвучно опасностям и угрозам, которые его окружают, реальным или мнимым. Если человек счастлив, его существование созвучно миру радостных взаимоотношений и смыслов. Если надежды индивида не сбываются, то его настроением становится разочарование, тогда ясность мира меркнет и открытость сужается. Способ пребывания человека в мире постоянно созвучен тому или иному настроению. Настроения сами по себе являются экзистенциалами, так как это потенциалы, присущие любому

му человеческому существованию.

Представления экзистенциальной психологии о динамике развития индивида довольно необычны, поскольку, как уже сообщалось выше, она отвергла концепции казуальности, дуализма души и тела, отдельности человека и среды. Теория Бинсвангера-Босса не рассматривает поведение как следствие внешней стимуляции или внутренних телесных переживаний. По мнению экзистенциалистов, индивид обладает свободой выбора и лично ответственен за собственное существование. Если он сам выберет, то может трансцендировать в отношении физического тела и окружения, но это будет именно его личный выбор.

Как известно, люди страдают от большого числа отрицательных эмоций и психических состояний, таких, как отчуждение, навязчивость, скука, фобии, заблуждения и т.д. Экзистенциальная психология объясняет это двумя причинами. Прежде всего, свобода выбора еще не гарантирует мудрость и правильность поведения человека. Индивид сам выбирает, будет ли он реализовывать свои возможности, либо откажется от них, как говорят экзистенциалисты, он может выбрать аутентичную или неаутентичную жизнь. Этот выбор свободен, результатом его становится тот или иной путь развития личности индивида. Для того, чтобы человек сделал правильный и разумный выбор, он должен осознать возможности своего существования. Для этого индивиду необходимо быть в мире. Это главное условие его развития. Босс писал по этому поводу: «Daseinanalysis никогда не теряет из вида первичное осознание Бытия и тот факт, что человеческое существование призвано служить светлым миром, в котором возможно действительное свечение, возникновение, появление феноменов, т.е. того, что проявляет себя»¹. При этом человек все же в достаточной степени ограничен в возможностях своего развития и не может стать всем, чем хочет. Одно из ограничений накладывает на человека его заброшенность в мир. Кроме того, большое влияние на развитие индивида оказывают его родители в детстве.

Однако, несмотря на свободу своего выбора, люди много страдают в своей жизни. Часть этих страданий (психические травмы, полученные в детстве или в результате резкого ухудшения условий обитания) индивид может преодолеть, трансцендируя их. Благодаря этому, из экзистенциально больного человека индивид может превратиться в экзистенциально здоровую личность. В целом, у человека всегда есть воз-

¹ Boss M. Psychoanalysis and Daseinanalysis. New York, 1963. P. 80

можность для изменения своего существования, раскрытия целого нового мира. Однако экзистенциалисты выделяют одну из отрицательных эмоций человека, которая не может быть трансцендирована, так как сама является экзистенциалом, т.е. одной из фундаментальных характеристик «бытия-в-мире». Эта отрицательная эмоция – вина. Лучше всего об этом написал Босс: «... Человек изначально виновен. Его изначально вина берет начало с рождения. Именно тогда он начинает быть в долгу перед своим Dasein, насколько это касается его способностей и всех возможностей жизни. В этом смысле человек остается виновным всю свою жизнь – то есть должным в отношении всех требований, уготованных будущей его жизнью, до последнего дыхания... каждое действие, каждый выбор означают отвержение других возможностей, также принадлежащих человеческому существованию в данный момент... Экзистенциальная вина состоит в невозможности выполнить наказ реализовать все свои возможности»¹.

По мнению исследователей, есть и еще одна сильная отрицательная эмоция в жизни человека – страх перед Нечто, которое идеолог экзистенциализма Хайдеггер определяет как присутствие не-Бытия в Бытии. Не-Бытие одновременно страшит и привлекает человека. Для индивида слиться с не-Бытием означает утратить бытие, стать ничем. Самое яркое воплощение не-Бытия в мире – смерть. Однако существуют и другие формы воплощения не-Бытия, например, отчуждение и изоляция от мира. Насколько возможности существования индивида далеки от своей реализации, настолько же в жизни этого человека не-Бытие превосходит Бытие.

Экзистенциалисты не отрицают сильное влияние, оказываемое на психическое состояние человека его телесным состоянием. Модус бытия-в-мире человека, испытывающего голод, существенно отличается от модуса бытия-в-мире человека во время сексуального возбуждения. В целом, телесные состояния человека могут как ограничивать, так и расширять возможности мира индивида. Но они рассматриваются экзистенциалистами лишь как проявление настроения человека, определяющее уровень и настроенность открытости миру индивида в данный момент. Настроение, по мнению экзистенциальных психологов, ответственно за раскрытие смыслов и мотивацию, испытываемую во время этого человеком.

Проблема этапов и принципов развития была довольно слабо затронута в экзистенциаль-

ной психологии. Ее сторонники не обозначили какого-то четкого выделения стадий роста и формирования индивида, а также событий, которыми они характеризуются. Они считают, что развитие человека является историческим событием и главное в нем – не последовательность стадий, а последовательность модусов существования, которые различны у индивида на разных возрастных этапах.

По мнению Босса, прошлое лишь в небольшой степени мотивирует деятельность индивида в настоящем. Даже если человек сегодня действует так же, как и вчера, то обычно это происходит потому, что ситуация, требующая определенных действий, повторяется регулярно. Однако в данном случае невозможно говорить о влиянии прошлого на действия в настоящем. Повторение действия связано с тем значением, которое это действие имеет сейчас.

Босс отмечал, что для индивида пребывание в мире всегда означает пребывание одновременно в прошлом, настоящем и будущем. Если человек вспоминает какое-то событие из прошлого, это означает, что его существование сейчас открыто прошлому, т.е. в этот момент не человек существует в прошлом, а прошлое существует в нем. Аналогичный процесс происходит и в том случае, когда человек старается предугадать свое будущее. Во время таких моментов темпоральность существования расширяется или сужается так, что включает больше или меньше прошлого и настоящего. В идеале «бытие-в-мире» человека должно быть открыто и прошлому, и будущему, и настоящему.

Одним из наиболее важных экзистенциальных понятий, связанных с развитием индивида, стало «становление». Существование индивида не статично; оно всегда является процессом становления индивида чем-то новым или, иными словами, самотрансцендирования. Высшая цель человека – исполнить все возможности бытия-в-мире. Однако это – идеальная цель, а потому и недостижимая, так как, воспользовавшись одной возможностью, человек неизбежно теряет другую. Тем не менее, индивид должен стремиться к реализации стольких возможностей бытия-в-мире, сколько это допустимо. Отказ от становления приводит к возникновению у человека разного рода фобий, навязчивых состояний, иллюзий и других отрицательных невротических и психотипических механизмов. При нормальном развитии взрослый всегда актуализирован больше, чем ребенок. Основными свойствами становления личности являются направ-

¹ Boss M. Psychoanalysis and Daseinanalysis. New York, 1963. P. 270.

ленность и непрерывность, однако с течением времени направленность может меняться, а непрерывность разрушаться.

Становление человека и становление мира неразрывно связаны. Человек раскрывает возможности своего существования через мир, а мир, в свою очередь, раскрывается человеком, который в нем. Насколько успешно развивается один, настолько же успешно развивается и другой.

Конечным моментом любого человеческого существования является смерть. Босс говорил по этому поводу, что знание о смерти не оставляет людям выбора, кроме жизни в некото-

ром постоянном отношении к смерти. Если следовать этой точке зрения, то человеческое существование должно быть названо «бытием-к-смерти». С точки зрения Босса, смерть является для человека экзистенциалом. Он считал, что это – «наиболее глубокая и специфически человеческая черта из всех»¹. Осознание неизбежной конечности бытия-в-мире накладывает на человека ответственность за максимальную реализацию каждого момента своего существования. В сущности, экзистенциальная психология была первым направлением психологии, обратившей внимание на проблему смерти и отношение к ней человека.

---

¹ Цит. по: Холл Кэльвин С., Линдсей Гарднер. Теории личности. М., 2000. С. 275.

Карнаухова Мария Александровна
аспирант кафедры философии Кубанского
государственного университета

Характер соотношенности смыслового содержания философского текста и реальности (действительности)

Философия рассматривает мир с точки зрения всеобщего. А это значит, что она определенным образом соотносится с миром как таковым. Результатом этого рассмотрения-соотношения в некоторых случаях является философский текст. Но возникает все-таки вопрос: а что же воплощается и что является содержанием текста в данном случае?

В контексте этой статьи необходимо прояснить значение такого понятия, как «реальность». Реальность можно определить как «физический» мир, данный нам в чувственном опыте. Соответственно, формой познания в данном случае будут выступать ощущения. Однако все знание, которое доставляет ощущение того или иного предмета, есть лишь знание о том, что предмет есть. Но то, что этот предмет есть, на этом уровне познать невозможно, потому что ответ на вопрос «что?» предполагает ответ на вопрос «каков смысл данного предмета?», а последнее есть только прерогатива мышления. Реальность поэтому есть элементарная констатация наличия некоторых объектов (предметов), окружающих человека. Причем реальность той или иной вещи будет «реальностью-для», т.е. будет являться следствием субъективного восприятия отдельного индивидуума. Но примечательно то, что многие люди, живя в своей «реальности-для», вполне довольны таким способом существования и не стремятся выяснить, каково же действительное положение дел.

Из всего вышесказанного следует два вывода. Первое – то, что, исходя из определения реальности, философский текст, будучи проявлением и выражением всеобщего, не имеет в ней оснований и тем более не делает ее предметом

своего рассмотрения. Более того, это является одной из его особенностей – отсутствие опоры на чувственную аналогию. Трудность, однако, относится в основном к «обыденному сознанию», поскольку, замкнувшись в своей «реальности-для», оно не в состоянии подняться на более высокий уровень постижения уже не реальности, а действительности. Ибо «реально» не значит «действительно».

Гегель в своей «Энциклопедии философских наук» писал, что содержанием философии служит действительность¹. При этом он различал действительность и явление, которое преходяще и незначительно (из него и формируется реальность). Таким образом, действительность – это то, что есть на самом деле. Проблема лишь в том, как, каким образом узнать, что же действительно на самом деле. Такая постановка вопроса отсылает уже к совсем иному способу постижения мира, нежели ощущения и представления. Саму же действительность как понятие можно попытаться определить как наличность физических, а также культурных объектов в аспекте взаимосвязности и разумности («что разумно, то действительно, и что действительно, то разумно»). Видение мира как реальности больше относится к уровню восприятия животных. А видение мира как действительности есть способность именно человеческая (разумная).

В случае с научными и художественными текстами мы имеем отражение и выражение этой действительности в знаковой, языковой форме. Сам же язык будет выполнять замещающую, или репрезентативную функцию по отношению к объектам действительности. По Ч. Пирсу, репрезентировать (замещать) означает «состоять в таком отношении к другому, что сознание, пресле-

¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3-х тт. М.: Мысль. Т. 1: Наука логики. 1974. С. 89.

дуя в этом некоторую цель, обращается с этим другим так, как если бы оно было тем, что замещается»¹. Но что же замещается в философском тексте? И каким образом он соотносится с действительностью?

Философский текст насквозь символичен и представляет собой некоторый «сгусток», «концентрат» смыслов. Символ, по идее, также отсылает к некоторому объекту. Только в случае с философским текстом наблюдается отсутствие «физического» (чувственно данного) референта. И если в обычном языке имеется соотношение трех элементов – вещь, слово, смысл, то в случае с философским текстом остается лишь два элемента – слово и смысл.

Получается, что язык философии не отсылает нас к какому-либо предмету, вне самого себя, он разорван с действительностью как таковой и замкнут исключительно на себе. Характер соотношенности смыслового содержания философского текста с реальностью – нулевой, так как в мире исключительно «физических» объектов он не имеет референтов. Однако тогда как же возможно понимание самого философского текста?

Являясь выражением духовного опыта автора, пусть даже при помощи достаточно специфической терминологии, философский текст подразумевает действительность. Разрыв с последней и правда имеется хотя бы по причине функциональных особенностей текста, которые связаны с духовной стороной жизни как человека, так и общества в целом. Но этот разрыв позитивен, так как открывает пространство смыслов. У философии совсем другие цели и задачи, нежели у остальных наук. И в большей степени ей нет необходимости в том, чтобы символы, заключенные в философском тексте, были «даны» нам физически, так как она стремится к целостности, а последняя не может быть реализована в рамках эмпирического опыта.

Позитив разрыва философского текста и действительности заключается еще и в том, что он позволяет подняться на иной уровень восприятия все той же действительности (смысловой). Вот тогда и только тогда человек сможет ответить на вопрос: «что есть данный предмет?». Правда, в качестве предмета будет выступать уже не физический объект как элемент мира в его единичности, а сама действительность в ее целостности и всеобщности. Поэтому вполне правомер-

но будет определить уровень подачи материала в философском тексте как «трансцендентальный». О том же пишет и Э. Кассирер: «... за чувственным миром лежит «идеальный» мир значения и чистой теории... Для вхождения в область чистого знания необходима фундаментальная трансформация содержимого восприятий, «трансцендируемого» в истинном смысле этого слова². То есть действительность как содержание в опыте философствования и в процессе создания философского текста преобразуется качественным образом, переводится на более высокий уровень. Поэтому, несмотря на некоторый разрыв, философский текст все же сохраняет связь с действительностью через свое отношение к ней и соответственно не является сугубо искусственным образованием. Через фиксацию разрыва начинается его преодоление (а также придание ему позитивного смысла). Поднявшись благодаря нему на качественно иной уровень, действительность воспринимается во всей ее целостности, глубине и полноте, так как происходит «насыщение» ее смыслами.

Философский текст – это взгляд на действительность в аспекте смысла. Философ воспринимает мир совсем по-другому, нежели остальные. Через умозрение, умопостижение (которые и являются основными методами философской работы) ему открываются невидимые другим стороны мира (бытия). Немного перефразируя Э. Кассирера, можно сказать, что философ «имеет дело не с сырым материалом ощущений... скорее он имеет дело с оформленным целостным содержанием, стоящим перед ним как объективно-значимое целое, наполненное предметным «смыслом»³.

Будучи «сгустком» смыслов, философский текст способен еще и оказывать воздействие на саму действительность, добавляя тем самым в мир нечто, чего еще в нем ранее не было, а именно, смысл. Все это представляет собой процесс «насыщения» мира смыслами. Осуществляется он в акте понимания философского текста читателем, который, расширяя посредством этого свой горизонт существования, тем самым и воспринимает действительность на качественно ином уровне (более «высоком»). Интересна следующая мысль П. Рикера: «то, что сообщается, это стоящий за смыслом произведения мир, который оно проецирует и который образует его горизонт»⁴.

¹ Пирс Ч. Начала прагматизма: в 2-х тт. СПб.: Алетейя. Т. 2: Логические основания теории знаков / Пер. с англ. В.В. Кирющенко, М.В. Колопотина: Лаборатория метафизических исследований факультета СПбГУ. 2000. С. 74.

² Кассирер Э. Философия символических форм: в 3-х тт. Т. 1: Феноменология познания: Пер. с фр. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. С. 261.

³ Там же. С. 104.

⁴ Рикер П. Время и рассказ: в 2-х тт. Т. 1: Интрига и исторический рассказ: Пер. с фр. М., СПб.: Университетская книга, 1998. С. 95.

Переноса эту мысль на философский текст, получаем при пересечении горизонтов текста и читателя некоторое смысловое поле, которое и будет их связывать, и в этой связности будет проявляться также соотношенность текста и мира. Само же это смысловое поле может существовать лишь в рамках некоторого единого поля философского дискурса, которое является в свою очередь порождением деятельности философской мысли как таковой. Это поле выступает в качестве особой «над-реальности», которая существует наряду с реальностью и действительностью. В данном случае этот термин означает пространство смысловых конструктов и образований. На уровне этой «над-реальности» действительность реализуется в ее целостности и взаимосвязности, а также в аспекте всеобщности. И здесь же просматривается явление интертекстуальности философских текстов.

Как уже говорилось выше, действитель-

ность – это не просто совокупность физических объектов, но их наличность наряду с культурными с точки зрения их разумности. Философский текст в рамках смыслового поля способен изменить горизонт, уровень восприятия мира и способ его выражения и существования в рамках человеческой мысли и картины мира в целом. А значит, он способен преобразовывать, изменять действительность определенным образом. Естественно, происходит это не на эмпирическом уровне (не в результате физического воздействия). Но поскольку действительность является таковой из-за разумного восприятия ее человеком, то, следовательно, меняя угол, направление этого восприятия, можно изменять и саму действительность (в отношении человека, конечно, ведь именно он является создателем и воспринимающим философские тексты). Таким образом, в философском тексте заключена сила преобразования и даже творения мира.

**КРАСНОДАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МВД РОССИИ
ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПО СЛЕДУЮЩИМ НАПРАВЛЕНИЯМ:**

ОЧНАЯ ФОРМА ОБУЧЕНИЯ

ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

030501.65	Юриспруденция
030505.65	Правоохранительная деятельность
030301.65	Психология

ФАКУЛЬТЕТ ЗАОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ

ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

030501.65	Юриспруденция
030505.65	Правоохранительная деятельность
080103.65	Национальная экономика
080109.65	Бухгалтерский учет, анализ и аудит

**ФАКУЛЬТЕТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ПЕРЕПОДГОТОВКИ**

ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

030501.65	Юриспруденция
030301.65	Психология

ВНЕБЮДЖЕТНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

030504.51	Право и организация социального обеспечения
030301.51	Психология
030501.65	Юриспруденция
040201.65	Социология
080100.65	Экономика
080103.65	Национальная экономика
080109.65	Бухгалтерский учет, анализ и аудит

Информацию
об условиях поступления можно получить по адресу:
г. Краснодар, ул. Ярославская, 128,
тел.: (861) 258-42-87

**КРАСНОДАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
МВД РОССИИ**

**осуществляет научную и научно-педагогическую деятельность
для различных категорий граждан
по таким направлениям, как:
обучение в очной и заочной адъюнктуре и аспирантуре;
прикрепление соискателей для сдачи кандидатских экзаменов
и подготовки диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук
по следующим научным специальностям:**

- 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством
- 09.00.11 Социальная философия
- 12.00.01 Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве
- 12.00.02 Конституционное право; муниципальное право
- 12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право
- 12.00.09 Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность
- 12.00.14 Административное право, финансовое право, информационное право
- 19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии
- 22.00.04 Социальные структуры, социальные институты и процессы
- 22.00.06 Социология культуры, духовной жизни
- 22.00.08 Социология управления
- 23.00.02 Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии

Срок обучения в адъюнктуре (аспирантуре):

очно – 3 года;

заочно – 4 года.

Соискательство: для сдачи кандидатских экзаменов – 2 года

для подготовки диссертационного исследования – 3 года

Обучение в очной аспирантуре дает право на отсрочку от армии, а успешная защита кандидатской диссертации - освобождает от воинской службы (ст. 23, 24 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»).

Справки и подробную информацию
об условиях обучения можно получить по адресу:

350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128,

тел.: (861) 258-42-65

факс: 258-41-10

Web-сайт: Krd-mvd.ru

e-mail: adjunktura@mail.ru

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ОБЩЕСТВО И ПРАВО»**

Редактор: Слюсарь В.В.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия ФС № 77 - 29917
от 25 октября 2007 г.

Изд. лиц. № 04378 от 29.03.2001
Подписано в печать 20.05.2008 г. Бумага типографская №1
Формат 60x84¹/₈. Усл. печ. л. 20,8
Гарнитура «Прагматика». Печать RISO
Тираж 1500 экз. Заказ № 655

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Краснодарского университета МВД России
350005, Краснодар, ул. Ярославская, 128,
тел. (861) 258-32-49